ТРАТЕГИЯ

В ТРУДАХ ВОЕННЫХ КЛАССИКОВ

БЮЛОВ
ЭРЦ-ГЕРЦОГ КАРЛ
МОЛЬТКЕ
БОГУСЛАВСКИЙ
ЖОМИНИ
ШЕРФ
ЛЕЕР
ДЕЛЬБРЮК

ТОМ ВТОРОЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. СВЕЧИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

LUX
LIBERTAS

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРАТЕГИЯ

В ТРУДАХ ВОЕННЫХ КЛАССИКОВ

БЮЛОВ, эрц-герцог КАРЛ,
ЖОМИНИ, МОЛЬТКЕ,
БОГУСЛАВСКИЙ, ШЕРФ,
ЛЕЕР, ДЕЛЬБРЮК.

Том II

Под редакцией
А. СВЕЧИНА

С 21 чертежом
и
1 схемой в тексте

Государственное Военное Издательство
Москва — 1926

★
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО № 1390.
Воен. Типография
Гл. Упр. Р.-К. К. А.
(Пл. Урицкого, 10).
Ленинградский
Гублит № 18357.
Тираж 5.000-18.
Заказ № 626.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Базирование и ударность.

(Вместо предисловия ко второму тому).

Любое стратегическое решение по своей сути необычайно просто. Оно представляет ответ на вопросы—кто, куда и когда. В действительности, стратегия знает только три измерения—массы, пространство и время. Если мы посмотрим на чертежи, запечатлевшие стратегические маневры какого-либо похода, нас поразит простота этих стратегических вензелей. Пятилетний ребенок мог бы изобразить нечто более замысловатое. И совершенно понятным является стремление первых теоретиков стратегии проникнуть в геометрическую „тайну" этих вензелей, ведущих к победе. В настоящем томе мы даем труды крупнейших стратегов-геометров: основоположников стратегической мысли Бюлова и Жомини и таких классиков, как эрц-герцог Карл и Г. А. Леер. Они дали целый ряд полугеометрических терминов и понятий: база, операционная линия, объективный угол и т. д. Сейчас геометрия в стратегии не в почете, и читатель может задаться вопросом, может ли его мышление извлечь какую-нибудь пользу от штудирования этих старомодных произведений.

Наш труд „Стратегия в трудах военных классиков" предназначается отнюдь не для легкого чтения. Это — материал для семинариев, для кружков по самообразованию, для тех лиц, которые хотят выработать в себе определенную самостоятельную точку зрения на вопросы стратегии... Только в том случае, когда читатель приложит к приводимому отрывку свой личный значительный труд и внимание, если он обсудит мысли классика в освещении событий мировой и гражданской войн и всего своего личного опыта, —только в этих условиях изучение классиков может представлять известное, и притом крупное, значение для развития нашей стратегической мысли.

Самый старомодный классик, представленный в настоящем труде, высказывающий свои мысли в самой близорукой геометрической форме, впадающий в явные даже в то время ошибки и недоразумения, Бюлов, представляется и нам самым ценным перлом классической литературы по стратегии, и если

мы сделаем мозговое усилие, то под мхом, которым обросли эти старые мысли, мы найдем иногда удивительно злободневное и в то же время глубокое содержание.

Никакая борьба немыслима без известных точек опоры, и ничего в наблюдаемой борьбе мы не поймем, если не отдадим себе отчета во взаимных соотношениях борющихся с их опорными точками. Стратегический успех—это лишение противной стороны ее точки опоры или ослабление ее связи с нею. Точкой опоры вредителей являются обычно межи, пустыри, невозделанные рукой человека пространства; и всякое непосредственное избиение саранчи, не захватывающее ее рассадников, является только тактическим успехом в борьбе с нею....

Все вензеля, которые выписывают борющиеся стороны, останутся непонятными нам, если мы будем рассматривать борьбу, лишь как изолированную надстройку, а не охватим своим вниманием целое—борьбу и те опорные точки, которые имеются в распоряжении каждой стороны. Уже Жан-Жак Руссо призывал нас искать в мирной жизни государства причины его поражений на войне. И этот призыв расслышал гениальный Бюлов. Он уже видел, что политика, объявляя войну, оставляет стратегии ряд опорных точек, совокупность коих представляет базу, на которой ведется война. Он правильно объяснял непобедимость армии французской революции и Наполеона превосходством политической опоры, даваемой завоеваниями революции над тем, что мог дать политически одряхлевший строй немецких государств, удерживавших еще старый порядок. У Бюлова родилось понятие о базе, которое тысячи раз повторялось затем в других военных трудах; но военная мысль как бы замерла, и следующее слово о войне, как надстройке, до сих пор еще не было произнесено.

Геометрическое мышление Бюлова, опираясь преимущественно на опыт кабинетных войн XVII и XVIII веков, представлявших спор правительств без участия в нем народных масс, постаралось затем сузить понятие о базе в геометрически-географические пределы: база обратилась в известнейшем его исследовании в линию, соединявшую пограничные крепости-магазины, откуда действующая армия получала все свое снабжение. Дальнейшие писатели нашли возможность это понятие о базе, вследствие появления железных дорог, перенести на всю страну, ведущую войну, изнутри которой теперь непосредственно снабжаются войска. А между тем, понятие базы следовало бы трактовать в духе Жан-Жака Руссо и некоторых беглых замечаний Бюлова не только с геогра-

фической, но и экономической, социальной и политической точек зрения. Кое-какие замечания об этом имеются у Клаузевица и, посвятившего всю свою жизнь на пересмотр его учения для нужд современности,—Блуме.

Пусть читатель подойдет к труду Бюлова с такой широкой точкой зрения и будет помнить, что армия, ведущая войну, базируется прежде всего на позиции господствующих классов воюющего государства, на их мощь и классовое самосознание; что, затем, она базируется на имеющиеся в их распоряжении материальные средства, т.-е. на весь экономический фундамент государства, на его территорию и население, поскольку последнее охвачено органами военного учета. Затем, армия базируется на всю подготовку государства для специально военных целей—на инженерную подготовку пограничных районов, организованный для военных целей транспорт, беспрерывный поток пополнений, военную промышленность и т. д. Если мы хотим понять явления военной борьбы и научиться успешно руководить ими, то нам надо обратить сугубое внимание на исследование условий базирования обеих сторон в каждом частном случае. Слабым местом русской армии в мировую войну была слабость русской буржуазии в ее тылу [1]). Эта слабая опорная точка не могла ни обеспечить тыл от революции, ни доставить достаточные материальные средства, ни дать армии многочисленный и классово выдержанный командный состав... Австрия, позади фронта своих армий, также разлезалась по всем национальным швам. В Германии наступательная линия военного командования совершенно оторвалась от тех, пригодных лишь для обороны, опорных точек, которые создала немецкая политика. Армии Фоша не вышли и не прервали путей сообщения германской армии с родиной, как этого хотела Антанта. Но эта связь, естественно, оборвалась и без вмешательства оперативного маневра: на четвертый год войны иссяк поток пополнений (в среднем 170 тыс. в месяц); а что поступало, то шло на минус, а не на плюс для ведения войны. Летом 1918 года наступил этот разрыв германской армии со своими опорными точками, и несказанно быстро непобедимыми армиями овладело военное бессилие.

Вопросы базирования всегда играют огромную роль. В известном разрезе борьба вообще представляется борьбой за базирование... Бюлов, в своем преклонении перед базой и выдвигаемыми ею массами, иногда склонен был игнорировать моральные силы и рассматривал военные действия, как простой подсчет соотношений сил обеих сторон. Он заходил так далеко, что иногда считал сам и сражения лишь следствием

---

[1]) Этот пример основывается на заметке Дельбрюка в статье 27 сентября 1914 года Hans Delbrück. Krieg und Politik 1914—1916. Berlin 1918, стр. 57.

безграмотности генералов, которые не в силах сделать в уме требуемые расчеты и которые нуждаются в очевидности, чтобы сделать необходимые выводы.

Конечно, эту точку зрения защищать нельзя. Нужна выдающаяся гениальность, чтобы сделать заранее тот подсчет сил, который выполняется историей с математической точностью на весах сражения; кроме того, такой совершенно точный гениальный подсчет никого не убедил бы,—никогда пророчество не мешало событиям на земле идти своим ходом. Но, несомненно, если мы возьмем в любой войне момент оперативного кризиса, мы убедимся тотчас же, какое решительное значение имеют условия базирования обеих сторон для разрешения его в ту или другую сторону.

И чем дальше отстоят от историка события какого-либо боевого кризиса, тем более склонным становится историк объяснять разрешение его не причинами, лежащими в самом событии, а условиями базирования. Исход осенней кампании 1813 года сначала объясняли ошибками маршалов Наполеона, затем противоречиями между огромными массами, собранными Наполеоном, и методом действия по внутренним линиям; потом историки начали видеть объяснение неудач в молодости войск, в массах новобранцев, для надлежащей организации которых Наполеон более не располагал кадрами, потерянными им в 1812 году в снегах России; а работы, вышедшие к столетнему юбилею, переносят центр тяжести объяснения на ухудшившиеся условия базирования Наполеона. Внутри Франции развивались процессы, ослаблявшие опорные точки наполеоновского могущества; французская земля начала давать рекрут „пальчиков", самострелов. Сообщения четырехсоттысячной армии Наполеона тянулись по одной грунтовой дороге на сотни верст от Дрездена на Эльбе к Страсбургу на Рейне. В этих условиях наполеоновская армия была обречена и на голод, и на быстрое таяние от недостатка пополнений, и на недостаток снарядов, сильно сказавшийся под Лейпцигом, и на разлагающее влияние пребывания на немецкой почве.

Предоставляем самим читателям произвести баланс условий базирования на Висле к 16 августа 1920 года 120 тысяч поляков и 40 тысяч красноармейцев. Надо подсчитать все— и Врангеля, проявлявшего на юге лихорадочную деятельность, и Антонова, и зеленых, все несовершенства тогдашнего советского аппарата управления, и оторванность армии от железных дорог, и отсутствие снарядов, обращавшее немногочисленную наличную артиллерию в балласт, и группировку Красной армии, с „тараном", устремленным в пустоту нижней Вислы, и с 20—40 бойцами Мозырской группы, развернутыми на километр фронта на важнейшем, прикрывавшем сообщения, люблинском направлении... и особенности нашего воен-

ного управления, и еще целую гамму других, очень разнообразных соображений. Если мы взвесим теперь условия базирования обеих масс и их численный состав, то не придем ли мы к убеждению, что бои, разыгравшиеся между 16 и 23 августа, являлись простой формальностью, некоторой условностью, необходимой, чтобы напомнить стратегам очень простые вещи. И высказываемый нами взгляд отнюдь не является профанацией боя. Сам апостол решительного сражения и сокрушения, доведенного до идеала „Канн", Шлиффен, не вспоминает ли он саркастически письма Наполеона прусскому королю от 12 октября, накануне иенской операции [1]), в котором Наполеон уверяет, что прусский король должен быть убежден не менее его самого в том, что в ближайшем же времени прусская армия будет на-голову разбита. И прусский король знал это так же твердо, как и Наполеон, но из приличия должен был взять на себя выполнение своей тяжелой роли в иенской операции... Шлиффен также сводит, в конечном счете, поднявшись на известную точку зрения, Иену к простой формальности...

Но это будет уже не стратегическая точка зрения, а политико-историческая. Во всяком случае, задача политики в своей сфере, а стратегии—в своей, сводится к тому, чтобы к моменту кризиса создать возможно лучшие условия—крепкие опорные точки, возможно лучшее базирование для нашей армии и возможное ущербление опорных точек неприятеля, возможную степень изолирования его от базы.

Все значение открытия Бюловым понятия базы читатель оценит, если вспомнит приведенный в первом томе отрывок Вилизена, который, несмотря на свой узкий взгляд на военное искусство, как на изолированную от политики область, все же пришел к определению стратегии, как искусства борьбы за сообщения, т.-е. за сохранение связи армии с ее опорными точками и за изолирование от базы армии противника.

Если мы будем видеть в войне надстройку над базой и обратим внимание на то, что все условия, характеризующие базу, с течением времени постепенно изменяются, то мы должны будем признать, что эта эволюция должна сказаться и на проявлениях военного искусства. Каждая эпоха в стратегии должна проявлять свое творчество. Стратегия Наполеона должна отличаться от стратегии Мольтке...

Несколько отрывков из трудов Мольтке, столь скупого на чисто-теоретическую разработку, дадут возможность чита-

---

[1]) т. I. настоящего труда, стр. 347. Наполеон „победил пруссаков прежде, чем раздался первый выстрел на передовых постах". „Сражение при Иене было формальностью, избегнуть которой не позволяла честь".

телю самому разобраться, внес ли Мольтке что-нибудь новое в наши представления о стратегии. Уже чего стоит это мольтковское словцо: „гнусная крайность сосредоточения". Мы не даем детальной критики его небольшой статьи „о стратегии", этого символа веры всех операторов последнего полустолетия, так как такая критика приводит к развитию целого труда о стратегии. На краткие тезисы Мольтке только лицо с равным стратегическим авторитетом имело бы право ответить такими же краткими тезисами. Здесь мы ограничиваемся лишь констатированием нашей совершенной неудовлетворенности этими стратегическими скрижалями и утверждением, что современная стратегия ушла от идей Мольтке еще дальше, чем последние—от эпохи Наполеона.

Из учения о базе можно сделать и вывод, что в том случае, если обе стороны, или по географическому своему положению (Англия и Россия, Россия и Япония), или по отсутствию надлежащей военной подготовки (Север и Юг в войне за нераздельность Соединенных Штатов), или вследствие отсутствия определенного перевеса сил (мировая война) лишены возможности нанести непосредственно друг другу смертельный удар, то война должна перейти в форму борьбы за опорные точки; удары на фронте, как могущественны бы ни были, сохраняют характер лишь эпизодов; решительное значение получает—выдержка: финансовая, экономическая, социальная, политическая. Хорошо базированное государство, как Англия, имеющее прочный экономический фундамент и сравнительно слабую армию, всегда должна тяготеть к такой борьбе на измор. Только момент наибольших успехов германских подводных лодок, угрожавших подорвать экономическую стойкость Англии, заставил ее политиков и стратегов задуматься о своевременности перехода к более решительным действиям на фронте. Такая война на измор, конечно, направляет стратегическое мышление на совершенно другие рельсы, чем борьба, ведущаяся при большом перевесе сил одной стороны и при имеющейся для нее возможности нанести смертельный, сокрушительный удар. Стратегия сокрушения вся проникается единой идеей, замысел ее прост, как удар оглоблей, она развивается полностью по кратчайшей логической линии, идущей к конечной цели, и достигает ее с наименьшей затратой своих сил и средств и с наименьшим повреждением опрокидываемого на лопатки противника; а стратегия измора представляет несравненно более сложное фехтование, гораздо менее дисциплинируемое в своих решениях требованиями быстроты, краткости и экономии своих сил и шкуры врага, допускающее гораздо большее число сносных решений, не имеющее такого регулятора, такой всеориентирующей магнитной стрелки, какую имеет стратегия сокрушения в лице решительного пункта на поле сражения.

Еще ни один военный стратег не дал нам теории стратегии измора. Клаузевиц только подходил к ней. Признание стратегии измора делает условными и все выводы теории военного искусства. Поэтому целые поколения офицеров германского генерального штаба стремились удушить в течение последних 47 лет всякие разговоры о ней. Между тем, мировая война выдвинула вопросы стратегии измора с небывалой раньше остротой. Знакомство с ними должно безусловно входить в объем современной стратегической грамотности. Полемический выпад Богуславского и статьи Дельбрюка о стратегии Фридриха и Наполеона позволяют уяснить себе несколько важнейших основных вопросов, относящихся к двойственному характеру стратегии.

Другое великое начало, имеющее решающее влияние на судьбы войны,—это начало ударности, сосредоточения превосходных усилий на решительном пункте. В среднем, в течение 1623 дней мировой войны, германцы теряли по 3 убитых в каждые 4 минуты. Однако, было бы полным отрицанием военного искусства сводить задачи стратегии к поддержанию в рядах неприятеля такой травматической эпидемии. Дверь, выдерживающая десятки тысяч толчков ребенка, будет проломлена с гораздо меньшей, в сложности, затратой усилий одним толчком атлета. Солидный крепостной форт в 1914 году можно было лишь не вполне разрушить с затратой 50—100 тысяч пудов снарядов 6-ти дюймового калибра, и лучшие результаты давала затрата 10 тысяч пудов снарядов 16-ти дюймового калибра...

Когда французская революция выдвинула на поля сражений огромные массы, то явилась возможность не разбрызгивать их усилия на многочисленных фронтах, а сосредоточивать их для нанесения сокрушительных ударов. Наполеон осуществил эту возможность, и стратегия сокрушения называется по имени ее творца—наполеоновской. Мольтке сложившейся исторической обстановкой был поставлен в такие же выгодные условия большого перевеса сил, как и Наполеон, и получил возможность осуществить войны с Австрией и Францией в стиле сокрушения. Отсюда „здравый смысл" всех профессоров военного искусства, всех генеральных штабов сделал заключение, что единственно правильной является стратегия сокрушения, и что только недостатками мышления и характера полководцев объясняются наблюдаемые иногда в истории отличные от наполеоновских стратегические приемы.

Сокрушение иногда приводит к решительным результатам даже и без предварительного изолирования неприятеля от его опорных точек. Даже фронтальный удар, легко превозмогаю-

щий сопротивление отдельных разрозненных частей противника, приводит иногда к решительным результатам, если неприятель при ударе получает такое сотрясение, что все его связи с опорными точками рушатся и армия начинает разваливаться. Удар вырастает до полного уничтожения неприятеля, принимает характер Канн. Если Жомини, размыслив, предлагал впоследствии лишь на половину подражать примеру великого корсиканца, так как едва ли всем по плечу наполеоновская стратегия, то Шлиффен, сам составивший план, исполненный наполеоновского дерзания, хотел вселить в мысли всего командного состава германской армии необходимость повсюду развивать тягу к крайней ударности, к нанесению таких ударов, которые бы сразу сметали миллионные армии с арены борьбы.

Характернейшим признаком стратегии сокрушения является признание ею—раньше решительного сражения, а ныне решительной операции—единственным средством стратегии для достижения цели войны. Все, что происходит на других театрах, должно терять свое значение по сравнению с результатами одного сокрушительного удара, развитие коего, путем беспрерывного преследования, должно привести нас к решительной цели. Иенская операция включает в себя весь разгром Пруссии в 1806 году; пленение различных обломков прусской армии, занятие столицы и всей прусской территории до Вислы являлись лишь эпизодами преследования после Иенского сражения. Так же смотрел в 1920 году, после успешного прорыва польского фронта в Смоленских воротах в июле месяце, Западный фронт на условия дальнейшей борьбы с Польшей. Преследование поляков Красной армией по своему замыслу и размаху, может быть вполне сопоставлено с преследованием, организованным Наполеоном после Иены. Но у нас не было того перевеса сил, которым располагал Наполеон, мы действовали в эпоху железных дорог, дающих отступающему возможность быстро усилиться и перегруппироваться, и переоценка нами сокрушительного характера одержанных успехов сказалась в горьком разочаровании на Висле.

С точки зрения сокрушения, титула „операции“, заменившего титул „генеральное сражение“ заслуживает только такая победа, развитие которой ведет к тому, что неприятельская организация начинает уже пороться по всем швам, и война обращается уже в скачку к конечной цели. Такой сокрушительный характер имел успех русских над турками при форсировании Балкан в зиму 1877—78 г.г. В мировую войну такой успех мог бы увенчать план Шлиффена если бы удалось захватить одним приемом Париж и обезоружить у швейцарской границы остатки французской армии. Людендорф, одерживавший так много побед в мировую войну, находит в ней только одну „операцию“: это прорыв осенью 1918 года армиями

Антанты болгарского фронта на Балканском полуострове, повлекший за собой выход из войны Болгарии, затем Турции и ускоривший разложение Австрии. Самому Людендорфу не удалась ни одна сокрушительная операция. Уничтожение центра самсоновской армии и поражение армии Ренненкампфа— очень приличные победы с точки зрения стратегии измора— являются отнюдь не решительной операцией в стиле сокрушения. Это только ослабление на 10% русского военного могущества. (Что решительный пункт в этот момент не лежал в Восточной Пруссии, это видно из того, что Танненберг не определил исхода галицийской операции: мы продолжали с удвоенной энергией бои на всем фронте соприкосновения с австрийцами и одержали крупный успех над ними в момент полной неудачи нашего вторжения в Восточную Пруссию). О сокрушительной операции можно было бы говорить лишь в том случае, если бы Людендорф после поражения Самсонова, имел силы и возможность непосредственно броситься через Нарев и выйти в тыл значительной части нашего фронта.

Точно также не превратился в операцию удар Людендорфа, приведший к окружению в Августовских лесах центра 10-й русской армии в феврале 1915 года. Чтобы дорасти до операции, германские армии должны были выйти одним ударом на фронт Белосток — Гродно; громадные массы русских армий в Польше оказались бы в ужаснейшем положении. Свенцянский прорыв в сентябре 1915 года, на который Людендорф возлагал столько надежд, явился уже совершенной пародией на операцию. Тарнопольский прорыв, которым летом 1917 года при помощи дивизий, подвезенных с французского застывшего фронта, Людендорф отвечал на „наступление Керенского", также не дорос до операции: несмотря на явную потерю боеспособности у русских войск, австрийцы и тут умудрились замяться и потерпеть ряд неудач, и надежда—от Тарнополя проскочить до берегов Черного моря, чтобы захватить в плен значительную часть Юго-западного и весь Румынский фронт—оказалась неосуществимой.

Осенним ударом 1917 года, у Капоретто, Людендорф смял огромную часть итальянской армии, добился совершенно баснословных цифр трофеев—в течение 17 дней у итальянцев было захвачено 294 тысячи пленных, 3.152 орудия, 1.732 миномета, 3.000 пулеметов; потери наступающих были сравнительно ничтожны, так как и итальяцы потеряли всего десять тысяч убитых и тридцать тысяч раненых. Сверх того, не менее 200 тысяч итальянских солдат, под впечатлением этой катастрофы, оставили ряды войск и разбрелись по всей стране. И, несмотря на эти колоссальные цифры, это все же не была генеральная победа, не была „операция" в смысле сокруше-

ния: с помощью десятка англо-французских дивизий остатки итальянских армий были подперты, получили возможность собраться и устроиться; на реке Пиаве германо-австрийцы вновь натолкнулись на организованный Фошем крепкий позиционный фронт, и наступила пауза. Выход на прямую к финишу оказался недостигнутым, и через год итальянцы могли гордиться тем, что, перейдя в наступление против переставшей воевать австрийской армии, они захватили в шесть дней 7000 орудий и 450.000 пленных!

Большие наступления Людендорфа весной 1918 года во Франции представляют огромные успехи, знаменуемые сотнями и тысячами квадратных километров захваченной территории, тысячами захваченных орудий, десятками и сотнями тысяч пленных—но все это образовывало лишь прорехи во французской обороне, поддававшиеся штопке, починке, не выливавшиеся в иенскую беспомощность побежденного. Победы Людендорфа не являлись генеральными, так как англичане получили возможность сказать, что их у немцев было много, а они одержали только одну, но зато последнюю. Трагедия Людендорфа заключалась в том, что он целиком ориентировался на стратегию сокрушения, пути которой, при сложившемся соотношении сил, были для него недоступны.

Начало сокрушения прельщает нас своей ясной логикой и воплощаемым ею принципом экономии сил. Спенсер как-то определял грациозность движения, как совершение его с наименьшей затратой сил. Прыжок серны грациозен потому, что она совершает его без малейшего лишнего напряжения; все ее мускулы дают строго целесообразную работу; малейшая частица энергии не пропадает бесплодно. Мы должны признать грациозным и жест торреадора, легким ударом шпаги в мозжечок убивающего массивного разъяренного быка. Мы должны признать грациозной и стратегию сокрушения, когда она удается. Короткая вспышка заканчивает борьбу прежде, чем неприятель успевает реализовать большую часть сил, средств и энергии, которые он может извлечь из своих опорных пунктов. Противник падает к ногам победителя не как раззоренный нищий, а со всеми своими богатствами. Если бы Антанта сумела в два месяца войны победить Германию, как бы жестоки ни были потери в течение энергично веденных операций, они были бы много меньше, чем за годы затяжной войны...

Сокрушение, ударность характеризуются тем, что они признают начало частной победы; они признают существование решительного пункта, успех на котором определит все прочие отношения. Однако, одними приемами ударности нельзя вести экономической борьбы. В мировую войну, несмотря на тяготение к сокрушению всех генеральных штабов, удары на фронте оказались лишь эпизодами. Решение всюду было

обусловлено крушением базы. Это обстоятельство, однако, не позволяет нам отнюдь игнорировать начала ударности. В известных условиях, в известном масштабе, оно играет огромную роль. Даже в мировой войне, если мы будем подходить не с точки зрения конечной цели, а с точки зрения промежуточной цели, частной цели одного из эпизодов борьбы, мы увидим огромное значение этого, если так можно наименовать его, „решительного пункта ограниченного района войны“. Сама стратегия измора вовсе не означает вялого ведения войны, пассивного ожидания развала неприятельского базиса. Она видит, прежде всего, невозможность достигнуть одним броском конечной цели и расчленяет путь к ней на несколько самостоятельных этапов. Достижение каждого этапа должно означать известный выигрыш наш в мощи над противником. Уничтожение неприятельских вооруженных сил, не являясь единственным средством, представляется и для стратегии измора весьма желательным, и такие предприятия, как Танненберг и Капоретто, прекрасно укладываются в ее рамки.

Даже в том случае, если стратегия измора выдвигает, как промежуточную цель, захват географического объекта—например, каменноугольного бассейна, промышленного района, производящей хлеб области, то и в этом случае в борьбе с противодействием неприятельских войск найдется известное приложение принципу ударности. Если на экономическом фронте войны приложение принципа ударности иногда представляло большое зло, например, при обращении железнодорожных мастерских на фабрикацию снарядов, при лишении сельского населения гвоздей и сельско-хозяйственных орудий из-за спортивного соревнования с неприятелем в количестве выпускаемого в сражении металла, то ударность и здесь, при правильном руководстве, при наличии широкого экономического плана, может оказать огромные услуги.

Мы поэтому полагаем, что ударность, лежащая в основе сокрушения, отнюдь не отжила свой век; начало ударности вместе с началом базирования представляет двух китов, на которых покоится существенная часть теории стратегии.

Конечно, идеи ударности можно проследить у многих писателей старых времен. Ведь Александр Македонский, Ганнибал, Юлий Цезарь издавна являлись весьма поучительными объектами для размышления. В новейшей истории актуальное значение в теории они получили лишь после того, как Наполеон дал им новые формы бытия. Эрц-герцог Карл был одним из первых, уловивших эту сторону наполеоновского искусства. Мы в этом отношении решительно расходимся с Дельбрюком, считающим эрц-герцога Карла „пустой головой и слабым характером“. Может быть наша точка зрения объясняется нашей осведомленностью об эрц-

герцоге Карле, базирующейся исключительно на австрийские исторические труды [1]).

Во всяком случае, он предупредил Жомини в изложении основного начала стратегии сокрушения—в указании решительного пункта, на котором в решительный момент надо быть сильнее неприятеля. Поэтому мы предлагаем рассматривать приводимые отрывки из трудов эрц-герцога Карла, имеющие и другие достоинства, как первый черновой вариант к произведению великого популяризатора начала сокрушения и наполеоновской стратегии—Жомини. Последний с необычайным тактом отбросил все сумбурное, всю излишнюю геометрию, всю утрировку военной географии, которые мы встречаем у Бюлова и эрц-герцога Карла, и создал в основных чертах то стратегическое учение, которого держалось огромное большинство вплоть до мировой войны. Перед Клаузевицем расписывались в уважении, его цитировали, а когда предстояло переходить к конкретному вопросу—простой и прозрачно-ясный Жомини одерживал в большинстве случаев верх в сознании оператора над глубоким, но туманным германским философом войны.

Линию Жомини в русской литературе продолжал Г. А. Леер; однако, последний, в противоположность Жомини, вовсе не воевал и не работал два десятка лет над капитальным военно-историческим трудом. Действительность с ее материализмом отошла у Леера совершенно на второй план. Это кабинетный ученый, идеалист чистейшей воды, пытавшийся создать положительную науку о войне; в семидесятых годах его имя пользовалось мировой известностью. Разумеется, Леер видел только ударность, и Бюлов рисуется ему, как антипод правильного стратегического мышления. Но как эрц-герцог Карл, так и Жомини и Леер заимствовали у Бюлова боязнь за свой тыл и воплотили ее в учение о безопасности операционной линии.

Если мы желаем окончательно отказаться от геометрического характера, которыми проникнуты теории этих доктринеров, нам предстоит развить вместо понятия операционной линии понятие линии поведения, термина, нашедшего уже давно распространение в политике и разумеющего не геометрическую, а лишь логическую связь между отдельными частными целями на пути к конечной программной цели...

---

[1]) Единственный момент, вызывающий у нас сомнения, это поведение эрц-герцога в ночь перед решительным днем ваграмского сражения, когда он, накануне раненый, пассивно относится к проведению его энергичным начальником штаба, генералом Вимпфеном, его, Вимпфена, концепции сражения, а также бессилие эрц-герцога Карла справиться с непослушанием своих братьев-командиров входящих в его армию корпусов.

Простота стратегического решения, о которой мы говорили в начале настоящей статьи, находится в резком несоответствии с глубиной его мотивов. Решение, кому, когда и куда идти является известной равнодействующей требований, возникающих в разрезе базирования и в разрезе ударности. Трудность увеличивается и оттого, что не существует постоянного отношения между значением требований этих двух категорий. Как мотив нашего действия, надо выдвигать в зависимости от условий то требование базирования, то ударности...

Эти важнейшие вопросы лежат в центре внимания настоящего тома. Он затрагивает еще одну существенную тему. У очень интересного и глубокого писателя Шерфа взят отрывок, в котором последний делает попытку указать путь практического подхода к решению оперативных задач. 30 лет назад, когда писал Шерф, в центре внимания было еще генеральное сражение, не разбившееся на ряд отдельных действий, группирующихся в операцию. Поэтому ответы Шерфа не следует понимать буквально; читатель должен постараться дать себе отчет в том, в чем могли бы измениться характер и последовательность того ряда вопросов, на который распадался еще так недавно путь оперативного мышления. И пусть читатель не сетует, что в том стратегическом задачнике, которым является настоящее собрание классиков, он не найдет в конце приложенных ответов на настоящий день. Если бы и возможен был такой набор стратегических ответов, то это была бы задача оригинального труда по стратегии, а не настоящего издания, в котором мы и так, кажется, несколько вышли за пределы деятельности критика, представляющего вниманию читателей труды известнейших мыслителей...

В двух изданных томах „Стратегии в трудах военных классиков“ мы охватили творчество 16 крупных стратегических писателей. Мы еще не имели возможности включить Клаузевица, Шлихтинга и нескольких других писателей, менее известных, но успешно углубившихся в некоторые отделы стратегии. С Клаузевицем и Шлихтингом читатели отчасти, хотя и весьма неполно, знакомы по имеющимся русским переводам некоторых их произведений. Впредь до выхода III и последнего тома „классиков“, на что едва ли можно рассчитывать в ближайшем будущем, мы особенно рекомендуем изданную под нашей редакцией брошюру со стратегическими письмами Клаузевица [1]), захватывающими важнейшие стороны его стратегического мировоззрения.

Все переводы для настоящего издания выполнены вновь и сверены редакцией с оригиналами.

Редакция.

---

[1]) Клаузевиц.—Основы стратегического решения. Москва 1924, стр. 31.

МОНИЗМ БЮЛОВА.

Генрих Дитрих Бюлов (1760—1806 г.г.)—один из интереснейших и значительнейших классиков военной литературы. Аристократ по рождению и воспитанию, прусский гвардейский офицер, поклонник Тацита и Жан-Жак Руссо, барон Бюлов бросил военную службу при первых известиях о начале французской революции, принял участие в неудачной попытке восстания в Нидерландах против Австрии, затем отправился в страну „свободы“— Соединенные Штаты, где натолкнулся на страшную жажду к деньгам и на отвратительные картины рабского труда. Бюлов сам пытался спекулировать, выступал в роли театрального антрепренера, разорился, познакомился с тюрьмой и начал вести образ жизни литературной богемы. Когда мы судим произведения Бюлова, не будем забывать, что его гений блещет из угара кабаков, что многое ему пришлось писать лишь на те темы, которые могли найти издателя, что гениальный основатель стратегии жил на авторский гонорар, который немецкие книгопродавцы исчисляли ему по 6 рублей за печатный лист... Естественно, труды Бюлова должны были явиться засоренными мусором; но среди него встречаются в изобилии и настоящие перлы, и на них мы обязаны сосредоточить все свое внимание.

Бюлову были хорошо знакомы Берлин, Нью-Иорк, Лондон, Париж, Гамбург. Его внимание преимущественно привлекали политические и политико-экономические вопросы; на эти темы он написал ряд брошюр (например, „о деньгах“, „о Наполеоне, императоре французов“, „о свободном государстве Северной Америки“ и т. д.). Труд Беренхорста „Замечания о военном искусстве“, представляющий гениальную критику состояния военного дела в конце XVIII века, заставил Бюлова вернуться к военному делу. В 1799 году появилось его знаменитое произведение „Дух новой военной системы“, сразу привлекшее к себе общее внимание. В 1805 году этот труд был выпущен новым изданием. От Клаузевица до Леера включительно, все военные писатели XIX столетия считали необходимым обругать автора этого труда. Однако, надо не забывать, что Бюлов сам сознавал, что кое-где у него звучат фальшивые ноты, и издание 1805 года представляет как бы диалог между прежним и новым Бюловым: обширные примечания автора внизу каждой страницы оспаривают многие мысли, развитые наверху, в тексте. С другой стороны, памфлетное творчество, политическая репутация сторонника революционных идей, резкие оценки Бюлова уже при жизни заставили даже храбрых людей скрывать знакомство с Бюловым и создавали ему бездну врагов. Еще сумели простить Бюлову его историю войны 1800 года, но когда в 1806 году появился его труд о кампании 1805 года, русский

посланник, тогда всемогущий в Берлине, потребовал уничтожения его произведения и ареста автора. После Иены не подумали о том, чтобы вывезти из Берлина важнейшие реликвии прусской армии, но озаботились, чтобы Бюлов не достался в тюрьме французам. Его эвакуировали в Россию, зимой, в летнем костюме. На пути в рижскую тюрьму он пропал—умер ли от болезни, был ли пристрелен конвоировавшими его казаками (последняя версия—фамильная традиция)—в точности не известно.

Свои исследования наполеоновских походов 1800 и 1805 годов Бюлов писал, конечно, не по архивным данным. Они появлялись через год после событий, и материалом для них являлась скудная военная хроника одной или двух немецких газет. И все же это было не толчение воды в ступе: в широком масштабе Бюлов схватывал решение полководцев и подходил к ним с меркой своей теории стратегии. Это была очень злая военно-историческая критика, но все же это была критика. Труды Бюлова по тридцатилетней и семилетней войне, конечно, много основательнее. Мы заключаем приводимые ниже выдержки из трудов Бюлова отрывком о причинах тридцатилетней войны; если современный историк видит их в экономических домогательствах сторон, а не в столкновении католичества с протестантством, то это, конечно, только нормально; но развитие этих идей в самом начале XIX века свидетельствует о недюжинности критической мысли Бюлова.

В излишней скромности представителя богемы, Бюлова, конечно, упрекнуть нельзя. В начале своей истории 1805 года он заявляет, что он сам, своими трудами, возвел себя в ранг первых полководцев. Когда на дворе берлинской тюрьмы Бюлов услышал об иенской катастрофе, он воскликнул: „так всегда бывает, когда полководцев арестуют, а дураков ставят во главе армии“. До сражения перед Иеной Бюлов в тюрьме устраивал конференции на тему: „как и почему прусская армия, выдвинувшаяся между р.р. Заала и Эльба, будет непременно разбита“.

Однако, ненавидеть Бюлова и уродовать его сочинения при помощи цензуры заставляло не это самохвальство. Бюлов был слишком политически зрел для тогдашнего государственного устройства Германии. Он повторял за Руссо, что причины поражения в поле надо искать у себя дома. Он хвалил Наполеона, видел его силу в его союзе с завоеваниями революции и пророчествовал, что до тех пор, пока Наполеон окончательно не порвет с республиканцами, он будет непобедим [1]). Он написал такую историю Гогенцоллернов, которую фамилия графов и баронов Бюловых до сих пор хранит под спудом. Он обвинял Фридриха Великого в том, что последний не герой, стянул себе Силезию, но отступил перед задачей объединения германских земель. Александр Македонский поступил бы иначе. Бюлов понимал, что лишь вся соединившаяся Германия могла бы сломить гегемонию Наполеона, и видел к этому главное препятствие в массе мелких тиранов, дробящих немецкую землю своими эгоистическими, противоречивыми интересами. Мечта о единой Германии, создать которую смог впоследствии Бисмарк, прорывается у Бюлова повсюду; сотни немецких столиц он хотел бы заменить одной. Он негодовал на немцев за отсутствие у них республи-

---

[1]) Впрочем, полиция Наполеона также преследовала и выслала из Франции Бюлова за его республиканскую агитацию.

канского духа и добродетелей и презирал пруссаков за то, что они наполовину русские, т.-е. наполовину созданный для самодержавия материал. О русских Бюлов пишет всегда с большой горечью. Он признает за русским солдатом достоинства автомата, катапульты для стрельбы, созданной из костей и мяса; русский храбр или трус, честен или обманщик, умен или глуп, смотря по тому, как ему прикажут. На русскую помощь Бюлов не надеялся: если в 30-летнюю войну шведы и австрийцы драли Германию с севера и юга, то в его эпоху он видел повторение этой истории с той разницей, что французы будут опустошать области западнее Эльбы, а русские—восточнее. Он боролся против стремления Пруссии поделить с Австрией Германию на северную и южную. В 1813 году Бюлов был бы герой национального движения, в 1805 году он выглядывал революционером и пораженцем.

Бюлов, действительно, не сумел освободиться от антимилитаристических и пасифистических идей, так глубоко проникавших всю философию XVIII века. Он писал: „я называю войну наукой не об убийстве, как это делали, а о разбое, так как ее объект заключается в завоевании, в грабеже земель, а убийство является только средством, ведущим к этой цели. В убийстве еще умудряются находить нечто благородное; этого не будет, когда будет ясна цель—грабеж. Война—это тоже воровство, которое в малом масштабе наказуется, а в большом—награждается лавровыми венками, фимиамом поэтов, статуями и храмами“. Правда, иногда Бюлов относился к войне мягче: „военное искусство дорого мне, как эгида безопасности и свободы [1]), и моим долгом является заниматься им, поскольку я убежден, что у меня есть идеи, как сделать бесплодным наступление посредством повышения искусства обороны“. Как мы видели раньше, упрекая Фридриха Великого за то, что он не закончил собирания немецких земель и не воевал дальше, Бюлов сам уже готов был признать положительную роль насилия. Но, в общем, венцом его трактата по военному искусству является призрак всеобщего мира, который установится тогда, когда все государства достигнут своих естественных границ, когда все политическое устройство Европы придет в соответствие с его учением о базисе.

Приводимые отрывки из истории кампании 1805 года свидетельствуют, что Бюлов первый понял тесное соотношение, существующее между политикой и стратегией: „политическая стратегия относится так же к военной стратегии, как последняя—к тактике“; в сущности, это полное выражение наиболее знаменитого положения Клаузевица, что война есть продолжение политики.

---

[1]) Еще Ксенофонт определял военное искусство, как искусство обеспечивать свою свободу. Только оборона являлась оправданием войны в философии XVIII века. Удивительна судьба идей: философия насилия, права, основывающегося железом и кровью, так характерная для XIX и XX веков, сохранила, в лице французской доктрины, эту мысль—военное искусство есть искусство обеспечения свободы, но подменив понятие свободы политической понятием свободы оперативной. Мальяр положил эту мысль в основу оперативного искусства, базой которого стали во Франции учение об авангарде, о сторожевом охранении—вообще служба безопасности. Андогский перенес эту мальяровскую идеологию на свое учение о встречном бое, как о борьбе за сохранение оперативной свободы, понимаемой, как инициатива.

Клаузевиц создавал все свое учение в борьбе с мыслями Бюлова; ему принадлежит несколько и чисто полемических статей, направленных против Бюлова. Знакомство с Бюловым поэтому обязательно для правильного понимания учения Клаузевица. Беспристрастный читатель, изучив Бюлова, найдет, что Клаузевиц, бросив в Бюлова град камней, в конце концов все же взял у последнего целый ряд ценных идей. Бюлов был тем тезисом, в борьбе с коим мысль Клаузевица выдвинула сначала антитезис, а затем возвысилась до синтеза.

Бюлов был недостаточно реалистом; правда, он подметил, что отсутствие роскоши у офицеров революционных армий дает им огромный плюс по сравнению с офицерами старого режима; но он переоценивал значение магазинной системы, не заметил, что войска французской революции научились жить за счет местных средств, не заметил, что с Наполеоном народилась новая стратегия сокрушения, в которой бой уже не является только одним из средств и которая выдвигает единственной целью—уничтожение неприятельской армии. Все это Бюлов просмотрел, несмотря на то, что он один из первых подметил и точно описал новый характер революционной тактики; виною этого просмотра была та теория, через призму которой Бюлов рассматривал все явления. Ошибки Бюлова не повторил Жомини, который пришел почти по всем пунктам к противоположным Бюлову выводам: Жомини настаивает на концентрации войск, на действиях по внутренним линиям, а Бюлов—на развертывании армии, на стратегическом охвате неприятеля, на действиях по внешним линиям. Наполеон одерживал успехи по Жомини, но когда массы его увеличились, когда снабжение начало играть большую роль—в 1813 году он проиграл осеннюю кампанию, опираясь на методы Жомини, а союзники разбили его под Лейпцигом, действуя по Бюлову. Для современных армий, еще более зависимых от своих сообщений, еще более беспомощных при столкновении на одном месте, старые доктрины Бюлова во многом получают новую жизнь и мощь.

Бюлову мы обязаны самим термином „стратегия“ [1]), а также и разделением стратегии от тактики; кто прочтет его определения, тот поймет, что и первому автору, проведшему грань между этими столь родственными дисциплинами, вероятно очень досаждали недоуменные вопросы о том, чем же собственно стратегия отличается от тактики. Бюлову мы обязаны всем учением и самим термином об операционном базисе, а также понятием о стратегическом развертывании. Если рассуждения об объективном угле представляются некоторым увлечением [2]), то сама мысль об огромном значении базиса заслуживает полного внимания, и лучше всего ознакомиться с ней мы можем у ее истока—у Бюлова.

---

[1]) Первый раз слово стратегия, употребленное в приблизительно современном смысле, встречается в труде савойского писателя: Marquis da Silva. Pensées sur la tactique et sur la stratégie, изданном в 1762 г. Однако, да Сильва исходил преимущественно из древнегреческих военных писателей, а не из анализа современной действительности.

[2]) Сколько негодования критика XIX века проявила по поводу этой попытки Бюлова геометрически определить предел успешного наступления. Но в основе сама идея о пределе очень ценна, и Клаузевиц ту же мысль Бюлова, освободив от ее геометрической формы, облек в учение о кульминационном пункте наступления.

Уже у Ллойда мы отмечали свойственное XVIII веку преклонение перед математикой; математика нужна Ллойду даже для верховой езды и для объяснения успеха удара гусар на маленьких, быстрых лошадях на тяжелых кирасир. У Бюлова и эрц-герцога Карла это увлечение принимает почти катастрофические формы. Стратегия излагается в виде геометрических теорем и поясняется чисто геометрическими чертежами. Такое увлечение кажется нам особенно странным у такого искушенного в истории, политике и политической экономии писателя, как Бюлов. Нам представляется, что эта геометрическая форма у Бюлова является результатом его положения штатского наблюдателя, изолированного от непосредственного соприкосновения с армией и войной. Мы естественно начинаем мыслить геометрически, отвлеченно, когда теряем соприкосновение с живой действительностью. А Бюлов был от нее оттерт, и только гениальности его мысли мы обязаны многими меткими тактическими замечаниями. Нам лично приходилось наблюдать геометрические увлечения в военном искусстве. Если у Бюлова здесь сказывался, прежде всего, дух мышления XVIII века, то теперь это может служить мерилом кабинетности автора. Истративший столько сил, чтобы громить давно умершего Бюлова, Г. А. Леер, как исключительно кабинетный ученый, был болен той же склонностью к геометрии и, по рассказу его учеников, спорный вопрос на тактической задаче решал всегда тем, что перевертывал план чистой стороной наверх и вопрос переносил в рамки геометрии...

Геометрия в стратегии, конечно, не может возбуждать в нас особого энтузиазма, особенно если мы отворачиваемся от конкретного случая, со всеми его частностями, чтобы углубиться в умозрение. Однако, мы не можем не признать, что никогда серьезно не воевавший, бедняк писатель Бюлов сумел в своем чертеже прочитать многое, что пропустили люди, колесившие по полям сражений всей Европы. Правда, истина и ложные представления у Бюлова сплетаются очень тесно. Мы убеждены, что если бы Бюлов не работал так много по военной истории, то геометрическое исследование привело бы его к еще большему преобладанию недоразумений. Мы опустили третью часть „духа новой военной системы", в которой Бюлов иллюстрирует свои положения уже не геометрически, а на примерах из истории семилетней и революционных войн. Наш вывод—геометрический метод может быть допущен лишь в очень ограниченных размерах и обязательно необходимо противоядие в образе военной истории.

Сочинения Бюлова уничтожались и полицией и его знатными родственниками, которых они компрометировали. В Россию путь для них был вовсе закрыт. Теперь они представляют высочайшую библиографическую редкость. Сколько-нибудь полного собрания их нет, кажется, ни в одном книгохранилище Европы. Мы пользовались в подлиннике лишь его „духом новой военной системы" (на немецком языке, изд. 1799 г.) и сравнительно второстепенным трудом—„историей войны 1800 г.", в остальном же руководствовались собранием избранных сочинений Бюлова в одном томе [1]), изданных его племянником, под редакцией Рюстова, в 1853 году. Революционера военной мысли, Бюлова, приходится изучать сквозь призму извращений по-

---

[1]) Heinrich Dietrich von Bülow. Militärische und vermischte Schriften, Leipzig. 1853 г. стр. 503. В России и это издание представляет величайшую редкость.

литической и фамильной цензуры, а также через купюры, исправления и толкования Рюстова.

Что Бюлов был материалистом, это видно по многим приводимым ниже мыслям. У него было уже известное, очень скромное, представление об эволюции, как о противоречии между военным искусством греков и римлян и военным искусством нового времени, противоречии, базирующемся на различной технике холодного и огнестрельного оружия; двигателем эволюции является рост огнестрельного оружия в армиях и потребляемого им количества боевых припасов.

Если мы позволяем себе прилагать к Бюлову эпитет „гениальный“, несмотря на многочисленные недоразумения в его поспешных трудах, и ставим его выше многих других классиков, то такая наша оценка основывается на том, что Бюлов подошел к стратегии с совершенно новым мировоззрением, заимствованным у Жан Жака Руссо. В мире и войне Бюлов увидел единое целое и в этом целом стал рассматривать войну, как надстройку над тем фундаментом, базой, которую представляет мир. Понятие базис, которое ввел Бюлов, все последующие военные писатели начали толковать в узком, геометрическом смысле. Но целый ряд выражений в сочинениях Бюлова позволяет нам думать, что за таким толкованием базиса, предназначенным к широкому обращению, Бюлов скрывал и более глубокое его понимание; в процессе войны государству, как базе военной деятельности, Бюлов отводил, повидимому, такое же всеобъемлющее значение, какое придает монистическое толкование исторического процесса экономическому фундаменту. Сквозь сумбурную форму изложения учения Бюлова у него просвечивает местами чисто монистический подход к явлениям войны. Война для Бюлова, прежде всего, производная, настройка, явление не самодовлеющее. И нам кажется, что местами Бюлов ставит вопрос даже шире, чем Клаузевиц, несомненно заимствовавший у него свою диалектику.

Бюлов рисуется нам заслуживающим солидного научного исследования. Мы не располагали всеми важнейшими подлинными его трудами и эту задачу несчитаем здесь исчерпанной.

Редакция.

ГЕНРИХ ДИТРИХ БЮЛОВ.

Принципы стратегии.

Первое определение. Всякое движение армии, непосредственной целью которого является противник, называется военной операцией.

Второе определение. Так как субъект и объект операции разделяются пространством, по которому должны продвигаться армии, то отсюда рождается понятие об операционной линии.

Третье определение. Стратегическими являются все военные передвижения вне пределов пушечного выстрела и кругозора противника. Тактическими—все эти передвижения в пределах указанных границ. Следовательно, стратегия является наукой о военных передвижениях вне кругозора или досягаемости пушечного выстрела, а тактика—наукой о военных передвижениях в пределах этих границ.

Первый принцип. Новые армии могут существовать, только снабжаясь из своих магазинов, и их передвижения определяются их магазинами.

Второй принцип. Главный магазин, из которого действующая армия удовлетворяет свои насущные потребности, является фундаментом или субъектом операции.

Третий принцип. Операции по единственной операционной линии, базирующиеся на единственном операционном субъекте при нашем вторжении в неприятельскую страну, оказываются недостаточно обеспеченными и не могут привести к успеху, если только противник не пренебрежет всеми возможностями контр-маневра.

Четвертый принцип. В виду этого, в оборонительной войне не следует располагаться непосредственно перед фрон-

том неприятеля и пассивно отражать его наступательные предприятия, а выбирать фланговую позицию и затем самим переходить к наступательным действиям; против флангов и тыла противника должны направляться предприятия, целью которых является подвоз к неприятельской армии, фронт же его должен быть оставлен в неприкосновенности; непосредственно перед неприятелем нужно держать лишь заслон, который препятствовал бы ему сосредоточить свое внимание на своих флангах и тыле и задерживал бы его на одном месте, в то время как часть наших войск будет оперировать против неприятельского снабжения, по возможности на его территории; само собой понятно, что все означенные операции будут иметь место в неприятельском тылу.

Пятый принцип. Нормально операции, заключенные в треугольнике, угол при вершине которого 60° и менее, не должны иметь успеха и не могут привести к цели, если противник использует свои преимущества, так как они не достаточно базированы.

Шестой принцип. Расходящиеся операционные линии, направленные от центра к окружности или от малой к большой окружности, также создают невыгодное операционное положение, если только противник применит правила новейшей военной системы.

Седьмой принцип. Параллельные операционные линии, направляющиеся от нескольких операционных субъектов против равного числа объектов, в столь же слабой степени отвечают правильной теории войны.

Восьмой принцип. Операционные линии, заключенные в тупоугольный треугольник с углом при вершине в 90 и более градусов, базированы столь удачно, сколь этого только можно желать.

Девятый принцип. Таким образом, из нашего исследования вытекает, что базис, чтобы быть выгодным, должен охватывать вогнутой дугой неприятельский базис; если же наш и неприятельский базисы параллельны, то наш базис должен быть длиннее; напротив, непараллельный базис, или выпуклый базис, или базис, который короче такового противника, являются невыгодными и дают преимущество противнику.

Десятый принцип. Отступление от базиса, происходящее по одной операционной линии, не отвечает ни теории, ни духу новейшей военной системы.

Одиннадцатый принцип. Единственно правильными отступлениями являются отступления по параллельным и эксцентричным операционным линиям.

Дух новейшей военной системы.

Глава первая.

Что такое в сущности базис операционных линий. Разница между базисом операционных линий и самими операционными линиями. Древние в таковых не нуждались.

1) Совершенно неоспоримо, что современные армии имеют огромную потребность в снабжении. Скольких лошадей требует одна перевозка боевых припасов, т.-е. пороха и железных и свинцовых ядер и пуль? Каждый батальон имеет собственную патронную двуколку; самое легкое полевое орудие везется четырьмя лошадьми, тяжелые пушки двенадцатифунтовые и т. п. требуют по двенадцать и даже по двадцать четыре лошади. На каждую пушку, в свою очередь, везется один или несколько зарядных ящиков. Затем следуют еще предметы роскоши современных армий, к которым я отношу и хлеб. Если бы армии питались сухарями, то, прежде всего, каждый солдат мог бы иметь при себе провиант на значительно более долгое время; далее, отпадала бы необходимость в хлебопекарне, которая всегда следует за армией, а также вопрос о перевозке муки от магазина к хлебопекарне.

Затем остановим свое внимание на огромном обозе современной армии и на количестве лошадей, необходимых для его перевозки. Ведь каждый офицер, находящийся даже в самых младших чинах, везет с собой отдельную большую палатку, постель и т. д. Каждый пехотный офицер имеет столько же лошадей, обыкновенно от трех до пяти, как и кавалерийский. Все это обращает армию в современном стиле в до смешного беспомощную массу, которой, тем не менее, хотят разрешать крупные задачи.

2) Таким образом, необходимо располагать лошадьми и в очень большом количестве; эти лошади нуждаются для своего прокорма в сене, соломе и овсе; последние представляют громоздкие предметы, занимающие обширные пространства и портящиеся от сырости. Следовательно, их надо громоздить в большие постройки, способные предохранить их от мокроты. Мука, равным образом, должна быть защищена от сырой погоды, боевые припасы также; от дождя надо укрыть все снабжение армии. Я думаю, излишне напоминать, что вьючные и упряжные лошади нуждаются в людях при обозе для ухода и управления ими; таким образом, число рационов растет вместе с числом дач, и наличность обоза удваивает потребности армии в фураже и продовольствии.

3) Подобное сосредоточение предметов снабжения армии называется магазином. В узком смысле, магазином называется склад сена, соломы и овса; в более широком сюда же причисляются и мучные запасы, тем более, что фуражный магазин редко бывает без дополнительного запаса муки, так как потребность в снабжении фуражом и мукой неизбежна. Хлеб в магазинах никогда не хранится, так как он очень скоро портится; между магазином и армией располагается хлебопекарня, хотя бы армия стояла непосредственно около магазина. Наконец, полный магазин содержит также запасы боевых припасов, обмундирования, оружия, орудий и т. д., хотя эти предметы изготовляются и их главные склады помещаются гораздо дальше внутри страны, чем магазин действующей армии, который обычно бывает расположен около самой границы; тем не менее, в ближайшем главном магазине армии должен быть сосредоточен промежуточный запас этих предметов для немедленного пополнения постоянной убыли таковых в армии. В виду этого, я думаю, что не ошибусь, если скажу, что магазин в полном смысле является складом или сосредоточением предметов снабжения армии, как бы разнообразны они ни были.

4) Конечно, если бы князь Шварцбург-Зондерсгаузен вовлек в войну князя Шварцбург-Рудольфштадт, то армии обоих этих государей могли бы обойтись и без магазинов. Однако, в наше время войны ведут исключительно большие державы, а малые—только втягиваются в общий водоворот. К тому же, вооруженные силы больших держав настолько возросли, что исчисляются в две-три сотни тысяч человек и более, которые, правда, не объединяются в одну армию, но, тем не менее, участвуют в одной войне и часто действуют на одной границе.

Эти армии к тому же оборудованы так, как это было уже мной сказано, и совершенно ясно, что фуражировки на неприятельской территории не могут обеспечить снабжения армии хотя бы на короткий срок, необходимо прибегать к большим магазинам, располагающим снабжением всякого рода. Впрочем, как я в дальнейшем укажу, рост армий является неизбежным следствием новейшей системы войны и исключительного господства огнестрельного оружия.

5) Конечно, возможно было бы сократить потребности армий путем ограничения роскоши, например, заменить хлеб сухарями, заставить поручиков и прапорщиков выступать в поход без пуховых перин, какую кислую физиономию они по этому поводу ни делали бы,—далее разрешить всем офицерам одной роты иметь лишь одного общего денщика и в крайности по одной лошади на каждого, благословить их на ряду с солдатами отмеривать пешком переходы, что для них не может быть унизительным, так как римские полководцы всегда шагали перед своими легионами,—наконец, зна-

чительно ограничить обозы генералов и штаб-офицеров и предложить им удовлетворять свои потребности путем реквизиций в неприятельских странах, что так образцово умеют проводить в жизнь французы. Все это, думаю я, было бы выполнимо; армии стали бы гораздо подвижнее, их содержание обходилось бы гораздо дешевле. Но все-таки нельзя было бы обходиться без больших магазинов, вечно продолжала бы существовать зависимость от них и притом в достаточной степени, чтобы сохранить в силе все то, что я утверждаю в этом трактате о новейшей военной системе.

6) Чтобы иметь возможность произвести здесь радикальное или хотя бы существенное изменение, прежде всего пришлось бы значительно сократить размеры армий, сильно уменьшить конницу, почти полностью отказаться от артиллерии и в пехоте ружье вновь заменить пикой, одним словом, вместо огнестрельной системы восстановить систему холодного оружия—рубки и колки. Понятно, что это привело бы к воскрешению к жизни системы древних; если при этом должны были бы отпасть развитые мной здесь основы, то это отнюдь не является опровергающим меня доказательством, так как я говорю о войне в том виде, в котором она существует в наше время.

7) Следовательно, мы останавливаемся на том, что надо иметь магазины и что этой необходимости невозможно избежать.

Так как эти магазины, как уже было сказано, требуют больших зданий, то они обыкновенно размещаются в довольно больших городах, где таковые постройки уже имеются, или возводятся с этой целью еще в мирное время. Так как важнейшее значение затем имеет сохранение в наших руках таких магазинов, так как без них армия была бы вынуждена разделиться на несколько частей, то пункты их расположения необходимо укреплять—по меньшей мере так, чтобы обеспечить их от того, что по-французски называется coup de main[1]), т.-е. на тот случай, если неприятель, выделив особый отряд, попытается произвести внезапное нападение с целью сжечь или уничтожить запасы.

8) Однако, и последнее мероприятие является недостаточным, и по меньшей мере главные магазины должны помещаться в пунктах, достаточно укрепленных, чтобы быть в состоянии противостоять настоящей осаде; эти пункты, следовательно, заслуживают наименования крепостей[2]) в под-

---

[1]) Нечаянное нападение (*прим. переводчика*).

[2]) В XVIII веке, таким образом, крепости строились преимущественно для защиты запасов, приготовленных для армии; те же запасы удовлетворяли нужды обороны крепостей в случае их осады. В XX веке железные дороги уже уничтожили потребность армии в нагромождении запасов в пограничной полосе; огромные запасы (у нас на 4—12 месяцев обложения) нагроможда-

линном смысле слова. Мы сейчас же можем открыть причины этого. Правда, иногда магазины закладываются в маленьких неукрепленных городах и даже в деревнях. Но это ошибка, так как они легко могут быть уничтожены высланными неприятелем партиями, и этой чувствительной утраты не пришлось бы нести, если бы было приложено достаточно заботливости и эти маленькие пункты были бы в достаточной мере обеспечены укреплениями, чтобы выдержать первый наскок противника и защищаться до тех пор, пока не подоспеет помощь. Но главные магазины всегда располагаются в крепостях. Необходимость защиты магазинов является одной из важнейших причин, объясняющих, почему в новейшее время надо иметь крепости; с другими причинами мы ознакомимся далее.

Если бы вблизи границы не находилось ни одной крепости для обеспечения наших магазинов, то это доказывало бы, что мы не подготовлены к войне, и это было бы ошибкой. Из ошибок, однако, правила не вытекают.

Крепость, в которой помещается один из главных магазинов, определяет движения армии, так как последняя питается из нее, а также удовлетворяет свои прочие потребности, и так как армия должна прикрывать данную крепость от противника.

9) Всякое движение армии, целью которого является противник, называется военная операция.

Я говорю цель[1]), а не предмет[2]), что составляет разницу. Цель представляет нечто более отдаленное, в большинстве случаев невидимое, и менее материальное, если можно так выразиться, чем предмет. В военных операциях не всегда приходится непосредственно метить в противника, как, например, при диверсиях на флангах и в тылу неприятеля; при этом противник часто не является „предметом", так как на него не всегда приходится наталкиваться; но противник всегда остается целью.

лись в крепостях уже специально для их гарнизона, возросшего до 50—100 тысяч человек. Попытка оправдать существование сомкнутых крепостей необходимостью защищать железнодорожные узлы и важные переправы не оправдывается современной техникой—условиями обороны крепости и постройки обходных путей. Таким образом, отпадает необходимость в больших сомкнутых крепостях; за долговременными укреплениями остается лишь значение подготовленных позиций, важных лишь в связи с развертыванием наших армий и намеченными операциями. *(Прим. редакц.)*.

[1]) Бюлов употребляет слово „Zweck", которое имеет характерное отличие от слова „Ziel", хотя эти оба понятия по-русски объемлются словом цель; в данном случае под целью нужно понимать не конечную точку движения, а его смысл, назначение. *(Прим. редакц.)*.

[2]) Слово „предмет" здесь надо понимать, как сюжет, объект. *(Прим. редакц.)*.

Вообще, целью военных операций является нанесение ущерба противнику; тот или иной особенный вред, который при известной операции намечается причинить противнику, и является целью данной операции.

Целью всех военных операций, вместе взятых, является мир, выгодный для нас, невыгодный для неприятеля, которого стремятся достигнуть путем нанесения ущерба противнику. С точки зрения этой общей цели, цели отдельных операций, из которых слагается главная операция или война, надо рассматривать, как ведущие к ней средства; марши же, из которых состоит операция, в свою очередь являются средством для осуществления операции, а, следовательно, и для достижения ее цели. Иногда операция может быть закончена одним маршем, и при таких условиях цель операции и цель марша сливаются.

10) Последний, заканчивающий операцию марш всегда имеет общую с ней цель; а последняя военная операция— общую цель с войной.

Большая или меньшая важность цели является отличительным признаком операции от марша,—а не количество времени и пространства, так как иногда операция может быть закончена одним маршем; правда, в таких случаях их цели и совпадают. Однако, короткий марш может привести к бо̀льшим результатам, чем длинный; следовательно, время и пространство не играют решающей роли.

Целью различных маршей, из которых слагается операция, является осуществление этой операции; цель же операции представляет нечто более отдаленное и более высокое, так как она получает свой смысл в стремлении к решению всей войны. Цели маршей относятся к более низкой, подчиненной категории.

Операция или марш не всегда имеют своим „предметом“ противника, так как в охватываемых ими пределах не всегда имеют место сражение или осада, хотя, как уже было сказано, их целью является противник или виды на такового. Однако, операция и марш имеют всегда своим „предметом“ географический пункт, находящийся там, где они заканчиваются. Должен иметься известный пункт, достижением которого осуществляется цель операции. Он и является предметом или объектом операции, у которого она останавливается и является завершенной.

11) Так как при всякой операции, как уже было доказано, армия удовлетворяет свои насущные потребности подвозом из главного магазина, помещающегося в крепости, то такой магазин должен рассматриваться, как фундамент, субъект или базис операции, и к тому же с двух точек зрения: во-первых, потому, что без удовлетворения насущных потребностей жить невозможно, а, следовательно, невоз-

можно также и действовать, удовлетворять же свои насущные потребности армия в состоянии только из магазина; во-вторых, потому, что это необходимое снабжение должно быть защищаемо от противника, а, следовательно, все движения большой армии определяются главным магазином и соответственно ориентируются. Само собой понятно и вытекает из предыдущего, что когда я говорю магазин, то под этим также подразумевается и содержащая его крепость.

12) Хотя я сказал, что магазины представляют базис операции, однако, я это сделал лишь, чтобы упомянуть понятие о базисе. Вообще же единичный магазин не представляет достаточного базиса; настоящее рассуждение как раз и посвящено доказательству этого положения. А так как различные предметы должны носить и различные наименования, то впредь я буду называть базисом или основанием операции лишь линию, которой можно мысленно соединить несколько расположенных друг подле друга магазинов; это наименование тем удобнее, что операция должна представлять известную фигуру, как, например, треугольник и т. д., в которой данная линия является базисом или основанием. Единичный магазин, в отличие от настоящего базиса, я буду называть субъектом или фундаментом операции.

Объект или конечный пункт операции в свою очередь может быть превращен в субъект новой, исходящей оттуда операции, но в общем, как это будет доказано,—это может случиться лишь после того, как будет заложен и установлен базис или основная линия из нескольких операционных субъектов; иначе мы подвергнемся опасности при дальнейшем глубоком вторжении.

13) Можно считать, что понятия субъекта и базиса, а также объекта военной операции точно оговорены нашим исследованием. Но так как между операционным субъектом и операционным объектом находится пространство, по которому должна передвигаться армия, чтобы достигнуть объекта, то отсюда само собой рождается понятие операционной линии.

Так как из одной точки попасть в другую невозможно иначе, как следуя по какой-то линии, то оперировать от субъекта к объекту можно не иначе, как по линии, и тому же по несомкнутой. Для того, чтобы намеренно описывать между обоими пунктами замкнутую фигуру, нет достаточных оснований;—вернее, это было бы вовсе нецелесообразно [1], так как несомкнутая линия во всяком случае явится более коротким путем, в особенности при условии, что она приближается к прямой. Следовательно, армия двигается от субъ-

[1] Увы, на практике мы видим удивительные стратегические „вензеля“. *(Прим. редакц.)*.

екта к объекту операции по несомкнутой кривой, так как она стремится возможно скорее достигнуть последнего и в возможно кратчайший срок преодолеть возможно большее пространство.

Итак, можно считать за правило, что операционная линия по возможности должна приближаться к прямой, хотя, точно выражаясь, прямая линия является лишь абстрактным понятием;—в природе таковые не существуют, т.-е. собственно пути не могут представлять прямой линии.

14) Однако, понятие операционной линии должно быть определено еще точнее. Операционная линия,—это путь, по которому армия получает из магазина свое снабжение, подвозимое на вьючных животных или повозках. Но так как этот путь должен быть защищен от покушений противника так же, как и сам магазин, то он определяет направление движения войсковых колонн и расположение армии. Следовательно, так как пути маршей колонн армии относятся, по своей важности, ко второй категории, а путь подвоза—к первой, то операционной линией должен именоваться последний. Определяющее является главным характеризующим признаком, по которому и должно даваться наименование, а отнюдь не по определяемому [1]).

Как далеко можно отойти от своего магазина по операционной линии, указывают начала, данные генералом фон-Темпельгофом на основе вычисления потребного армии снабжения и времени, в течение которого она на известном удалении должна его получать. Так как это не относится к моей теме, то я не буду приводить выдержек из его примечаний к „Истории Семилетней войны“ Ллойда, где их можно прочесть. Кроме того, вычисления приводят к весьма различным рассуждениям в зависимости от той армии, которую при этом имеют в виду.

15) Если от одного и того же субъекта к одному и тому же объекту проходит два или более операционных путей, что, однако, встречается очень редко, то, в виду идентичности их начала, конца и цели, с абстрактной точки зрения их можно подвести под понятие одной операционной линии. В большинстве случаев их направления весьма близки друг к другу и образуют довольно удлиненные эллипсы, так как

---

[1]) Таким образом, Бюлов, а вслед за ним Вилизен и вся школа, усматривающая сущность стратегии в борьбе за сообщения, центр тяжести переносят на тылы и под операционной линией подразумевают то, что противоположная школа называет собственно коммуникационной линией. Г. А. Леер упорно отказывался выбросить из своего определения операционной линии коммуникационную ее часть (последнее разграничение сделано, напр., Н. П. Михневичем), но центр тяжести его операционной линии лежал уже не позади, а впереди армии. *(Прим редакц.)*.

было бы очень невыгодно, если бы отдельные пути сильно уклонялись в сторону.

Различными операционными линиями являются лишь те, которые исходят от различных субъектов, хотя бы в результате они и направлялись к одному объекту.

Если армия располагается непосредственно у главного магазина, как Фридрих II в Бунцельвицком лагере у Швейдница, то операционной линии вообще нет [1]).

16) Если армия принуждена противником отступить от крепости, в которой помещается главный магазин, то в большинстве случаев операционная линия, исходящая из данной крепости, прекращает свое существование. Если противник продвигается дальше и оставляет крепость у себя в тылу или ее осаждает, то это понятно само собой. Но если это и не имеет места, то все же остается сомнение и неуверенность в том, что это не произойдет; следовательно, подвоз подвергается опасности быть перехваченным; каждому будет представляться более предпочтительным организовать подвоз с тыла, а не с неприятельской стороны. Впрочем, в крепости, угрожаемой противником, нельзя истощать запасы продовольствия, а, следовательно, из ее магазина ничего не должно вывозиться. Если к этому все-таки пришлось бы обратиться, то объектом операционной линии в этом случае являлась бы расположенная позади крепости армия.

Если армия уклоняется в сторону от крепости, содержащей главный магазин, и приближается к другой, расположенной на продолжении операционного базиса, то операционная линия и базис совпадают, и армия будет черпать свое довольствие из наиболее близко расположенной крепости, так как от более отдаленной противник может ее легче отрезать. Это единственный случай, когда базис операционной линии и операционная линия представляют тождество. Впрочем, замечу вскользь, подобные параллельные марши легче всего берут начало на флангах.

17) Собственно операционными линиями являются берущие начало в субъекте или в нескольких находящихся на базисе субъектах и направляющиеся прямо в неприятельскую страну; следовательно, они являются наступательными. Я говорю—направляющиеся в неприятельскую страну, а не направляющиеся на противника, так как неприятельская армия может расположиться так, что граница окажется

---

[1]) Это утверждение свидетельствует о недостаточно широком значении, придаваемом геометрическим толкованием Бюлова понятию операционной линии, что было отмечено еще Жомини. Понятие операционной линии плодотворно, лишь будучи поставлено в связь с замыслом операции. Армия, находящаяся у магазина, по отношению к двум концентрически подходящим к ней неприятельским армиям, окажется располагающей внутренними операционными линиями. *(Прим. редакц.).*

у нее на фланге, а не в тылу. Однако главный предмет войны—всегда неприятельская страна, а в неприятельской стране—тот главный пункт, из которого неприятельская армия, хотя бы и не сразу и непосредственно, удовлетворяет свои потребности в снабжении и где сосредоточены наибольшие запасы элементов военной мощи; там они могут быть уничтожены в корне, до тла.

В виду этого понятие вперед с оперативной точки зрения не всегда отвечает тому направлению, куда обернуты лица солдат, т.-е. фронту боевого порядка, или лагеря, или головы походных колонн, а совпадает с направлением, по которому душа армии направляет свои духовные взоры. Душа армии—это ее главнокомандующий, или, чтобы точнее выразиться, ее командная власть.

18) Каждая военная операция опирается на три главные пункта: субъект или основание операции, операционную линию и объект. Что каждая операция должна опираться на несколько субъектов, расположенных один возле другого приблизительно по одной линии и, таким образом, образующих собственно операционный базис, это будет доказано в дальнейшем изложении данного трактата.

При таких условиях, как мы уже видели, базис и операционные линии представляют совершенно различные вещи, хотя весьма уважаемые писатели, повидимому, недостаточно четко разбирались в этих понятиях, чтобы отчетливым образом их различать.

Эти исследования и определения были абсолютно необходимы, чтобы сделать понятным дальнейшее. Что военная система у древних, в особенности у римлян, которые, повидимому, применяли лучший метод, так как покорили весь мир, имела совершенно иное начало, об этом я упомяну лишь вкратце [1]).

19) Подполковник Мовильон, конечно, прав, когда он утверждает, что четырехугольная форма лагеря, по образцу древних, в наше время, в виду артиллерийского огня со стороны противника, совершенно неприменима. Однако, он подлежит порицанию, когда стремится вывести отсюда огромное превосходство новейших форм войны над классическими и утверждает, будто военное искусство настолько подвинулось вперед, что классики рядом с нами представляются не вышедшими еще из детского возраста. Я же, наоборот, хочу доказать, правда не сейчас, так как нельзя говорить обо

[1]) Бюлов обращает внимание на меньшую зависимость римских армий от снабжения по сравнению с современными, вследствие гораздо меньшего числа лошадей в них, отсутствия артиллерии и необходимости везти с собой грузные огнестрельные припасы. Римляне бивакировали в четырехугольных укрепленных лагерях, где среди войск размещался и их магазин, и таким образом были гораздо более независимы от путей подвоза. *(Прим. редакц.)*.

всем сразу, а несколько дальше, что новейшая военная система не может сравниться с классической, если мы будем иметь в виду огромные результаты, которые достигались в древности со скромными средствами; при современных же условиях, за исключением французов с началом революционных войн, при невероятном расходе сил достигались лишь весьма отрицательные результаты. К тому же мы даже еще не научились действовать соответственно духу новейшей военной системы. Командующие армиями постоянно грешат против него, доказательство чего я поставил своей последующей целью. Следовательно, здесь у нас нечем похвалиться перед древними.

20) Я держусь того мнения, что в наше время положение лагеря должно сообразоваться не с тем, чтобы выжидать в нем противника; при надлежаще принятых мерах и вне лагеря нельзя подвергнуться внезапному нападению, а духу новейшей военной системы отвечает не позиция, а движение.

Глава вторая.

Начало исследования о наступательной операционной линии. Об единой операционной линии, обосновывающейся на одном субъскте и направляющейся в неприятельскую страну.

1) Операционные линии армии можно сравнить с мускулами человеческого тела, от которых зависит движение членов. Если движение того или иного члена опирается исключительно на один мускул и если таковой перерезать, то член окажется искалеченным; тем важнее предохранить такой мускул от какого бы то ни было повреждения. Таким же образом единственная операционная линия армии, переходящей к наступательной работе, является крайне чувствительной частью, и следует не упускать из вида необходимость предохранить эту линию от всякого вредного соприкосновения с ней противника. Принципы должны не разваливать, а созидать, и быть не отрицательными, а позитивными утверждениями. Я привел достаточно обоснований и данных, чтобы быть вправе завершить их следующим положительным стратегическим принципом:

„В оборонительной войне не следует располагаться непосредственно перед противником и пассивно претерпевать его наступательные предприятия, а следует избирать позиции в стороне; затем необходимо самим переходить к наступательной войне, начав предприятия против фланга и тыла противника, ориентируя их на следующий к нему подвоз и оставляя неприкосновенным его фронт. Непосредственно

перед неприятелем нужно держать лишь заслон, который бы препятствовал ему сосредоточить свое внимание на флангах и тыле и задерживал бы его на одном месте, в то время как большая часть войск будет оперировать против неприятельского снабжения и по возможности на его территории; само собой понятно, что означенные операции будут происходить в неприятельском тылу".

2) Тем не менее, на войне бывают случаи, когда результат, казалось бы, противоречит данному положению. Однако, таковые случаи преимущественно берут свое начало в стремлении не применять правил войны и еще чаще—в незнании правил войны и в неспособности надлежащим образом их применить.

Бывают случаи, когда обстоятельства, в широком смысле этого слова, свойства местности и народа, с которым ведется война, не только заставляют умерять это правило, но даже рекомендуют применение совершенно обратного метода. Однако, это не лишает силы правил войны, а также отнюдь не доказывает, что военное искусство никогда не может превратиться в науку; правда, в нем всегда столько будет предоставлено вашему суждению, что, будучи наукой, оно всегда также останется и искусством.

Искусство именно и является применением науки, которое всегда остается функцией разума.

Если какое-нибудь основное правило войны подлежит видоизменению, то это вовсе не доказывает, будто вообще не существует правил, а лишь означает, что над ним стоит более высокое правило и что оно, поэтому, должно применяться с рассуждением. Обратившись к разуму, легко установить те случаи, когда война требует уклонения от только что указанного правила войны, которое включено в вышеприведенный принцип наступления. Известный характер неприятельского полководца, его малограмотность в военном деле, его робость, характер его войск, их малодушие, недостаточная дисциплина, малая подвижность, которыми они страдают, все это дает полное право генералу оперировавать на флангах и в тылу, хватать за горло противника, который и ничего не понимает и ни на что не осмелится, не беспокоясь при этом о собственных флангах и тыле.

3) Я уже несколько раз упоминал, что при дессанте в Англии безусловно пришлось бы отказаться от основного положения о базе; дело заключалось бы лишь в том, чтобы достигнуть известного пункта, имеющего всерешающее значение, а именно Лондона. Причина заключается в том, что меркантильная, антивоинственная английская нация привыкла усматривать в столице, где, главным образом, сосредоточи-

ваются ее богатства, центр своего политического существования. Всю эту операцию можно было бы назвать огромным мышиным дозором,—выражение, которым гусары обозначают дерзко выдвинутый вперед разъезд, подвергающийся опасности быть отрезанным[1]).

Одним словом, весьма легко привести примеры, когда можно было наступать, не имея базиса, но также легко будет разыскать те причины, почему в том или ином случае не последовало должного возмездия за подобные наступления.

Глава третья.

Об операционных линиях, заключенных в остроугольный треугольник или небольшой сектор в 60° и менее.

1) Невыгоды такого оперативного положения почти столь же велики, как и только что рассмотренные. Если оба крайних пути, по которым может направляться к нам подвоз, сходятся у объекта операции, образуя угол не более 60 градусов и даже менее, то такую операцию ни в коем случае нельзя считать достаточно прочно базированной.

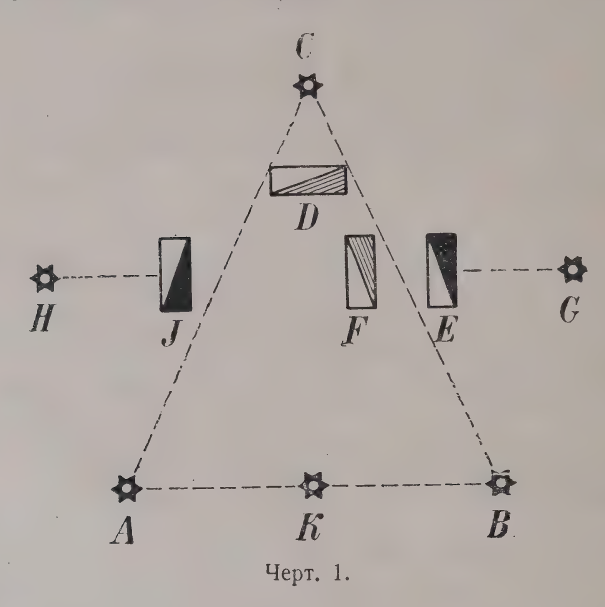
Армия *D* не может продвинуться в направлении к объекту *C* (черт. 1), если противник *E* надвигается на операционную линию *BC*, образующую здесь сторону треугольника *ABC*. Как и в предыдущем случае, *D* оказывается немедленно вынужденным отдать часть сил *F* для прикрытия операционной линии *BC*, так как она не в состоянии отрезать *E* от его магазинов, которые последний может и должен иметь в районе *G*. Следовательно, армия *D* таким движением неприятеля в ее тыл будет также обречена на переход к оборонительной войне, как и располагая одной операционной линией. Однако, здесь имеется та выгода, что *E* не может также перерезать *AC*, так как если бы *E* захотело продвинуться до *AC*, то оно подвергалось бы опасности оказаться отрезанным *D* от своих магазинов в районе *G*. Предположим случай, когда прохождение от одной стороны треугольника *ABC* до другой возможно, тогда *AC* оказалось бы перерезанным, но *BC*, наоборот, по вышеприведенному основанию будет свободным. Но так как противник *E* находится на собственной территории, то у него также будут иметься магазины в районе *H*, и он с противоположной стороны перережет линию *AC* с помощью корпуса *J*. Следовательно, *D* должно оставить некоторые силы и против корпуса *J*.

---

[1]) У Ллойда (Стратегия в трудах военных классиков, т. I, стр. 44) также приведен пример наступления на Лондон; исходя из необходимости неприятелю базироваться, Ллойд пришел к успокоительному для англичан заявлению. Бюлов, допуская возможность развития дессантной операции в стиле кавалерийского налета, далеко уходит от всякого педантизма.

(Прим. редакц.).

2) Чем короче базис, тем ближе мы подходим к случаю, когда приходится наступать по одной операционной линии. Таким образом, угол у объекта *C*, который я впредь буду

Черт. 1.

называть объективным углом, скорее характеризует добротность операции, чем длина линий подвоза; как бы коротки последние ни были, это помочь не может, если объективный угол мал.

Глава четвертая.

О расходящихся операционных линиях.

1) Распыление сил против нескольких объектов одновременно приводит к тому, что ни против одного не удается развить надлежащего натиска. Это ослабляет самих себя и предоставляет неприятелю случай разбить нас по частям. Удачных результатов можно ожидать лишь там, где удастся сосредоточить больше действующих сил, чем может противопоставить неприятель. Решение дают массы, сосредоточение создает силу, разделение—слабость.

Такой образ действия напоминает человека, который одновременно путается с сотней разнообразных дел. Он ни одного из них не доведет до конца.

2) Стратегический принцип гласит следующее:

„Когда база протягивается настолько, что обе крайние операционные линии у объекта операции образуют угол больший, чем 60°, то

является возможность наступать, но не ранее.

Генерал Ллойд объясняет трудность оперирования в Америке необходимостью наступать по расходящимся линиям. Но, конечно, ясно, что от одного пункта на побережье в глубь страны можно наступать лишь по расходящимся линиям, если хотят хотя бы до известной степени обеспечить свои фланги и тыл.

При этом тыл и фланги противника всегда оказываются обеспеченными, тыл же и фланги высадившегося обеспечены тем менее, чем больше он продвинется вперед. Если он сильно углубится, то он настолько ослабит себя оставлением позади отдельных отрядов, что у него окажется недостаточно сил для атаки.

Существенные опасения будет возбуждать каждое движение противника по направлению к пункту высадки[1]). Попятное движение высадившихся частей окажется немедленно необходимым. Следовательно, наступательную войну невозможно удачно вести по расходящимся операционным линиям, конечно при условии, что противник будет действовать целесообразно.

Глава пятая.

О параллельных операционных линиях.

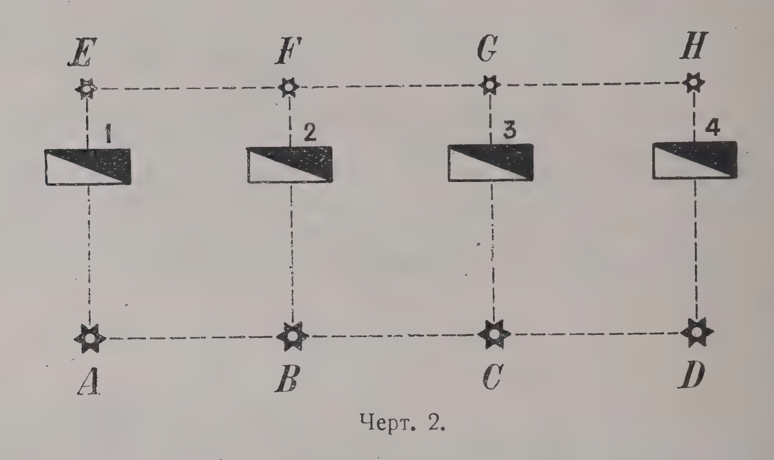
1) В предыдущей главе было указано, что необходимо, прежде чем предпринимать что-либо наступательное, базировать себя достаточным образом. Если операция достаточно базирована, то можно двигаться вперед и по параллельным операционным линиям, — чтобы одновременно атаковать несколько объектов, расположенных на приблизительно параллельных с базой линиях, и которые, следовательно, досягаемы по операционным линиям, идущим также приблизительно параллельно друг другу.

---

[1]) Одно из существенных преимуществ нашей огромной территории — это та возможность широкого базирования, которая ложится в основу учения Бюлова. Последний, в конце своего стратегического исследования, приходит к выводу, что уже по недостатку широкой базы, малое государство существовать не может и должно будет уступить место большому (здесь Бюлов видел стратегическую предпосылку объединения Германии). Особенно резко проявились условия базирования в Восточную войну, когда союзники, высадившиеся в Крыму, боялись отойти на десяток верст от побережья, чтобы не потерять сообщений с Балаклавой, и должны были заняться долблением Севастополя, отказавшись от каких-либо полевых маневров. Точно также в гражданскую войну Врангель в Таврическом полуострове имел совершенно недостаточную по ширине базу для наступательных действий, был вынужден к северу от Перекопа действовать по расходящимся операционным линиям, и над белыми войсками сразу же нависла опасность катастрофы; операция конца октября—начала ноября 1920 г. являлась только реализацией создавшегося положения. Таковые же стратегические судьбы, повидимому, ждут всякую дессантную экспедицию на наш берег. *(Прим. редакц.).*

Чертеж 2. *AD*—база, на которой расположены крепости *A*, *B*, *C*, *D*, являющиеся субъектами стольких же операционных линий, по которым к объектам *E*, *F*, *G*, *H* следуют корпуса 1, 2, 3 и 4. У каждого, конечно, возникнет замечание, что это называется одновременно предпринимать очень многое, и, следовательно, надо быть очень сильным, чтобы привести все намеченное в исполнение, а противник—должен быть очень слабым, чтобы все это допустить.

Далее среди объектов *E*, *F*, *G*, *H*, по всей вероятности, должен быть один, достигнуть и овладеть которым является

Черт. 2.

наиболее желательным, а, следовательно, против него необходимо направить больше сил, чем против остальных.

Не все объекты вполне равноценны, один из пунктов *E*, *F*, *G*, *H* должен более представлять ключ к неприятельской стране, чем прочие; точно также и в бою на неприятельской позиции заранее избирается пункт, который называют ключем позиции и против которого, главным образом, и направляют свои силы. Искусство обнаруживать этот пункт всегда очень ценилось у полководцев; его дает, главным образом, военный глазомер. Таким же образом и искусство открыть этот стратегический ключ, если можно так выразиться, главный объект, против которого надлежит действовать, по своей чрезвычайной важности поистине является отнюдь не маловажным достоинством полководца [1]).

---

[1]) Учение о стратегических и тактических ключах держалось упорно свыше ста лет. Бюлов был совершенно прав в данном случае, образным выражением подчеркивая необходимость выделения главной цели от второстепенной. Впоследствии стали требовать розыска на каждой позиции ее тактического и стратегического ключа. Термин привел к таким злоупотреблениям, что надо приветствовать исчезновение его из военного обихода.

(Прим. редакц.).

2) Против главного объекта надо сосредоточивать больше сил, чем против остальных, и при этом нечего опасаться оказаться здесь чересчур сильным, разве что мы имеем исключительно большое превосходство над противником. В последнем случае, когда противник едва-ли может рискнуть встретиться с нами в поле, было бы вполне целесообразно на широком стратегическом фронте вести наступление по параллельным операционным линиям вглубь неприятельской страны, чтобы захватить возможно большее пространство. Однако, это положение нельзя выдвигать, как правило. Когда приходится иметь дело с врагом, который не может защищаться, тогда и искусство воевать совершенно излишне; оно изучается лишь для того, чтобы уметь выдержать борьбу с сильным противником. В настоящее время войны ведут между собой только крупные державы, и при этом не приходится встречать такого большого неравенства в силах.

3) Следовательно, против неприятеля, который может обороняться, наступление, распыленное по параллельным операционным линиям, во-первых, было бы безрезультатно и бесцельно, потому что нигде не оказалось бы ни достаточно сил, ни достаточно времени, чтобы произвести давление и достигнуть объектов, а во-вторых—опасно в случае, если противник поступит так, как надлежит, и перейдет от оборонительной войны к наступательной.

Он всегда имеет возможность сосредоточиться путем форсированных или скрытных маршей, схватить за горло один из корпусов 1, 2, 3, 4, потрепать его, заставить выйти из операции и затем начать оперировать против тыла или линий подвоза остальных. Так как внедриться между двумя корпусами столь же мало шансов, как и между двумя бастионами, то атака фланговых корпусов 1 или 4 представляет наибольшие выгоды. После того, как они окажутся оттесненными, центральные корпуса будут вынуждены перейти к оборонительной войне, так как им придется немедленно обратить фронт к флангу, чтобы прикрыть свои операционные линии и не быть смятыми фланговым ударом. Они должны будут двинуть назад отряды и даже протянуться до самой базы, чтобы образовать завесу для путей подвоза. Наступательная война уйдет в область воспоминаний. Однако, так как параллельно оперирующая армия достаточно базирована, то она имеет то преимущество, что противник, из страха быть самому отрезанным, не рискнет развить обход так далеко, как в предыдущих случаях. Даже больше шансов на то, что действия, направленные из нашей базы, из крепостей *A* и *D*, заставят его поспешить обратно к своей базе.

Если между корпусами 1, 2, 3, 4 имеются значительные интервалы, то и один из средних, конечно, может быть оттесненным противником без опасности для последнего, и тогда прилегающие операционные линии окажутся подверженными

его нападениям, прежде чем удастся подоспеть одному из фланговых корпусов,—1-му или 4-му.

4) Я уже указал случаи, когда является целесообразным продвигаться по трем и более операционным линиям. Когда главные силы обращаются на один объект, а против других выдвигаются лишь с целью отвлечь противника, то создается совершенно иное оперативное положение, чем то, о котором здесь шла речь. Параллельно оперировать приходится лишь в тех случаях, когда в наличии имеется несколько, в равной степени серьезных объектов, расположенных рядом; только о таких операциях здесь и говорится.

Чем больше силы разбрасываются, чем больше объектов, против которых предполагается одновременно действовать, тем более скверной является планировка операции, тем меньше открывается возможность где-либо достигнуть значительного результата, и вы оказываетесь повсеместно слишком слабыми, чтобы оказать сопротивление соответственно сосредоточивающемуся противнику. Вы будете по частям разбиты и уничтожены, если только противник умеет воевать; создавать из войск стену—это самый неосмысленный способ ведения наступательной войны.

Если противник где-нибудь усиливается на линии объектов *EH* и вы сосредоточиваетесь соответственно против него, своевременно обнаружив неприятельские передвижения, то отсюда вытекают параллельные марши, в течение коих нельзя предпринять ничего наступательного. Подобное метание с фланга на фланг для того, кто хочет атаковать и завоевать, является крайне нецелесообразным; пройдет немного времени, и он окажется вынужденным перейти к оборонительной войне [1]. Таким образом, я полагаю возможным принять, что не следует обращаться к параллельным наступательным операциям, за исключением указанного случая, т.-е. при наличии очень большого превосходства над противником.

Глава шестая.

Об операциях, заключенных в тупоугольный треугольник или в сектор в 90° и более.

1) Количество градусов, которым должен измеряться объективный угол, в конце концов можно определить лишь для каждого данного случая в отдельности. Если кто-нибудь

[1]) Русское наступление осенью 1914 г., имевшее объекты в Восточной Пруссии, Познани и Силезии, в Галиции и Карпатах, предпринятое без подавляющего превосходства сил, представляет тип операций, подходящий под приведенную классификацию Бюлова. Русские армии действительно образовали стену и для отражения неприятельских ударов были вынуждены перебрасывать резервы с одного фланга на другой. В этих перебросках наступательная энергия русских войск распылилась и захлестнулась, и уже в ноябре мы были вынуждены осознать, что мы не наступаем, а обороняемся.

(Прим. редакц.).

скажет, что я утверждаю, что необходимо визировать астролябией, чтобы определить, благоразумно ли начать осаду крепости или достаточно ли обеспечен подвоз с тыла к данной позиции, то я отвечу, что прежде чем предпринять наступательную операцию, во всяком случае необходимо по карте измерить величину объективного угла и принять ее во внимание; а впрочем, остроты не являются опровержением.

2) Величина объективного угла, являющегося единственным критерием добротности операции, представляется более решающей, чем направление базы, хотя последнее и не вовсе безразлично. В виду этого, из всех предыдущих исследований вытекает следующий принцип:

„Прежде чем начать операцию против определенного объекта, необходимо организовать достаточно устойчивое базирование или быть базированным так, чтобы был достигнут объективный угол в 90 градусов и более, и, следовательно, оперировать в треугольнике и секторе в столько же градусов“.

Глава седьмая.

О выгоднейшем направлении и о форме базиса [1]).

1) После того, как было доказано, что базис должен быть достаточного протяжения, чтобы образовать объективный угол в 90 градусов и более, мы перейдем теперь к обсуждению направления этого базиса. Правда, для внимательного читателя это должно само собой вытекать из предыдущего; однако, мы не затрагивали данного вопроса по существу; он же настолько важен, что заслуживает, чтобы его подробно рассмотрели; тем более, что мы уже говорили о наступательных операциях, развиваемых впереди базиса; в дальнейшем мы хотим говорить об отступлении от базиса

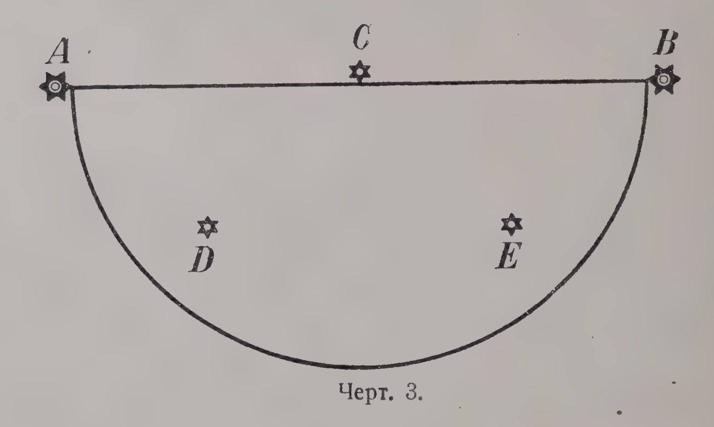
---

[1]) В основе всех выводов Бюлова лежит ясное предпочтение принципа базирования принципу массирования, вытекающее из скромной роли, отводимой им бою. Это было верно в отношении XVIII века, и во многом верно и для настоящего времени, но являлось ошибочным для Наполеоновской эпохи. Если стать на противоположную Бюлову точку зрения о сосредоточении всех сил в решительный момент на решительной точке, как это сделал Жомини, то все положения Бюлова о базировании получат совершенно обратный смысл: внутренние линии выгоднее наружных, одна операционная линия выгоднее нескольких, узкая база, позволяющая не разбрасывать войска для ее защиты, выгоднее широкой, отступать следует не эксцентрически, а концентрически, и т. д. Решающее значение имеет размер масс, степень зависимости от подвозимого с тыла снабжения, более или менее затяжной характер боевых столкновений. Эволюция военного искусства как бы направляется в сторону, оправдывающую учение Бюлова.

(Прим. редакц.).

вглубь собственной страны; порядок изложения требует в промежутке между двумя этими вопросами рассмотреть и то, что находится между ними. Эта часть и есть базис.

2) Ясно, что охватывающая противника дуга представляет наиболее выгодную форму базиса, так как внутри дуги *AB* (чертеж 3) противник не может занять никакой устойчивой позиции. Он находится в мешке, который можно затянуть. Вся территория, заключенная в дугу *AB*, не поддается защите. Все крепости, расположенные в ее пределах, должны попасть в руки противника, базированного столь удачно, так как около *C* нет объективного угла, а оно лежит на диаметре, окружающем *AB*, и все крепости, находящиеся между диаметром и окружностью, как например *D* и *E*, уже окружены и при надлежащем образе действий не могут быть защищены. Единственное, что может предпринять противник, это захват крепостей *A* и *B*, как конечных пунктов базы, чтобы этим путем сократить дугу охвата. Все операции, предпринимаемые обороняющимся в пределах дуги, не могут ему удасться, и окруженную территорию он должен рассматривать, как уже завоеванную неприятелем [1]).

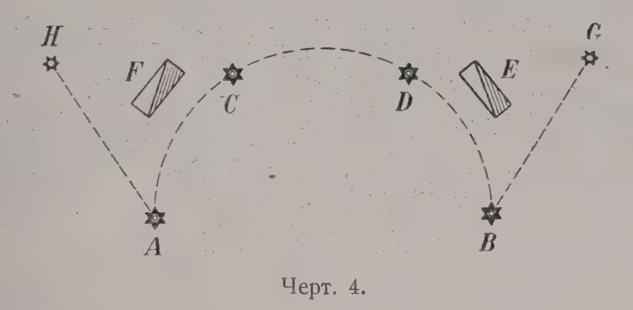

Черт. 3.

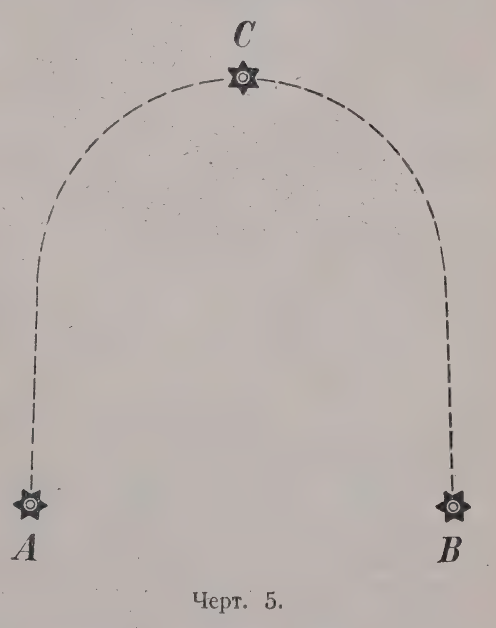
[1]) Таково, например, было положение русских армий в польских губерниях, охваченных с одной стороны Восточной Пруссией, а с другой—Галицией. При серьезных наступательных операциях австро-германцев положение русских армий являлось здесь стратегически невыносимым. Отсюда стремления Сухомлинова в 1910 году отнести назад наше сосредоточение на Неман и Буг, что вызвало такой переполох во Франции. Отсюда стремление русского командования первоначальными объектами избрать оконечности неприятельского базиса—Восточную Пруссию и Восточную Галицию, чтобы поставить первой задачей войны—выпрямление нашего фронта на нижней Висле; требование французского генерального штаба начать немедленно наступление на Познань явно противоречило основным положениям стратегии. *(Прим. редакц.)*.

3) Как вытекает из сказанного, противоположная форма—выпуклая дуга—является наименее удачным очертанием гра-

Черт. 4.

ницы или базиса. Крепости C и D (чертеж 4) очень подставлены противнику, и в сущности их невозможно удержать, как только он их отрежет двумя колонами E и F. Единственный способ противодействия—это операции, предпринятые из A и B в стороны и несколько вперед, чтобы вызвать у E и F опасения за их собственные фланги и тыл и принудить их к отходу; можно постараться захватить какую-нибудь крепость, расположенную в районе G и H.

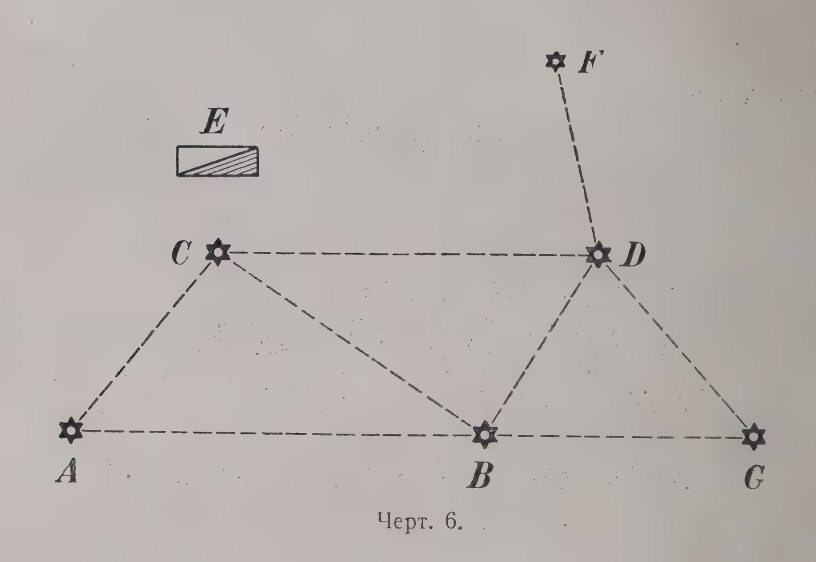

Черт. 5.

Чем эксцентричнее дуга, чем больше она приближается к эллипсу, как например, ACB (чертеж 5), тем меньше шансов удержать крепости, расположенные в районе C и тем сильнее сказываются все вышеприведенные невыгодные стороны такого положения [1]).

[1]) Такой невыгодный случай представляло в 1916 году очертание Валахии, которая была охвачена с севера Трансильванией и с юга—Болгарией. Действительно, единственным возможным методом оперирования румын было наступление в стороны и вперед—из Добруджи в Болгарию, и из Молдавии и Валахии—в Трансильванию. Неуспех этих наступательных попыток в сущности определил уже судьбу Валахии, и Людендорф мастерски реализовал создавшиеся для немцев плюсы зимним походом, изумившим широкие массы своей кажущейся дерзостью. *(Прим. редакц.)*.

4) Смешанный базис, образующий выпуклые и вогнутые дуги или углы, можно сравнить с крепостью, укрепления коей состоят из бастионов и куртин. В вогнутую часть дуги противник имеет столь же мало шансов проникнуть, как и в куртину, между двумя выдвинутыми флангами бастионов. Выгнутые части или в них расположенные крепости *C D* (чертеж 6) находятся в угрожаемом положении, но не в такой мере, как крепость *C* (чертеж 5), расположенная на изолированной выпуклой дуге, так как при нападении на *C* (чертеж 6)

Черт. 6.

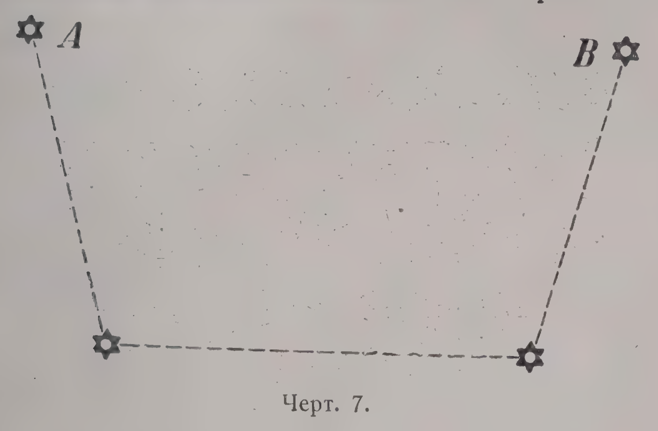
легко может быть устроена диверсия на неприятельской территории между *E* и *F*.

Но кто же не обратит внимания, что базис *AG* (чертеж 6) состоит собственно из двух рядов крепостей, расположенных по прямой *C* и *D* в первой линии, *A*, *B* и *G* во второй. Следовательно, имеются налицо все следствия, которых надо ожидать при прямом базисе.

5) Если бы концы базиса выдвигались вперед (чертеж 7), то это было бы конечно выгодным. Если выдвинутая вперед крепость расположена там, где кончается база, и она обеспечена большой рекой или даже морем, так что ее невозможно обойти, тогда эти выдвинутые вперед крепости *A* и *B* образуют очень страшные фланги, которых невозможно безнаказанно миновать. При поддержке этих крепостей, можно легко устроить весьма угрожающую диверсию в тыл армии, продвигающейся между *A* и *B*, при том по неприятельской территории, в особенности если войска будут предварительно

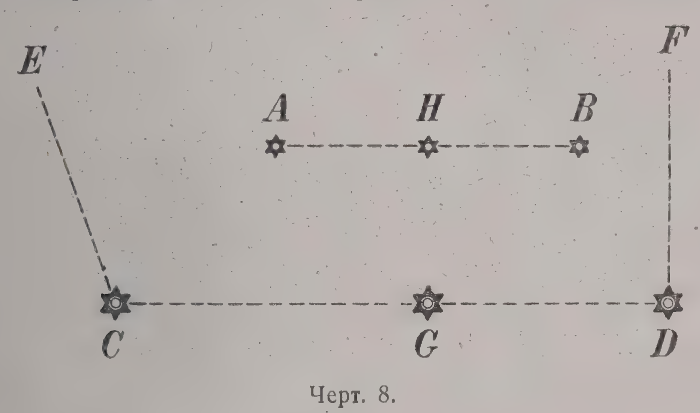
оттянуты от центра, сосредоточены у *A* и *B* и затем будут действовать против фланга наступающей армии [1]).

Если же обе выдвинутые крепости не имеют опоры и витают в воздухе, то ясно, что они сами окажутся первой жертвой противника, который легко может их отрезать.

Черт. 7.

6) Остается еще рассмотреть лишь прямой базис, все крепости которого расположены приблизительно на одной пря-

Черт. 8.

мой. Та база, которая протягивается за фланги неприятельской, и есть наилучшая. В виду этого база *CD* (чертеж 8) является более выгодной, чем база *AB*, так как против *C* и *D*

---

[1]) Это была бы теория Шлиффеновских Канн, если бы Бюлов имел в виду действительное уничтожение, окружение, сокрушение неприятельской армии, а не устройство только очень угрожающей диверсии; но вместо уничтожения неприятеля, Бюлов думает лишь о том, как вынудить его к отступлению. В отношении этой бескровности учение Бюлова является плодом XVIII века; насилию оно не дает достаточного простора.

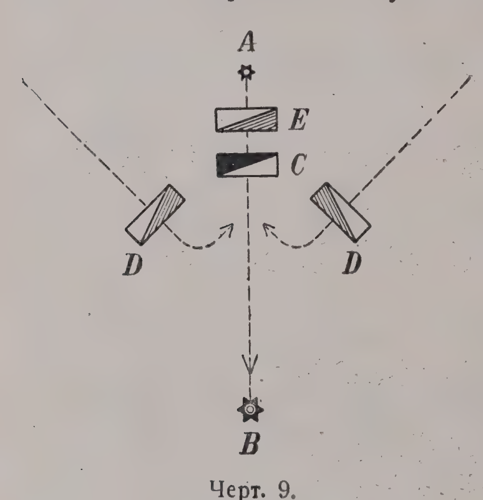
(Прим. редакц.).

не расположено ни одной крепости. Следовательно, неприятельская страна совершенно откроется для операций *C* и *D* в направлени на *E* и *F*. Отсюда вытекает правило, что против каждой неприятельской крепости по возможности надо стремиться построить свою. Однако, существенно важно иметь таковые лишь против конечных крепостей базы. Между двумя крепостями, если они не слишком далеко отстоят друг от друга, проникнуть не так легко. Таким образом одной крепости *G* могло бы быть достаточно для прикрытия пространства между *C* и *D* против крепостей *A*, *H* и *B*.

Глава восьмая.

Об отступлении от базиса. Об отступлении по одной линии и об отступлениях, концентрирующихся в остром или тупом угле.

1) После того, как мы рассмотрели вопросы о базированных наступательных операциях и о самом базисе, на очередь выдвигается вопрос об отступлении от базиса.

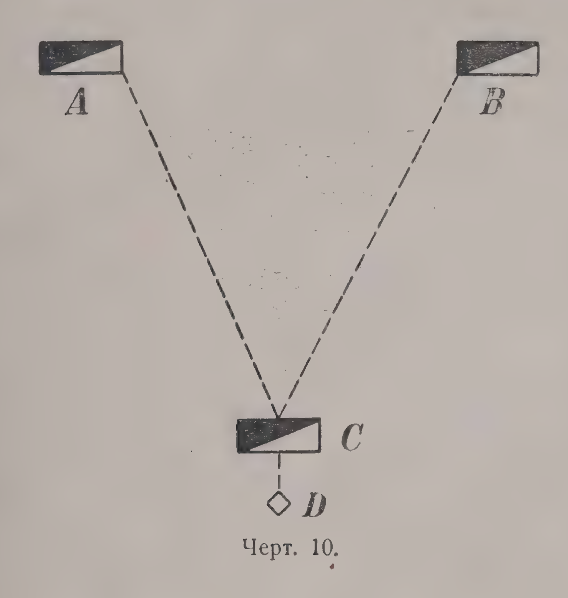

Черт. 9.

Отступление по одной операционной линии является весьма ошибочным. Предположим, что армия *C* (чертеж 9) отходит по линии *A B*. Ясно, что неприятель, выделив два корпуса *D* и *D* на фланги и назначив только небольшую часть своих сил *E* для того, чтобы следовать непосредственно за армией *C* и придерживать ее отступление, имеет возможность армию *C* отрезать от *B* или даже достичь *B* раньше нас. В последнем случае мы окажемся окруженными. Далее, вся местность, находящаяся правее и левее линии *AB*, попадает в руки неприятеля; а при отступлении стремятся прикрыть территорию настолько, насколько это только является возможным.

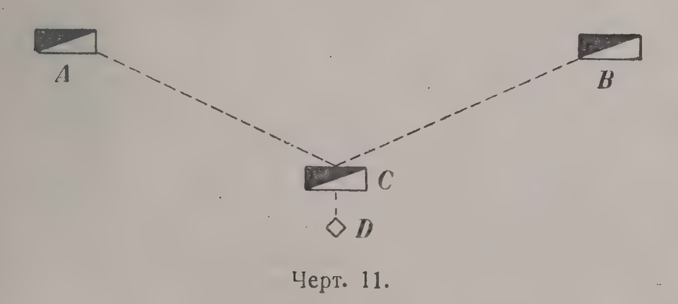
2) Столь же нецелесообразным являлось бы концентрическое отступление, посредством которого из широкой группировки мы бы концентрировались в более сосредоточенную, при чем две крайние операционные линии *AC* и *BC* сходились бы в одну у объекта отступления *C*, образуя острый угол

(чертеж 10) или тупой (чертеж 11). Здесь повторятся все недостатки отступления по одной операционной линии. Полководец может быть вынужден прибегнуть к такому отходу, если он важный пункт, например, столицу *D*, хочет прикрыть

Черт. 10.

занятием выгодной позиции *C*. Однако, это мероприятие окажется бесплодным, если неприятель понимает военное искусство и очерченным раньше способом будет оперировать против флангов. Позади лежащая страна прикрывается много

Черт. 11.

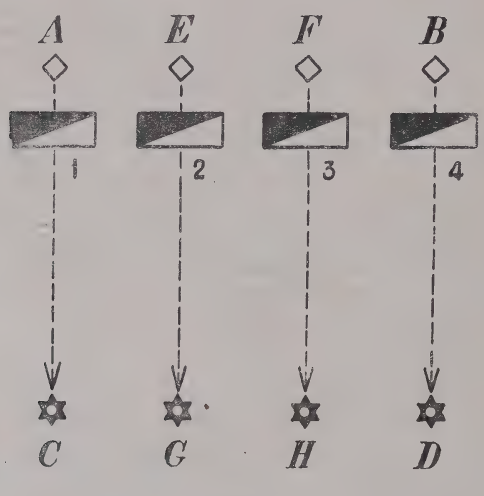
лучше, если мы будем нажимать на фланги вторгающегося неприятеля и сами перейдем от оборонительной к наступательной войне.

Занять позицию, ждать на ней неприятеля и переносить результаты его обходных движений—это худшее, что возможно только предпринять.

Глава девятая.

О параллельных и эксцентрических отступлениях.

1) Отступление от базы *AB* (чертеж 12) по параллельным линиям так, чтобы корпуса 1, 2, 3 и 4 двигались по линиям *AC*, *EG*, *FH* и *BD*, правда, является более выгодным, чем вышеприведенное концентрическое отступление, во-первых, потому,

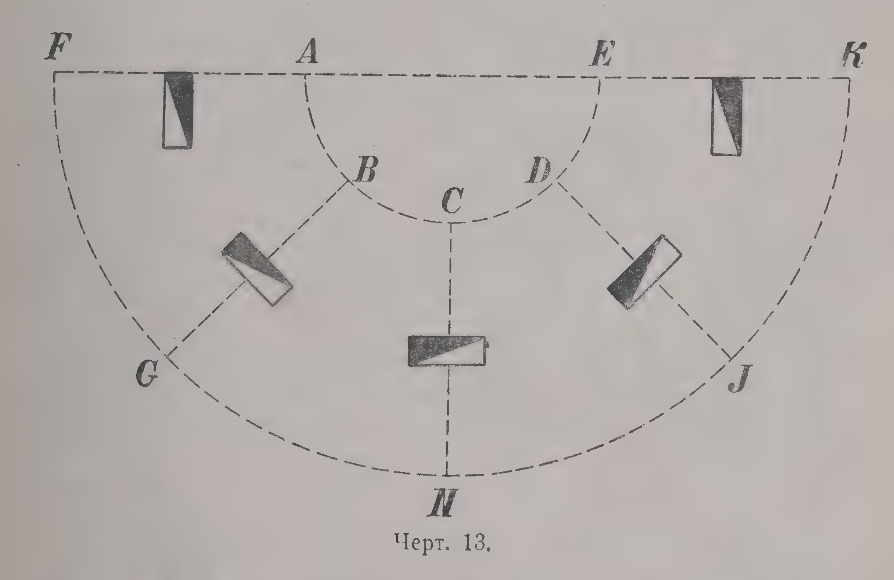
Черт. 12.

что при параллельном отступлении лучше удается прикрывать страну, во-вторых, потому, что противник не так легко может броситься в обход нашего фланга, и в-третьих, потому, что вы сами оказываетесь в состоянии ударить во фланг противнику. Его наступление будет задерживаться уже и тогда, если нам удастся все время приковывать его внимание к тому, что мы собираемся предпринять. Однако, можно поступить еще лучше, сделав дальнейший шаг вперед и организовав эксцентрическое отступление.

2) Параллельные отступления основываются на мнении, что тот или иной пункт прикрывается лучше всего расположением прямо перед ним и что наступление противника останавливается только тогда, когда противопоставят себя ему прямо на его пути. Если верить нашим чувствам, это действительно так. Но наши чувства часто нас обманывают, оказываются блуждающими огоньками, которые заводят нас в топь. Так обстоит дело и в данном случае. Это положение не являлось вполне правильным даже для античного воен-

ного искусства [1]), а в наше время оно вовсе не отвечает действительности. Теперь развивающееся наступательное движение задерживается не путем расположения против сильнейшей его части, т. е. против фронта,—а выдвижением против его слабейшей части—флангов и тем самым одновременно и тыла, что угрожает существованию противника и связи его с источниками его сил.

В виду этого эксцентрические отступления являются наилучшими. Если армия отступает от *A B C D E* (чертеж 13)

Черт. 13.

на *F G H J K*, то противник не может проникнуть в дугу *FK*, не подвергаясь опасности оказаться охваченным и окруженным.

Уже с давних времен существует правило что при отступлении следует разбиваться на различные колонны и отряды, чтобы, как говорили, развлекать внимание противника.

Но эксцентрические отступления, насколько нам известно, никогда не выдвигались, как правило; мне кажется, я сумею доказать, что они представляют одно из важнейших правил войны.

Я уже говорил, что развлечение внимания противника в сущности является беспокойством, которое возбуждается у неприятеля относительно его флангов и тыла.

---

[1]) Бюлов полагал, что в виду отсутствия в армиях древности огнестрельного оружия и отсутствия необходимости подвоза боевых запасов древние могли оперировать в несравненно меньшей зависимости от своих сообщений, чем современные армии. *(Прим. редакц.)*.

3) Что эксцентрические отступления являются наилучшими, это уже вытекает из того, что было сказано относительно нецелесообразности наступательных операций по расходящимся операционным линиям, а также единой операционной линии или по линиям, сходящимся под острым углом. Если в наступательной войне наиболее выгодными являются концентрические операции, то в оборонительной войне наилучшими должны быть эксцентрические. Сущность дела в обоих видах войны представляет полную противоположность, так как интересы наступательной и оборонительной войны противоположного свойства. Я все-таки коснусь в частности отступлений, хотя и очень кратко, чтобы избавить читателя от труда самому сделать самостоятельные выводы.

4) Учение об эксцентрических отступлениях критикуется теми, которые всегда озабочены сосредоточением собственной мощи. Но они не сумели из духа новейшей войны дойти до заключения, что свою мощь можно использовать лишь тогда, когда она выведена на фронт и развернута. Люди, стоящие друг возле друга, могут стрелять, люди же, которые стоят друг за другом в затылок, этого делать не могут.

Боевой порядок современных войск имеет недостаточно внутренней силы, чтобы прорвать противника натиском холодного оружия. Как придать такой сильный импульс боевому порядку, не ослабляя силы его огня, это я покажу в другом труде.

Эта всесторонняя слабость новейших фаланг и вызывает необходимость в растянутости, так как чем меньше можно добиться боем, тем больше надо стремиться достигнуть маневрированием.

Но я называю маневрированием и те случаи, когда против неприятеля выдвигают стрелков, а за ними, как за завесой, маневрируют в стороны, чтобы выиграть неприятельские фланги. Большинство современных боев, в сущности, является лишь маневрированием.

5) Из современного сражения, являющегося, как сказано, только маневром [1]), легко выйти. Тяжелые пушки и конница

---

[1]) Бюлов делал заключения по революционным сражениям (1792—1795 г.), которые действительно давали результат при потерях в 5—10 раз меньших чем сражения Фридриха Великого; молодые войска республики не выдерживали тех 30—50% убитых и раненых, коими устилали поле сражения дисциплинированные батальоны Семилетней войны. Но как только явился Наполеон (1796 г.), сражения сейчас же перестали быть маневрами, и удары, наносимые Наполеоном, были совсем не такого порядка, чтобы после них сейчас же думать об охвате противника. Мысли Бюлова об эксцентрическом отступлении получили большое распространение и, между прочим, легли в основу нашего плана войны в 1812 году (деление русских войск на две армии, при чем та из них, на которую бросится Наполеон, отходит, а другая выдвигается на сообщения французов). *(Прим. редакц.).*

прикрывают отступление. Если оно направляется в стороны и назад и ведется, таким образом, эксцентрически, то фланги преследующего неприятеля подпадают тактически и стратегически под такую угрозу, что он не только будет вынужден прервать преследование, но и повернуть свой фронт направо и налево.

В этом лежит тайна, как из кажущегося поражения извлечь результаты блестящей победы. Генерал, который после проигранного сражения сумеет обойти фланги своего противника, будет прославлен.

Фолард дает прекрасное правило: надо только вообразить себе, что поражения нет, и оно действительно прекратит свое бытие. Современные сражения поглощают сравнительно так мало сил, что Фридрих после такого сражения воспрянул бы с воскресшей мощью.

Чтобы извлечь пользу из проигранного боя, чтобы пожать после него все плоды победы, надо отходить эксцентрически— сперва тактически, затем стратегически. Первым вопросом при отступлении является быстрый выход из пределов поражения ружейного огня и картечи. Я не требую для этого момента эксцентрических движений. Но как только войска вышли из зоны действительного огня, начинается эксцентрическое отступление. Оно ведется на дальность пушечного выстрела тактически и продолжается затем стратегически. И оно перестает быть отступлением, как только наши фланговые колонны начнут продвигаться вперед.

Глава десятая.

Выводы из предыдущих рассуждений относительно духа новейшей системы войны.

1) Из всего сказанного вытекает, что духу новейшей системы войны более свойственно выдвигать целью операций неприятельские магазины и линии подвоза, соединяющие их с армией, чем самую неприятельскую армию. Причина этому заключается в том, что новейшие армии не могут продолжительное время жить теми запасами, кои они имеют при себе, и зависят от находящихся вне армий источников. В этом они напоминают людей нашего века, которые свое благополучие, равно как и всю свою сущность, полагают во внешности, а не ищут в самих себе. Магазины—это сердце, при повреждении которого разрушается коллективный человек, т.-е. армия. Линии подвоза—это мускулы, перерезав которые мы парализуем весь военный организм. Так как магазины и линии подвоза могут находиться лишь сбоку или сзади, то

выходит, что фланги и тыл должны являться предметом операций как в наступательной, так и в оборонительной войне. Отсюда, в свою очередь, следует, что надлежит избегать боев, по крайней мере, фронтальных боев [1]). В наступательной войне гораздо легче принудить противника к отступательным движениям путем воздействия на средства его существования, т.-е., как уже было сказано, на его фланги, чем стремиться посредством атаки силой выбить его из занимаемой позиции. Он весьма скоро найдет другую позицию, на которой вновь будет оказывать сопротивление.

2) В оборонительной войне скоро поймут всю бесплодность параллельных позиций и параллельных маршей, с целью создать плотину, которая бы остановила противника. Не существует ни одной позиции, как бы она ни была хорошо приспособлена к местности, как бы удачен ни был ее выбор для прикрытия территории, из которой нельзя было бы изгнать неприятеля быстрым маневром, направленным на фланг, даже если он располагает превосходными силами. Поэтому я могу трижды подписаться под правилом, хотя и являющимся новым, что в сущности никогда не следует вести оборонительной войны, а следует немедленно переходить к наступательной, действуя на неприятельские фланги и оперируя против его тыла. Даже будучи слабым, искусный полководец может атакой магазинов и линий подвоза принудить к отступлению и переходу к оборонительной войне более сильную армию, тем более, что достаточно лишь приблизиться к операционым линиям, чтобы их убить, т.-е. прекратить по ним движение. Таким образом, общее правило таково: „следует располагаться не прямо против неприятеля, а у него на фланге [2])“.

---

[1]) Просветительная гуманная философия XVIII века сбивает мысль Бюлова с правильного пути. Следовало бы изложить это заключение так: крупный стратегический успех дает лишь разгром неприятельской системы снабжения, связи, управления, снабжающих его дорожных артерий. Чисто фронтальный прорыв лишь при необыкновенной мощи может проникнуть так далеко, чтобы развалить весь механизм неприятельского тыла, без повреждения коего неприятель сейчас же залечит свои мелкие, исключительно тактические раны. Отсюда решающее значение получают операции, ведущиеся в охват или обход неприятельской армии и приводящие нас скорейшим путем к положению, позволяющему взять противника за горло.—И взяв за горло, надо реализовать свой успех, задушив противника—развив операцию до полного сокрушения неприятельской армии. *(Прим. редакц.)*.

[2]) Таким образом, Бюлов является тем источником, откуда далее развилась теория фланговых позиций. Клаузевиц принимал ее, но с той оговоркой, что фланговая позиция не должна оставаться кулаком, занесенным в воздухе для удара; важна не угроза, важна сама реализация флангового удара из этой позиции. *(Прим. редакц.)*.

Глава одиннадцатая.

Различие между стратегией и тактикой.

1) Прежде чем распространять правила стратегии на тактику, надо сначала установить, каково наше мнение о стратегии и тактике и где надо провести между ними границу.

Тактика во всем ее объеме является наукой о боевых передвижениях, имеющих своим предметом неприятеля; стратегия же—наука о передвижениях, в которых противник является целью, но не предметом [1]).

Тактика в тесном смысле является наукой о боевых передвижениях в пределах поля зрения неприятельской армии, точно так же, как стратегия в широком смысле представляет науку о передвижениях, происходящих вне пределов зрения противника.

Это второе, более наглядное определение слишком ограничивает пределы тактики, исключая из ее сферы подход колонн к сражению; тем не менее последний относится к тактике и должен рассматриваться вместе с ней, так как он накладывает исключительно определенный отпечаток на тактические движения в узком смысле этого слова. Однако, надо дать еще более наглядное определение. Для совершенно узких лбов надо давать и непросторные объяснения. Для них я введу еще поправку в данное мною определение и скажу: где обмениваются ударами, там тактика; где не дерутся– там стратегия.

Стратегия состоит из двух главных частей: марш и лагерь [2]). Тактика состоит из двух главных частей: развертывание и бой, или атака и оборона. Все это вместе есть война.

Тактика является дополнением к стратегии. Первая заканчивает то, что подготовляет вторая. Тактика является ультиматумум стратегии; последняя ею заканчивается или с ней сливается. Как уже говорилось, началом тактики является развертывание походных колонн перед сражением. До этого момента—все стратегия, с этого момента—все тактика.

Глава двенадцатая.

Тактические заключения.

Все стратегические правила могут быть применены и к тактике, если только понятие базиса подменить линией фронта боевого порядка, а вместо операционных линий иметь в виду направления движений и стрельбы.

---

[1]) Мысль Бюлова понимается нами так: „тактика непосредственно нацеливается на врага, а стратегия видит лишь конечную цель в победе над ним и выдвигает ближайшие цели и помимо неприятельских войск“.

(Прим. редакц.).

[2]) Т.-е. движение и расположение на месте. *(Прим. редакц.).*

Можно всегда избежать боя, если только не подпускать противника на слишком близкое расстояние.

Никогда не следует встречать атаку, оставаясь на месте, а надо самим переходить к наступлению, разве что позиция будет почти неприступной.

Нет позиции, которая не могла бы быть обойденной.

Надо только развлекать противника на фронте, а самим набрасываться на один или оба его фланга.

Надо противника охватывать, т.-е. иметь более длинный фронт, чем у него.

Когда вы находитесь на фланге противника, то вы охватываете его, хотя бы он был гораздо более многочислен.

Стрелковый бой в рассыпных строях выгоднее, чем ведение боя выравненными, сомкнутыми строями, которые к тому же быстро приходят в беспорядок.

Так как при применении рассыпного строя фронт растягивается на большее протяжение, то тем легче будет выйти на фланг противнику.

Пехота всегда должна поддерживаться конницей.

Это достигается успешнее всего, когда последняя расположена во второй линии.

Лучшим построением против конницы является колонна.

Следовательно, надо или сражаться в рассыпном строю или свертываться в колонну.

Тем не менее, опыт показывает, что пехота, даже построенная в колонну, гибнет под ударом конницы, если последняя мужественна; причина этому лежит в характере вооружения пехоты.

Поэтому, пехота ни при каких обстоятельствах не должна быть оставлена без защищающей ее конницы; исключением является лишь такая местность, где конница неприменима.

Отступление из боя следует производить эксцентрически, весьма быстро и под защитой конницы. Так прикрытое отступление может вестись без особой опасности даже в беспорядке.

После проигранного боя, надо немедленно направить мысль на организацию новой наступательной операции. Достаточно себе представить, что вы не разбиты, чтобы и в действительности перестать быть разбитым [1]). Надо ввязываться лишь в неупорный бой. Надо избегать сражений и полагаться на маневрирование.

---

[1]) Мы привели этот тактический отрывок, представляющий итог длинного исследования Бюлова об эволюции тактики в период революционных войн, так как он весьма характерен. Многие тактические замечания Бюлова были очень ценны в свое время, так как впервые отражали в научной мысли тактический переворот, происходивший в эпоху революции. Типично для Бюлова, что исследование боя он непременно заканчивал вопросом об отступлении; на использовании победы, на преследовании мысль Бюлова вовсе не останавли-

Глава тринадцатая.

Из принципа базиса вытекает, что рано или поздно верх должны одержать массы, т.-е. большее число бойцов и большее количество материальных средств, которыми ведется война, а не более высокая дисциплина, тактика или более высокий дух борющегося против численного превосходства меньшинства, как это было в древности, разве что разница в численности не была достаточно значительна [1]).

1) При новой системе войны превосходство большего числа бойцов над меньшим вытекает уже из того, что нельзя позволять себя охватить, и из выгод, которые дает охват (окрыление). Если вы имеете больше людей, чем противник, и умеете надлежащим образом использовать это превосходство, то бо̀льшие искусство и храбрость его солдат не помогут. Превосходные по качеству войска в лучшем случае могут победить тех, которые находятся непосредственно против их фронта; они могут их отбросить. Однако, тем временем другие части противника окажутся на их флангах, а насколько это опасно, нам уже известно из предыдущего.

Следовательно, чем дальше продвигаются победители, тем больше они подвергаются опасности быть окруженными и отрезанными от своих магазинов. Их должна беспрерывно беспокоить мысль о сохранении их сообщений. Если связь с базисом оказывается под угрозой, победители должны сменить попятным движением свое движение вперед и вместо того, чтобы преследовать побежденного противника, начать спешное отступление.

Следовательно, нельзя сказать: с 30.000 человек обученных и храбрых войск я разобью трижды превосходного про-

---

вается, так как он переносит центр тяжести на маневрирование, а бой, в корне, по его мысли, близок к недоразумению.

По Бюлову, в головах всех военных твердо засело убеждение в превосходстве огня; а раз так, то безразлично—верное оно или фальшивое, оно является руководящим. Возвращение к старым приемам натиска холодным оружием невозможно. Дифирамбы штыку поются кабинетными историками, серьезно верящими чепухе, которая пишется в реляциях, и вводящими в заблуждение штатских людей. *(Прим. редакц.).*

[1]) Современному читателю тон рассуждений Бюлова покажется, может быть, слишком наивным; однако, за этой главой Бюлова надо признать особенно крупное положительное значение. Бюлов здесь впервые учел все значение масс, выступивших на историческую арену с французской революцией, и противопоставил их господствовавшему в XVII и XVIII веках учению о ничтожности массы и решительном превосходстве кучки искусных профессионалов. Последнюю идею, в виде мечты, мы еще находим в пророчестве фон-дер-Гольца о новом Александре Македонском, который с небольшой испытанной дружиной погонит полчища переодетых в солдатскую форму мещан. Здесь же Бюлов переносит центр тяжести на значение материальных средств войны. Если Беренхорст становился в тупик перед успехами революционных армий, то Бюлов здесь дает им объяснение. Конечно, многое он упустил, например, моральные силы революции, преуменьшил значение боя, но в основном он стоит на твердой почве. Идеи о силе массы от Бюлова перешли в XIX веке к защитникам идеи милиции и коротких сроков службы — создалась обширная демократическая школа, родоначальником коей является Бюлов. *(Прим. редакц.).*

тивника. Это могло бы иметь место лишь в том случае, если бы численно превосходное войско неумело руководилось, иначе—нет. Более храбрые и лучше дисциплинированные должны отходить, если будут выдвинуты отряды на их фланги.

Не говорите: они также могут выделить части, чтобы освободить свои фланги; этим путем они ни на шаг не подвинутся вперед, так как по существу это движение имеет оборонительный характер. Затем этот маневр еще сильнее раздробит более слабое войско, что приведет к утрате всех выгод, которые можно ожидать от сосредоточения сил. Следовательно, повидимому, неизбежно, что более сильный очень скоро принудит к отступательным маневрам более слабого и, к тому же, не давая боя.

2) Следовательно, в новейшее время победа будет на стороне превосходного числом, а не на стороне более храброго и более искушенного в тактическом искусстве. Однако, превосходные числом должны быть искусно руководимы, так как иначе, в бою фронт против фронта, более храбрые и лучше обученные обратят противника в бегство.

Элементы, которыми ведется война, относятся к понятию масс в такой же степени, как и число бойцов. Последние не могут существовать без первых, что и является самым существенным. Следовательно, количество продуктов питания определяет победу наравне с числом бойцов; то же можно сказать об обмундировании, оружии, пушках, боевых припасах, одним словом, обо всем, что необходимо для ведения войны. Таким образом, в новейших войнах решающим оказывается количество людей и материальных предметов.

Поскольку в наше время можно все иметь, если обладать деньгами, постольку количество последнего товара получает решающее значение; блеску золота до такой степени трудно противостоять, что нужные для войны предметы, не имеющиеся в собственной стране, можно купить даже в неприятельских государствах. Торговая связь между народами работает против разделения, образуемого войной. Я не хочу и упоминать о преимуществах подкупа, как метода для достижения своих намерений. По этому поводу уже Монтекуколи говорил: для войны надо иметь три вещи, а именно: деньги, деньги и деньги[1]).

Однако, материальные средства, которыми ведется война, независимы от денег в той степени, в какой важно их иметь

---

[1]) Ссылка Бюлова на Монтекуколи, которую повторяли за ним тысячи писателей и ораторов, не верна. Выражение, что для войны нужны только деньги, деньги и деньги, появилось за столетие до Монтекуколи, среди вождей испанских наемников, в эпоху первоначального накопления капитала в первой половине XVI века; Монтекуколи в своих трудах приводит это выражение лишь с глубокой иронией, так как он был проводником идей войск нового строя, постоянной армии, длительной и тщательной подготовки к войне, и недоумевал над утверждением, что при отсутствии длительной работы над армией можно, раскошелившись вдруг, думать о выигрыше войны.

(Прим. редакц.).

близко под рукой и иметь возможность предупредить неприятеля в сборе большей их массы. Если бы какое-нибудь государство имело больше денег, чем враждебное ему, но меньше военного материала, под которым надо также подразумевать и людей, и если бы оно было вынуждено подвозить эти материальные средства войны издали, может быть, даже из-за моря,—то оно, безусловно, не справилось бы с государством, более бедным в денежном отношении, но более богатым материальными средствами войны. Последнее государство скорей сосредоточило бы превосходную числом массу и подавило бы первое ее тяжестью. Государству более богатому деньгами и более бедному в отношении материальных средств войны и небольшие количества последних обошлись бы несравненно дороже, чем противнику, о котором можно сказать как раз обратное. Цена вещей растет прямо пропорционально протяжению, на которое их приходится транспортировать.

3) Следовательно, решающее значение получает возможность в более короткий срок сосредоточить большую массу материальных средств войны, по сравнению с противником; если кому-нибудь покажется странным, что я отношу людей также в категорию материальных средств войны, то я добавляю: и возможность сосредоточить большее число бойцов.

Однако, одного нагромождения масс, требуемых для войны, недостаточно; они должны быть расположены упорядоченно, наиболее выгодным образом.

В предыдущих главах мы рассмотрели, каков этот наиболее выгодный способ. Принцип базиса учит, что материальные средства войны всех видов должны быть так же развернуты, как и бойцы перед каждым боем. Эти нагромождения будут только тогда действительны, когда они будут вытянуты в одну линию, одно рядом с другим, а не в затылок одно другому. Это есть стратегическое развертывание [1]). Так как сбор материальных средств может быть обеспечен лишь при группировке их в крепостях [2]), то в сущности линия стра-

---

[1]) Бюлов, создатель стратегии, привил в немецком языке термин „стратегическое развертывание", так как в основе у него была мысль о стратегическом охвате неприятеля на театре военных действий. Наполеон и Жомини, на коих покоится стратегическая мысль во Франции, исходя из массирования сил, как основной посылки, пришли к терминам „сбор", „стратегическое сосредоточение". В этих противоположных терминах для обозначения одного и того же действия отражается все мировоззрение двух школ. См. т. 1, стр. 298. *(Прим. редакц.)*

[2]) Решительный удар крепостям нанесла не столько тяжелая артиллерия, сколько железная дорога, позволившая отказаться перед войной от заблаговременного нагромождения запасов на границе. Задача инженерной подготовки теперь другая—обеспечить за нами возможность развертывания армии на широком фронте вблизи границы. Нужны укрепленные позиции, а не сомкнутые кольцевые крепости, так как войска будут маневрировать; они не привязаны, как прежние магазины, к одному пункту.
(Прим. редакц.)

тегического развертывания прежде всего образуется рядом укрепленных пунктов, расположенных друг возле друга.

Наиболее выгодное начертание—по вогнутой дуге, которую этот фронт образует против неприятеля. Если бы массы обеих сторон были равны и с одинаковым искусством маневрировали—предпосылка, правда, невозможная—то очертание фронта, на котором эти массы развернулись бы, получило бы решающее значение, т.-е. армия, охватывающая или развернутая на более длинном базисе, должна оттеснить противника.

О политике и стратегии [1]).

Военная наука—стратегия и тактика (но отнюдь не искусство парадов и строевой муштры), или наука употребления сил государства для укрепления и защиты общества, во имя общественного блага и чести, как может она не заключать в себе политику?

Как может быть хороший дипломат, который не был бы в то же время хорошим воином? Ведь военные знания нужны ему для исполнения его важнейших функций; отсюда вытекает, что дипломатами следовало бы назначать только хороших солдат, так как на что пригодна хитрость без силы?

Карл V,—дипломат, не мог создать всемирной монархии, потому что он не был военным. И его, одного из хитрейших хитрецов, перехитрил и выгнал воин Мориц.

Людовик XIV, дипломат, также стал неудачлив в своих планах, как только старуха Ментенон начала подбирать ему плохих генералов.

Победитель при Денене, Виллар, добыл Бурбонам испанскую корону. Меч воина выбил перо из руки дипломата.

Как могла бы наука, созданная, чтобы послушно руководить десницей общества, одновременно не быть наукой, руководящей внешними отношениями государства, раз она неизбежно содержит даже вопросы внутреннего управления? Почти все великие полководцы одновременно были и хорошими руководителями внутренних дел. Даже калмык Атилла

---

[1]) Эти отрывки заимствованы из Бюловской „Истории кампании 1805 года". Первый отрывок имеет в виду австрийскую дипломатию, поддавшуюся увещаниям Англии и втянувшую Австрию в войну вопреки мнения ее лучшего полководца, эрц-герцога Карла. Второй отрывок накануне Иены стремится доказать немцам всю иллюзорность надежд на русскую помощь в борьбе с Наполеоном. Здесь, повидимому, Бюлов уже отходит от бескровных идей XVIII века и ясно схватывает очертания Наполеоновской политики и стратегии сокрушения. Он указывает на очень тесную связь политики и стратегии. За эту-то „историю" Бюлов и поплатился жизнью.

(Прим. редакц.).

подтвердил бы это положение, если бы ему пришлось заниматься вопросами внутренней политики. Как может дипломат правильно оценивать силы противостоящих государств, если ему неизвестна сама наука о силах? Если ему, следовательно, неизвестны естественные границы государства, т.-е. границы, обеспечивающие безопасность? Когда от его близоруких глаз ускользает момент, когда надо наступать, и он не усматривает времени, когда уже нельзя больше обороняться? Одним словом, знания шифровальщика не могут быть достаточны там, где необходимой основой является военная наука.

Политическая стратегия — не дипломатическая, так как дипломаты редко бывают политиками—является еще неизвестной наукой; чтобы положить ей начало, я сообщу миру принципы политической стратегии, и не будет недостатка в светильниках, которые постараются их осветить.

Надо всеми силами обрушиваться на авангард и душить его, если главные силы неприятеля столь удалены, что не могут оказать ему поддержки, и если вообще позади виднеется хвост, подобный хвосту кометы. Но так как тактика вообще представляет только стратегию в тесных рамках и идет параллельно с ней, то этот принцип должен быть перенесен на стратегию, а с нее—и на высшую или политическую стратегию.

Так, надо набросить и затянуть удавку на горло ближайшего, находящегося под рукой, государства, входящего во враждебный союз,—вы чувствуете, не правда ли, насколько благородно-эстетичны приводимые мною образы—прежде чем другие успеют придти ему на помощь; это есть политическая стратегия. Надо уничтожить выдвинувшуюся армию того же государства, прежде чем подойдет двигающаяся на поддержку армия; это есть военная стратегия. Надо всеми силами обрушиваться на авангард, когда армия еще позади, это есть тактика. Таким образом, я устанавливаю три ступени военного искусства, критериями которых являются количества времени и пространства; и первым принципом науки, которую мне предстоит выдвинуть вновь, будет следующий: „Политическая стратегия относится к военной так, как последняя относится к тактике, и политическая стратегия является наивысшей". Как военная стратегия регулирует операции одного похода, самое большее—одной войны, так политическая стратегия орентируется на процветание и существование государства в течение веков и тысячелетий.

Густав Адольф в Германии.

Правящая австрийская династия, воспитавшая целый ряд государей, которые тем более любили войну, чем меньше они лично делили ее опасности, хотела добиться гегемонии над всей Европой, но не брала на себя непосредственного руководства теми силами, которые одни могут дать господство. Только удачный выбор полководцев мог привести к цели этих невоинственных верховных военных вождей, но выбор этот, чтобы быть удачным, сам требует, чтобы его делал полководец...

Причиной войны была не религия, которая является внутренним делом и состоит в практике добра; причиной также не было соблюдение пустых обрядов, которые, если не являются символом политической партии, никого не интересуют; причина заключалась в грабеже церковных имуществ, который со времени реформации Лютера обогатил германских князей; а самостоятельность последних являлась единственным препятствием для неограниченного владычества австрийской династии в Германии. Религия давала повод к войне, так как никто не идет навстречу планам властолюбия, если последние не замаскированы...

НАУЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ ЭРЦ-ГЕРЦОГА КАРЛА.

Эрц-герцог Карл (1771—1847) являлся лучшим полководцем из всех, которых монархическая Европа противопоставила вождям революционных армий и Наполеону. И удивительно, это был генерал, который лучше других понимал революцию и был ближе к ней умом, чем многие французские маршалы, вышедшие из революционных рядов. Наибольшее счастье улыбнулось эрц-герцогу Карлу в 1796 году. В тот момент, когда юный Бонапарт одерживал свои первые, так поразившие весь мир победы в Италии, австрийский принц, бывший двумя годами моложе гениального корсиканца, на германском театре нанес сильное поражение выдвинувшимся в Баварию французским армиям Журдана и Моро и отбросил их за Рейн. После Аустерлица эрц-герцог Карл был назначен генералиссимусом с неограниченными полномочиями и приступил к капитальному переустройству австрийской армии, с целью подготовки к решительной схватке с Наполеоном. Предпринятая им работа представляет одно из самых интересных и поучительных явлений в истории военного искусства. Эрц-герцог Карл понимал огромное превосходство вышедших из революции французских армий и стремился приспособить к австрийским условиям все новшества, которые он встречал у своего начавшего жить новой исторической жизнью противника. Надо было переобучить совершенно армию, надо было заставить австрийский генералитет усвоить новые точки зрения, надо было изменить дух войск, надо было привлечь народные массы к вопросам обороны государства, надо было изменить обычаи и традиции армии, поставить жизнь ее и все устройство тыла на новые рельсы. Эта огромная работа далеко еще не была сколько-нибудь закончена, когда в 1809 году разразилась война с Наполеоном. Под Асперн-Эслингеном Наполеон в первый раз в своей жизни потерпел крупную неудачу на поле сражения; под Ваграмом эрц-герцог Карл был вынужден очистить поле битвы, но в весьма почетных условиях. Несомненно, ему удалось приподнять австрийскую армию на значительно более высокий уровень. Но на 39 году военная карьера эрц-герцога Карла была оборвана. Австрийский император опасался своего талантливого кузена, пользовавшегося общим уважением; сам Наполеон расписывался в особом почтении перед дарованиями и заслугами эрц-герцога Карла; могло случиться, побаивался император, что в результате войны Наполеон просто сменит его авторитетным и невраждебным по духу обновленной революцией Франции эрц-герцогом Карлом. Поэтому последний и получил, в благодарность за свои раны и заслуги, предложение оборвать навсегда всякую связь с государственными делами и ехать в ссылку к себе в имение. В 1813 году австрийский император отказал Александру I в просьбе назначить Карла главнокомандующим армиями коалиции.

Не у одного эрц-герцога Карла судьба оборвала в самом расцвете сил полководческую карьеру, и не он один, удаленный от практической деятельности, сменил шпагу на перо. И как писатель, эрц-герцог Карл оказался в том же первом ряду, в котором он был, как партнер Наполеона на поле сражения.

Уже его наставления и уставы, изданные в 1806—1808 г.г., представляют высокоценные труды. Это было первое переложение на бумагу, облечение в логическую форму новых явлений, выдвинутых революцией и наполеоновскими войнами. Французские армии побеждали, руководствуясь в жизни еще неписанными нормами и формально не отбрасывая в архив доставшиеся им от эпохи Бурбонов уставы. Перевод логики военной мысли в рельсы нового бытия—это заслуга Карла [1]). Он собрал энергичных и разумных офицеров, запротоколил опыт новейших войн, сделал надлежащие выводы. С чрезвычайной быстротой были в период подготовки к 1809 году разработаны новые уставы. Карл постарался, чтобы новые мысли были облечены и в новое слово, и пригласил для редактирования уставов известнейшего историка и поэта—Шиллера. Можно поэтому не удивляться, что различные фразы уставов Карла жили в австрийской армии до мировой войны включительно, что прусская комиссия 1811 г., с участием Клаузевица, пересадила их в значительной части и в прусскую армию, и что в исковерканном переводом виде попали они и в русскую армию, где, конечно, отсутствовали те предпосылки, которые в Германии, стонущей под игом Наполеона, заставили Шиллера взяться за неблагодарную работу—перечеканку в яркие, навсегда запечатлевающие фразы серого словоизвержения уставных комиссий.

Сам эрц-герцог Карл свою мысль сосредоточивал преимущественно на вопросах стратегии. Мы приводим ниже отрывки из двух его трудов: наставления для австрийских генералов, напечатанного в 1806 г., но в большей своей части написанного, повидимому, тремя годами раньше, и из изданного впервые в 1813 году капитального труда „Основы стратегии“ [2]). Последний труд, созданный в тиши кабинета изгнанника, более полно отражает нам образ мышления эрц-герцога Карла, но нам лично более нравится первое стратегическое наставление, написанное в пылу борьбы, еще молодым полководцем (какая зрелая мысль в 32 г.!), в котором впервые были провозглашены начала стратегии сокрушения. Читатель найдет у эрц-герцога Карла и Жомини очень много общих мыслей; даже формулировка начала ударности выливается в почти тождественные слова. Есть данные думать, что оригиналом является эрц-герцог Карл, а Жомини принадлежит заслуга отбора крупиц истины от фальши и частностей и широкой популяризации их.

В век эрц-герцога Карла наука не пользовалась в командном составе особым почетом; даже Беренхорст пришел к отрицанию военного искусства,

---

[1]) Мы просим читателя ознакомиться и с далеко отстоящей от нашей оценки оценкой эрц-герцога Карла Дельбрюком в приводимом ниже отрывке: стратегия Наполеона. (*Прим. редакции*).

[2]) Труды эрц-герцога Карла в русском переводе не издавались. Перевод для нашего труда выполнен с издания: Ausgewählte Schriften des Erzherzog Karl von Oesterreich. Wien 1893 г. В шести томах. На французском языке „Основы стратегии“ были изданы в 1818 г. в переводе, редактированном Жомини.

размышляя над успехами невежественных революционных генералов. Тем больше заслуга эрц-герцога Карла, выдвинувшего мысль о необходимости научной подготовки к полководческой деятельности. Читателя, может быть, будет несколько смущать утверждение этого классика, что стратегия покоится на твердых математических истинах, и попытка его свести вопрос о безопасности операционной линии к нескольким незамысловатым геометрическим теоремам [1]). Этот математический сор, против которого справедливо ополчился еще Жомини, в свое время являлся полезным оружием в борьбе с полуграмотностью генералов. Что это была далеко не борьба с ветряными мельницами, читатель может заключить хотя бы из того, что ее пришлось продолжать и три четверти века спустя позитивизму, в лице Леваля [2]).

Мы пожертвовали несколькими страницами настоящего издания, чтобы воспроизвести математические увлечения авторов,—они характерны, они знаменуют пройденную страницу развития стратегических идей. Разумеется, когда мы встречаем попытку такого же математически-механического подхода в конце XIX века (П. Гейсман. Тактика массовых армий), мы только можем в недоумении пожать плечами. Но мы умышленно опустили очень характерную особенность трудов эрц-герцога Карла—переоценку последним географического элемента. Это было бы для нас слишком громоздким балластом. Эрц-герцог Карл слишком много искал на местности ключей для разрешения стратегических проблем. Увлечение географией чувствуется уже в начале деятельности австрийского полководца, но оно развилось в ссылке дальше в сильнейшей степени.

Мы выбросили теперь из нашего военного лексикона самый термин стратегические и тактические ключи; в нашей оценке обстановки условия местности представляют не решающий элемент, а только один из элементов. Нам сейчас географические преувеличения эрц-герцога Карла не угрожают, и мы лишь используем плоды их—включение военной географии в число основных военных дисциплин.

Очень любопытно построение труда эрц-герцога Карла „Основы стратегии". Полное его заглавие—„Основы стратегии, поясненные очерком кампании 1796 года в пределах Германии". И у Ллойда, и у Вилизена теория стратегии явилась лишь обоснованием исходной точки зрения для критики подлежащих их исследованию войн. У эрц-герцога Карла 25 страниц первой части затрачиваются на изложение основ стратегии, а 84 страницы — на военно-географический анализ южно-германского театра военных действий; вторая часть представляет историю похода, вскрывающую влияние на ход событий географических факторов и большего или меньшего уважения полководцев к началам стратегии. Теория здесь не играет роли введения к исторической части труда; получается скорее впечатление, что эрц-герцог Карл прибегает к прикладному методу и на исторических фактах облекает

[1]) Здесь сказывается влияние всего духа мышления XVIII века; ведь первая история военного искусства Хойера была классифицирована редакцией Геттингенской истории наук, как подотдел математики. Непосредственный толчок к избранию математики за основу стратегии эрц-герцог Карл получил от известного в начале XIX века труда Вентурини: математическая система прикладной тактики (Venturini. Das matematische Sistem der angewanten Taktik. 1800 г.). См. дальше наше примечание ко второй главе „Основ стратегии" эрц-герцога Карла.

[2]) См. т. I настоящего труда, стр. 170—182.

в формы бытия дорогие ему истины. Этот метод получил впоследствии полное развитие у Верди.

Много мыслей эрц-герцога Карла не производят сильного впечатления, так как они, в деформированном виде, сотни раз повторялись различными учебниками. Здесь они раскрываются перед читателями у своего истока; некоторые главы, например, выводы из революционных войн и заключение „Наставления“, а также введение к „Основам стратегии“ и теперь сохранили свою свежесть и глубокий интерес.

И как полководец, и как писатель, эрц-герцог Карл имеет один глубокий недостаток: он стратег с оглядкой. Катастрофы с австрийской армией Меласа в 1800 г. и армией Мака в 1805 г.г. произвели глубочайшее впечатление на эрц-герцога Карла, состарили его. Он выдвигает на первый план осторожность, отказ от риска, стремление воевать наверняка. Он призывает непрерывно заботиться о безопасности операционной линии, не допускать врага никогда на свои сообщения с базой. Смертельная боязнь дерзких приемов Наполеона проходит через эти строки. Это—опыт побежденной, а не победившей армии. Встретившись в 1809 г. с Наполеоном, эрц-герцог развивал Регенсбургскую операцию с таким глубоким уважением к своему противнику, с таким предвкушением потери своих сообщений, что возможность торжества и победы становилась призрачной. Школа доктринеров—Жомини и Леера—заимствовала полностью эту оглядку у австрийского полководца, возвела ее в основу истинной теории и приписала дерзкому Наполеону такую же оглядку при ведении им операций.

У эрц-герцога Карла вместе с личным мужеством, равнявшимся храбрости Карла XII, удивительным образом связывалась эта стратегическая оглядка. Он часто бросался в рядах передовых частей в рукопашную схватку, но стратегически никогда не мог, забыв о всех возможных напастях, сосредоточиться на одной мысли о победе на решительном пункте. На памятнике в Вене скульптор изобразил эрц-герцога Карла на скачущем коне, с обломанным знаменем в руках, оглядывающимся назад [1]). И этот образ непременно возникнет и в мозгу читателя, вдумавшегося в предлагаемые отрывки. В этом отношении прямой противоположностью учению австрийского полководца является труд Шлиффена „Канны“, призывающий к величайшим дерзаниям, к величайшему риску, к преследованию самых головоломных целей. Не объясняется ли эта разница тем, что Шлиффен не чувствовал впереди себя Наполеона, с которым предстоит сыграть ответственную партию, и позади Шлиффена стояла германская армия, армия-победительница; что Шлиффен не чувствовал перед собой непреодолимой исторической силы, выросшей из революции, которую так ясно схватывал и которой втайне поклонялся эрц-герцог Карл?

Неблагодарная была задача являться партнером Наполеона. Ее тяжесть сказалась и на походах, и на теоретических трудах австрийского стратега. Если он, и в истории, и среди военных классиков, сохранил высокую репутацию, то лишь благодаря необычайно внимательному и упорному размышлению и широкому научному подходу ко всем выпадавшим на него задачам.

Редакция.

---

[1]) Памятник воспроизведен на стр. 148 третьего тома лучшей биографии эрц-герцога Карла: Oscar Criste. Erzherzog Carl von Oesterreich. Ein Lebensbild. Wien. 1912.

ЭРЦ-ГЕРЦОГ КАРЛ АВСТРИЙСКИЙ.

Основы высшего военного искусства[1]).

Глава первая.

Общие замечания о войне.

Война—это наибольшее зло, которое может выпасть на долю государства или нации. Поэтому главной заботой правителя и ответственного генерала должно быть, как только вспыхнет война, немедленно же собрать все силы, коими только можно располагать, и приложить все усилия, чтобы война была возможно кратковременна и вскоре разрешилась наиболее благоприятным образом. Целью каждой войны должно быть достижение выгодного мира; только выгоды мира устойчивы, и счастье народам может дать только продолжительный мир, а, следовательно, только мир может позволить правительствам достигнуть цели своего бытия.

Крупные цели могут быть достигнуты только решительными ударами. Поэтому важнейшее искусство генерала состоит в следующем: правильно определить момент и пункты, когда и где такие решительные удары могут быть нанесены с наибольшей вероятностью счастливых последствий.

Столь решительный удар возможен лишь при превосходстве в силах в пункте его нанесения.

Так как в большинстве случаев находящиеся друг против друга армии относительно равны по числу войск, то лишь один пункт может являться решительным, так как только в одном пункте могут быть сосредоточены численно превосходные войска.

Эти принципы, лежащие в природе войны, и единственно ведущие к решительным результатам позволяют следующим образом определить военное искусство: оно заключается в искусстве сосредоточивать и использовать

---

[1]) Из наставления для австрийских генералов, написанного в 1803 г., напечатанного в 1806 г.

на решительном пункте численно превосходные силы.

Это начало должно служить путеводной нитью каждому генералу как в операции самого крупного масштаба, так и в самом мельчайшем бою, и в наступательной, и в оборонительной войне, при всех возможных обстоятельствах.

Глава вторая.

О возможных видах войны.

Существуют два вида войны:

1. Наступательная война.
2. Оборонительная война.

Решительное превосходство в количестве или в качестве войск, или крупные выгоды, которые дают условия местности театра военных действий (эти выгоды могут быть созданы и искусственно, напр., рядом крепостей и т. д.), позволяют полководцу вести войну наступательную; отсутствие же подобных условий у противника вынуждает его ограничиваться оборонительной войной.

Первый вид войны является во всех отношениях более выгодным: он скорее всего ведет к цели, и каждая операция облегчается тем, что противник вынужден сообразовать свое поведение с действующим наступательно.

Ничто не может служить оправданием государству, решившемуся вести оборонительную войну, кроме неизбежной необходимости или вероятности, быть может даже уверенности в том, что в ближайшее время, либо вследствие изменения политических отношений, либо благодаря решительному удару, полководцу удастся перейти от оборонительной войны к наступательной.

Глава третья.

Об операционном плане.

При составлении плана операций никогда не следует упускать из вида главную задачу войны—возможно скорейшее достижение выгодного мира; следовательно, все должно быть направлено на то, чтобы решительными ударами возможно скорей принудить противника к миру.

Верный операционный план может быть составлен лишь после того, как будут получены точные сведения о средствах противника и местности, на которой придется оперировать.

Главное правило как наступательной, так и оборонительной войны заключается в следующем: никогда не из-

бирать для главных сил операционной линии, или позиции, позволяющих противнику оказаться ближе к нашей коммуникационной линии, к нашим магазинам и т. д., чем будем мы сами.

Полководец, с пренебрежением относящийся к этому правилу, после наиболее удачных событий легко может оказаться перед необходимостью отказаться от всех достигнутых преимуществ и начать позорнейшее отступление, не проиграв при этом ни одного сражения.

Глава четвертая.

О наступательной войне.

В наступательной войне главная задача полководца должна сводиться к тому, чтобы возможно скорее реализовать те выгоды, которые позволяют ему вести наступление, и решительными операциями с самого начала спутать предположения противника и поставить его в положение, исключающее возможность когда-либо достигнуть превосходства.

Чтобы придти к такому результату, поход должен быть начат на решительном пункте всеми силами; напротив, все прочие границы государства должны заниматься лишь количеством войск, строго необходимым, чтобы прикрыть эти провинции от покушений небольших неприятельских отрядов и не позволить противнику лишить нашу армию средств для продолжения войны.

Местность, долженствующая стать театром военных действий, будет либо открытой, либо защищенной крепостями, пересеченной или гористой.

В каждом из этих случаев пунктом, против которого надлежит направить наступление и оперировать всеми силами, является тот, который нас кратчайшим и скорейшим путем ведет в глубь неприятельской страны, не подвергая при этом опасности наши сообщения.

Ничто не может побудить полководца уклониться от этого принципа. Поэтому, его первым стремлением должно быть — начать кампанию решительным сражением и принудить противника его принять; до этого момента он должен весьма рассчитывать каждый свой шаг и продвигаться вперед с величайшей осторожностью; но если сражение выиграно, то он должен продвигаться быстро и решительно, чтобы использовать победу и не дать противнику времени оправиться.

На открытой местности, где превосходство сил приобретает наиболее решающее значение, подобная операция сопряжена с наименьшими затруднениями. Гораздо больше сообразительности, точного знания местности и всех средств, которые

может использовать противник, чтобы задержать наше продвижение, требуется, когда наступательная операция ведется на пересеченной или гористой местности; и в этом случае принцип оперировать сосредоточенными силами против решительного пункта — остается неизменным; но, однако, лишь путем точного изучения местности, обеспечения тыла и флангов, выделения отрядов и соблюдения максимальной осторожности можно избежать опасности быть захваченным врасплох внезапным маневром неприятеля и мелкими его покушениями, для которых местность представляет достаточный простор, или же оказаться обреченным на бездеятельность и даже быть вынужденным к отступлению.

Глава пятая.

Об оборонительной войне.

Принципы оборонительной войны большей частью могут быть выведены из таковых наступательной войны.

Главной целью обороны является выигрыш времени, защита и обеспечение от предприятий неприятеля находящейся под нашей властью территории.

Первая из этих целей достигается уклонением от каждого решительного удара противника; вторая—путем сосредоточения в пункте, имеющем решающее значение для завоевания страны, всех сил, которые явится возможным постепенно собрать, и комбинации соответственных маневров с выбором хороших позиций.

Многие генералы впадали в ошибочное заблуждение, что страну надо прикрывать путем расстановки длинных кордонов и занятия всех пограничных пунктов; интересы обороны всей страны при этом приносились в жертву обороне какой-нибудь деревни или маленького участка территории; все выгоды оказывались на стороне противника, соединенными силами наступавшего на один из пунктов.

Поскольку к обширному завоеванию приводит только победа, одержанная на выгоднейшем пункте границы, постольку оно может быть предотвращено только тем, что противник будет силой здесь остановлен; для прикрытия остальной границы от мелких партий будут выделяться лишь незначительные отряды. Если противник разделит свои силы, чтобы одновременно повести наступление на нескольких участках, то тем самым он упускает из рук преимущество численного превосходства; тогда является возможность из того пункта, где сосредоточены все силы, последовательно атаковать и разбить отдельные его части и тем самым дать войне совершенно иной оборот.

При оборонительной войне в горах[1]) также не следует отступать от основного принципа—сосредоточения сил на решительном пункте. Не надо впадать в ошибку из-за кажущихся выгод, которые нам даст оборона всех ведущих в страну проходов и перевалов.

Горы, подлежащие обороне, характеризуются тем, что имеют или только один главный перевал, или же несколько равно доступных путей, по которым противник может продвинуться до наших сообщений с магазинами и т. д.

В первом случае, наши главные силы должны расположиться в этом проходе; оборонительная позиция избирается там, где доступ противника встречает наибольшие естественные препятствия; эти препятствия, конечно, должны быть немедленно искусственно умножены.

Авангард занимает выход из гор в равнину и не столько для обороны этого пункта, как для того, чтобы быть точно ориентированным о движениях противника и об ошибках, которые он мог бы допустить; их немедленно надлежит использовать или путем перехода в наступление или же каким-либо другим способом.

Если же в обороняемых горах имеется несколько одинаково выгодных для противника проходов, то оборона последних связана с большими трудностями, за исключением того случая, когда долины, по которым проходит большинство этих путей вторжения, соединяются между собой несколькими дорогами. Если дороги, которые могут служить для вторжения противника, соединяются в каком-нибудь пункте недалеко от входа в горы, то здесь должны быть сосредоточены главные силы армии, а перевалы занимаются лишь легкими войсками, для поддержания которых выдвигают отдельные отряды.

Когда противник атакует один из этих перевалов, все эти сторожевые части и выделенные отряды оттягиваются к армии, чтобы не подвергать их опасности оказаться отрезанными от своих главных сил, сообщений и магазинов, если противнику где-либо посчастливилось и удалось продвинуться вперед.

Условия обстановки и характер местности позволят начальнику решить немедленно, следует ли ожидать противника в том пункте, где расположена армия, и держаться чисто оборонительно, или же надлежит двинуться ему

---

[1]) Эрц-герцог Карл является большим специалистом по войне в горах; Шварцвальд, Швейцария, Горная Бавария, Тироль и отроги Альп, протягивающиеся к Адриатическому морю—чрезвычайно важные для Австрии горные театры; этим объясняется, что австрийский полководец в большей части своих теоретических трудов имеет в виду борьбу в горах. (*Прим. редакц.*).

навстречу и его атаковать. Последнее все же в горной войне является предпочтительным, в особенности при наличии преимущества над противником в лучшем знакомстве с местностью и страной.

Такие горы, в которые ведут направляющиеся параллельно дороги, совершенно не сходящиеся, или же сходящиеся лишь внутри страны, а, следовательно, не имеющие сообщений между собой, встречаются исключительно редко[1]. Наиболее целесообразным способом их обороны является расположение сосредоточенной армии в одном из образуемых дефиле, по возможности в том, которое лежит ближе всего к неприятельской коммуникационной линии; остальные перевалы занимаются только отрядами. Таким путем противник лишается возможности предпринять что-нибудь серьезное, не подвергая большой опасности свои сообщения, прежде чем не будут разбиты или, по крайней мере, оттеснены главные силы армии; наша цель будет достигнута, если мы его вынудим действовать против того пункта, где мы в состоянии оказать наибольшее сопротивление.

При таком превосходстве неприятеля, которое позволяет ему не только противопоставить нашей армии превосходные силы, но одновременно вести энергичную операцию и в другом пункте — всякая оборона является почти невозможной.

* * *

Ни при каких условиях и даже при наибольшем расцвете счастья генерал не должен упускать из виду основного правила: не предпринимать ни одного шага, который в случае неудачи мог бы повлечь бо̀льшие опасности, чем доставить выгод при удачном исходе.

Глава шестая.

О позициях, их обороне и атаке.

Хорошей позицией можно назвать только такую, на которой армия может полностью разрешить задачи, входящие в план полководца и которая в это же время достаточно обеспечивает армии выгодные условия вступления в бой на случай неприятельской атаки.

Важнейшими свойствами хорошей позиции являются надежные, непреодолимые для противника опоры на обоих крыльях,

---

[1]) Каждая высокая горная цепь близка к этому типу, например, Карпаты. (*Прим. редакц.*).

свободные сообщения по фронту, обеспеченное отступление по нескольким хорошим дорогам и местность перед фронтом, создающая затруднения противнику, и, наоборот, позволяющая нам свободно использовать наше оружие и всецело командуемая и анфилируемая с данной позиции.

Позиции можно подразделить на два вида:

1) Позиции, задача коих в сущности сводится лишь к защите района, в котором располагаются войска. Чем сильнее будет пересечена местность перед фронтом, на удалении свыше 1 или $1^1/_2$ пушечных выстрелов, тем будет лучше, чтобы противнику представились всевозможные затруднения.

2) Позиции, которые предназначаются для расположения армии и образуют только исходный пункт, откуда имеется в виду маневрировать против надвигающегося неприятеля: например, позиции, занимаемые на удалении $^1/_4$ или $^1/_2$ часа от значительного дефиле, чтобы ввести противника в соблазн, продвинуть через него армию и атаковать неприятеля в момент, когда часть его войск минует дефиле [1]).

Последние позиции должны иметь открытую местность перед фронтом или флангами, смотря по расположению пункта, против которого хотят двинуться, чтобы иметь возможность свободно маневрировать, в особенности если в нашем распоряжении имеется численно и качественно превосходная кавалерия.

К такому роду принадлежат по большей части позиции для обороны рек, или открытых районов, или таких участков, которые изобилуют путями, ведущими к одной той же цели: подобные позиции преимущественно встречаются у пунктов, в которых сходятся главные дороги и рубежи.

Полководец никогда не должен занимать позиции или рисковать на малейшее предприятие, не оставив себе резерва, который обеспечивал бы ему отступление при любом несчастном случае, позволял бы дать хороший оборот неудачным боям и завершить одержанную победу.

На войне часто приходится сталкиваться со случаем, когда полководец вынужден занимать позиции, лишенные того или иного существенного свойства хорошей позиции.

Засеки, наводнения, укрепления, занятие замков, устройство новых сообщений и т. д., являются вспомогательными средствами, которыми во многих случаях можно возместить недостатки позиции; однако, если недостаток позиции кроется

---

[1]) Этому правилу эрц-герцог Карл стремился следовать при обороне Дуная в 1809 г. (Асперн—Эслинген и Ваграм), а Конрад в 1914 г., при обороне Вислы во время Ивангород-Варшавской операции. (*Прим. редакц.*).

в характере местности, то этому крупному ущербу можно помочь только путем соответственного расположения войск, или же следует вовсе отказаться от занятия подобных позиций, как бы ни были велики представляемые ими выгоды, например:

1. Во всех отношениях хорошая позиция, но имеющая в своем тылу значительное дефиле.

2. Позиция, имеющая такую малую глубину, что на ней можно расположить только одну линию боевого порядка и т. д.

К наиболее отрицательным позициям относятся, главным образом, те, у которых оба крыла не имеют достаточной опоры, и фланг которых протягивается по равнине, а также позиции, у которых опертым является только одно из крыльев, так как тогда противник может с величайшей выгодой атаковать обнаженное крыло расположенной армии, отбросить ее к опоре другого крыла, будь то река, или болото, и этим путем уничтожить ее начисто.

Цель, которую мы стремимся достигнуть, ища опоры для наших крыльев, заключается в том, чтобы сделать недоступной атаке слабейшую часть нашего расположения. Если мы можем единственно нашим расположением лишить противника возможности охвата, то такое построение обеспечивает нас и на тот случай, когда характер позиции не позволяет достаточно надежно прислонить фланги. В этом отношении все преимущества имеет построение уступами, когда, в зависимости от требований данного случая и местности, позади угрожаемого крыла эшелонируются два, три или более уступов, притом так, чтобы они находились на удалении, допускающем взаимную поддержку. Противник будет лишен возможности взять во фланг армейское крыло, так как при этом ему пришлось бы обнажить собственный фланг перед находящимися на уступе частями; также он не сможет рискнуть более широким движением охватить и эти уступы, так как при этом он открыл бы нам свой путь отступления, свою *коммуникационную* линию и предоставил бы нам время самим фланговым маршем нанести ему удар во фланг [1]).

Говоря кратко, цель — прикрытие и обеспечение крыльев, должны быть полностью достигнуты.

Вообще можно привести бесконечное количество подобного рода случаев; к а ж д а я   п о з и ц и я   т р е б у е т   и н о й   г р у п п и р о в к и, иной диспозиции.

---

[1]) Идея уступного расположения и теперь широко используется как стратегией, так и тактикой, но мотивировка австрийского полководца являлась несколько устарелой и в его эпоху, так как в ней еще чувствуется идеология линейного порядка. (*Прим. редакц.*).

Задачей разумного полководца и является соответственное применение общих главных правил военного искусства и искусный подход к различным обстоятельствам и положениям, в которых он будет находиться.

Существует два метода принудить противника оставить свою позицию: или атаковать его и отбросить, что, безусловно, предпочтительнее при решительном численном и качественном превосходстве войск или при неудачном выборе противником позиции, или же заставить его отойти путем маневра. К последнему способу приходится прибегать в тех случаях, когда нельзя с уверенностью рассчитывать на счастливый исход атаки, или же является желательным несколько отложить решительное сражение, чтобы путем наших движений сначала утомить противника, поставить его в невыгодное положение и тем прочнее обеспечить себе шансы на счастливый исход.

Эта цель достигается путем маршей, направленных на те пункты, откуда можно угрожать коммуникационной линии неприятеля или даже перерезать ее всей армией или летучими отрядами и разъездами; путем угрозы и движений на такие пункты, удержание которых имеет столь важное значение для противника, что он будет вынужден оставить свою позицию и т. д.

При атаке какой-нибудь позиции, главным образом, надо сообразить, каковы ее слабейшие пункты и какие ее пункты имеют столь решающее значение, что пока мы не сможем ими завладеть, всякая атака в ином месте является невозможной или, по меньшей мере, опасной.

К первым преимущественно относятся крылья, если они не имеют хорошей опоры, или особенно выдающиеся пункты, не получающие поддержки огнем с остальной позиции; к последним — укрепления, высоты, огонь с которых прикрывает фронт позиции и бьет во фланг всякой войсковой части, пожелавшей миновать их, с целью атаки позиции в другом месте, и те участки неприятельского расположения, которые так близко расположены к пути, который мы имеем в виду для нашего отступления в случае неудачной атаки, что смогли бы обстреливать его и т. д.

При самой атаке основной путеводной нитью должен служить принцип: сосредоточивать на решительном пункте все елико возможные силы и никогда не рисковать атаковать, если наши сообщения и путь отступления не вполне обеспечены. В этом отношении будет предпочтительнее предпринять атаку на более трудном участке, чем атакой более выгодного участка подвергнуть себя опасности оказаться без обеспеченного отступления, и в случае неудачи встретить противника на своих сообщениях.

Глава седьмая.

О демонстрациях.

В каком бы положении ни находился полководец, из всех операций, которые он мог бы предпринять, только одна является истинной, наиболее целесообразной и отвечающей обстановке [1]).

Демонстраций же, наоборот, может быть столько, сколько фантазий может породить человеческий разум, уклонившийся с пути истины, но самой предпочтительной демонстрацией всегда является такая, которая похожа на вероятнейшую операцию. Такие демонстрации легче всего удаются, когда благоприятная обстановка или превосходство сил позволяют переходить в наступление; они опаснее всего для противника, вынужденного обороняться и сообразовать свои движения с предприятиями врага.

Чтобы не подвергаться опасности быть введенным в заблуждение демонстрациями, полководец прежде всего должен расчитать, какая из всех операций, могущих быть предпринятыми противником, является для него наиболее целесообразной [2]). Против такой он должен заранее обеспечиться, снарядиться, сгруппироваться, сообразовать с ней все свои движения, и тогда он никогда не попадет впросак. Или противник будет действовать в соответствии с верными принципами, и к этому случаю мы окажемся подготовленными, или же он уклонится с этого пути и, следовательно, допустит ошибку, а таковую умный полководец всегда использует.

Как же в последнем случае полководец отличит, сводится ли цель противника исключительно к демонстрации, или же он действительно принял ошибочный план и предпринял нецелесообразные передвижения? Как он избежит опасности, не попасться в ловушку, не рискуя при этом игнорировать ошибку противника до тех пор, пока противник успеет ее загладить?

---

[1]) Мы согласны с этой мыслью только в пределах стратегии сокрушения, в которой все ориентируется на решительное сражение и ведущую к нему подготовку. Но это не вполне верно для стратегии измора, когда все ведение войны рассыпается на ряд отдельных операций и открывается возможность не одного, а нескольких удовлетворительных решений. (*Прим. редакц.*).

[2]) Эта мысль эрц-герцога Карла часто ошибочно толковалась в том отношении, что для противника подыскивалось школьно-правильное решение, не считавшееся с политической обстановкой, в которой он находился, и со всеми теми разнообразными давлениями, коим подвергался неприятельский полководец. Надо иметь в виду не отвлеченную целесообразность того или другого решения для неприятельского полководца, а решение, которое будет рисоваться наиболее целесообразным с точки зрения той логики, которой будет вынужден держаться неприятель. (*Прим. редакц.*).

Эта военная проблема, одна из труднейших в военном искусстве, заслуживает особого рассмотрения.

Неприятельские демонстрации могут заключаться или только из подготовительных действий, или же из настоящих операций, как-то: движений, маршей, продвижений вперед армии, отдельных отрядов и т. д.

За первыми следует внимательно наблюдать, но полководец ни в коем случае не должен покидать или ослаблять свои силы в пункте на основной операционной линии с целью предупредить противника в менее важном пункте, хотя бы он и сосредоточивал там войска.

Что касается второго случая, то при этом также нельзя принимать никаких решений, не получив самых верных сведений о маршах и силе противника, а также о тех пунктах, куда он направляет свои движения, хотя бы при этом и пришлось потерять некоторое время. Эту утрату всегда легче наверстать, и она принесет менее вреда, чем преждевременное оставление решительной позиции, уход с важной операционной линии.

Если подтвердится, что противник, сосредоточив свою армию, приступил к операциям в пункте, который мы не имели в виду, вдали от района группировки нашей армии, можно еще продолжить сохранение выжидательного положения и, может быть, попытаться путем принятия новой группировки и передвижений против фланга и тыла противника помешать его дальнейшему продвижению и принудить его отказаться от своей инициативы, чтобы на худой конец не рисковать своим путем отступления. Если же, напротив того, противник направляется так близко, что мы подвергаемся опасности, как бы он быстрым движением не предупредил нас на нашей коммуникационной линии, тогда, в зависимости от соотношения сил, надо или быстро атаковать противника, или же начать отступление, чтобы уклониться от боя в неподходящих условиях. Но никогда нельзя совершать одного из этих движений, не будучи твердо уверенным в том, что противник имеет в виду серьезную операцию и действительно приближается к такому пункту, откуда он может прежде нас достигнуть нашей коммуникационной линии. Ведь намерение противника может заключаться исключительно в том, чтобы заставить нас без боя очистить занимаемую позицию; устраивая поблизости демонстрацию, он сохраняет за собой возможность быстрым движением занять оставленную нами позицию, прежде чем мы успеем вновь на нее вернуться.

Если мы будем возможно дольше удерживать нашу позицию, то этот план окажется совершенно спутанным, и противник будет вынужден или обратить начатую им демонстрацию в настоящую операцию, или же приблизиться к нам и атаковать; в обоих случаях мы выигрываем время, чтобы использовать ошибку противника или уклониться от боя.

Те же принципы, которые полководец не должен упускать из виду, чтобы не быть введенным в заблуждение демонстрациями, в меньшем масштабе должны руководить им и в день сражения.

Глава восьмая.

Какие изменения вызвали последние французские войны в методах ведения войны.

Война, начавшаяся в 1792 году и закончившаяся у ворот Вены Штейерской конвенцией и последовавшим за ней в начале 1801 года Люневильским миром, дает нам печальный пример самых ужасных последствий, вытекающих из того, что ведение войны начинается не со всеми наличными силами и не со всей возможной энергией, а с презрением к своему противнику.

Ни одна война не была начата при более благоприятных обстоятельствах. Неприятельская армия была совершенно дезорганизована, крепости, которые могли задержать австрийцев, не были ничем снабжены, значительная часть населения и даже часть армии рассматривала австрийцев, как своих спасителей, которые одни могут восстановить порядок, спокойствие, а, следовательно, и счастие внутри страны.

Однако, в действующей армии имелось так мало сил, что эти преимущества не могли быть использованы. Правда, была сделана попытка вторжения в глубь страны, но предварительно не было создано надлежащего базиса путем взятия нескольких крепостей, не были предусмотрены необходимейшие потребности, не были обеспечены сообщения и недостаточно прикрыты районы, из которых предстояло наладить подвоз; поэтому эта операция была обречена на неудачу.

Противник выигрывал время, собирал большие толпы людей, постепенно превращающихся в солдат, которые вскоре начали одерживать победы.

В действующую армию посыпались подкрепления—однако лишь частичные и лишь после проигранных сражений и кампаний.

Правда, иногда удавалось также и побеждать, но за недостатком сил из этих побед не было извлечено большой пользы.

Противник же, наоборот, по частям разбивал австрийцев и, наконец, дошел до ворот Вены, и здесь был продиктован мир, который, если бы война была надлежащим образом поставлена, должен был быть заключен у ворот Парижа.

Характерные изменения в методе ведения войны, явившиеся результатом последних французских войн, явились след-

ствием большей подвижности войск, а, следовательно, и армий; а эта подвижность родилась отчасти по нужде, а отчасти объясняется национальным характером французского народа.

Революционная война вспыхнула неожиданно; необходимая подготовка по набору и довольствию армии не предшествовала ей; отсюда система реквизиций как в своих пределах, так и в чужих странах; а из последней вытекла возможность скорых, неожиданно-быстрых передвижений; не было больше надобности в столь громоздких магазинах, явилась возможность уменьшить провиантский обоз, столь тормозивший всякое передвижение армий.

Французские армии были наскоро составлены из взятых по набору крестьян. Самое трудное в воспитании солдат— это внушение требования сохранять сомкнутый порядок, но преподать его в краткий срок было невозможно; поэтому, используя те преимущества, которые давал их по природе смелый, восприимчивый и легкомысленный характер, предоставили солдатам сражаться в рассыпную.

Эти изменения в военном искусстве являлись сначала просто выходом по нужде, но в последующих походах они утряслись и сложились в систему, которую пришлось принять и другим армиям, так как достигнутая ею быстрота всех движений давала французским армиям решительный перевес.

Как следствие, явились столь быстро следующие один за другим переходы, что отдаленные передвижения неприятеля приобрели влияние на группировку армий, маневр стал комбинироваться на большом расстоянии; все это раньше было совершенно неизвестно.

Большая подвижность войск, в соединении с методом боя в рассыпном строю, отразилась также и на позиционном искусстве и осложнила оборонительную войну, так как местность, которая при старых формах организации армий и их методе боя являлась недоступной и непроходимой и, следовательно, могла быть использована, как опора для крыльев, и могла оставаться совершенно незанятой, теперь не только перестала представлять препятствие, но стала ареной действия, притом не единичных частей, а целых корпусов.

Эта эволюция многих привела к заблуждению, что можно чувствовать себя спокойным только в том случае, если все занято и войска разбросаны по всем пунктам.

Другие же отъявленные враги новшеств признавали вредным и нецелесообразным даже малейшее разделение своих войск в течение боя.

И размышление, и опыт будут все сильнее укреплять в сознании каждого военного принцип—никогда не разделять своих сил там, где должно состояться решение, и уяснят ему необходимость держать свои части

в сборе, чтобы иметь возможность маневрировать; ведь при сосредоточении сил в решительном пункте, даже превосходное число разделенных, бродящих по окрестностям, врагов не может нанести нам решительный удар; наоборот, противник сам рискует быть рассеянным, если мы всеми силами ринемся против наиболее опасной для нас части, а в остальных пунктах будем лишь связывать врага: при правильном расчете атаки все прочие части неприятеля подойдут слишком поздно на помощь атакованной части и в то время, как она будет атакована, не смогут предпринять ничего решительного, чтобы спасти ее или выручить.

С другой стороны, если прислушаться к советам, которые дает опыт и знание человеческого сердца, то придется сознаться, что редко, особенно после длительной войны, удается встретить у войск достаточную выдержку, чтобы сохранять сомкнутость, когда отдельные неприятельские стрелки бродят вокруг, беспокоят их своим огнем и застреливают в строю отдельных людей.

Такой развернутый строй, подставленный под огонь рассыпанных стрелков, развалится вскоре сам: или он в беспорядке двинется на противника, тщетно надеясь, что он этим путем прикроется и отгонит их от себя, или каждый будет думать о своем спасении. В этих условиях разве противник не может твердо рассчитывать на победу, если позади стрелков у него имеется резерв, наносящий сомкнутый удар?

Таким образом, раз противник располагает стрелками, то является необходимость противопоставлять им подобный же род оружия; дело заключается только в том, чтобы установить правильное отношение силы частей, которые надлежит рассыпать в виде стрелков; не надо упускать из вида принципа, что лишь небольшая часть войск может быть рассыпана в виде стрелков, большая часть, напротив, должна держаться до решительного момента сомкнуто, в резерве.

Установление этой пропорции зависит от количества и качества как своих, так и неприятельских войск, от местности, на которой приходится драться и т. д., одним словом, от условий данной обстановки.

Те функции, которые авангарды и сторожевое охранение выполняют в большом масштабе, стрелки должны разрешать в малом. Они должны занимать внимание противника, утомлять его, выводить из равновесия, держать в известном удалении его стрелков, производить разведку неприятельской позиции и подступов к ней и т. д. Одним словом, разумный полководец при наступлении и при обороне найдет применение стрелкам в период, предшествующий решительному бою, чтобы, так

сказать, подготовить эффект, который должен произвести наступление или огонь сомкнутых частей: решительный удар он всегда будет наносить сомкнутыми частями.

Глава девятая.

Заключение.

Правила военного искусства всегда были, суть и будут одни и те же, так как они опираются на математические, бесспорные истины; по той же причине они малочисленны, так как подобных истин вообще существует немного.

Первый из всех этих принципов покоится на необходимости правильного расчета средств, которые необходимо использовать для достижения цели; ведь нельзя оспаривать истину, что без надлежащих средств ничто не может быть доведено до конца; этими средствами являются силы. Сил может быть много или мало, самого различного вида, но их должно быть столько, чтобы они соответствовали поставленной цели.

Для всякой силы есть время, когда она обладает наибольшей действенностью; если этот момент позади, то полезная работа идет на убыль и в конце концов совершенно поглощается внутренними трениями [1]).

В эпоху ее сильнейшей действенности от силы можно ожидать наибольших результатов. Полководцу нужно уметь правильно определять этот момент; отсюда вытекает расчет времени и вывод, что вернейшим средством победить является правильное определение момента, когда основная масса наших сил может дать наивысшую степень полезного усилия.

Другая математическая истина гласит, что нельзя ожидать никакого результата там, где противополагаются совершенно равные силы. Следовательно, чтобы иметь возможность надеяться на лучшее, надо обладать или суметь искусственно создать себе превосходство сил, при чем последнее может заключаться в численности, высоких достоинствах войск, в способностях полководца, в географических данных и т. д.

Так как силы изнашиваются при производимом усилии, то их необходимо возмещать, чтобы они могли продолжать работать; отсюда вытекает решительная необходимость постоянно прикрывать свою коммуникационную линию и невозможность ведения сколько-нибудь солидной, длительной операции при отказе от этого положения.

---

[1]) У Клаузевица эта идея о трении, об усилиях войскового аппарата, не производящих полезной работы, получила впоследствии большое развитие. (*Прим. редакц.*).

Но почему же всегда только один пункт является решительным? Потому что это противоречило бы природе вещей, если бы существовало несколько во всех отношениях равных пунктов, а, следовательно, только в одном пункте вернее всего может быть достигнута наибольшая цель.

Принципы военной науки малочисленны и неизменны; однако, приложение их никогда не бывает и никогда не может быть одинаково.

Каждое изменение в соотношении армий, их оружия, их силы, их группировки, каждое новое изобретение требует различного приложения этих правил. Да разве можно себе представить случай в человеческой жизни и особенно на войне, который ничем бы не отличался от имевшего место ранее события?

* * *

Чтобы заслужить имя полководца, недостаточно быть знакомым с принципами военной науки; надо уметь и применять их. Для этого недостаточно одного изучения трудов по тактике, так как встречающиеся случаи столь многочисленны и столь разнообразны, что указать определенные правила для всех их является невозможным.

Это искусство приложения может быть достигнуто лишь чтением военной истории, размышлением и оценкой событий прошлого, а также выработкой, путем частых упражнений на местности, знаний и глазомера. Одним словом, чтобы стать полководцем, надо самому себя к этому подготовить.

Основы стратегии.

Введение.

Настоящий труд имеет целью помочь подготовке полководцев для защиты отечества.

В руках полководца находится спасение или гибель отечества. Он часто должен принимать решения, от которых зависит судьба миллионов людей, не имея ни досуга, ни времени для подготовки, под гнетом требований момента, когда все бушует и в нем, и вокруг него, когда сотни предметов развлекают его внимание и треплют его чувства; этим решениям должно предшествовать познание истины—истины, которая в нормальных условиях открывается и различается от мнимого и ложного лишь путем зрелых и хладнокровных размышлений.

Всякое осуществление решений неизбежно требует времени, а дело, требующее решения, предстает перед полководцем часто лишь в тот момент, когда ему уже нужно приступать к выполнению. Оценка обстановки, принятие решения и его осуществление настолько быстро теснятся друг за другом, что полководец должен обладать способностью одним взглядом охватить все в целом, усмотреть следствия различных решений и в тот же момент избрать лучшее и определить наиболее целесообразный метод его выполнения.

Столь сильным, проникновенным и всеохватывающим глазомером может обладать лишь тот, кто путем глубокого размышления постиг сущность войны, приобрел основательное знание ее законов и вполне усвоил науку о войне, лишь тот, кто на опыте познал неоспоримую истину ее принципов и изучил искусство их приложения; наконец, способность свободно, быстро, уверенно решать будет иметь лишь тот, кому полнота знания обеспечивает убежденность, что он принимает правильное решение.

Да убедит это замечание всех, кто чувствует в себе мужество и способности, чтобы подняться на полководческий пост, как много для этого требуется; пусть эти соображения поощрят их развивать необходимые для этого свойства.

Крупная цель может быть достигнута лишь при большом напряжении: но велика и награда в виде благодарности отечества и уважения современников и будущих поколений; велика от чувства собственного достоинства, от сознания силы и своих заслуг.

Усилия научного порядка и опыт создают полководца; но не исключительно личный опыт—так как какая человеческая жизнь достаточно богата делами, чтобы дать его в полном объеме, и кто мог когда-либо упражняться в трудном искусстве полководца, прежде чем он достиг этой желанной должности,—а также и обогащение своего знания чужим опытом, путем познания и оценки прежних исследований, посредством сравнительного изучения знаменитых походов и чреватых последствиями событий военной истории.

Как далеко подвинется человек, который, имея эти предварительные знания, начнет там, где закончили другие, и с неменьшим напряжением будет продолжать разматывать клубок с того места, до которого добрались его предшественники.—Столь распространенная в наше время фраза, что великие полководцы таковыми рождаются и не нуждаются в каком бы то ни было образовании, является одним из грубейших заблуждений современности, одним из тех однобоких общих мест, опираясь на которые наглые или ленивые и малодушные хотят избавиться от тяжелых усилий на пути к совершенству.

Гений родится, но великий человек должен быть подготовлен; гений есть зачаток, но не завершение. Правда, иногда он в своем учении делает скачки и обгоняет опыт; он инстинктивно постигает результат и не останавливается на принципе, который развивается в его душе, как неизвестная величина. Но гораздо чаще он витает среди гибельных заблуждений, и если его полет когда-нибудь достигает бессмертия, то это преимущественно является не заслугой гениальности, а следствием счастливой случайности.

Таким образом гений должен получить известное направление; он должен быть просвещен, обогащен, обуздан путем ли случая или удачно сложившихся обстоятельств, посторонними влияниями, необходимостью, сцеплением важных событий, размышлением или личным опытом—одним словом, он должен быть образован.

Если до сих пор еще ни один человек не стал великим полководцем, не будучи гением, то все же мы находим в военной истории примеры, как образованные вожди армий, имевшие менее гениальные задатки, побеждали необработанных гениев, если они только соединяли в себе твердую решимость и упорство с предусмотрительностью.

Данный труд является результатом размышлений и плодом как своего, так и чужого опыта. Предметом его является собственно наука о войне, которая в отличие от военного искусства, или тактики, именуется стратегией.

Намерение автора осуществится, и его труд будет вознагражден, если ему удастся облегчить первые шаги человеку, посвящающему себя великому призванию стать опорой своего отечества.

Глава первая.

Определение стратегии.

Стратегия—это наука о войне. Она намечает план, обнимает и определяет ход военных операций; она является подлинной наукой верховного полководца.

Тактика—это военное искусство. Она учит методам осуществления стратегических предположений и является непременным искусством каждого строевого начальника.

Стратегия определяет решительные пункты, владение коими необходимо для достижения намеченной цели и намечает связывающие их линии. Если эти пункты уже обеспечены за нами, то вместе с соединяющими линиями они образуют при оборонительной войне—оборонительную линию, при наступательной войне—операционный базис; если же до этих пунктов нужно

еще добраться, то они носят названия операционных объектов, а ведущие к ним линии именуются операционными линиями.

Армия, которая ограничивается удержанием уже занимаемых стратегических пунктов и передвигается лишь между ними,—действует строго оборонительно. Как только она исходит от этих пунктов, как из базы, чтобы выиграть другие стратегические пункты—операционные объекты—она переходит в наступление.

Каждый стратегический проект должен быть осуществлен тактически. Тактика учит, как располагать, использовать и руководить войсками на стратегических пунктах и как передвигать их по этим линиям, чтобы достигнуть стратегической цели: следовательно, тактика подчиняется стратегии.

Стратегия и тактика тесно связаны между собой. Тактические ошибки могут повлечь за собой потерю стратегических пунктов и линий, и напротив, самые лучшие тактические мероприятия редко приведут к устойчивому успеху, если только они имеют место на участках или направлениях, лишенных стратегического значения. В тех случаях, когда возникает противоречие между стратегией и тактикой, а именно, когда стратегические требования вступают в коллизию с тактическими преимуществами, то первые, обыкновенно, одерживают верх и перевешивают последние, потому что стратегические пункты и линии обусловливаются характером театра военных действий, и изменить их не во власти полководца; тактика же в своем искусстве находит средства путем различных методов употребления войск, устройством укреплений, засек и т. д., устранить недостатки невыгодной позиции.

Глава вторая.

Основные положения стратегии.

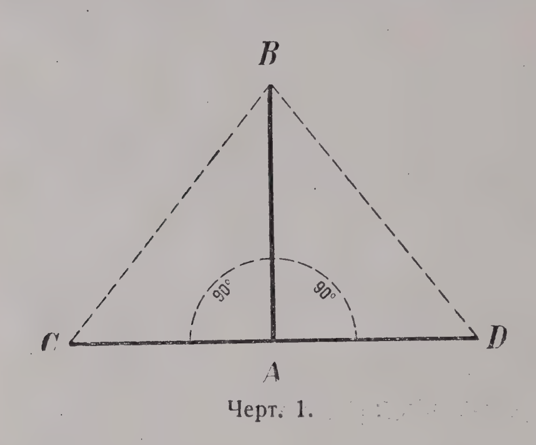
События войны имеют столь решительное значение, что первым долгом полководца является забота о возможно большем обеспечении успеха. Но успех может иметь место лишь там, где имеются в наличии все необходимые для ведения войны средства; следовательно, успех может иметь только армия, владеющая территорией, откуда эти средства извлекаются,—и путями, по которым они подвозятся.

Поэтому, каждая группировка и каждый марш должны вполне обеспечивать ключи лежащей позади страны и операционный базис, на котором сосредоточиваются запасы, сообщения с последним

и операционную линию, избранную армией, чтобы дойти от базиса до операционного объекта. Таково основное положение, от которого никогда нельзя отступать и в котором кроется сущность стратегии.

Каждая сила дает результат только на том удалении, на котором она может действовать; следовательно, действие пункта, в котором находится армия, распространяется лишь постольку, поскольку противник не может его миновать и достигнуть другого стратегического пункта прежде, чем его там не предупредят и не преградят ему путь, или не нажмут на его сообщения, фланги и тыл.

Пусть будет *a* (черт. 1) пунктом [1]), на котором находится армия, *b* — расположение неприятеля; тогда *a* прикрывает весь район, расположенный позади линии *cd*, которая в точке *a* горизонтально или под прямым углом пересекает вертикальную линию *ab*; так как линии между точками *b* и *c* или *d* образуют гипотенузы прямоугольных треугольников и, следовательно, длиннее, чем катеты *ac* или *ad*. Поэтому всякое движение противника из *b* к линии *cd*, при равных прочих обстоятельствах, может быть предупреждено из расположения *a*.

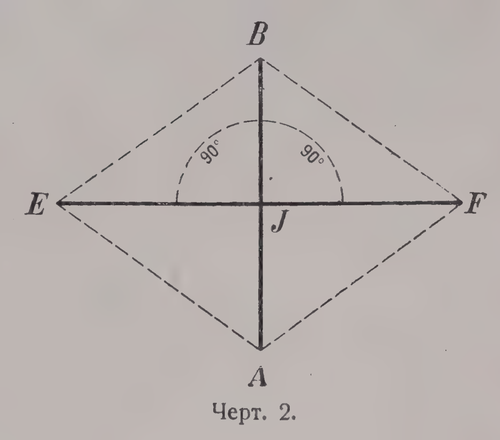
Черт. 1.

---

[1]) Геометрический подход этой главы очень характерен для стратегии, взрощенной рационализмом XVIII века. Это развитие слабейшей стороны учения Бюлова. В приводимом ниже отрывке Жомини (глава IV, принципы операционной линии, пункт 17-й) заключается атака на эти геометрические увлечения. Мы считаем геометрический метод положительно вредным. Еще в XVII веке философ Паскаль, сам математик, подчеркнул различие между мышлением геометрическим и требующимся для обсуждения тонких вопросов, слагающихся в общественных отношениях: „геометры—люди не тонкие и не видят дальше своего носа; привыкнув к ясным и грубым принципам геометрии, они могут рассуждать лишь на основе твердых данных и при возможности применить свои принципы; они теряются, если вопрос требует тонкого мышления, где нужен другой подход к принципам". А стратегические вопросы безусловно требуют тонкого мышления и относятся к числу тех, о которых Паскаль говорит: „почти нет ничего верного или неверного, что не меняло бы своего значения с изменением климата. Три градуса изменения широты опрокидывают всю юриспруденцию. Истина зависит от меридиана. Милое право, ограничиваемое горой или рекой! Истина с одной стороны Пиренеев, ошибка по другую их сторону".

(*Прим. редакц.*).

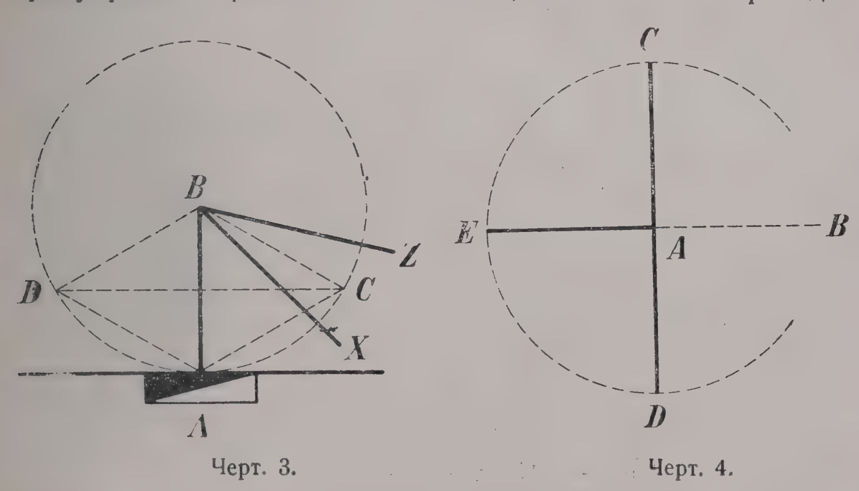
Если пересечь расстояние *ab* (черт. 2) между обеими сторонами по середине *i* горизонтальной линией *ef*, то пункт или расположение *a* будет прикрывать еще и все пространство, находящееся позади означенной линии, так как *a* и *b* находятся на одинаковом удалении от этой линии.

Черт. 2.

Если противник должен прикрывать точку *b* и может отступить только через нее, то расположение в точке *a* на касательной будет прикрывать все пространство, находящееся вне окружности, центром которой является *b*, а радиусом *ba*; потому что всякая точка, расположенная вне данной окружности, или более удалена от *b*, чем от *a*, или более, чем *a* от *b*.

Следовательно, армия, расположенная в *a*, может или предупредить противника в точке *x*, если линия *xb* проходит

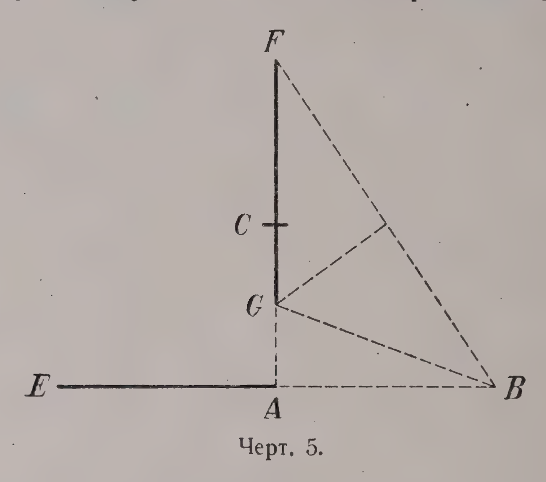

Черт. 3. Черт. 4.

через один из равносторонних треугольников *bac* или *bad*, или же может раньше противника достигнуть точки *b*, через которую неизбежно должно последовать его отступление, если операционный объект противника, например, *z*, и ведущая к нему операционная линия расположены вне этих треугольников.

Если точка *a* (черт. 4) должна быть прикрыта от противника *b*, то армия от *a* никогда не должна уходить за пределы окружности *ced*, радиусом которой является *ab*, пока противник находится в *b*, потому что всякое большее удаление армии от *a* предоставит этот пункт неприятелю.

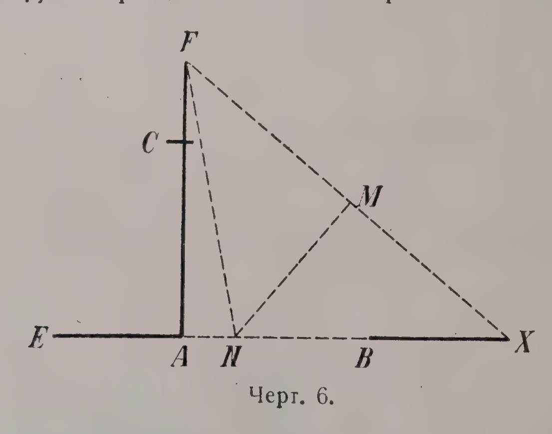
Армия, которая бы, например, захотела продвинуться от *a* (черт. 5) через точку *c* к точке *f*, пока противник расположен

Черт. 5.

у *b*, оставила бы неприкрытой как точку *a*, так и часть *ga* своей операционной линии *fa*; потому что $fg = gb$, а *b* ближе расположен к части операционной линии *ga*, чем *f*.

Если захотеть наступать из *a* (черт. 6) через точку *c* и достигнуть *f*, то прежде всего надо противника заставить на-

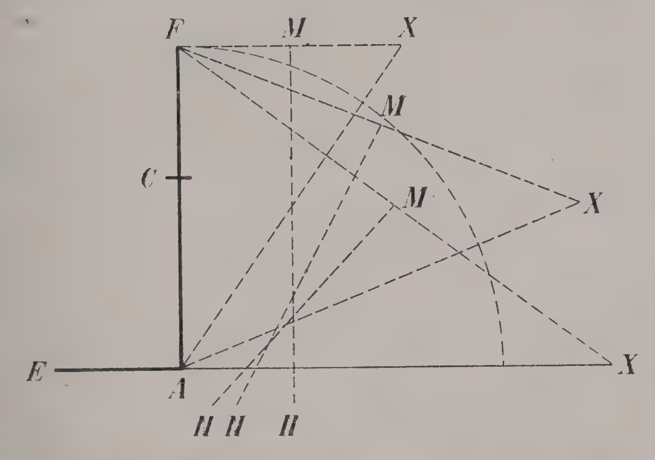

Черт. 6.

столько отойти от *b* к точке *x*, чтобы как *a*, так и вся линия *fa* лежали вне перпендикуляра *mn*, восстановленного из середины линии *fx* к стороне операционной линии *fa*. Ведь *fnx* является равнобедренным треугольником, а следовательно,

$fn = nx$, и, при прочих равных обстоятельствах, тем самым создается возможность предупредить противника, который захотел бы воздействовать на сообщения fa во время движения от a к f.

Вообще, для безопасности точки a (черт. 7) и операционной линии fa, противник никогда не должен быть терпим на фланге этой линии в черте окружности, центром которой является a, а радиусом fa; тогда перпендикуляры mn, восстановленные из середины линии, проведенной между операционным объектом f и неприятельским расположением x, не пересекут линии fa.

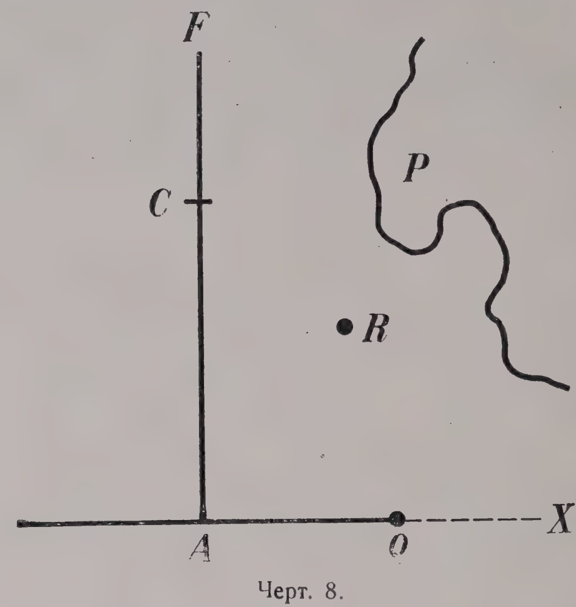
Черт. 7.

Так как на войне величина расстояния исчисляется не просто по длине линий, но по времени, в которое оно может быть пройдено, то иногда бывает, что такие препятствия, как непроходимая местность, река p, крепости q, r и т. д. (черт. 8), заграждающие противнику подход к операционной линии, позволяют обойтись без удаления противника на такую дистанцию; тем не менее они делают его излишним лишь в такой мере и постольку, поскольку распространяется действие подобных препятствий, и насколько задержка, которую они обеспечивают, устраняет опасность нахождения противника на меньшем удалении.

Из сказанного вытекает степень безопасности при различных направлениях операционного базиса, операционных линий и коммуникационных линий, а также рассчет, позволяющий соблюсти эту безопасность при всяком движении.

Если прикрытию базиса и сообщений в полном объеме уделено должное внимание при составлении стратегического плана, и если полководец сумел создать себе в этом полную уверенность, то можно устремляться в наступление с самой

дерзкой энергией, а при обороне до крайности защищать любую занимаемую позицию. Но и то и другое становится

Черт. 8.

невозможным, и государство подвергается самым пагубным последствиям, если будет допущено пренебрежение к этой важнейшей основе.

Полководец, действующий на основании этих принципов, имеет такое превосходство над непридерживающимся их, что последний редко может успеть в чем-нибудь, или же этот успех достанется ему лишь ценой величайших жертв. Следовательно, величайшая выгода заключается в том, чтобы открытой силой или путем маневра заставить противника отступить от этой основы стратегии, оставаясь самому верным ей.

Стратегические пункты и линии являются теми средствами, которые театр военных действий дает для применения правил стратегии; учение о развитии операций и об оборонительном расположении указывает метод их применения.

Глава третья.

Об операциях.

Каждая операция опирается на базис, имеет целью достижение определенного объекта и ведется по операционным линиям, соединяющим базис с объектом.

Операция охватывает или течение всей войны, или всего одной кампании, или же она стремится к занятию лишь какого-нибудь стратегического пункта и достижению связанных с ним выгод.

Выбор пункта, к достижению которого операция должна привести, не является произвольным, так как он должен остановиться лишь на том, с овладением которым связан наиболее решительный результат. Установление базиса подчиняется выбору операционного объекта, однако, при неукоснительном учете географических условий театра войны.

Выбор операционных линий и исходного пункта, откуда развивается операция для достижения очередного объекта, не всегда зависит от географических преимуществ операционной линии, а часто вытекает из совершенно отличных обстоятельств и совершенно посторонних причин. Группировка войск обеих сторон; близость или удаленность от района, откуда ожидаются подкрепления; преимущества, обусловленные тем, что избранная операционная линия прикрывает более обширную часть своей территории, характер местности, по которой пролегает данная линия, в отношении его к имеющимся у нас родам войск, и тем, в которых мы превосходим противника; степень важности, которую придает противник тому или иному направлению; степень сопротивляемости расположенных на нем пунктов и т. д.—коротко говоря, этот выбор должен следовать за оценкой всех действующих на войне и поддающихся предварительному учету обстоятельств и определяется ею.

Сложные и основанные на взаимодействии отдельных комбинаций маневры в стратегии приносят еще больший вред, чем в тактике, потому что в стратегии расстояния между отдельными направлениями больше, а, следовательно, верный расчет в соблюдении точности во времени является более затруднительным. Преимущества, которые они дают, зависят от счастливой случайности и к тому же всегда бывают значительно меньше тех, которые получаются, когда все силы в совокупности оперируют против решительного пункта. Когда в основе решения наступать лежит явное превосходство наших сил, то наиболее благоразумным направлением наших операций явится операционная линия, кратчайшим образом соединяющая базис с объектом, с целью захвата последнего открытой силой: этим путем достигается двойная выгода краткости расстояния, следовательно, и выигрыша времени, и разгрома сил обороняющего и, следовательно, уничтожения всякого дальнейшего сопротивления в других пунктах. Но если превосходство сил не столь значительно, чтобы можно было с уверенностью рассчитывать

на успех подобного предприятия и на то, что удастся силой вытолкать противника из занимаемых его развертыванием стратегических пунктов, то этой цели нужно достигнуть посредством маневра.

Вообще существует только один маневр, чтобы принудить противника оставить какой-нибудь стратегический пункт: надо угрожать ему захватом его операционной или коммуникационной линии, или пункта, намеченного им для отступления и который он прикрывает своим выдвижением.

Этот маневр, вынуждающий нас отклоняться от линии, идущей перпендикулярно к расположению противника, чтобы обойти его фланг, может являться обеспеченным лишь при условии, что на время этого марша или удастся найти другую, пригодную для отступления стратегическую линию, или же если линия, являвшаяся исходной, настолько сильна по природным свойствам или по искусственным укреплениям, и настолько прочно занята, что противник не в состоянии овладеть ею прежде, чем мы заставим его обходом оставить свою позицию.

Расчет времени, которое можно затратить на обход, основывается на относительной силе укрепленных пунктов и на продолжительности сопротивления, которое они в состоянии оказать противнику. Демонстрации, которые должны сопровождать подобное движение, безусловно необходимые быстрота, предусмотрительность, скрытность и т. д., одним словом— метод выполнения—относятся к области тактики.

Однако, нередко бывает, что и при наступлении оказывается неизбежным в течение одной операции покинуть стратегическую линию, на которой мы находимся, чтобы занять другую; например, вследствие непредвиденных, трудно преодолимых препятствий или вследствие неожиданной и неучтенной операции противника, или вследствие приближения к району, откуда ожидаются сильные подкрепления и т. д.

Если при этом в нашем распоряжении имеется достаточное время, то подобное изменение операционной линии может происходить там, где старая линия и вновь занимаемая связываются стратегической линией [1]). Но если марш не может быть прерван, то он должен быть выполнен быстро и осторожно, но при непременном условии, чтобы не грозила опасность — покинув одну операционную линию и не сумев предупредить противника в занятии другой—потерять вовсе свою линию отступления; это замечание имеет свою

---

[1]) Т.-е. автор подразумевает, что армия может задержаться в своем движении в тот момент, когда географические условия благоприятствуют переводу тылов с одной коммуникационной линии на другую.

(*Прим. редакц.*).

силу и для всех движений от одного стратегического пункта к другому или от одной линии к другой. Вообще, стратегия не может обойтись без быстроты движения; ведь преимущества, которые мы приобретаем над не черезчур невежественным противником, редко бывают с первого же момента очень значительными и становятся важными лишь в своих последствиях.

Выигрыш времени, хотя бы на один единственный переход, может оказаться решающим, но его надо уметь удержать за собой путем энергичной деятельности; сам по себе он слишком мал, и более деятельный и быстро маневрирующий противник вновь его легко наверстает. Обход не имеет никакого значения, если он развивается так медленно, что дает противнику время изменить свою группировку или предпринять контр-маневр.

Против обхода имеются различные средства, но успех их зависит, главным образом, от быстроты принятия решения и выполнения; в зависимости от отношения наших сил к противнику и обстановки, в которой мы находимся, мы можем обратиться к следующим способам: движение к пункту, который стремится занять противник, чтобы его там предупредить; атака противника на марше; наступление на неприятельскую коммуникационную линию, поскольку при этом мы не рискуем собственными сообщениями и т. д.

Правда, все эти методы опираются на предпосылку неправильного расчета времени противником; однако, ввести неприятеля в подобное заблуждение—таковая хитрость и искусство входят в компетенцию умного полководца. Демонстрации, ложные слухи, разрушение дорог и мостов, даже пожертвование некоторыми своими частями и т. д., могут задержать или замедлить движение неприятеля и помочь достижению наших намерений. На худой конец, лучше отойти и оборонять тыловой стратегический пункт, чем позволить себя обойти[1]).

Глава четвертая.

Особенности стратегии.

От стратегических планов зависит удачный или неудачный исход охватываемой им операции, кампании или всей войны. Они определяют момент сражения; они создают для сра-

[1]) Стратегия Куропаткина в Маньчжурии и представляет этот „худой конец". Гибель армии Меласа в 1800 г., Макка в 1805 г., несомненно, имелись в виду автором этого осторожного совета; он далек от того, чтобы выдвигать сражение с перевернутым фронтом, как лучшее средство.

(*Прим. редакц.*).

жения возможно благоприятную обстановку; они заранее очерчивают как результаты победы, так и пределы неудачного развития событий. Правда, тактические ошибки могут явиться помехой их осуществлению — быть может даже повести к их полному извращению; однако, чаще стратегические планы окажутся в силах исправить ущерб, обусловленный тактическими промахами.

При посредстве тактики выигрывается сражение, дать которое указывает стратегия. Если сражение дается не под влиянием последней, т.-е. место и время сражения не являются плодом стратегического расчета, то сражение редко будет иметь последствия, выходящие за пределы минутных выгод. Часто, поэтому, кампании, обильные делами, в которых вожди являлись скорее тактиками, чем стратегами, в общем оказывались менее решительными, не влекли за собой столь крупных последствий, не так быстро приводили к конечному пункту войны и заканчивалась скорей из-за обоюдного истощения сторон, чем кампании, в которых стратегический гений полководца охватывал весь театр войны, направлял натиск на операционные линии противника, открывал слабое место его базы или опорных точек, овладевал сообщениями с основным источником средств существования его армии, спутывал его операции и часто единственным сражением, предпринятым в соответствии с принципами стратегии и осуществленным по принципам тактики, уничтожал боеспособность своего врага.

Бывают случаи, когда тактика может обусловить стратегический успех, не входивший в первоначальный план; например, при намеченном прорыве в каком-нибудь пункте будет усмотрена возможность так разрешить эту задачу, что одновременно будет перехвачен и стратегический путь отступления противника.

В подобных случаях правила тактики и в выполнении часто должны допускать исключения в пользу преобладающего значения стратегического успеха. Если бы пункт атаки, открывающий доступ к пути отступления неприятеля, с тактической точки зрения и не являлся более выгодным, все же ему должно быть оказано предпочтение перед всеми остальными, поскольку он не препятствует разрешению первой большой стратегической задачи—в данном примере прорыву участка неприятельского фронта, и при этом создает вероятность присовокупить и второй стратегический успех.

Преимущество, приобретаемое над противником от использования стратегических линий, которыми последний пренебрегает или которые неправильно оценивает, длится по-

столько, поскольку удается по этим линиям беспрепятственно продвинуться вперед.

Полководец, который выиграл у противника хотя бы всего один переход, сохраняет это преимущество до тех пор, пока значительное препятствие, как-то: большая река, бездорожный горный хребет, крепость и т. д., не задержит его на столько времени, сколько требуется противнику, чтобы окольными путями наверстать утраченный переход и вновь овладеть выгодами занятия стратегической линии. Стратегические успехи никогда не обусловливали более крупных и решающих последствий, чем в войнах, знаменовавших последние годы восемнадцатого и первые годы девятнадцатого столетий: изменения, внесенные в военное искусство французской революцией, сделали возможным более быстрое передвижение больших масс, чем раньше. Утратилась легкость, с которой раньше возмещались стратегические неудачи; наступление приобрело значительно большее преимущество над обороной, и тактика еще больше, чем раньше, вошла в подчинение стратегии. Поэтому походы, продолжавшиеся всего несколько недель, давали результаты, которые обычно можно было ожидать лишь от ряда длительных войн, и укрепленные пункты, лишенные стратегического значения, перестали приносить какую-либо пользу, а имеющие стратегическое значение *подвергались величайшим напряжениям*.

Принципы стратегии содержат в себе общий дух системы войны; на них же, в частности, базируется план наступательной или оборонительной военной системы каждого государства. Каждое мероприятие, связанное с подготовкой войны, *не вытекающее из правил стратегии, является ложным, вредным и ведущим к гибели*.

Условия, обеспечивающие стратегические выгоды, не могут быть немедленно достигнуты; чтобы создать их, требуется и время и работа. Следовательно, тот, кому вверяется верховное руководство вооруженной силой, еще в мирное время должен обладать компетенцией для подготовки удачного хода событий на войне; все, что может на него повлиять, должно направляться в соответствии с правилами стратегии; таким образом, в его круг ведения войдет не только устройство и дислокация войск и крепостей, но и все вопросы о сообщениях, дорогах, водных путях, складах, магазинах и т. п. Уважение или пренебрежение к этим столь важным для большой империи государственным началам решает вопрос о том, сохранит ли она свое существование или падет. Раздираемая внутри и лишенная своей армии Франция в конце восемнадцатого столетия устояла против всей Европы потому, что со времен Людовика XIII правительство

неустанно и в соответствии с принципами стратегии работало над тем, чтобы привести ее границы в оборонительное состояние. Опираясь на эту систему, Франция покорила все страны континента, не имевшие такой оборонительной системы; именно потому французским полководцам часто было достаточно достигнуть одного стратегического успеха, чтобы уничтожить армию и целое государство [1]).

---

[1]) Мы, конечно, совершенно не согласны с таким объяснением успехов армий революции и Наполеона; в этом выдвижении на решающий план вопросов о расположении крепостей и проведении дорог сказывается, прежде всего, географический уклон автора; но зато мы всецело должны подчеркнуть мысль эрц-герцога Карла, что подготовка к войне должна вестись не только в пределах военного ведомства и что необходима стратегическая консультация при решении всех крупных вопросов, могущих отозваться на ведении войны. А какие же стороны нашей мирной деятельности не влияют на сопротивляемость государства во время войны, если базой войны является теперь вся страна, вся производительность труда ее населения, все ее средства? (*Прим. редакц.*).

УДАРНОСТЬ ЖОМИНИ.

Генерал Жомини (1779—1869 г.г.)—крупнейший стратегический авторитет первой половины XIX века. Бедный швейцарец по рождению, коммерсант по образованию, он сосредоточил все свое внимание на новых вопросах военного искусства, выдвинутых войнами Великой революции и Бонапарта. В объятой пламенем Европе он видел двух основных противников, на службу коих он мог бы приспособить свой стратегический гений—Россию и Францию. Ему представлялось, что на русской службе ему легче улыбнется карьера, но обстоятельства привели его в 1804 г. к маршалу Нею, который вскоре сделал Жомини своим начальником штаба. С Неем он провел поход 1805 г. и 1806 г. Кампанию 1807 г. он делает в штабе Наполеона. В 1808 и 1809 годах он воюет с Неем в Испании. Он наживает себе неумолимого врага в лице маршала Бертье, начальника штаба Наполеона. Бертье сам был, в сущности, лишь правителем канцелярии и стремился и других офицеров генерального штаба держать на втором плане, в черном теле, на неблагодарной работе в канцеляриях и по службе связи. А Жомини не мог держаться в этих рамках. Он проявлял инициативу, вмешивался в операции, подавал Наполеону докладные записки, пророчествовал.

Отчисленный в резерв, в 1810 г. Жомини сделал попытку перейти в русскую армию и, действительно, был зачислен на русскую службу генерал-майором, но Наполеон не отпустил его к соседу, с которым собирался воевать; Жомини разделил участь квалифицированных военных работников, которых держат со связанными крыльями—его поставили на военно-историческую работу. В 1812 г. Жомини уклоняется от активной роли во французском нашествии: сначала он губернатор Вильны, затем Смоленска. Он своевременно рекогносцирует пути от Борисова к Вильне, принимает энергичное участие в спасении остатков французской армии на Березине. Охваченный горячкой, он брошен у Студянки французским штабом, купается, втиснутый в охваченную паникой толпу отсталых, в ледяной воде Березины. С трудом, совершенно больной, он выбирается из России. В 1813 г. он оказывает большие услуги Франции в Бауценской операции в роли начальника штаба отдельной группы маршала Нея, но в благодарность получает жестокий выговор в приказе по армии за то, что его штаб несколько задержался с присылкой срочного донесения. Эта выходка Бертье заставила Жомини в течение летнего перемирия 1813 года переехать из французского лагеря в русский и стать стратегическим советчиком сначала Александра I, а затем и Николая I. В 1813 г., 1828—29, 1854—55 годах он выступал в роли генерал-адъютанта, специалиста по стратегии. Он разработал основы, на которых открылась русская академия генерального штаба, но не попал в ее

президенты, так как эту вакансию ему перебил русский великий князь. До конца своих дней он не расставался с русским мундиром, но жил преимущественно во Франции. Наш военно-ученый архив хранит еще, вероятно, несколько любопытнейших неопубликованных докладных записок Жомини.

Каков был авторитет Жомини, можно усмотреть из следующего: в начале 1859 г. вторая империя явно находилась перед началом войны с Австрией на итальянском театре; командование хотел взять на себя Наполеон III; но последний имел лишь смутные стратегические представления и никакого плана. Наполеон III приказывает разыскать проживающего в Париже 80-ти летнего старика Жомини и просит совета. Жомини, живущий на русскую пенсию, отказывается дать какие-либо указания без разрешения русского правительства. Наполеон III заручается согласием русского посла, и тогда Жомини диктует Наполеону III несколько основных положений, которые последний и стремился воплотить в жизнь в кампании 1859 года.

Мы так долго остановились на биографии Жомини потому, что она наложила свой характерный отпечаток на все мышление последнего; оно проникнуто интернациональным характером; Жомини не занимает никакой национальной позиции; он—интернациональный специалист, с очень широкой точкой зрения. „Со стороны виднее"; объективность часто помогает увидеть проблеск света там, где заинтересованные стороны еще бродят впотьмах. И Жомини в поразительной степени обладал этой объективностью, этой национальной незаинтересованностью; ему удавались удивительные предсказания [1]). И как Ллойда, как многих других спецов, и Жомини преследует подозрение в измене—как во французском, так и в русском лагере.

Так, в 1806 г. Жомини в Берлине пришел к мысли, что дальнейшее наступление французской армии на восток приведет ее, в конце концов, к катастрофе; на фланге и в тылу оставалась ненадежная Австрия, впереди точку опоры, и очень слабую, можно было найти только в том кусочке Польши, который Наполеону удалось бы восстановить из областей трех поделивших его держав. В Пруссии существовала сильная франкофильская партия, стремившаяся добиться мира у Наполеона. Жомини „ориентировался" на нее и подал соответственный доклад Наполеону; мудрый совет привел Наполеона, готовившегося наступать за Вислу, в ярость.

На поле сражения под Прейсиш-Эйлау Жомини находился со штабом Наполеона в центре, на кладбище. Когда корпус Ожеро был рассеян русской картечью и между русской пехотой и штабом Наполеона не оказалось никаких французских войск, Жомини воскликнул: „о, если бы меня только на два часа сделали Бенигсеном" [2]). Коленкур сделал ему замечание за этот возглас в непосредственной близости от императора. А через час Жомини уже подъехал к Коленкуру и докладывал, что в этот момент крайнего исто-

---

[1]) Например, в 1800 г. в Швейцарии, наблюдая проходившие французские войска, Жомини выиграл пари, что они спустятся в Италию, в тыл австрийцам, а не пойдут в Германию, как гласили распускаемые Бонапартом слухи. В 1806 г. Жомини поразил самого Наполеона, отпускавшего его на четыре дня, сообщением о том, что он присоединится к Наполеону в Бамберге. Секрет движения Наполеона на Бамберг и Геру Жомини открыл в размышлении над картой. Иенский маневр Наполеона был предвосхищен Жомини в его докладной записке Нею от 15 сентября 1806 г.

[2]) Бенигсен командовал русской армией.

щения французов он уже хочет быть не Бенигсеном, а эрц-герцогом Карлом, чтобы добиться большей победы. „Что стало бы с нами, если он с 200 тысячной армией двинулся бы из Богемии на Одер"?

Если советы умеренности, которые Жомини давал начинавшему зарываться Наполеону, могли производить впечатление подкупа пруссаками и русскими, то такое же подозрение о подкупе, теперь уже с французской стороны, можно высказать по отношению к советам Жомини в русской ставке в 1814 году. Жомини указывал русскому императору, насколько невыгодно России добивать и ослаблять побежденную Францию; Франция сковывала до сих пор силы и энергию Англии, но теперь она выходила вон из игры, и в течение грядущих десятилетий Россия будет вынуждена одна оставаться лицом к лицу с Англией, тяжелым и неумолимым противником. Это была самая настоящая правда, подлинно объективное предвидение, и в то же время, с точки зрения англо-русского союза, разве нельзя было квалифицировать эту докладную записку, как изменническое деяние?

В России Жомини исправно уплачивали жалование, поручили написать курс стратегии, но близко к командованию не допускали...

Жомини, размышляя над первыми успехами Бонапарта, уже в ранней своей молодости напал на основной принцип стратегии сокрушения—на принцип ударности, или частной победы, который он формулировал, как сосредоточение возможно большей части своих сил на решительном пункте, в решительный момент [1]). Еще двадцатилетним юношей он вознамерился написать трактат по стратегии, в котором, с точки зрения этого начала, освещалась бы вся полководческая деятельность. Но он оказался достаточно умен, чтобы отложить на 30 лет выполнение этого замысла. Новая стратегическая концепция нуждалась в опорных точках. Если Жомини пришел к известным выводам путем размышления над рядом войн, то и читатель должен пройти тот же путь, чтобы примкнуть к его точке зрения. Первоначальные теоретические наброски Жомини могли играть роль только черновых записок, являвшихся посылками для его военно-исторической работы. Последней и занялся Жомини. Сначала он обратился к Семилетней войне. „Трактат о больших военных операциях", первые два тома которого появились в 1804 г., а последующие третий и четвертый—в 1810 г., представляет критическое исследование войн Фридриха Великого; фактическую сторону Жомини брал у Темпельгофа [2]); отдельные главы труда, как вывод из исследования, представляют яркое изложение стратегических идей Жомини. Эту работу Жомини не прерывал даже в течение походов, в которых он участвовал. Одновременно Жомини начал работу и над революционными войнами. Первая его работа о них появилась в 1806 г.; но солидно раз-

---

[1]) Мы имеем в виду, что читатель ознакомился со статьей Медема в сочинениях Жомини в первом томе настоящего труда, и не возвращаемся к затрагиваемым им темам. Весьма вероятно, что Жомини был не вполне оригинален и заимствовал редакцию принципа ударности у эрц-герцога Карла, из его наставления австрийским генералам 1806 г. Мы, к сожалению, не могли располагать первым изданием (1804 г.) первых двух томов исторического труда Жомини, которое одно позволило бы решить вопрос об объеме той части теории стратегии, которая представляет заимствование Жомини у эрц-герцога Карла, без указания источника.

[2]) Прусский военный историк, который взял на себя труд продолжать работу Ллойда, начатую последним по Семилетней войне.

работать эту тему Жомини удалось лишь в период 1811—1824 г., когда вышел в 15 томах, с 4 атласами, его капитальный труд „Критическая военная история войн Революции“. Естественным продолжением являлась история Наполеоновских походов. Но у Жомини не имелось возможности написать эту историю по подлинным документам. И льстить, и критиковать Наполеона представлялось равно неудобным. Поэтому Жомини избрал для своего труда форму рассказа, который ведет Наполеон о своих походах, разбирая их, в первом лице; так появился, в 1827 г., в четырех больших томах, труд: „Политическая и военная жизнь Наполеона, рассказанная им самим трибуналу в составе Цезаря, Александра, Фридриха“. До появления в 40 годах труда Тьера, это была лучшая история первой империи. В настоящее время как труд Жомини, так и труд Тьера, конечно, совершенно устарели.

Как военный историк, Жомини умел удивительно, по отрывочным документам, схватывать суть событий, правильно устанавливать причинную их связь, давать верную картину стратегического развертывания кампании. Жомини, далеко не так мощно углубивший свой анализ историческкх событий, как Клаузевиц, в то же время чаще в своих догадках и оценках оказывался на правильном пути. Впрочем, большинство исторических работ Клаузевица—только черновые наброски, предназначавшиеся лишь для личного употребления автора. Слабым местом Жомини является, конечно, рассмотрение кампаний Фридриха Великого и Наполеона под углом одной и той же точки зрения стратегии сокрушения. Измор, с точки зрения Жомини, являлся чем-то противоречащим самой основе военного искусства, его началу ударности. Эволюция военного искусства в XVIII и XIX веках от Фридриха к Наполеону оказалась подмеченной Жомини лишь частично. Впрочем, тот же упрек мы можем сделать и капитальному труду военно-исторического отделения Прусского большого генерального Штаба, вышедшему 100 лет спустя после работы Жомини.

Только создав себе огромную базу в виде этих военно-исторических трудов и обострив свое суждение на анализе многих кампаний, Жомини берется за составление теоретического трактата, о котором мечтал в молодости. Правда, уже в 1807 году Жомини издал отдельно главу с выводами из Семилетней и первых революционных войн [1]); но это был еще не трактат, а скорее реклама исторического труда, из которого брались выдержки для широкого распространения. Только в 1829 году Жомини написал свое „аналитическое изображение основных комбинаций войны“. И это был еще опыт, еще только дополнение к историческим работам, начало подытоживания заключающихся в них выводов. В 1837 году мысли Жомини приняли твердо устоявшийся характер. Из его „очерка военного искусства, или нового аналитического изображения важнейших комбинаций стратегии, большой тактики и военной политики“ мы и заимствуем приводимое извлечение [2]). В этом его зрелом изложении, учение Жомини несколько смягчено ознакомлением автора

---

[1]) К этому моменту Жомини уже, несомненно, ознакомился с взглядами эрц-герцога Карла, что и заставляет нас подозревать оригинальность мировоззрения Жомини.

[2]) Baron de Jomini. Précis de l'art de la guerre, ou nouveau tableau analitique des principales combinaisons de la stratégie, de la grande tactique et de la politique militaire. Paris. 1837 г. 2 тома, 637 стр.

с другими крупными писателями—Бюловым, эрц-герцогом Карлом, Клаузевицем. Ударность Жомини подносится здесь с осторожностью, со многими оговорками, но все же составляет основу доктрины Жомини.

Почему мы говорим здесь о доктрине и даже видим в Жомини родоначальника школы доктринеров, в противовес школе последователей Клаузевица?

Клаузевиц очень труден; мысль его усваивается смутно и оставляет широкий простор для весьма различных толкований. Клаузевиц не закончен. Клаузевиц утверждает, что теория стратегии очень трудна и много сложнее тактики [1]).

Жомини, напротив, доступен пониманию каждого, прошедшего школу первой ступени. Мысль его очень ярка и отчетлива и никаким кривотолкам не подлежит. Она вполне закончена в своей стройности. Жомини полагает, что стратегия вообще очень простая дисциплина и выгодно отличается этим от тактики, которую нельзя подчинить твердым правилам. Но какой ценой даются Жомини эти огромные достижения, эти его несомненные преимущества перед Клаузевицем?

Во-первых, Клаузевицкое определение стратегии, как учения о применении боев для достижения политической цели войны, Жомини суживает до искусства руководства массами на театре военных действий. Во-вторых, Жомини выделяет особую дисциплину, военную политику, что позволяет ему рассматривать стратегические вопросы изолированно от влияния политики, под исключительно военным углом зрения. Сузив так поле своего исследования, Жомини и здесь стремится более сложные вопросы изъять из рассмотрения, относя их к области „гения" или „такта" полководца. И если Клаузевиц туманен, то зато он никакой перегородкой не отделяется от жизни; он пользуется каждым ростком, встречающимся в поле его исследования, чтобы связать свою работу с жизнью. И вся смутность и многогранность реальной жизни отражается в учении Клаузевица. Все оно—сплошь незаконченные в своем развитии тенденции. А принципы Жомини отделены от жизни известной условностью, какой-то монастырской стеной. Стройность достигнута за счет жизнеспособности. Стратегическое мышление введено в рамки чеканной логики ценой определенного упрощения.

И все же, мы должны признать Жомини классиком, великим учителем военного искусства. Насколько мы обязаны Бюлову, тоже доктринеру, началом базирования, настолько же мы обязаны Жомини пропагандой начала ударности. Стратегия сокрушения, принцип частной победы, исследованные и возведенные на пьедестал теорией Жомини, до мировой войны включительно являлись символом веры всех генеральных штабов. В вопросе о том, что оборона является сильнейшей формой войны, Клаузевиц не создал школы: его вернейшие ученики стали на обратную точку зрения Жомини.

И особенно значителен, на наш взгляд, Жомини, когда он в своих примечаниях и дополнениях перерастает текст своего учения, когда он выходит

---

[1]) Клаузевиц: „бесспорно, теория стратегии представляет наибольшие трудности, так как тактика имеет почти твердо ограниченное поле деятельности в то время как пред стратегией открывается неограниченный простор возможностей в отношении выбора целей, непосредственно ведущих к заключению мира (nach der Seite der unmittelbar zum Frieden führenden Zwecke)".

из пределов своей доктрины, когда он противоречит самому себе [1]). Иногда получается впечатление, что Жомини писал учебник—простой и ясный—для еще молодой аудитории, а сам смотрел много глубже формулированных им положений.

В течение столетия военная мысль всего мира, расшаркиваясь перед Клаузевицем, жила по преимуществу идейным наследством Жомини. Нам не приходится говорить о значении изучения трудов этого великого, денационализированного спеца. Мы не устанавливаем его места в ряду классиков военной мысли XIX столетия. По своему философскому облику Жомини был бы скорее понятен в XVIII веке.

Редакция.

---

[1]) Например, соглашаясь, что с ростом армий преимущества внутренних линий, обоснованные им на „вечном" принципе, утрачиваются.

ЖОМИНИ.

О стратегии.

Глава первая.

Определение и основные принципы.

Мы будем в нашем исследовании держаться последовательности, в которой комбинации, с какими может иметь дело армия, представляются ее начальникам с момента объявления войны; мы, естественно, начнем с самых главных, образующих в некотором роде план операций; таким образом, мы будем следовать по пути, противоположному тактике, в которой приходится начинать с мелких подробностей, чтобы притти впоследствии к построениям и действиям большой армии.

Следовательно, мы предполагаем, что перед нами армия, начинающая кампанию; первой заботой ее полководца должно быть установление соглашения с правительством относительно характера войны, которую он будет вести; затем он должен будет основательно изучить театр своей деятельности и, наконец, выбрать в согласии с главой правительства наиболее соответствующую оперативную базу, сообразуясь с условиями, образуемыми очертаниями своего государства и границами союзников.

Выбор этой базы и еще более намеченная к достижению цель служат основанием для определения оперативной зоны. Главнокомандующий наметит первый объект своих операций и изберет операционную линию, ведущую к этому пункту, или как временную линию, или как постоянную.

Армия, двигающаяся по этой операционной линии, будет образовывать операционный или стратегический фронт: желательно, чтобы армия располагала позади этого фронта оборонительной линией, которая могла бы явиться опорой в случае необходимости. Позиции, которые будут временно занимать корпуса армии на операционном фронте или на оборонительной линии, будут являться стратегическими позициями.

Когда армия подойдет к своему первому объекту и противник начнет оказывать сопротивление ее предприятиям, она должна будет или атаковать его, или будет маневриро-

вать с целью вынудить его к отступлению; в этих видах она изберет одну или две стратегические маневренные линии, которые, будучи временными, могут несколько уклоняться от общей операционной линии, с коей их не следует смешивать.

Чтобы связать фронт операций с базой, по мере продвижения вперед формируются этапная линия, линия подвоза, магазины и т. д.

Если операционная линия несколько растянута в глубину и имеются неприятельские отряды на угрожающем удалении, то придется выбирать—атаковать ли и прогнать эти отряды, или же продолжать операцию против неприятельской армии, не заботясь о второстепенных отрядах, или только ограничиваясь установлением за ними наблюдения: если выбор остановится на последнем методе, то результатом будет образование двойного оперативного фронта и необходимость выделения крупных сил.

Если армия приблизится к своему объекту и противник захочет оказать сопротивление, то произойдет сражение; если столкновение это окажется нерешительным, то последует остановка, и затем борьба возобновится; если будет одержана победа, то продолжается развитие операций с целью достигнуть первого объекта, продвинуться далее и избрать себе второй.

Если содержание первого объекта заключается в овладении важной крепостью, то начинается осада. Если армия недостаточно многочисленна, чтобы продолжать свое продвижение, оставив позади осадный корпус, то она займет стратегическую позицию, чтобы прикрыть осаду; таким образом, итальянская армия в 1796 году, едва насчитывавшая 50 тысяч бойцов, не смогла пройти мимо Мантуи и проникнуть в глубь Австрии, оставив перед этой крепостью 25 тысяч человек, так как против нее находилось еще 40 тысяч на двойной линии Тироля и Фриуля.

Наоборот, в тех случаях, когда у армии оказалось бы достаточно сил, чтобы извлечь больше выгод из победы, или же если не приходится иметь дело с осадой, то она двигается на второй, еще более важный объект. Если этот пункт находится на известном удалении, будет крайне важно создать себе промежуточную опору. С этой целью будет создана временная база посредством одного или двух обеспеченных от нечаянного нападения городов, которые, конечно, будут заняты; или же придется создать небольшой стратегический резерв, который будет прикрывать тыл: крупные магазины будут обеспечены временными укреплениями. Если армии придется переправляться через значительные реки, то в спешном порядке будут построены предмостные укрепления, а если эти мосты будут находиться внутри окруженных стенами городов, то придется возвести несколько укреплений,

чтобы усилить обороноспособность этих пунктов и удвоить силу временной базы или располагаемого там стратегического резерва.

Если же, напротив, сражение будет проиграно, то последует отступление, с целью приблизиться к базе и почерпнуть там новые силы путем привлечения к себе выделенных отрядов и использования крепостей и укрепленных лагерей, которые или остановят противника, или принудят его разделить свои силы.

Когда приближается зима, то переходят на зимние квартиры; или же операции продолжаются той из обеих армий, которая, явно одержав верх и не усматривая серьезных преград в неприятельской линии обороны, захотела бы использовать свое превосходство: в последнем случае будет иметь место зимняя кампания. Это решение, являющееся во всех случаях равно тяжелым для обеих армий, не вызывает комбинаций особого порядка и лишь требует удвоения энергии в действиях, чтобы возможно скорей достигнуть развязки.

Таков обычный ход войны: и такова же последовательность, которой мы будем придерживаться при исследовании различных, связанных с этими операциями, замыслов.

Все замыслы, охватывающие театр войны в целом, относятся к области стратегии и сводятся к следующему:

1. Определение театра войны и различных представляемых им комбинаций.

2. Выбор и устройство постоянной базы и оперативной зоны.

3. Определение избираемого для наступления или обороны объекта.

4. Установление решительных пунктов театра войны.

5. Оперативные фронты и оборонительные линии.

6. Выбор операционных линий, идущих от оперативной базы к вышеупомянутому объекту или оперативному фронту.

7. Лучшая из стратегических линий, которую следует избрать для данной операции.

Различные маневры, к которым следует прибегнуть, чтобы использовать эти линии в их различных комбинациях.

8. Временные оперативные базы и стратегические резервы.

9. Марши армии, рассматриваемые, как маневр.

10. Магазины, рассматриваемые в их отношении к маневрированию армий.

11. Крепости, рассматриваемые, как средство стратегии, как убежище для армии или препятствие для ее марша; осады, которые надлежит предпринять, и прикрытие их.

12. Укрепленные лагеря, предмостные укрепления и т. д.

13. Демонстрации и выделение крупных отрядов.

Независимо от этих комбинаций, принципиально входящих в проект общего плана первых операций кампании, суще-

ствуют и другие операции смешанного порядка, относящиеся к стратегии, в отношении их общего руководства, и к тактике в отношении их выполнения, как-то: переправы через большие и малые реки, отступления, зимние квартиры, внезапные нападения, высадки, конвоирование крупных транспортов и т. д.

2-й отдел—это тактика, т.-е. маневрирование армии в день сражения или боя, и различные порядки, в которых надлежит водить войска в наступление.

3-й отдел—это логистика или практическое искусство передвигать армии: технические подробности походных движений, боевых порядков, расположения на отдых биваком и по квартирам, одним словом—выполнение стратегических и тактических замыслов.

Точное определение демаркационной линии между этими различными отраслями науки явилось поводом для нескольких легких пререканий. Я определил стратегию, как искусство вести войну по карте, искусство охватывать весь театр войны. Тактика—это искусство драться на местности, располагать силы сообразно с местными условиями и вводить их в бой на различных пунктах поля сражения, т. е. на пространстве в 16 — 20 километров [1]), на котором действующие части в течение самого боя могли бы получать и исполнять приказы. Наконец, логистика в сущности представляет лишь науку о подготовке к применению двух других наук. Мое определение критиковали, но лучшего определения не дали. Бесспорно, что много сражений были решены стратегическими движениями и даже являлись лишь серией подобных движений, но это имело место лишь при столкновении с разбросавшимися армиями, т. е. в случае, представляющем исключение. Таким образом, хотя общее определение и относится лишь к регулярным сражениям, тем не менее оно не является неточным [2]).

Итак, независимо от приемов выполнения в соответствии с местностью, с моей точки зрения, большая тактика содержит следующие разделы:

1. Выбор позиций и рубежей для оборонительных сражений.

2. Активная оборона в бою.

3. Разнообразные боевые порядки и основные маневры для атаки неприятельского расположения.

---

[1]) В оригинале—4—5 лье (*прим. перевод.*).

[2]) Можно было бы сказать, что тактика — это бой, а стратегия—вся война до боя и после боя, за исключением осад; но и по отношению осад за стратегией остается решение—какие крепости осаждать и как эти осады надлежит прикрыть. Стратегия решает, где надлежит действовать, логистика подводит к этому пункту войска и располагает их; тактика решает относительно их употребления и способов выполнения (*прим. Жомини*).

4. Столкновение двух армий на марше и случайные сражения.

5. Внезапность в армейском масштабе.

6. Расположение войск перед боем.

7. Атака позиций и укрепленных лагерей.

8. Внезапные нападения.

Все прочие военные операции представляют детали малой войны, как-то: прикрытие транспортов, фуражировки, частные бои авангардов и ариергардов, даже атака мелких отрядов, одним словом, все то, что должно быть выполнено дивизией или изолированным отрядом.

Основной принцип войны.

Основной целью этого труда является доказать, что все военные операции охватываются одним основным принципом. Этот принцип должен господствовать на первом месте во всех операциях, как непременное условие их добротности. Он состоит в следующем:

1. Стратегические комбинации должны последовательно передвигать главные силы армии на решительные пункты театра войны и, насколько это возможно, против неприятельских сообщений, не подвергая при этом риску собственные сообщения.

2. Маневрировать так, чтобы главные силы вступали в бой лишь с частями неприятельской армии.

3. В день сражения тактическими маневрами также направлять главные силы на решительный пункт поля сражения или на тот пункт неприятельского расположения, который важно преодолеть.

4. Действовать так, чтобы эти массы не только прибывали на решительные пункты, но чтобы они и вводились в бой энергично и одновременно, т. е. производили дружное усилие.

Этот принцип показался столь простым, что у него не было недостатка в критиках.

Мне ставили в упрек, что очень легко советовать направлять главные силы на решительные пункты и уметь их вводить там в дело, но что искусство и состоит именно в том, чтобы правильно установить эти пункты.

Будучи далек от того, чтобы отвергать столь простую истину, я признаю, что было бы по меньшей мере наивно выдвигать столь общий принцип, не дополнив его всеми необходимыми комментариями, чтобы дать усвоить различные случаи его применения. Поэтому я сделал все, чтобы дать возможность каждому, стремящемуся научиться офицеру легко устанавливать решительные пункты на стратегической или

тактической шахматной доске. Далее читатель найдет определение этих различных пунктов и указание, какие из них относятся к различным военным комбинациям. Военные, которые, внимательно обдумав эти главы, будут продолжать полагать, что установление этих решительных пунктов представляет неразрешимую задачу, должны отчаяться когда бы ни было что-либо понять в стратегии.

Театр операций, действительно, всегда представляет лишь три зоны, правую, левую и центральную. Точно также каждая зона, каждый оперативный фронт, каждая стратегическая позиция и оборонительная линия, как и каждый тактический фронт боя, никогда не имеют других подразделений, т.-е. два крыла и один центр. Одно из этих трех направлений всегда явится подходящим, чтобы следовать по нему к важной цели, которую желательно достигнуть, одно из двух других отдалится от него сравнительно менее, а третье будет представлять полную его противоположность. Исходя из этого, комбинируя неприятельские позиции с географическими пунктами и намечаемыми планами, всякий вопрос о стратегическом движении, или о тактическом маневре, повидимому, всегда будет сводиться к тому, чтобы знать, следует ли маневрировать вправо, влево или прямо перед собой: выбор между тремя столь простыми альтернативами не представляет загадки, достойной нового сфинкса.

Я, тем не менее, далек от того, чтобы полагать, что военное искусство всецело состоит лишь в выборе хорошего направления, по которому надлежит устремить массы; однако, нельзя отрицать, что этот выбор несомненно представляется основой стратегии. Довершение того, что сможет подготовить хороший замысел, будет уже зависеть от искусства выполнения, от умелости, от энергии и глазомера.

Итак, прежде всего мы применим вышеприведенный принцип к различным стратегическим и тактическим комбинациям, а затем докажем историей двадцати знаменитых походов, что все успехи или неудачи являлись результатом применения или упущения этого принципа, имевших место в действительности.

Глава вторая.

О системе наступательных и оборонительных операций.

Если война уже решена, то первый вопрос, на который надо ответить, заключается в том, будет ли она наступательной или оборонительной. Прежде всего надлежит точно определить, что подразумевается под этими понятиями.

Наступление представляется в нескольких видах: если оно направлено на большое государство и в целом его охва-

тывает, то это будет нашествие [1]), если же оно сводится лишь к захвату одной провинции или более или менее ограниченного оборонительного фронта, то это уже будет не вторжение, а ординарное наступление; наконец, если оно представляет лишь атаку какой-либо позиции неприятельской армии и ограничивается одной этой операцией, тогда оно носит название инициативы движений. Наступление почти всегда представляет выгоды как с моральной, так и с политической точки зрения: оно переносит войну на неприятельскую территорию, сберегает собственную страну, сокращает источники средств противника и увеличивает наши наступление поднимает моральные силы армии и часто внушает страх противнику; однако, иногда наступление возбуждает рвение неприятеля, если заставляет его понять, что вопрос идет о спасении угрожаемого отечества.

С военной точки зрения, наступление имеет свою хорошую и свою плохую стороны: в стратегии, если наступление доводится до масштаба нашествия, оно приводит к растянутым в глубину операционным линиям, которые на территории неприятеля всегда опасны [1]). Весь театр операций—горы, реки, теснины, крепости, является препятствиями, благоприятствующими обороне, и враждебен наступлению; население и власти страны будут ему враждебны, а не явятся его орудием. Но если наступление оказывается успешным, то оно наносит удар прямо в сердце неприятельского могущества, лишает его военных средств и может привести к быстрой развязке борьбы.

Наступление, примененное в масштабе простой временной операции, т.-е. рассматриваемое, как инициатива движений, всегда является выгодным, в особенности в стратегии. И действительно, если военное искусство состоит в том, чтобы направлять свои силы на решительный пункт, то понятно, что первым способом применения этого принципа является захват инициативы движений. Кто захватил эту инициативу, тот заранее знает, что он делает, и что он хочет; он сосредоточивает свои массы у того пункта, где ему

---

[1]) В подлиннике „Une invasion" вторжение, нашествие. Жомини уловил разницу между двумя формами наступления, которые он назвал нашествием и ординарным наступлением. Мы в настоящее время понимаем это различие в более развитых понятиях войны на сокрушение и на измор. Взгляды Жомини по этому вопросу несколько уточнены далее в главе „О старой системе позиционной войны и современной—маневренной войны".

(*Прим. редакц.*).

[2]) Наше наступление в Восточную Пруссию двумя отдельными армиями при начале сосредоточения еще одной армии в Варшаве часто подвергается жестокой критике; но критики имеют в виду лишь ординарное наступление, замысел же относится к характеру больших вторжений. Наше горе состояло в том, что мы предпринимали большое вторжение не имея для того предпосылок. (*Прим. редакц.*).

желательно нанести удар. Кто выжидает, тот повсюду оказывается упрежденным: противник набрасывается на отдельные части его армии, он не знает, куда неприятель хочет направить свои усилия, ни средств, которые он должен ему противопоставить.

В тактике наступление также имеет преимущества, но не столь положительные, так как операции не распространяются на такой обширный район, и захвативший инициативу не может скрыть их от противника, который немедленно их обнаруживает и сейчас же при помощи хороших резервов может внести необходимые поправки. Помимо того, двигающийся на неприятеля имеет против себя все невыгоды, вытекающие из местных препятствий, которые ему придется преодолеть, чтобы дойти до неприятельского фронта; последнее заставляет думать, что именно в тактике шансы обеих систем достаточно уравновешиваются.

Впрочем, каковы бы ни были стратегические и политические выгоды, ожидаемые от наступления, тем не менее невозможно применять исключительно эту систему в течение всей войны; даже нельзя быть уверенным, что поход, начатый наступательно, не закончится обороной.

Оборонительная война также имеет свои преимущества, если она умно скомбинирована. Она бывает двух видов: оборона инертная, или пассивная, и оборона активная, с наступательными контр-ударами. Первая всегда пагубна; вторая может привести к крупным успехам. Так как целью оборонительной войны является возможно длительное прикрытие угрожаемого противником участка территории, то очевидно, что целью всех операций должна быть задержка его успехов, противодействие предприятиям неприятеля путем умножения трудностей его марша, однако, не подводя при этом под серьезный ущерб собственную армию. Кто решается на нашествие, предпринимает его всегда на основании какой-либо предпосылки и должен стремиться к возможно быстрой развязке; обороняющийся, наоборот, должен оттягивать развязку до тех пор, пока его противник не будет ослаблен, вследствие неизбежного выделения отрядов, маршей, трудов и т. д.

Армия ограничивается рамками обороны лишь вследствие неудач или явного превосходства противника. В последнем случае она пытается, под прикрытием крепостей и естественных или искусственных преград, восстановить равновесие шансов, умножая препятствия, которые она может противопоставить противнику.

Эта система, не будучи доведена до крайности, также имеет свои хорошие шансы, но лишь в том случае, если полководец, считающий себя вынужденным прибегнуть к ней имеет достаточно здравого смысла, чтобы не ограничиваться инертной обороной, иначе говоря, откажется от непод-

вижного выжидания в определенных пунктах всех ударов, которые пожелает ему нанести противник. Наоборот, он должен будет стремиться удвоить активность своих операций и не упускать ни одного из представляющихся случаев, чтобы напасть на слабое место противника, захватить инициативу движений.

Этот вид войны, который я раньше называл наступательной (активной. *Переводч.*) обороной, представляет выгоды как в стратегии, так и в тактике. Действующий таким образом использует преимущества обеих систем, так как получает выгоды инициативы и легче может использовать удобный момент для нанесения удара, находясь по середине заранее подготовленной шахматной доски, в центре средств и опорных точек своей страны.

В трех первых походах Семилетней войны Фридрих Великий наступал; но в четырех последних он дал настоящий образец активной обороны. Правда, надо признать, что ему блестяще помогали противники, дававшие ему полную свободу и возможность успешно захватывать инициативу.

Веллингтон также играл эту роль в течение большей части своей карьеры в Португалии, Испании и Бельгии, и это действительно был единственно подходящий способ действия в его положении. Всегда легко выполнять амплуа Фабия, когда играешь на союзной территории и не приходится заботиться о судьбе столицы или угрожаемых провинций, одним словом, когда можно считаться единственно с военными требованиями [1]).

В заключение, повидимому, надо признать бесспорным, что самый крупный талант полководца — это умение поочередно применять обе системы и, главным образом, уменье вновь перехватывать инициативу, даже в течение самой оборонительной схватки.

Глава третья.

О стратегических пунктах и линиях, о решительных пунктах театра войны и об объектах операций.

Бывают различные по своей природе стратегические пункты и линии. Одни из них получают такое наименование исключительно по своему географическому положению, откуда и вытекает все их значение на шахматной доске операций; таким образом, они являются постоянными стратегическо-географи-

[1]) Например, генерал Френч после первых неудач в сентябре 1914 г. очень хотел стать на путь стратегии Фабия Кунктатора, так как предоставление немцам нескольких лишних богатых областей Франции не внушало ему особого беспокойства; лишь огромными усилиями английскому правительству удалось заставить его принять участие в Марнской операции. (*Прим. редакц.*).

ческими пунктами. Другие приобретают значение в связи с расположением неприятельских сил и с намечаемыми против них операциями: это будут маневренные стратегические пункты, совершенно преходящего значения. Наконец, существуют стратегические пункты и линии, имеющие лишь второстепенное значение, и таковые, значение которых и огромно, и беспрерывно: последние я называю решительными стратегическими пунктами.

Я попытаюсь объяснить эти отношения столь же ясно, как я их сам понимаю, что в таких вопросах не всегда так легко, как может казаться.

Всякий пункт на театре военных действий, имеющий военное значение — или по своему положению в узле сообщений, или по нахождению в нем каких-либо военных учреждений и фортификационных сооружений, будет в действительности являться территориальным или географическим стратегическим пунктом.

Некий знаменитый генерал [1]), напротив, утверждает, что не всякий пункт, удовлетворяющий вышеприведенным условиям, будет непременно представлять стратегический пункт; для последнего еще необходимо, чтобы он был соответственно расположен по отношению к имеющейся в виду операции.

Я надеюсь, что меня извинят за то, что я держусь иной точки зрения, но стратегический пункт всегда является таковым по своей природе и таковым остается даже пункт, наиболее удаленный от сферы первоначальных операций, так как он может быть втянут в них неожиданным оборотом событий и приобрести все значение, на которое он может претендовать. С моей точки зрения, следовательно, точнее было бы сказать, что не все стратегические пункты являются пунктами решительными.

Точно также стратегические линии являются или географическими, или получают свое значение только в связи с определенным маневром, на некоторый период времени; первые могут быть подразделены на два разряда, а именно: географические линии, которые по своему постоянному значению являются решительными пунктами театра военных действий [2]), и линии, значение коих обусловливается лишь тем, что они соединяют между собой два стратегических пункта

---

[1]) Жомини имеет в виду эрц-герцога Карла. (*Прим. редакц.*).

[2]) Мне, может быть, поставят в упрек варваризм: я именую линии решительным, или объективным пунктом, а пункт не может быть линией. Мне незачем, однако, объяснять читателям, что объективные пункты не являются геометрическими точками, но грамматической формулой, выражающей цель, которой задается армия. А кто будет оспаривать слово „решительный", в виду того, что пункт сам по себе редко является решительным, тот может заменить его словом „важный", хотя последнее и не выражает столь сильно мысль, которую я с ним связываю. (*Прим. Жомини*).

Из опасения спутать эти различные понятия, мы отдельно рассмотрим стратегические линии, относящиеся к определенному маневру, а сейчас ограничим наше исследование решительными и объективными пунктами зоны, в которой развиваются операции.

Хотя между двумя последними видами пунктов существует внутреннее родство, так как всякий объект неизбежно должен быть одним из решительных пунктов театра войны, тем не менее надо проводить между ними различие, так как все решительные пункты не могут одновременно стать объективной целью операций. Следовательно, постараемся сначала точнее определить первые, что позволит нам подойти к выбору вторых.

Я полагаю, что название решительного стратегического пункта можно дать всем пунктам, которые могут оказать значительное влияние или на общий ход кампании, или на одну из операций. К их числу следует отнести все пункты, географическое положение и искусственное усиление коих благоприятствует атаке или обороне оперативного фронта или оборонительной линии; первое место среди них занимают удачно расположенные большие крепости.

Следовательно, решительные пункты театра войны бывают различного рода. Первые — это географические пункты или линии, которые имеют постоянное значение, вытекающее из конфигурации данной шахматной арены: возьмем, например, бельгийский театр для Франции; совершенно ясно, что та из обеих сторон, которая будет владеть течением Мааса, будет господствовать и над страной, так как ее противник будет охваченным и запертым между Маасом и Северным морем, не сможет принять сражения, имея фронт, параллельный морю, не рискуя при этом полным уничтожением своей армии [1]). Долина Дуная также представляет серию важных пунктов, на которую установился взгляд, как на ключ к Южной Германии.

Решительными стратегическими пунктами также являются те, которые позволяют господствовать над узлом нескольких долин и над центром важнейших пересекающих страну сообщений. Например, Лион является важным стратегическим пунктом, так как он господствует над долинами Роны и Сены и расположен в центре сообщений между Францией и Италией и юга с востоком; но он являлся бы решительным пунктом лишь при условии, что там была бы возведена крепость или укрепленный лагерь с предмостными укреплениями.

---

[1]) Эта мысль Жомини относится лишь к тому случаю, когда обе борющиеся в Бельгии армии принадлежат континентальным государствам. Он поясняет в других своих трудах, что обстановка складывается совершенно иначе для английской армии, базирующейся на побережье. (*Прим. редакц.*).

Лейпциг, бесспорно, является стратегическим пунктом, так как он расположен на сплетении всех сообщений Севера Германии. Если бы этот город был укреплен и находился на обоих берегах большой реки, то он почти что представлял бы ключ к стране (если вообще страна может иметь ключ и если это фигуральное выражение подразумевает нечто другое, а не решительный пункт).

Таким образом, все столицы, будучи расположены в центре путей государства, являются решительными стратегическими пунктами не только по приведенной причине, но и по другим мотивам, нарастающим их значение.

Помимо этих пунктов, в горных странах имеются еще теснины, являющиеся единственными проходами для армии; эти географические пункты могут явиться решающими для операций в данной местности; известно, какое значение получило дефиле у Бард, прикрытое маленьким фортом, в 1800 г. [1]).

Второй вид решительных пунктов представляют временные маневренные пункты, значение коих относительно и обусловливается группировкой войск обеих сторон. Например, Мак в 1805 году сосредоточил свои силы в направлении Ульма и ожидал русскую армию со стороны Моравии; при наступлении на него решительным пунктом является Донауверт или нижнее течение Леха, так как, если Мак был бы здесь предупрежден противником, то он терял свою линию отступления на Австрию и на шедшую к нему на помощь русскую армию. В 1800 году Край, занимая такое же положение у Ульма, наоборот, ожидал помощи не со стороны Богемии, а из Тироля и из победоносной армии Меласа в Италии; поэтому решительный пункт при наступлении на него лежал уже не в Донауверте, а на противоположной стороне, т.-е. у Шафгаузена: только здесь являлась возможность выйти в тыл его оперативного фронта, отрезать ему отступление и, отбросив к Майну, изолировать его как от вспомогательной армии, так и от базы. В ту же кампанию 1800 года первым объектом Бонапарта было обрушиться через Сен-Бернар на правое крыло Меласа, чтобы захватить его сообщения: понятно, что Сен-Бернар и долина Аосты являлись не решительными географическими пунктами, а маневренными, так как их значение обусловливалось продвижением Меласа к Ницце.

Можно утверждать, как общий принцип, что решительными маневренными пунктами являются пункты, расположен-

[1]) Форт Бард, в узкой долине р. Дора — Балтея, задержал армию Бонапарта в мае 1800 г. при спуске с Сен-Бернардского перевала в Ломбардию. (*Прим. редакц.*).

ные на той оконечности неприятельского фронта, откуда его можно было бы легче отрезать от его базы и от его вспомогательных армий, не подвергая при этом свои сообщения такому же риску. При этом всегда надлежит предпочитать оконечность, противоположную морю, так как оттеснить противника к морю является столь выгодно, как опасно самому подвергаться подобному риску; лишь в случае, если вы имеете дело со слабой армией островитян, можно пытаться отрезать ее от кораблей [1]).

Если неприятельская армия раздроблена на части или растянута на очень длинном фронте, то решительный пункт будет представлять центр: проникнув туда, мы увеличиваем разброску неприятельских сил, т.-е. удваиваем их слабость; неприятельские части, разбитые порознь, несомненно являются обреченными на уничтожение.

Решительный пункт поля сражения определяется следующим:

1. Очертанием местности.

2. Комбинацией местных предметов и преследуемой нами стратегической цели.

3. Группировкой сил обеих сторон.

Об объективных пунктах [2]).

С этими пунктами дело обстоит так же, как и с предыдущими, т.-е. существуют маневренные объективные пункты и таковые географического порядка, как-то: важная крепость, течение большой реки, оперативный фронт, представляющий хорошие оборонительные условия [3]) или хорошие опорные пункты для последующих предприятий.

---

[1]) См. ниже статью Мольтке о фланговых позициях. Мольтке, развивая эту мысль, считал невозможным занимать фланговую позицию тылом к Балтийскому морю. Подобные позиции на континенте хороши лишь для англичан. (*Прим. редакц.*)

[2]) Мы остановились на дословном неуклюжем переводе термина Жомини, вместо краткого русского слова „цель“, на том основании, что русское понятие „цель“ слишком обширно, и пользование им не всегда достаточно точно передает мысль. Под целью операции Жомини разумеет не ориентирующий ее пункт, а стремление бить своими главными силами неприятеля по частям. (*Прим. переводч.*).

[3]) Когда в начале октября 1914 года Людендорф убедился, что ему не удастся ударом в направлении на Ивангород выйти в тыл русским армиям в Галиции, он продолжал наступление, объектом коего был захват левого берега Вислы, представлявшего значительные выгоды для обороны.—Впрочем позволительно усумниться, чтобы наступление, преследующее цель занять выгодную оборонительную линию, являлось действительно стратегическим наступлением. Постановка такого объекта означает переход к стратегической обороне, хотя бы продвижение вперед и продолжалось. (*Прим. редакц.*).

В стратегии объективный пункт определяется целью [1]) кампании. Если эта цель наступательная, то объективным пунктом будет оккупация неприятельской столицы или важной в военном отношении провинции, утрата которой могла бы склонить противника к миру. При войне типа нашествия (на сокрушение. *Редакция*), объективным пунктом, намечаемым нападающим, обычно является столица.

Во всяком случае географическое положение этой столицы, политические отношения воюющих держав с их соседями, имеющиеся в распоряжении источники средств, единство государства или федеративное его устройство—все это создает массу комбинаций, по существу чуждых науке о бое, но очень интимно связанных с планами операций [2]); в зависимости от них может лежать решение, должна ли армия стремиться или опасаться продвигаться до самой неприятельской столицы.

Если объективным пунктом не является столица, им может быть какой-либо оперативный фронт, служащий основной базой противника, на котором находились бы несколько важных крепостей, захват коих обеспечивал бы армии владение оккупированной территорией: например, в войне Франции с Австрией, если бы французская армия вторглась в Италию, то первым ее объектом было бы достижение линии рек Тичино и По; вторым объектом были бы Мантуя и линия реки Эча; третий находился бы уже в Норических Альпах, и т. д.

При обороне объективным пунктом [3]) явится уже не пункт, который желательно завоевать, а пункт, который пытаются прикрыть. Столица, в которой полагается центр могущества, становится главным объективным пунктом обороны. Но могут иметься и более близкие пункты, как например, оборона первого фронта и первой базы операции; первым объективным

---

[1]) Под целью кампании здесь вернее разуметь ее смысл, назначение. Мы теперь под целью кампании разумеем тот самый объективный пункт, о котором говорил Жомини. (*Прим. редакц.*).

[2]) Примером проблемы, затрагиваемой здесь Жомини, может явиться Варшавская операция 1920 года. Очень легкомысленное исключение Парижа в 1914 году из района немецкого наступления в корне испортило план Шлиффена, лишило его внутреннего смысла. (*Прим. редакц.*).

[3]) Колоссальная трудность при изучении стратегии заключается в том, что каждый автор устанавливает свою терминологию. Небольшое количество лиц, работающих над стратегией, не позволяет языку в жизненной практике выработать определенную стратегическую терминологию и открывает широкие рамки произволу изолированно мыслящих авторов. Немецкие авторы, следуя примеру Бюлова, цель обороны называют субъектом обороны (см. статьи Бюлова и Шерфа в этом томе), а Жомини то же понятие именует объективным ее пунктом. Наша редакция не может покушаться на терминологию, устанавливаемую каждым автором, так как каждый термин пускает слишком глубокие корни в труд крупного мыслителя, чтобы можно было безболезненно подменить его другим подходящим. Мы не можем в этом труде реформировать терминологию, так как необходимы пространные пояснения к новым понятиям. Эту задачу мы откладываем на наш оригинальный труд по стратегии. (*Прим. редакц.*).

пунктом французской армии, вынужденной обратиться к обороне за Рейном, будет защита переправ через эту реку; французская армия будет пытаться помочь эльзасским крепостям, если противнику удастся переправиться и осадить их; вторым объектом является прикрытие первой оперативной базы, которая будет избрана на Маасе или Мозеле.

Что касается до маневренных объективных пунктов, то об их значении можно судить по тому, что мы уже сказали о решительных пунктах. В удачном выборе маневренных пунктов до известной степени проявляется наиболее ценный талант полководца; это надежнейший залог больших успехов. По крайней мере известно, что таковым было наиболее бесспорное достоинство Наполеона.

Отбросив старую рутину, задававшуюся только взятием одной или двух крепостей или занятием небольшой пограничной провинции, он выступил убежденным, что первое средство для достижения крупных результатов заключается, главным образом, в стремлении рассеять и сокрушить неприятельскую армию. Несомненно, что государства или провинции сдадутся сами, если нет больше организованных сил для прикрытия их [1]). Оценить верным глазомером шансы, представляемые различными зонами театра военных действий; концентрически направить массы в ту из этих зон, которая в действительности представляет наибольшие выгоды; ничем не пренебрегать, чтобы быть осведомленным о приблизительной группировке неприятельских сил; затем с быстротой молнии обрушиться на центр этой армии, если она будет разбросана, или на тот ее фланг, откуда можно выйти непосредственно на ее сообщения, охватить ее, отрезать, прорвать, преследовать до крайности, вынуждая отходить в расходящихся направлениях; наконец, оставить ее не раньше, чем она будет уничтожена или рассеяна; вот на что первые кампании Наполеона указывают, как на одну из лучших систем или, по крайней мере, как на основы той, которую он предпочитал.

Когда же, в дальнейшем, этот образ действий был применен в обстановке огромных русских расстояний и негостеприимных русских областей, то, по правде сказать, он не имел того же успеха, как в Германии. Во всяком случае надо признать, что если этот способ войны не по плечу каждому и не подходит ко всем странам и к любой обстановке, тем не менее шансы этого образа действий остаются очень большими, и он действительно основывается на применении прин-

---

[1]) Война в Испании и все национальные войны могли бы рассматриваться, как исключение; однако, без поддержки организованной армии, будь то иностранная или национальная армия, всякая борьба народных масс, в конечном счете, приведет к поражению. (*Прим. Жомини*).

ципов: если Наполеон и злоупотребил этой системой, то это не уничтожает реальных выгод, которых можно от нея ожидать, если уметь заставить себя ограничиться определенными успехами и координировать свои предприятия с отношением сил армий и позиций соседних государств [1].

Правила, которые можно было бы дать относительно этих важных стратегических операций, почти целиком заключаются в том, что мы уже высказали о решительных пунктах, и в том, что мы выдвигаем дальше, когда будем говорить о выборе операционных линий.

Что же касается выбора маневренных объективных пунктов, то здесь обычно все будет зависеть от цели войны, от характера, который придадут войне обстоятельства или воля правительств, и, наконец, от тех военных сил и средств, которыми располагают обе стороны. В иных случаях объективные пункты будут преимущественно географическими пунктами, так как будут задаваться только взятием нескольких городов или очищением от неприятеля небольшой пограничной провинции; а в иных случаях придется думать, как это делал Наполеон, об уничтожении неприятельской армии. Нельзя советовать повторение Ульмского или Иенского маневра армии, наступающей единственно для осады Антверпена. И по совершенно отличным мотивам также было бы неосторожно рекомендовать подобный маневр французской армии, выдвинувшейся за Неман, на удаление в 2,000 километров от своей границы.

Существует особый род объективных пунктов, который невозможно обойти молчанием: это такие пункты, которые, хотя и имеют известное военное значение, но тем не менее гораздо теснее связываются с политическими комбинациями, чем со стратегическими. В особенности редко бывает, чтобы они не играли весьма крупной роли при коалиционной войне, оказывая влияние и на операции, и на комбинации правительств: следовательно, их можно назвать **политическими объективными пунктами**, не рискуя быть обвиненным в одержимости манией терминологии.

И действительно, помимо интимных отношений, существующих между политикой и стратегией при подготовке к войне, почти в каждом походе встречаются военные операции, предпринятые для удовлетворения настояний политики; а последние часто являются весьма важными, но часто бывают и весьма неразумными; с точки зрения стратегии это будут

---

[1]) Углубление и развитие этой мысли привело бы Жомини к созданию теории войны на измор, в которой только условно можно было согласиться с его основным принципом. (*Прим. редакц.*).

скорее крупные ошибки, чем полезные операции. Мы ограничимся приведением двух примеров: экспедиция 1793 года герцога Иоркского против Дюнкирхена, идея о которой зародилась у англичан под влиянием их традиционных морских и коммерческих чаяний; эта экспедиция направила операции союзников по расходящимся направлениям, что привело их к поражению; этот объективный пункт не был хорош ни в стратегическом, ни в тактическом отношении.

Экспедиция 1799 года того же герцога Иоркского в Голландию, продиктованная теми же взглядами лондонского кабинета, совпадавшими с надеждами Австрии на захват Бельгии, явилась не менее роковой; она породила движение эрцгерцога Карла от Цюриха на Мангейм, что явилось операцией, весьма противоречащей общим интересам коалиционных армий в тот момент, когда она была решена [1]).

Эти истины доказывают, что выбор политических объективных пунктов должен подчиняться требованиям стратегии, по меньшей мере до того момента, пока армия не разрешила оружием важнейшие вопросы войны.

В общем же этот вопрос так обширен и так сложен, что было бы абсурдно стремиться подчинить его каким-либо правилам: единственное правило, которое можно было бы предложить, только что нами приведено [2]). На практике необходимо или чтобы объективные пункты, выдвигаемые политикой в кампании, находились в согласовании с принципами стратегии, или же, в противном случае, чтобы достижение их было отсрочено на период, следующий за решительной победой.

Если принять это правило к обоим вышеприведенным примерам, то станет ясно, что завоевывать Дюнкирхен в 1793 году и освобождать Голландию в 1799 году надо было в Камбрэ или в центре Франции: это значит, что следовало стягивать все усилия коалиции к решительному пункту на границе, где и нанести решительный удар. Впрочем, почти все экспедиции такого характера относятся к разряду крупных диверсий, которым мы посвятим особую главу.

---

[1]) В этом коммерческом предприятии англичан в Голландии погиб русский корпус ген. Германа, одолженный Павлом I англичанам; движение эрцгерцога Карла обусловило поражение корпуса Римского-Корсакова при Цюрихе и отчаянное положение Суворова в Швейцарии. (*Прим. редакц.*).

[2]) Во многих местах трудов Жомини читатель найдет эту ссылку на сложность жизни, не умещающейся в рамках упрощенной стратегии Жомини. Жомини в жизни сам хорошо разбирался в очень сложных взаимоотношениях политики и стратегии, но, работая над теорией, не останавливался перед упрощением постановки вопросов, ссылаясь то на область гения полководца, то на ускользающую от переливки в правила сложность дела. В этом отношении теория Жомини отрывается от жизни; Клаузевиц же, не останавливаясь над углублением мысли, давал ей гораздо более туманную форму, зато от жизни не отрывался и ничего не упрощал. (*Прим. редакц.*)

Глава четвертая.

Об операционных зонах и линиях.

Под операционной зоной надлежит разуметь известную часть театра военных действий в целом, через которую армия двигается к определенной цели, в особенности, если последняя находится в известной комбинации с целью, преследуемой вспомогательной армией. Например, в общем плане кампании 1796 года Италия являлась операционной зоной правой армии; Бавария—армии центра (Рейн-Мозельской); и, наконец, Франкония—левой армии (Самбро-Маасской).

Иногда операционная зона, как по конфигурации местности, так и по небольшому числу имеющихся удобных дорог, может представлять для действующей в ней армии лишь одну операционную линию. Но такие случаи бывают редко; обычно, операционная зона будет представлять несколько операционных линий, количество которых будет зависеть отчасти от планов полководца, а отчасти от числа магистральных сообщений, предоставляемых данным районом для его предприятий.

Однако, отсюда нельзя делать выводы, что каждая дорога сама по себе представляет операционную линию: конечно, в зависимости от оборота, который примут военные события, каждая хорошая дорога, первоначально и незанятая, может временно стать операционной линией; но поскольку будут ею пользоваться лишь разведывательные отряды или поскольку она окажется расположенной в направлении, находящемся вне сферы главных операций, постольку являлось бы абсурдным смешивать ее с подлинной операционной линией. Кроме того, три или четыре удобные дороги, удаленные всего на расстоянии одного или двух переходов друг от друга и ведущие к одному и тому же операционному фронту, не представляют трех разных операционных линий.

Действительно, операционной линией можно назвать лишь пространство, достаточное, чтобы центр и оба крыла армии могли передвигаться в пределах одного или двух переходов до каждого из крыльев, что возможно лишь при предпосылке наличности в этом пространстве по крайней мере трех или четырех дорог, ведущих к операционному фронту.

Анализ военно-исторических событий достаточно убедительно свидетельствует о важности выбора маневренных линий [1]) для военных операций. Действительно, удачный выбор

---

[1]) Под маневренными линиями Жомини разумеет те территориальные операционные линии, которые вошли в данную стратегическую комбинацию полководца. (*Прим. редакц.*).

может возместить опустошения, причиненные проигранным сражением, сделать тщетным вторжение, увеличить выгоды победы и обеспечить завоевание страны.

Сравнивая планы самых знаменитых походов и результаты, к каким они привели, мы видим, что все операционные линии, которые привели к успеху, отвечали основному принципу, который мы неоднократно приводили, так как простые и внутренние линии[1]) имеют целью ввести в бой в наиболее важном пункте, путем стратегического маневра, большее количество дивизий, а, следовательно, более сильную массу, чем противник. Также можно убедиться, что все операционные линии, приведшие к неудаче, отмечаются противоположными этим принципам недостатками, так как все сложные линии имеют тенденцию подставлять массе, которая должна обрушиться на них, слабые и изолированные части.

Принципы операционных линий.

Я думаю, что из анализированных мною событий и в особенности из тех, которые имели место вскоре за напечатанием впервые этой главы в 1806 году, можно вывести следующие принципы:

1. Если военное искусство состоит в том, чтобы на решительном пункте театра операций вводить в бои возможно большие силы, то выбор операционной линии, который является первым средством, чтобы этого достигнуть, можно рассматривать, как фундаментальную основу хорошего плана кампании[2]). Наполеон доказал это тем направлением, которое он сумел дать своим массам в 1805 году на Донауверт и в 1806 году на Геру; искусные маневры, в которые военные должны глубоко вдуматься.

---

[1]) Простой операционной линией Жомини называет операционную линию армии, не выделяющей крупных независимых частей и наступающей от одного участка границы в одном направлении. Внутренними операционными линиями—операционные линии одной армии против нескольких отдельных масс неприятеля, при чем избирается такое их направление, чтобы имелась возможность сблизиться с неприятелем и связать его отдельные части, прежде чем он получит возможность сосредоточить и противопоставить превосходные силы. (*Прим. редакц.*).

[2]) Я считаю необходимым повторить, что я никогда не допускал возможности начертать заранее план кампании в целом. Под планом кампании надлежит понимать лишь первоначальный проект, указывающий цель, которую намечают достигнуть, общую систему, которой будут держаться при этом, и первую операцию, которая будет предпринята; остальное, конечно, зависит от результата этой первой операции и новых условий, которые она создаст (*прим. Жомини*). Намеченные Жомини рамки для плана кампании повторялись до последнего времени во всех трудах по стратегии. См. статью Г. А. Леера в наст. томе. (*Прим. редакц.*).

2. Направление, которое надлежит дать операционной линии, зависит не только от географических условий театра войны, о чем мы будем говорить далее, но и от расположения неприятельских сил на этой стратегической шахматной доске. Во всяком случае операционная линия может быть направлена или против центра или против одной из оконечностей фронта: лишь в случае бесконечного превосходства[1]) можно было бы одновременно действовать и против фронта и против оконечностей его; во всяком другом случае это явилось бы капитальной ошибкой.

В общем, можно выдвинуть принцип, что лучшим направлением для маневренной линии является центр противника, если последний, совершая ошибку, разбрасывает свои силы на слишком растянутом фронте; при всяком другом предположении маневренная линия должна направляться на оконечность неприятельского фронта и далее в тыл оборонительной линии или оперативного фронта противника [2]).

Преимущества, даваемые последним направлением, являются результатом не только того соображения, что, атакуя оконечность крыла, приходится сражаться лишь с частью неприятельской армии; еще большая выгода вытекает из того, что оборонительный фронт противника оказывается под угрозой захвата тыла. Так, в 1800 году Рейнская армия, достигнув оконечности левого фланга оборонительной линии Шварцвальда, заставила ее пасть почти без боя и дала два сражения на правом берегу Дуная; сами по себе эти сражения были далеко нерешительными, но результатом их, вследствие удачного направления операционной линии, явилось занятие Швабии и Баварии. Последствия марша, который привел резервную армию через Сен-Бернард и Милан на крайний правый фланг, а затем и в тыл Меласа, были еще более блестящими; они настолько известны, что мы можем на них здесь не останавливаться.

Этот маневр, правда, находится в резком противоречии с некоторыми слишком нетерпимыми системами, которые требуют баз, параллельных базам неприятеля, и двойных операционных линий, образующих прямой угол, вершина которого приходилась бы против центра стратегического фронта про-

---

[1]) Превосходство сил одной армии над другой исчисляется не по точной цифре солдат; таланты полководца, дух войск, присущие им достоинства также входят в подсчет; превосходство всегда является относительным. Правда, численные соотношения значат многое. *(Прим. Жомини).*

[2]) В учении Вилизена рекомендуется уже исключительно последний рецепт: обход всеми силами одного из флангов и выход всеми силами на неприятельские сообщения. *(Прим. редакц.).*

тивника. Но мы уже достаточно говорили об этих системах, чтобы показать, что наша предпочтительнее. Во всяком случае, если бы пришлось оперировать против неприятельского центра, то нет возражений и против применения Бюловской системы прямых углов; лишь бы при этом не считались с преувеличенными требованиями, которыми обременили ее комментаторы Бюлова, и чтобы двойные линии, которые он считает обязательными, были, как мы увидим дальше, внутренними [1]).

3. Тем не менее не следут думать, что достаточно достигнуть одной из оконечностей оперативного фронта противника, чтобы иметь возможность безнаказанно броситься на его тыл; бывают случаи, когда действуя таким образом можно самим оказаться отрезанными от своих собственных сообщений.

Во избежание этой опасности, важно дать такое географическое и стратегическое направление своей операционной линии, чтобы армия сохранила позади себя обеспеченную линию отступления или, в случае необходимости, имела в своем распоряжении таковую с другой стороны и могла перекинуться на нее, чтобы отойти на свою базу; об изменениях операционных линий мы будем говорить дальше (12-е правило).

Выбор операционного направления имеет такое значение, что сам по себе уже характеризует один из важнейших талантов полководца; в виду этого я позволю себе привести два примера, чтобы быть лучше понятым.

Например, если Наполеон в 1800 году, перевалив через Сен-Бернар, двинулся бы прямо через Турин на Асти или Александрию и принял сражение при Маренго, предварительно не обеспечив за собой Ломбардии и левого берега р. По, то он был бы еще полнее отрезан от своей линии отступления, чем Мелас; между тем, обладая хотя бы второстепенными пунктами Казалэ и Павия, со стороны Сен-Бернара, и Саваной и Тендэ со стороны Апеннин, в случае неудачи он имел полную возможность отойти на р. Вар или в Валис.

Точно также, если он в кампанию 1806 года двинулся бы прямо от Геры на Лейпциг и ждал бы здесь прусскую армию, возвращающуюся из Веймара, он оказался бы отрезанным от своей базы на Рейне в той же мере, как и герцог Брауншвейгский был бы отрезан от своей базы на Эльбе; повернув же свою армию от Геры на запад, в направлении на Веймар, он развертывал свой оперативный фронт впереди трех дорог на Заальдфельд, Шлейц и Гоф, служившие ему

---

[1]) Но Бюлов требует во что бы то ни стало внешних линий, двойного охвата; система Бюлова в прямом противоречии с идеями Жомини; здесь со стороны Жомини не то учтивость, не то насмешка по отношению к учению Бюлова. (*Прим. редакц.*).

линиями сообщений и которые он, таким образом, прекрасно прикрывал. Предположим даже, что пруссакам пришла бы фантазия перерезать эти пути отступления, бросившись между Герой и Байретом; в таком случае они открыли бы ему наиболее естественный путь, а именно прекрасное шоссе Лейпциг—Франкфурт, не говоря уже о десятке дорог, ведущих из Саксонии, через Кассель, на Кобленц, Кельн и даже Везель. Этого достаточно, чтобы выяснить важность данного рода комбинаций; вернемся к возвещенным нами принципам [1]).

4. Чтобы разумно маневрировать, надо избегать формирования двух самостоятельных армий на одной и той же границе: подобная система являлась бы соответственной лишь при борьбе крупных коалиций, или при наличии столь обширных сил, что являлось бы невозможным действовать ими в одной операционной зоне, без нагромождения более опасного, чем полезного. Однако, и в последнем случае было бы лучше подчинить обе эти армии одному командующему, штаб которого находился бы при главной армии [2]).

5. Из вышеизложенного принципа следует, что, при равных силах, простая операционная линия на одной границе будет иметь преимущество над двойной операционной линией.

6. Тем не менее может случиться, что двойная линия явится необходимой или вследствие конфигурации театра военных действий, или вследствие того, что противник сам будет действовать по нескольким направлениям, и придется противопоставить известную часть армии каждой из двух или трех масс, которые он сгруппирует.

---

[1]) Жомини, а за ним Г. А. Леер, выставляя требование безопасности операционной линии, стремились изгнать вовсе риск из стратегической операции, что едва ли возможно. Риск находится в тесной связи с возможностью крупных успехов.

Примеры, приведенные Жомини, неубедительны. Под Маренго риск сражения с перевернутым фронтом ослаблялся для Наполеона счастливым для него обстоятельством—нахождением С.-Готардского перевала и всей Швейцарии в руках французов, что открывало для него лазейку на случай отступления. Второй пример еще более неудачен. Поворот на запад от Геры—не блестящий маневр Наполеона, а ошибка его, вызванная плохой разведкой; пруссаки получали возможность ускользнуть от обхода французов.—Во всяком случае, безопасность следует понимать не только в географическом и геометрическом отношении, как это делает Жомини, но и принимая во внимание соотношение сил сторон. Имея безусловную уверенность в тактической победе, можно к пути отступления предъявлять неизмеримо более легкие требования, чем когда исход столкновения сомнителен. Шлиффен и военно-историческое отделение прусского большого генерального штаба во взглядах на риск занимали позицию, прямо противоположную взглядам Жомини и Леера. Обоснование этой точки зрения—ниже, у Дельбрюка, при оценке эрц-герцога Карла и кампании 1806 года. (*Прим. редакц.*).

[2]) Одной из причин поражения австрийцев в 1866 году является стремление их следовать этому правилу Жомини, что привело к образованию единой армии Бенедека из 8 армейских корпусов, 5 кавалерийских дивизий и армейской артиллерии; армия из 14 единиц не могла быть удобоуправляемой. (*Прим. редакц.*).

7. В последнем случае внутренние или центральные линии явятся более предпочтительными перед внешними, так как армия, действующая по внутренним линиям, будет иметь возможность привлечь все свои части к проведению общего плана и таким образом сможет предупредить противника в сосредоточении главной массы своих сил для решения судьбы кампании.

Армия, операционные линии которой представляют подобные выгоды, была бы в состоянии удачно скомбинированным стратегическим движением последовательно атаковать части противника, которые поочередно подставлялись бы под ее удары. Чтобы обеспечить успех этого движения, надо оставить обсервационный корпус против той части неприятельской армии, которую стремятся только связать: этому корпусу надо указать не ввязываться в серьезный бой и довольствоваться тем, чтобы задерживать его продвижение на местных рубежах и отходить на главную армию.

8. Двойная линия может оказаться также подходящей, если мы имеем столь явно выраженное численное превосходство, что получается возможность действовать по двум направлениям, не подвергаясь риску, что неприятелю удастся порознь разбить одну из обеих частей. При такой гипотезе являлось бы ошибочным нагромождать все силы в одном пункте и тем самым сводить на-нет преимущества перевеса сил, лишая часть их возможности действовать. Тем не менее, решаясь действовать по двойной линии, всегда будет разумно усилить ту часть армии, которая, по условиям местности и группировок обеих сторон, будет призвана играть более важную роль.

9. Крупнейшие события последних войн свидетельствуют верность двух нижеследующих правил. Первое: при действиях по двум внутренним линиям, взаимно оказывающим поддержку и противостоящим на известном расстоянии двум численно превосходным массам, нельзя допускать, чтобы противник сжал их на слишком тесном пространстве; иначе, в конечном счете, последует одновременный разгром на обоих направлениях, как это случилось с Наполеоном в знаменитой битве под Лейпцигом [1]).

Второе правило: при действиях по внутренним линиям нельзя впадать в противоположную крайность и растягивать их слишком далеко, что связано с риском дать противнику

---

[1]) Дать такое правило несомненно легче, чем осуществить его в жизни. Несомненно, Наполеон понимал это требование теории, и очень стремился под Лейпцигом не допустить сближения союзников; однако, с этой задачей ему справиться не удалось. Эта задача удалась Людендорфу во время Самсоновской операции; но это не заслуга германского командования—а негодность командования русским северо-западным фронтом к своей деятельности. (*Прим. редакц.*).

время одержать решительные успехи над оставленными для наблюдения второстепенными отрядами. Тем не менее, это допустимо, если основная цель, которая преследуется, имеет настолько решающее значение, что от нее зависит вся участь войны; в подобных случаях можно относиться равнодушно к тому, что будет иметь место на второстепенных пунктах.

10. По тем же соображениям, две концентрические операционные линии предпочтительнее двух эксцентрических; первые лучше отвечают принципам стратегии и помимо того, обладают еще тем преимуществом, что прикрывают собой линии сообщений и подвоза; но чтобы устранить опасность, надо скомбинировать их таким образом, чтобы обе следующие по ним армии не рисковали в розницу встретиться с соединенными силами противника, прежде чем они сами окажутся в состоянии соединиться.

11. Тем не менее, расходящиеся линии могут оказаться соответственными, например, после выигранного сражения или после стратегической операции, посредством которой удалось бы разделить силы противника, прорвав его центр. Тогда становится естественным дать своим массам эксцентрические направления, чтобы закончить рассеивание побежденного: но хотя бы эти массы и действовали по расходящимся направлениям, тем не менее они будут действовать по внутренним линиям, т.-е. они будут находиться на меньшем удалении друг от друга и легче могут соединиться, чем силы противника.

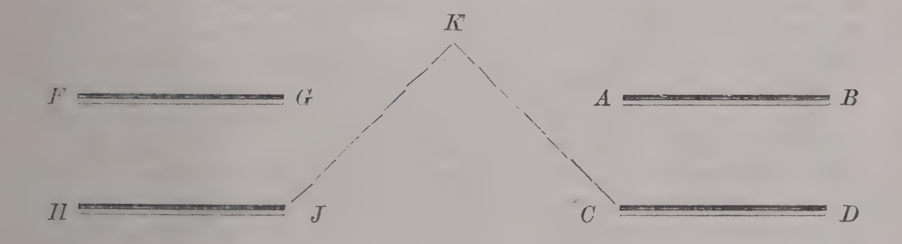
12. Иногда бывает, что армия оказывается вынужденной изменить свою операционную линию в середине кампании, т.-е. обратиться к тому, что мы называем случайными операционными линиями. Это один из самых деликатных и важных маневров, который может привести к крупным успехам; но в нем может лежать причина и серьезного поражения, если он будет скомбинирован с недостаточной прозорливостью, так так к нему приходится прибегать лишь, чтобы вывести армию из затруднительного положения. В X главе „Обзора больших операций“ мы привели пример такого изменения операционной линии, произведенного Фридрихом Великим после снятия осады Ольмюца.

Наполеон проектировал несколько таких операций, так как при своих рискованных вторжениях у него было обыкновение иметь наготове подобный проект, чтобы парировать непредвиденные события. В момент Аустерлицкого сражения он решил, в случае неудачи, направить свою операционную линию на Пассау и Регенсбург через Богемию, которая открывала ему новую, богатую средствами страну; между тем старая операционная линия на Вену проходила по разоренной местности, и эрцгерцог Карл мог бы легко на ней его предупредить.

В 1814 году он приступил к более смелой операции, которой, правда, благоприятствовали местные условия; она заключалась в том, чтобы перенести базирование на пояс Эльзасских и Лотарингских крепостей, оставляя открытой для союзников дорогу на Париж. Несомненно, если бы Мортье и Мармону удалось с ним соединиться, и если бы он имел лишних 50.000 человек, этот план мог бы повести к наиболее решительным последствиям и увенчать его блестящую военную карьеру.

13. Как мы уже говорили выше (2-е правило), очертание границ и географические условия данного района военных действий также могут оказать большое влияние как на даваемые операционным линиям направления, так и на выгоды, которые можно из них извлечь. Центральные позиции, образующие угол, вдающийся в сторону противника, являются наиболее выгодными, так как они естественно приводят к расположению по внутренним линиям и облегчают возможность атаковать противника с тыла. Следовательно, значение сторон этого выдающегося угла столь велико, что надлежит усилить всеми средствами искусства природные данные, чтобы сделать их недоступными.

За отсутствием центрального положения, его можно было бы заменить соответственным направлением маневренных линий, как это показывает прилагаемый чертеж.

Армия CD, маневрирующая в обход правого фланга армии AB, и HJ, направляющаяся против левого фланга FG, образует две внутренние линии CK и JK против крайних пунктов каждой из внешних линий AB и FG, которые они смогут разгромить одну за другой, поочередно, направляя на них главную массу своих сил. Эта комбинация дает идею операционных линий 1796, 1800 и 1809 годов.

14. Общее очертание базисов также может иметь большое влияние на направление, придаваемое операционным линиям; последнее, естественно, должно будет подчиняться положению соответственных базисов. И действительно, простое размышление убеждает нас, что наибольшие выгоды, вытекающие из очертания границ и базисов. достижимы при их продолжении перпендикулярно к базе противника, т.-е. парал-

лельно его операционной линии; это дает возможность перехватить эту операционную линию при выходе ее из базы, и, таким образом, отрезать сообщения неприятельской армии.

Но если, вместо устремления наших операций на решительный пункт, направление операционной линии было бы выбрано неудачно, то все преимущества перпендикулярной базы свелись бы к нулю.

Как мы видим, великое искусство давать удачное направление своим операционным линиям состоит в таком комбинировании отношений этих линий к базам и передвижению армий, чтобы иметь возможность захватить неприятельские сообщения, не рискуя при этом потерять собственные — самая важная и наиболее трудно разрешимая стратегическая проблема.

15. Помимо разобранных случаев, существует еще один, оказывающий решающее влияние на направление, избираемое для операционных линий. Это тот случай, когда главная операция кампании заключается в производстве переправы через большую реку на глазах у многочисленной и свежей неприятельской армии. В этом случае явно чувствуется, что выбор операционной линии не может зависеть исключительно от воли полководца или от выгод, которые он усматривал бы в атаке известной части неприятельской оборонительной линии, так как первое, что надлежит уяснить, это пункт, в котором выполнение переправы было бы наиболее обеспечено и где можно найти необходимые для переправы материальные средства. В 1795 году Журдан произвел переправу через Рейн в районе Дюссельдорфа по той же причине, которая в 1831 году заставила Паскевича переправляться через Вислу у Осека, т. е. потому, что армия не имела при себе достаточно запряженных понтонных средств и потребовалось подтянуть с нижнего течения большие торговые баржи, которые французская армия купила в Голландии, а русская—в Торне и Данциге. В обоих случаях нейтральная прусская территория позволяла доставить баржи вверх по реке, без помехи со стороны противника. Однако, это преимущество, дававшее, казалось, неисчислимые выгоды, в 1795 и 1796 году вовлекло французов во вторжение по двум направлениям, которое именно потому не удалось, что создавшаяся вследствие этого двойная операционная линия привела их к поражению по частям. Паскевич, лучше размысливший, переправил через верхнюю Вислу лишь небольшой второстепенный отряд и притом уже после того, как главная армия достигла Ловича [1]).

---

[1]) Паскевич, своим трусливым ведением постоянно сосредоточенной русской армии, опасениями вступить в бой, выжиданием хода событий, едва ли заслуживает комплимент Жомини. (*Прим. редакц.*).

Наличие достаточного количества военных понтонов уменьшает зависимость от превратностей переправы. Тем не менее следует избирать пункт, представляющий наибольшие шансы на успех в зависимости от местных условий и группировки неприятельских сил. Дискуссия между Наполеоном и Моро относительно переправы через Рейн в 1800 году является одним из любопытнейших примеров различных комбинаций, которые представляет этот одновременно стратегический и тактический вопрос.

Пункт, избранный для переправы, влияет на направление первых переходов после совершения переправы, в виду неизбежной необходимости прикрывать мосты от противника, хотя бы до одержания победы; во всяком случае этот выбор представляет арену для правильного применения принципов; в конечном итоге он всегда сводится к альтернативе между переправой в центре и переправой на одном из крыльев.

Сосредоточенная армия, форсирующая переправу в одном из центральных пунктов и имеющая против себя сколько-нибудь растянутый кордон, в дальнейшем может разделиться по двум расходящимся линиям, чтобы рассеять части неприятельского кордона; противник, не будучи в состоянии сосредоточиться, и не подумает тревожить наши мосты.

Если линия реки достаточно коротка и неприятельская армия имеет возможность оставаться более сосредоточенной, и если мы имеем возможность, после переправы, развернуть операционный фронт перпендикулярно к реке, тогда, может быть, лучше всего было бы переправиться на одном из крайних пунктов, чтобы все неприятельские силы отбросить от районов мостов.

Имеется еще одна комбинация операционных линий, которая не должна быть обойдена молчанием. Нужно не забывать существенное различие шансов операционной линии, проложенной в своей стране, и таковой же, пролегающей по неприятельской территории. Характер этой неприятельской страны также будет влиять на эти шансы. Армия переходит через Альпы или через Рейн, чтобы перенести войну[1]) в Италию или Германию; сначала на пути армии лежат только второстепенные государства; предположим даже, что их правительства находятся в союзе друг с другом; тем не менее между реальными интересами властителей этих маленьких государств, а также интересами их народов неизбежны противоречия, которые воспрепятствуют такому единству импульса и силы, которое встретилось бы в большом государстве. Наоборот, германская армия, перешедшая Альпы или Рейн,

---

[1]) „Перенести войну" — выражение, которое современный писатель, конечно, будет избегать; воюет теперь все государство, все население; стратег может перенести только театр операций. (*Прим. редакц.*).

чтобы проникнуть во Францию, будет иметь гораздо более рискованную и открытую ударам операционную линию, чем французы, проникающие в Италию, так как немцы столкнутся со всей массой французских сил, объединенной общими стремлениями и волей [1]).

Обороняющаяся армия, операционная линия которой пролегает по собственной территории, может все использовать: местное население, власти, урожай, крепости, общественные и даже частные магазины, арсеналы, все ей благоприятствует; иначе обстоит дело на другой стороне, по крайней мере нормально; не всегда удастся подобрать флаг, который можно противопоставить национальному [2]), но даже и в последнем случае против наступающего будут все преимущества, которые противник почерпнет в правительственной власти.

Я сказал, что природа страны также влияет на шансы операционных линий. Действительно, помимо сказанного, несомненно, что операционные линии, пролегающие по плодородным, богатым, промышленным районам, дают наступающему значительно большие преимущества, чем линии, проходящие по более бедной и пустынной местности, в особенности, когда не приходится бороться с населением в целом. В этих плодородных, промышленных и населенных районах, действительно, найдутся тысячи необходимых каждой армии вещей, тогда как в других районах будут встречаться только хижины да солома; лошади еще найдут себе там подножный корм, остальное же придется волочить за собой, вследствие чего бесконечно возрастут трудности войны; быстрые и смелые операции явятся более редкими и более подверженными случайностям. Французские армии, так хорошо освоившиеся с прелестями Швабии и богатой Ломбардии, в 1806 году чуть не погибли в грязи Пултуска, а в 1812 году погибли в болотистых лесах Литвы.

17. Существует еще одно правило относительно операционных линий, которому некоторые писатели придают большое значение; это правило кажется весьма точным, когда оно выражается геометрическими формулами, но в жизненной практике его можно квалифицировать, как утопию. Согласно этому правилу, надлежит прилегающий к каждой операционной линии район полностью очистить от противника на расстояние, равное глубине данной линии; в противном случае

---

[1]) Читатель понимает, что я говорю о нормальных шансах в войне между двумя державами, сохраняющими внутреннее спокойствие. Шансы гражданской войны представляют исключение. *(Прим. Жомини)*.

[2]) Жомини имеет в виду лозунги, которые наступающий может противопоставить национальному единству. Например, Бурбоны в обозе армии Веллингтона в 1815 году при занятии Парижа, или венгерская революция и независимость, козырь, который хранил Бисмарк в 1866 году на случай затяжки войны и т. д. *(Прим. редакц.)*.

неприятель мог бы угрожать линии отступления; эта мысль геометрически формулируется следующим образом: „Операция может быть безопасной лишь при условии, что противник будет оттеснен за пределы полуокружности, центром которой является наиболее центрально расположенный на базе магазин, а радиус равен длине операционной линии“ [1]).

Затем, чтобы доказать столь простую аксиому, указывают, что вписанные углы, вершина которых лежит на окружности, а противоположную сторону коих образует диаметр, являются прямыми углами, а, следовательно, это тот самый угол в 90°, который требует Бюлов для операционных линий; а этот знаменитый Caput-Porci [2]) стратегии является единственной разумной системой; отсюда снисходительно заключают, что все те, которые не понимают, что война ведется тригонометрически — дураки.

Тем не менее, это правило, защищаемое с таким жаром и весьма соблазнительное на бумаге, на каждом шагу опровергается событиями войны; характер местности, речные и горные линии, моральное состояние обеих армий, настроение населения, таланты и энергия начальников не измеряются углами, диаметрами и окружностями. Конечно, нельзя допускать, чтобы значительные отряды могли серьезно беспокоить с флангов путь отступления: но давать такое развитие этому столь хваленому правилу, это значит лишить себя всякой возможности хотя бы шагнуть в неприятельскую сторону; кроме того, тем естественнее освободиться от этого правила, что как среди последних войн, так и среди походов принца Евгения Савойского и Мальборо, не существует ни одной кампании, которая бы не подтверждала несостоятельность этих мнимых математических правил. Разве в 1800 г. генерал Моро не стоял у ворот Вены, между тем как Фуссен, Шарнитц и весь Тироль еще находились во власти австрийцев? Разве Наполеон не находился в Пиаченце, когда Турин, Генуя и перевал Тендэ были заняты армией Меласа? Наконец, я поставлю вопрос, какую геометрическую фигуру образовывала армия Евгения Савойского, когда она шла через Страделлу и Асти на помощь Турину, оставив французов на Минчио, всего в нескольких километрах от своей базы?

С моей точки зрения, этих трех событий достаточно, чтобы доказать, что астролябия геометров всегда сконфузится, и не только перед такими гениями, как Наполеон и Фридрих

---

[1]) См. эрц-герцог Карл, глава об основных положениях стратегии. (*Прим. редакц.*).

[2]) „Голова свиньи“, т. е. клин, надо понимать, как гвоздь стратегии. Когда-то древние историки ошибочно характеризовали германское тактическое искусство, как построение клином, свиной головой, и сводили все военное искусство к вопросу о том, следует или не следует строить клин. (*Прим. редакц.*).

Великий, но и перед величественными характерами Суворова, Массены и других.

Тем не менее, я клянусь, что у меня нет намерений опорочивать достоинства искушенных в математике офицеров, которые научили нас вычислять все, вплоть до движения небесных светил. Наоборот, у меня перед ними своего рода преклонение; но мой личный опыт дает мне право думать, что если их наука необходима для постройки и атаки крепостей и укрепленных лагерей, а также для производства съемок и проектирования карт, и, сверх того, дает реальные выгоды при всех практических подсчетах, то она представляет лишь слабую опору при всех комбинациях стратегии и большой тактики, в которых первый голос имеют моральные импульсы, а вторят законы равновесия [1]). Даже те из уважаемых учеников Эвклида, которые были бы наиболее приспособлены к командованию армией, чтобы выполнить это со славой и успехами, должны были бы несколько забыть свою тригонометрию: по крайней мере, таким путем пошел Наполеон, наиболее блестящие операции которого, повидимому, скорей относятся к области поэзии, чем к области точных наук; причина очень простая и заключается в том, что война представляет исполненную страстей драму, а отнюдь не математическую операцию [2]).

Прошу извинить за эти выпады, но на меня напустились с пустыми формулами, и естественно, что я защищаюсь; единственное снисхождение, которое я испрашиваю у моих критиков, это,—чтобы они были столь же справедливы в отношении меня, как я справедлив в отношении их. Они стремятся к слишком методичной, слишком обстоятельной войне, я же

---

[1]) Мне возразят, что стратегия вообще комбинируется посредством линий это правда, но чтобы понять, ведет ли одна из таких линий к подходящей цели или в пропасть, и чтобы вычислить кратчайшее расстояние от места, где вы находитесь, до пункта, которого вы хотите достигнуть, не нужно никакой геометрии; дорожная карта для этой цели будет даже полезнее циркуля. Я был знаком с неким генералом, почти являвшимся достойным соперником Лапласса, и мне ни разу не удалось растолковать ему, почему такая-то стратегическая линия предпочтительнее другой, или почему линия реки Мааса представляет ключ к Нидерландам, если ее обороняет армия континентальной державы. *(Прим. Жомини).*

[2]) Соответственно с этими мыслями Жомини, которые ныне разделяет и педагогическая школа Густава Лебона, математика в подготовке прусского генерального штаба не играла почти никакой роли; но во французской военной мысли, вследствие подготовки интеллектуальных сливок французского офицерства в Политехнической школе, всегда было засилие поклонников точных наук. Бонналь в начале XX века и многие французские писатели после мировой войны тщетно протестовали против этого засилия. В России артиллерийская и инженерная академии, и в особенности геодезическое отделение генерального штаба, являлись цитаделью математики, и сам основной курс военной академии не давал от нее убежища. *(Прим. редакц.).*

буду вести ее стремительно, смело, порывисто, подчас, может быть, даже дерзко. Suum cuique [1]).

Однако, я далек от мысли отрекаться от всех предосторожностей, которые могут вытекать из самого принципа этих слишком обстоятельных правил, так как ими никогда нельзя вполне пренебрегать.

Но ограничивать себя пределами геометрической войны это означало бы наложить оковы на гений самых великих полководцев и подчиниться игу утрированного педантизма. Что касается меня, то я всегда буду протестовать против подобных теорий, но также и против апологии невежества.

Замечания о внутренних линиях и о сделанных по поводу их возражениях.

Я прошу извинения у моих читателей, если я временно отвлеку их внимание, чтобы добавить здесь несколько слов относительно дискуссии, предметом которой была эта глава. Я сомневался, не отнести ли эти замечания в конец труда, но так как они содержат полезные разъяснения к изложенным доктринам, то я счел возможным включить их здесь.

Упреки моих критиков были очень мало согласованы между собой; одни из них оспаривали смысл отдельных слов и определений; другие порицали некоторые точки зрения, которые они плохо поняли; наконец, последние воспользовались примерами некоторых важных событий, чтобы отвергнуть мои основные догмы, не заботясь о том, являлись ли условия, в которых они рассматривают эти догмы, теми самыми, которые являлись их предпосылкой (последнее я категорически отрицаю), и не задумываясь над тем, что даже допуская точность применения моих догм, все же указываемые ими случайные исключения не уничтожают правила, освященного опытом веков и основанного на принципах.

Некоторые военные писатели, желая оспорить мои принципы относительно внутренних или центральных линий, противопоставили им знаменитый марш союзников на Лейпциг [2]),

---

[1]) Каждому свое. *(Прим. переводч.).*

[2]) Эти правила предложены были впервые мною 33 года тому назад, а события, только что имевшие место в Наваре, свидетельствуют, насколько они верны, и насколько остаются неизвестными те столь простые принципы, на которых они основываются. Войска Дон-Карлоса, атакованные тремя большими отрядами, разделенными значительными расстояниями, одержали полную победу благодаря хорошо использованному их центральному положению. Невежды кричат об измене, когда исключительно неизменные принципы привели Эванса к гибели. Если бы генералы, менявшиеся в течение последних десяти лет в Испании, когда-либо задумались о приложении принципов, такая катастрофа не могла бы наступить. Но чтение и размышление—это слишком вульгарные занятия для людей, которые при каждом случае заявляют о своей непобедимости. *(Прим. Жомини).*

который привел к успеху по обратной системе. На первый взгляд это знаменательное событие кажется прямо созданным для того, чтобы поколебать веру тех, которые исповедуют принципы. Но помимо того, что оно представляет один из исключительно редких случаев в истории всех времен, очевидно еще, что нельзя приходить к заключениям, противоречащим правилам, опирающимся на тысячи других примеров; однако, нам будет не трудно и доказать, что из этих фактов не только нельзя вывести ни малейшего аргумента против приведенных нами догм, но, наоборот, они свидетельствуют о всей их непоколебимости. Мои критики, действительно, забыли, что при наличии значительного численного превосходства, я советовал более сильной армии прибегать к двойным операционным линиям, как к более выгодным; в особенности, если эти линии являются концентрическими, и действия по ним руководятся таким образом, что является возможность произвести общий напор на противника в момент решительного удара. А ведь при этом марше армий Шварценберга, Блюхера, принца Шведского и Бенигсена мы именно и встречаем случай численного превосходства, который должен воздействовать в пользу принятой системы. Что же касается слабейшей стороны, то ее действия были бы согласованы с приведенными принципами в том случае, если бы она направила свои силы против одного из крыльев, а не против центра противников. Таким образом, пример, выдвигаемый против меня, вдвойне говорит в пользу моих правил.

Впрочем, если центральное положение Наполеона между Дрезденом и р. Одер и стало для него роковым, то это обусловливается поражениями при Кульме, Кацбахе и Деневитце, одним словом, ошибками выполнения, не имеющими ничего общего с сущностью системы.

Предлагаемая мною система состоит в том, чтобы большей частью своих сил действовать наступательным образом в наиболее важном пункте, а на второстепенных пунктах придерживаться обороны на сильных позициях или прикрываясь рекой, пока не будет нанесен решительный удар и операция по полному поражению одной из существенных частей противника не будет закончена; тогда создается возможность направить свои усилия на один из других угрожаемых пунктов. Если же второстепенные армии подставляются под решительные поражения, когда главные силы отсутствуют, то система является плохо понятой; последнее именно и имело место в 1813 году.

И действительно, если Наполеон после победы под Дрезденом преследовал бы армию монархов в Богемию, то вместо поражения при Кульме он явился бы с угрозой к Праге и,

может быть, даже расторг бы коалицию. Он допустил ошибку, недостаточно серьезно беспокоя отступление союзников; к этой ошибке была еще присовокуплена вторая, не менее серьезная, а именно, вступление в решительные бои в тех пунктах, где Наполеон не присутствовал лично с главной массой своих сил [1]). Правда, при Кацбахе его инструкции не были выполнены, так как в них предписывалось выжидать Блюхера и атаковать его, когда его рискованные движения создадут удобный случай; Макдональд же, наоборот, двинулся навстречу союзникам, при чем переправлял изолированные части вразброд через потоки, которые час от часу вздувались от дождей.

Если предположить, что Макдональд выполнил бы то, что ему было предписано, а Наполеон использовал бы свою победу под Дрезденом, то придется признать, что его операционный план, основанный на внутренних стратегических линиях и на двойной операционной линии по радиусам, увенчался бы самым блестящим успехом. Достаточно только вспомнить его итальянскую кампанию 1796 года и кампанию во Франции 1814 года, чтобы установить, каких результатов он умел достигнуть от своих операций, применяя эту систему.

Чтобы показать, что было бы неправильно судить о центральных линиях по участи операций Наполеона в Саксонии, то к этим разнообразным соображениям следует еще припомнить одно, не менее важное, обстоятельство: **его фронт был охвачен справа и даже обойден с тыла географическим положением границ Богемии**, что представляет весьма редкий случай. И конечно, центральная позиция, обладающая таким недостатком, не может сравниваться с теми, которые свободны от него [2]). Когда Наполеон применял эту систему в Италии, Польше, Пруссии и Франции, он не был так открыт ударам неприятельской армии, устроившейся на его фланге и в тылу; правда, в 1807 году Австрия могла бы угрожать ему издали, но она поддерживала с ним мир и была разоружена.

---

[1]) Затруднительность преследования после успеха на центральной позиции, когда с других сторон остаются свежие силы врага, нам представляется существенной особенностью внутренних линий; таким образом, здесь не столько ошибка Наполеона, как оборотная сторона положений, рекомендуемых Жомини. Что же касается до уклонения от решительных боев, то эта задача легче для стороны, действующей по внешним линиям, чем для находящейся во внутреннем положении. Громадное превосходство союзников в кавалерии над маршалами Наполеона до крайности затрудняло им разведку и отступательные маневры. *(Прим. редакц.).*

[1]) Нам рисуется это не как случайный недостаток, а как естественное следствие: центральная позиция, откуда мы собираемся наносить удары во все стороны, естественно мыслится вдвинутой во вражеское расположение, и неприятель направляется на нее концентрически. Так, у русских в 1914 году центральная позиция царства Польского естественно охватывалась Пруссией и Галицией. *(Прим. редакц.).*

Для верного суждения об оперативной системе необходима предпосылка, чтобы шансы обеих сторон были одинаковы, что в 1813 году не имело места ни в отношении географического положения, ни в отношении состояния наличных сил [1]). Но независимо от этой истины, доказывающей поверхностность моих просвещенных критиков, все же является нелепым приводить неудачи при Кацбахе и Деневице, понесенные сподвижниками Наполеона, как доказательство, способное подорвать принцип, самое простое применение которого требовало от них уклонения от серьезных боев, а не их стремления к решительному сражению. И действительно, какую выгоду можно было бы извлечь из системы центральных линий, если части армии, ослабленные в целях сосредоточения усилий на других пунктах, допускали бы ошибку устремления навстречу ведущей к разгрому борьбе, вместо того чтобы довольствоваться ролью наблюдательного корпуса [2]).

Тогда оказалось бы, что на почве принципа стоял бы противник, а не тот, который действует по внутренним линиям. К тому же последовавшая за Лейпцигом кампания (1814 г. *Редакц.)* вскоре подтвердила правильность оспариваемых принципов; оборона Наполеона в Шампани, начиная от сражения у Бриена и кончая сражением под Парижем, до очевидности засвидетельствовала все то, что я только смог сказать в пользу центральных масс.

Во всяком случае, опыт этих двух знаменитых кампаний родил стратегическую проблему, которую было бы очень трудно разрешить простым утверждением, основанным на теориях; вопрос заключается в том, чтобы установить, утрачивает ли система центральных масс свои преимущества, когда массы, которыми предстоит оперировать, слишком значительны. Я убежден, как и Монтескье, что величайшие предприятия гибнут вследствие самого размера той подготовки, которая ведется, чтобы обеспечить им успех; и потому я весьма склонен ответить на поставленный вопрос утвердительно. Мне кажется бесспорным, что масса в 100 тысяч человек, занимающая центральное положение против трех отдельных армий, в 30—35 тысяч человек каждая, может более уверенно

---

[1]) Едва ли можно согласиться на этот отвод Жомини примера 1813 года. В других примерах, на которые он опирается, шансы были еще более неравны, но в пользу Наполеона, использовавшего все плюсы завоеваний великой революции. *(Прим. редакц.)*.

[2]) Я знаю, что не всегда можно уклониться от боя, не подвергая себя риску, большему простой неудачи. Таким образом Макдональд мог бы согласиться вступить в бой с Блюхером и лучше уяснив себе инструкции Наполеона. *(Прим. Жомини)*. Жомини истинно велик в своих оговорках в тексте и примечаниях, свидетельствующих о глубоком понимании им сложной действительности; без этих оговорок, ведущих борьбу с текстом, последний представлял бы нежизненную схоластику. *(Прим. редакц.)*.

последовательно атаковать каждую из них, чем это было бы возможно для массы в 400 тысяч бойцов против трех армий по 135 тысяч человек каждая; и это имеет веские обоснования.

1. Армия в 135—140 тысяч человек может легче противостоять превосходным силам; надо учитывать затруднения при подыскании местности и времени, необходимых для того, чтобы в день сражения ввести в бой столь большие силы.

2. Если бы мы даже оказались отброшенными с поля сражения, то все-таки останется еще по крайней мере 100 тысяч человек, чтобы обеспечить упорядоченное отступление и избежать слишком большого разгрома, в ожидании соединения с одной из двух других армий.

3. Потому, что центральная масса в 400 тысяч человек требует такого количества продовольствия, боевых припасов, лошадей и всевозможных материальных средств, что она будет гораздо менее подвижна и с большим трудом будет переносить свои действия из одной части оперативной зоны в другую; а надо еще учесть невозможность извлекать продовольствие из района, естественно слишком ограниченного, чтобы кормить подобные массы.

4. Наконец, те две выделенные группы, которые центральная масса должна противопоставить двум внешним линиям противника, с наказом ограничиваться сдерживанием их, повидимому, должны представлять каждая армию в 80—90 тысяч человек, так как им приходилось бы связывать 135 тысяч; таким образом, если бы обсервационные армии имели глупость ввязаться в серьезные бои, они могли бы потерпеть неудачи, последствия которых были бы столь пагубны, что значительно превзошли бы выгоды, достигнутые главной армией.

Несмотря на все эти сомнения и все эти смягчающие обстоятельства, если бы мне когда-либо пришлось руководить армией, то я бы не колебался занять ею внутреннее положение во всех случаях, приведенных мною, как наиболее благоприятное; или же, при наличии любых других условий, я указал бы ей направление на одну из оконечностей неприятельского фронта, в соответствии с изложенными правилами; я предоставил бы моим противникам удовольствие оперировать по системе, обратной моей [1]). Пока такой опыт не состоится в действительности, я позволю себе твердо стоять при моих убеждениях, подтвержденных кампаниями Евгения Савойского, Мальборо, Фридриха Великого, Наполеона.

---

[1]) Опыт в действительности имел место в 1866 году, когда австрийцы (Бенедек) буквально держались системы Жомини, а Мольтке-противоположной. Предпосылки стратегии оказались измененными эволюцией не в пользу Жомини. *(Прим. редакц.)*.

Глава пятая.

О стратегических резервах.

В современных войнах резервы играют большую роль; раньше об этом едва ли имели и представление. Начиная от правительства, которое подготовляет национальные резервы, и кончая командиром стрелкового взвода — в наше время каждый хочет иметь резерв.

Помимо национальных резервов [1]), призываемых лишь в крайних случаях, всякое разумное правительство озаботится и о том, чтобы быть обеспеченным хорошим запасом для укомплектования действующих армий; затем уже дело полководца — уметь использовать его, когда он окажется в кругу его ведения. Государство будет иметь свои резервы, а армии — свои, каждый корпус, даже каждая дивизия или отряд также не упустят случая обеспечить себя таковыми.

Резервы армии могут быть двух родов: те, которые включены в боевой порядок и готовы вступить в бой; и те, которые предназначены для пополнения армии и которые, еще находясь в периоде формирования, могут занять важный пункт на театре военных действий и даже могут служить стратегическим резервом. Бесспорно, что много кампаний было предпринято и доведено до благополучного исхода, при чем совершенно не выдвигался вопрос о подобных резервах; организация их, повидимому, обусловливается не только количеством имеющихся в распоряжении средств, но также характером границ и удалением, отделяющим фронт операций или их объект от базы.

Всегда, как только созреет решение вторгнуться в ту или другую страну, совершенно естественно подумать о возможности оказаться вынужденным к обороне; и установка промежуточного резерва между базой и фронтом представляет те же выгоды, какие дает резерв действующей армии в день боя: он может быть переброшен на важные пункты, которым угрожает противник, не ослабляя при этом действующей армии. Правда, формирование такого резерва вызовет необходимость в известном числе полков, которые придется отнять у действующей армии; однако, нельзя оспаривать, что более или менее значительная армия всегда ждет подкреплений из внутренних областей; ей приходится обучать новобранцев, тренировать мобилизованную милицию, использовать запасные части и выздоравливающих; следовательно, если устроить систему центральных депо для лабораторий боевых припасов

[1]) Жомини под ними подразумевает, повидимому, ландвер, ополчение, национальную гвардию и прочие территориальные войсковые организации. *(Прим. редакц.)*.

и мастерских снаряжения, сосредоточить около этих депо все отряды, идущие и эвакуирующиеся из армии и добавить к ним всего несколько батальонов хороших войск, чтобы придать им некоторый закал, то таким путем будет создан резерв, который может сослужить хорошую службу [1]).

Во всех своих кампаниях Наполеон никогда не упускал организовать резерв: даже во время его дерзкого похода 1797 года через Норические Альпы, ему сначала служил резервом корпус Жубера на Эче и затем в окрестностях Вероны корпус Виктора, возвращавшийся из римской области. В 1805 г. корпуса Нея и Ожеро также поочередно играли эту роль в Тироле и Баварии, а Мортье и Мармона — в районе Вены.

Приступая к войне 1806 года, Наполеон образовал подобные резервы на Рейне; Мортье воспользовался ими для овладения Гессеном; одновременно Келлерман формировал резервы второй очереди в Майнце; они по мере своего формирования занимали территорию между Рейном и Эльбой, а Мортье был вызван в Померанию. Когда, в конце того же года, Наполеон решил продвинуться до Вислы, он отдал приказ, преданный шумной огласке, сосредоточить на Эльбе армию в 60 тысяч человек; целью ее являлось обеспечить Гамбург от англичан и внушить почтение австрийцам, настроение и интересы которых были очевидны.

В 1806 году пруссаки сформировали подобный же резерв в Галлэ; последнее было неудачно: если бы его сгруппировали на Эльбе, у Витенберга или Дессау, и он выполнил бы свой долг, то, может быть, он бы спас армию, выиграв время принцу Гогенлое и Блюхеру достигнуть Берлина, или, по крайней мере, Штеттина.

Эти резервы будут особенно полезны в районах, которые образуют двойной оперативный фронт: тогда они смогут выполнять двоякое назначение — наблюдать второстепенный фронт, а, при необходимости, помочь операциям главной армии, если бы противник начал угрожать ее флангам, или вследствие неуспеха она была бы вынуждена сблизиться с резервом. Излишне добавлять, что, тем не менее, необходимо уклоняться от увлечения выделением части сил, что всегда опасно, и каждый раз, когда является возможность обойтись без такого резерва, надо на это рисковать или же обходиться только запасными частями. Повидимому, стратегические резервы являются полезными лишь при дальних вторжениях

---

[1]) Как военное искусство еще в начале XIX века стремилось к максимальной экономии в человеческом материале, и как всеобщая военная повинность, давшая казавшийся бесконечным запас людских жизней, привела к расточительности в тылу армий! У Наполеона раненые и больные еще образовывали гарнизоны крепостей. Особенная расточительность на нестроевые должности, как в мировую, так и в гражданскую войны, характеризует русскую армию. *(Прим. редакц.).*

или в лоне своей страны, когда ей угрожает вторжение; если война ведется всего лишь в пяти или шести переходах от границы и целью борьбы является смежная провинция, то эти резервы представляли бы совершенно излишнее выделение части сил. В пределах своей страны чаще всего можно обойтись без них: лишь в случае серьезного вторжения, когда будут объявлены новые призывы, в укрепленном лагере, или под прикрытием крепости, служащей крупным депо, подобный резерв явится даже необходимым. Таланту полководца предоставляется судить по состоянию страны, по глубине операционной линии, по характеру имеющихся укрепленных пунктов и, наконец, по удалению до некоторых неприятельских провинций, насколько соответственными в данном случае будут резервы. Ему также предстоит решить вопрос об их расположении и способах использования в них таких частей, которые менее ослабили бы действующую армию, чем если бы от последней были взяты отборные дивизии.

Я позволю себе обойтись без доказательства, что эти резервы должны занимать наиболее важные стратегические пункты, расположенные между реальной [1]) пограничной базой и операционным фронтом, или же между объективными пунктами и этой самой базой: они будут охранять крепости, если таковые были бы захвачены; они будут наблюдать или блокировать еще не взятые неприятельские крепости; если же нет крепостей, которые могли бы явиться опорными пунктами, они могли бы исполнить работы по возведению хотя бы нескольких укрепленных лагерей или предмостных укреплений, чтобы обеспечить большие депо армии и удвоить силу занимаемых резервами позиций.

Глава шестая.

О старой позиционной и современной маневренной системе войны.

Под позиционной системой разумеется старый способ ведения методичной войны посредством армий, бивакирующих в палатках, довольствующихся из своих магазинов и хлебопекарен и хитрящих друг с другом, одна имея целью осадить ту или иную крепость, а другая — прикрыть ее от осады;

---

[1]) Выражение реальная пограничная база употребляется Жомини для обозначения базы, заблаговременно созданной в пределах нашей территории, в отличие от „временных баз", создаваемых на удобных рубежах на неприятельской территории в случае дальнего вторжения (см мысли Ронья о временных базах, настоящий труд, т. I, стр. 57—62). Временные базы Жомини склонен скорее рассматривать, как подготовленные оборонительные линии.

(Прим. редакц.).

одна армия зарится на какую-нибудь небольшую провинцию, а другая противится ее намерениям, занимая так называемые неприступные позиции: вот система, обычно практиковавшаяся от средних веков до французской революции.

В течение этой революции последовали крупные перемены; но сначала появились различные системы, из которых не все являлись шагом вперед в искусстве. Войну 1792 года начали так, как закончили воевать в 1762 году: французские армии бивакировали под своими крепостями, а союзники бивакировали с целью осадить их. Лишь в 1793 году, когда республика увидела себя атакованной и на внешнем и на внутреннем фронтах, она выбросила против своих врагов миллионы людей и четырнадцать армий; в силу необходимости, пришлось прибегнуть к другим методам; эти армии, не имея ни палаток, ни жалования, ни магазинов, передвигались, бивакировали или расквартировывались; их подвижность возрасла и стала одним из орудий успеха. Тактика революционных армий также изменилась; их начальники группировали своих солдат в колонны, которыми легче руководить, чем развернутыми линиями, а вследствие пересеченной местности Фландрии и Вогез, где им приходилось сражаться, они рассыпали часть своих сил в стрелковые цепи и прикрывали ими свои колонны.

Эта система, рожденная таким путем обстоятельствами, сразу превзошла своими успехами всякие ожидания; она поставила в тупик привыкшие к методичности войска Пруссии и Австрии и их начальников; в числе прочих, Макк, которому приписывали успехи принца Кобургского, увеличил свою репутацию, отпечатав инструкции, требовавшие растяжки линейного порядка, чтобы противопоставить этим стрелкам достаточно тонкий боевой порядок. Бедняга не заметил, что, пока эти стрелки шумели, колонны брали приступом позиции [1]).

Первые генералы республики представляли только бойцов и больше ничего; главное руководство исходило от Карно из Комитета Общественного Спасения; иногда оно было хорошим, но часто и очень слабым. Тем не менее, надо признать, что один из лучших стратегических маневров этой войны был внушен им: это маневр конца 1793 года, когда отборный резерв поочередно пришел на помощь Дюнкирхену, Мобежу и Ландау; таким образом, этой небольшой массе, которую перевозили на подводах и которой помогали войска,

---

[1]) Конечно, сводить роль стрелковых цепей лишь к производству демонстративного шума никак нельзя. Но не забудем, что труд Жомини был написан в тридцатых годах, в эпоху сильной тактической реакции; эта фраза у Жомини представляет не только цветок красноречия, но характеризует его преклонение перед массами, натиском колонн, перед работой штыком; в русле этих мыслей была знаменитая Ваграмская колонна и неготовность русских к стрелковому бою в Восточную войну под Севастополем.

(Прим. редакц.).

уже находившиеся на местах, удалось достигнуть очищения французской территории.

Кампания 1794 года началась неудачно; стратегический маневр Мозельской армии на Самбру был рожден обстоятельствами, а не заранее обдуманным планом; в итоге этот маневр дал победу при Флерюсе и позволил завоевать Бельгию.

В 1795 году французы допустили столь крупные ошибки, что их приписали измене: австрийцы же, которыми Клерфэ, Шателер и Шмидт руководили лучше, чем раньше Мак и принц Кобургский, наоборот, доказали, что понимают стратегию.

Каждый знает, что в 1796 году эрц-герцог восторжествовал над Журданом и Моро одним маневром, который представлял простое применение внутренних линий.

До этого времени французские армии растягивались на большие фронты—или чтобы легче находить продовольствие, или же потому, что генералы воображали, что хорошо выдвигать все свои дивизии на фронт и предоставить начальникам дивизий вести ими бой по их усмотрению; в резерве сохранялись лишь небольшие части, неспособные что-либо восстановить, даже если бы противнику удалось опрокинуть только одну из этих дивизий.

Таково было положение вещей, когда Наполеон дебютировал в Италии: быстрота его движений с самого начала операций выбила из колеи австрийцев и пьемонтцев; будучи избавлен от всех излишествующих тяжестей, Наполеон превзошел подвижность всех современных армий. Одной серией переходов и стратегических боев он завоевал весь полуостров.

Его быстрый марш 1797 года на Вену представлял дерзкую операцию, может быть, оправдываемую необходимостью победить эрц-герцога Карла до подхода подкреплений с Рейна.

Еще более характерна кампания 1800 года, ознаменовавшая новую эру в области составления планов войны и выбора операционных линий; отсюда берет начало постановка дерзких целей, бьющих ни на что иное, как на капитуляцию или уничтожение армии неприятеля. Боевые порядки сделались менее растянутыми, деление армии на корпуса в две или три дивизии стало более рациональным. С этого момента современная стратегическая система достигла своего апогея, так как кампании 1805 и 1806 гг. являлись лишь следствиями, вытекавшими из великой проблемы, разрешенной в 1800 году.

Что же касается тактики колонн и стрелковых цепей, то Наполеон нашел ее уже установившейся; она слишком хорошо отвечала условиям пересеченной местности Италии, чтобы он ее не усвоил.

В настоящее время является серьезный капитальный вопрос, подходит ли система Наполеона на всякий рост, для

всех эпох и для любых армий; в противном случае, возможно ли, чтобы иные правительства и генералы, размыслив над событиями 1800—1809 гг., могли возвратиться к методической системе позиционных войн? Действительно, сравните марши и бивачные расположения Семилетней войны с таковыми семинедельной войны [1]), или с теми тремя месяцами, которые истекли после выступления из Булонского лагеря до прибытия на Моравские равнины, а затем решайте, превосходит ли система Наполеона старую. Эта система императора французов заключалась в том, чтобы проходить 40 километров в день, давать сражение и затем располагаться по квартирам на отдых. Он сам мне сказал, что он не умеет вести войну по иному [2]).

Мне возразят, что склонный к авантюрам характер этого великого полководца в соединении с его личным положением и состоянием умов во Франции, побуждали его делать то, чего на его месте не посмел бы предпринять ни один другой начальник, будь то рожденный на троне, будь то простой генерал, слушающийся своего правительства. Спорить против этого нельзя; но мне также рисуется истинным, что между системой безмерных вторжений и позиционной системой существует золотая середина; поэтому возможно следовать по проложенному Наполеоном пути, не подражая его бурной дерзости [3]), а система позиционных войн, вероятно, будет надолго изгнана или же, по крайней мере, значительно изменена и усовершенствована.

Конечно, если искусство обогатилось усвоением маневренной системы, то человечество от этого скорей проиграло, чем выиграло, так как эти стремительные набеги и эти ночлеги значительных масс, довольствующихся изо дня в день из средств той местности, которую они топчут, в достаточной степени напоминают те опустошения, которые причинили Европе нашествия народов с IV до XIII века. Во всяком случае, маловероятно, чтобы от нее вскоре отказались, так как в наполеоновских войнах открылась крупная истина: расстояния больше не могут гарантировать страну от вторжения, и государства, желающие обеспечить себя от них, должны иметь хорошую систему крепостей и оборонительных линий, хорошую систему резервов и военных учреждений и, наконец, хорошую систему политики. Повсюду из населения организуется милиция, долженствующая служить

---

[1]) Эпитет, данный Наполеоном кампании 1806 г. *(Прим. Жомини).*

[2]) Смотр. скептическое замечание Леваля по этому поводу, т. I настоящего труда, стр. 169. *(Прим. редакц.).*

[3]) Сокрушать размеренно, дерзать — с осторожностью, подражать Наполеону—с оглядкой, это, на наш взгляд, опасный путь. Занесенный для удара кулак сам собой задержится, и полунаполеон быстро окажется в безвыходном положении. *(Прим. редакц.).*

резервом действующим армиям; отсюда численность армии будет все более расти. А чем многочисленнее армии, тем больше система молниеносных операций и быстрых развязок превращается в необходимость.

Если впоследствии социальный порядок займет более спокойную платформу, и если народы, вместо того, чтобы вести борьбу за свое существование, будут драться лишь за интересы относительного значения, как-то округление своих границ и поддержка европейского равновесия, тогда создастся почва для новых норм международного права, и, может быть, удастся сжать армии в менее раздутый состав. Тогда в войне державы с державой, также можно будет встретить армии в 80—100 тысяч человек, возвратившиеся к смешанной системе войны, которая окажется по середине между вулканическими набегами Наполеона и бесстрастной системой starke Positionen [1]) прошлого века. Но впредь до наступления этих времен нам приходится держаться маневренной системы, которая породила столь крупные события, так как первый, кто осмелится отказаться от нее перед лицом способного и предприимчивого противника, вероятно, явится его жертвой [2]).

Глава седьмая.

Несколько слов о больших вторжениях и дальних экспедициях.

Мы испытывали некоторое затруднение найти для исследования дальних войн и нашествий надлежащее место в этом труде, так как если они, с одной стороны, представляют скорее эпопею, гомеровский эпос, чем стратегическую комбинацию, то, с другой стороны, можно сказать, что исключив большие расстояния, умножающие затруднения и шансы на гибель, мы находим в этих авантюрных предприятиях все те же операции, которые встречаются и в других войнах. Действительно, здесь имеют место свои сражения, свои бои, свои осады и даже свои операционные линии; таким образом, они более или менее входят в различные отрасли того искусства, которое является предметом настоящего труда. Во всяком случае, так как здесь речь идет лишь о том, чтобы рассмотреть их только в целом, и так как они отличаются от дру-

---

[1]) Сильных позиций. *(Прим. перев.)*.

[2]) В этой главе Жомини ощупью затрагивает в сущности вопросы стратегии сокрушения и измора. Его утверждение, что огромная численность армии невольно ведет к быстрой развязке, вплоть до мировой войны являлось источником крупных заблуждений. Во всяком случае, и у Жомини мы можем найти тот двойственный взгляд на военное искусство, могущее отливаться либо в покойные формы войн XVIII столетия, либо в бурный поток XIX века, который еще характернее выражен у Клаузевица, а у Дельбрюка лег в основу его исследований по истории военного искусства. *(Прим. редакц.)*.

гих войн, главным образом, с точки зрения операционных линий, то мы ставим их рассмотрение непосредственно за исследованием последних [1]).

Существует несколько видов дальних экспедиций: к первому относятся имеющие место на континенте при выполнении роли союзников. Вторым видом являются крупные континентальные вторжения, проходящие на своем пути через обширные дружественные, нейтральные, сомнительные или враждебные страны. Третьим видом являются экспедиции того же рода, но выполняемые отчасти на суше, а отчасти на море при содействии многочисленного флота. Четвертый вид — это заморские экспедиции, целью которых является создание, защита или нападение на дальние колонии. Наконец пятый вид—крупный дессант, высаживающийся на менее отдаленном берегу, но принадлежащем большой державе.

Мы уже указывали на некоторые из неудобств, которым подвергаются вспомогательные корпуса, посланные в даль на помощь державам, связанным с нами оборонительными договорами или союзами. Конечно, со стратегической точки зрения, русская армия, посланная на Рейн или в Италию, чтобы действовать совместно с немецкими державами, окажется в гораздо более благоприятном и сильном положении, чем если бы ей пришлось следовать туда, пересекая неприятельские или хотя бы нейтральные страны [2]). Ее база, ее

---

[1]) Эта глава Жомини — нечто обратное „Песни о соколе“ М. Горького. Жомини начинает с извинения, что он будет исследовать в серьезном стратегическом труде такие безумные авантюры, как поход 1812 г. Жомини не удалось провидеть огромный размах войн, к которому привело быстрое развитие капитализма. Катастрофа великой армии в 1812 году оказала слишком большое влияние на умы современников. Во многих строках Жомини еще чувствуется, что он купался в ледяной воде Березины. Несомненно, он слишком распространительно толкует понятие об авантюре. Здесь сказывается преклонение перед существующим строем, кладбищенское спокойствие той эпохи Священного Союза, в которой труд написан. Здесь Жомини как бы повторяет мысль Ллойда: кто хорошо изучит современные армии, удивится, как мало можно с ними сделать. В этом отношении Жомини меньше всего отвечает нашему веку, задающемуся широкими, дерзкими целями и не отступающему перед самыми великими предприятиями. (*Прим. редакц.*).

[2]) Приводимый Жомини пример далеко не представляется невинным. Он написан еще в эпоху, когда узы Священного Союза сохраняли свою действительность, и в случае осложнений во Франции, русские обязывались выставить на Рейне вспомогательную армию. Постановления Карлсбадского (1817 г.) и Ахенского (1818 г.) конгрессов детализовали подробности развертывания армий коалиции Пруссии, Австрии, России и других держав на Рейне, в случае возникновения революционной опасности. Жомини предупреждает русских во всех неприятностях, которые уже испытали русские войска, отдаваемые напрокат австрийцам и англичанам, и указывает на трудности действий русских войск на Рейне, вдали от родной страны. Русское верховное командование, повидимому, помнило эти примеры в зиму 1915—1916 гг., когда оно рассматривало вопрос о прокате Франции ряда стрелковых бригад, но оно уже было слишком в плену у Антанты, чтобы принять самостоятельое решение. (*Прим. редакц.*).

операционные линии и временные опорные пункты будут те же, что и ее союзников; она найдет себе убежище на их оборонительных линиях, продовольствие — в их магазинах, боевые припасы — в их арсеналах, тогда как в противном случае, она могла бы черпать все эти средства лишь на Висле, или Немане, и таким образом легко разделить участь всех неудавшихся гигантских вторжений. Все же, несмотря на капитальное различие, существующее между такой вспомогательной войной и дальними нашествиями, предпринятыми в собственных интересах, собственными средствами, не следует преуменьшать все опасности, которым подвергаются вспомогательные корпуса, и затруднения, испытываемые в особенности главнокомандующим, когда он является представителем державы, играющей вспомогательную роль. Яркое доказательство дает кампания 1805 года: генерал Кутузов с 30 тысячами русских продвигается в долинах Баварии до Инна; армия Мака, к которой он должен был присоединиться, уничтожена полностью, за исключением 18 тысяч человек, которых Кинмайер отводит на Донауверт; таким образом, русский генерал с менее, чем 50 тысяч бойцов оказывается подставленным бурной активности Наполеона, располагающего 150 тысячами человек; в дополнение всех несчастий, расстояние в 1.200 километров отделяет Кутузова от русских пределов. Такое положение явилось бы отчаянным, если бы вторая армия в 50 тысяч человек не прибыла в Ольмюц, чтобы принять его на себя. Однако, Аустерлицкое сражение, явившееся результатом ошибки, допущенной офицером генерального штаба Вейротером, вновь вызвало кризис в русской армии, удаленной от ее базы; она чуть не стала жертвой дальнего союза, и только мир дал ей время отойти на свою границу.

Судьба Суворова после победы при Нови и, в особенности в течение Швейцарской экспедиции, судьба корпуса Германа под Бергеном в Голландии являются уроками, которые должен хорошо обдумать каждый начальник, призванный командовать в таких условиях. Генерал Бенигсен, сражаясь в 1807 году между Вислой и Неманом, потерпел меньше невзгод, потому что он опирался на собственную базу и был совершенно независим в своих операциях от союзников. Вспомним также участь, которую испытали французы в 1742 году в Богемии и Баварии, когда Фридрих Великий предоставил их собственной судьбе, заключив сепаратный мир. Правда, французы воевали, как союзники, а не в качестве вспомогательной армии, но и в последнем случае политические узы никогда не бывают достаточно прочными, чтобы не открывать в союзе никаких трещин, которые могли бы скомпрометировать военные операции.

Что касается дальних вторжений, когда приходится пересекать обширные контингенты, то здесь поучение можно извлечь только из истории.

В эпоху, когда Европа наполовину была покрыта лесами, пастбищами и стадами, когда достаточно было иметь лошадей и железа, чтобы переселять целые нации с одной окраины Европы на другую, мы видим, как готы, вестготы, гунны, вандалы, аланы, варяги, франки, норманы, арабы и татары вскачь завоевывали целые царства. Но со времен изобретения пороха и артиллерии, со времен устройства могущественных постоянных армий и в особенности с тех времен, когда цивилизация и политика значительно сблизили государства, осветив им необходимость взаимной поддержки, с тех пор подобные события не могли бы больше повториться.

Независимо от великих переселений народов, средние века еще знаменуются экспедициями несколько более военного характера. Предприятия Карла Великого, по времени почти совпадающие с походами Олега и Игоря ко вратам Царьграда и с набегами арабов вплоть до берегов Луары, придают своеобразный облик эпохе IX и X веков; но так как эти события далеки от нас и по времени и по элементам, образовывавшим армии и нации, и из них скорей можно почерпнуть моральные поучения, чем вывести стратегические правила, то мы дадим о них лишь краткий набросок в конце этого труда, если у нас будет время.

Со времен изобретения пороха, только набеги Карла VIII на Неаполь и Карла XII на Украину можно было бы отнести к числу дальних нашествий, так как походы испанцев во Фландрии и шведов в Германии носили своеобразный характер: первые относятся к числу гражданских войн, а шведы выступили на сцену лишь, как союзники протестантов. Кроме того, все эти экспедиции производились с незначительными силами.

В новейшие времена только Наполеон осмелился перебрасывать регулярные армии половины Европы с берегов Рейна к берегам Волги; но желание подражать ему явится не так скоро. Чтобы удавались подобные предприятия, необходимы с одной стороны новый Александр и новые Македоняне, а с другой стороны—банды Дария: по правде сказать, нежная привязанность современных обществ к наслаждениям и роскоши могла бы вернуть нас к армиям, подобным войскам Дария, но откуда возьмутся Александр и его фаланги?

. . . .

Некоторые утописты фантазируют, что Наполеон достиг бы своей цели, если бы он, как новый Магомет, двинулся в поход во главе армии политических лозунгов и, вместо мусульманского рая, обещал бы массам сладость свободы, столь прекрасную в речах и книгах, но столь граничущую с распу-

щенностью, когда встречается на практике [1]). Хотя и можно полагать, что опора, даваемая политическими лозунгами, иногда может выдвигать их, как ценных союзников, тем не менее не надо забывать, что при современных условиях даже Корану не удалось бы завоевать ни одной провинции, так как для последнего нужны пушки, бомбы, ядра, порох и ружья; с подобным же снаряжением расстояния играют большую роль в комбинациях, и прогулки кочевников уже оказываются не по сезону.

В наше время вторжение за 800 километров от базы представляет жестокое испытание; походы Наполеона в Германии удались без помощи каких-либо доктрин [2]) потому, что они были направлены на соседние державы, базировались на могущественный барьер Рейна и в первую очередь встречали второстепенные, мало солидарные между собою государства, которые перешли под его стяг; таким образом, его база сразу перенеслась с Рейна на Инн. В момент вторжения в Пруссию, Германия была уже лишена своего панцыря, так как события под Ульмом и Аустерлицем и Шенбрунский мир оставили Берлин открытым всей тяжести ударов Наполеона. Что же касается первой Польской войны (кампания 1806—1807 г. *Редакц.*), которую мы отнесли к числу дальних экскурсий, то здесь прежде всего Наполеон был больше обязан своим успехам нерешительности противников, чем собственным замыслам, хотя они были в равной степени и искусны, и дерзки.

Вторжения в Испанию и Россию оказались менее удачными, но не отсутствие прекрасных политических посулов привело эти предприятия к краху: замечательная речь Наполеона в 1808 году к мадридской депутации и его прокламации к русскому народу свидетельствуют это [3]).

---

[1]) Жомини здесь, на языке Эзопа, обсуждает издавна сделанный критикой упрек Наполеону, почему он не воспользовался в 1812 г. в борьбе с русским императором лозунгом освобождения русских крестьян от крепостного права, который мог бы вызвать гигантскую Пугачевщину, чего более всего боялась помещичья Россия. Оценивая мысли Жомини по этому поводу, не будем забывать, что он генерал-адъютант Николая I. Этим сказано все. *(Прим. редакц.).*

[2]) Т.-е. без политической агитации. Жомини едва ли прав: французская революция агитировала сама, без участия политических органов. *(Прим. редакц.).*

[3]) Нельзя согласиться с Жомини, что Наполеон сколько-нибудь правильно ориентировал свою политику в Испании; он осознал опасность раздражения широких народных масс лишь после того, как восстание уже разгорелось, с обеих сторон пролились потоки крови, были совершены тысячи жестокостей и дело было неисправимо испорчено. В борьбе с Александром I не только Наполеон не понял, какие выгоды ему может дать „красный призрак“, но вскоре даже стал жаловаться, что русский император выдвигает его у него в тылу. *(Прим. редакц.).*

Что же касается Германии, то питая полное доверие к вновь созданному им политическому строю, он остерегался подрывать социальный порядок в угоду народным массам, любовь которых он, впрочем, потерял гораздо больше из-за опустошений, неразрывных с большими войнами, и жертв, вызванных континентальной системой, чем из-за своей антипатии к радикальным доктринам.

Что касается Франции, то в 1815 году ему тяжелым опытом пришлось познать, насколько опасно рассчитывать на политические теории, как на верный фактор успеха: если они и в силах поднять бурю, то они неспособны направить ее натиск в желательное русло: в результате его либеральные разглагольствования, недостаточные, чтобы разнуздать народные массы, дали только идеологам и ораторам оружие для его низвержения; Ланжуинэ, Лафайет и их газеты не меньше способствовали его падению, чем штыки его врагов.

Может быть, его упрекнут в том, что он недостаточно сделал для удовлетворения народных чаяний; но он слишком хорошо знал людей и дела, чтобы не понимать, что разнуздывание политических страстей приводит всегда к беспорядку и анархии, и что доктрины, ведущие к распущенности, рано или поздно вызовут эту разнузданность. Он считал, что сделал достаточно, обеспечив и закрепив интересы демократии, не предавая государственного корабля, без руля и без ветрил, на волю разбушевавшихся стихий. Исходя из этой точки зрения, вместо того, чтобы упрекать его в том, что он недостаточно много сделал, можно было бы сказать, с большим основанием, что он не сумел, по примеру кардинала Ришелье, использовать в соседних странах опасное оружие, действие которого в своей собственной стране он не мог допустить [1]).

Но мы слишком удалились от нашего предмета; вернемся к военным замыслам вторжений.

В общем, оставляя в стороне шансы, вытекающие из больших расстояний, все вторжения с того момента, когда армия достигает района, где ей предстоит действовать, представляют уже лишь такие же операции, как и все прочие войны. Следовательно, главное затруднение заключается в расстояниях; можно рекомендовать, как единственно полезные правила, относящиеся к операционным линиям, растянутым в глубину, к стратегическим резервам и временным базам; в этих случаях их применение является особенно необходимым, хотя эти приемы и далеки от того, чтобы парировать всякую опасность.

---

[1]) Ришелье поддерживал феодалов и протестантское движение в Германии против центральной власти и подавлял их в пределах управляемой им Франции. *(Прим. редакц.)*.

Столь фатальная для Наполеона кампания 1812 года тем не менее может быть приведена, как пример этого рода: Наполеон озаботился оставить принца Шварценберга и Ренье на Буге, а Макдональда, Удино и Вреде поставил охранять Двину; Беллюнь [1]), смененный Ожеро между Одером и Вислой, получил задачу прикрывать Смоленск; это доказывает, что Наполеон не пренебрег ничем, что находится в человеческих силах, чтобы обеспечить себе приличное базирование; но это доказывает, что величайшие предприятия гибнут из-за самой колоссальности приготовлений, делаемых, чтобы обеспечить их успех.

Если Наполеон допустил ошибки в этой гигантской борьбе, то они заключались в том, что он слишком пренебрег политическими предосторожностями; не объединил под командованием одного лица различные корпуса, оставленные на Двине и Днепре; лишние десять дней задержался в Вильне; предоставил командование правым крылом своему брату, неспособному нести такую ответственность; и, наконец, доверил принцу Шварценбергу задачу, которую последний не мог выполнить с такой же преданностью, как французский генерал [2]). Я уже не упоминаю о той ошибке, которую сделал Наполеон, оставшись в Москве после ее пожара, так как тогда зло, может быть, было уже непоправимо, хотя оно все же было бы менее значительно, если бы отступление было начато немедленно. Его также упрекали в том, что он относился со слишком большим презрением к расстояниям, трудностям, к людям, продолжая развивать этот столь безумный наскок вплоть до Кремлевских стен. Чтобы вынести обвинительный или оправдательный приговор, следовало бы хорошо изучить истинные мотивы, побудившие или заставившие его двинуться дальше за Смоленск, вместо того, чтобы остановиться здесь и зимовать, как он это открыто проектировал. Наконец, необходимо было бы убедиться в том, имелась ли вообще возможность зимовать на фронте, пролегающем где-либо между Смоленском и Витебском, предварительно не разгромив русскую армию [3]).

---

[1]) Герцог Беллюнский—маршал Виктор. *(Прим. переводч.)*.

[2]) Жомини деликатно говорит о тайном соглашении Шварценберга с русскими о пропуске им армии Чичагова к Березине, на путь отступления Наполеона. *(Прим. редакц.)*.

[3]) Жомини уклоняется здесь от прямого ответа. Клаузевиц его дал в своей истории кампании 1812 г.: он признает, что Наполеон не мог остановиться у Смоленска, не попытавшись одним ударом на Москву сокрушить русскую мощь и заставить принять продиктованный русским мир. Логика стратегии сокрушения, которой держался Наполеон в течение всей своей военной карьеры, толкала его вперед. Вся политическая и экономическая коньюнктура толкала Наполеона все вперед и делала для него невозможным переход к стратегии измора. *(Прим. редакц.)*.

Я далек от того, чтобы изображать из себя судью в столь крупном вопросе, и нахожу, что все те, которые присваивают себе этот ранг, не всегда оказываются на высоте такой задачи и часто даже не имеют данных, необходимых, чтобы справиться с ней.

Наиболее неопровержимым во всем этом деле является то, что Наполеон слишком забывал те враждебные чувства, которые питали к нему Австрия, Пруссия и Швеция; и он слишком рассчитывал добиться развязки между Вильной и Двиной. Правильно оценивая храбрость русской армии, он не имел верного представления о национальном духе и энергии русского народа. Наконец, вместо того, чтобы обеспечить себе заинтересованную и искреннюю поддержку большой военной державы, пограничные провинции которой представили бы надежную базу для атаки колосса, которого он хотел опрокинуть, он обосновал все свое предприятие на поддержке народа, смелого и склонного к энтузиазму, но легкомысленного и лишенного всяких элементов, создающих прочную мощь [1]); и далее он не только не извлек из этого поверхностного энтузиазма все то, что он мог дать, но даже парализовал его несвоевременной недоговоренностью.

И действительно, судьба всех таких предприятий свидетельствует, что капитальная предпосылка их удачи и даже единственное существенное правило, которое можно было бы дать, заключается в том, чтобы никогда не предпринимать их без обеспеченной, а, следовательно, и заинтересованной поддержки значительной державы, достаточно близко расположенной к театру операции и могущей предоставить на своей границе подходящую базу как для заблаговременного сбора всевозможных запасов, так и для опоры на случай неудачи, а также новые средства, чтобы вновь перейти в наступление в случае надобности.

Что же касается до правил поведения для таких вторжений, которые кто-нибудь хотел бы найти в указаниях стратегии, то рассчитывать на это было бы дерзко: ведь без вышеупомянутой предосторожности политики все эти предприятия представляют не что иное, как явное насилие над всеми стратегическими законами. В остальном, повторяем, различные предосторожности для обеспечения глубоких операционных линий и по образованию промежуточных баз являются единственными военными средствами, пригодными для того, чтобы смягчить опасности предприятия; к этому мы добавим правильную оценку расстояний, затруднений, времен года, характера местности, одним словом, достаточную точность

---

[1]) Т.-е. вместо того, чтобы заинтересовать в русском походе большими уступками Пруссию или Австрию, Наполеон понадеялся на поляков. *(Прим. редакц.)*.

в расчетах и умеренность после одержания победы, чтобы, суметь во-время остановиться.

Впрочем, мы далеки от мысли утверждать, что возможно начертить правила, способные обеспечить удачу больших, далеких вторжений: на протяжении четырех тысяч лет они создали славу пяти или шести завоевателей, а сотни раз являлись бичом приступавших к ним армий и наций.

Исчерпав приблизительно все самое существенное, что можно сказать о сухопутных вторжениях, нам остается сделать несколько замечаний об экспедициях, наполовину сухопутных и наполовину морских, образующих третью из указанных нами серий.

Со времени изобретения артиллерии, этого рода предприятия стали очень редкими, и мне кажется, что крестовые походы являются последними из встречающихся примеров; может быть причину этого надо искать в том, что господство над морями, последовательно побывав в руках двух или трех второстепенных держав, наконец перешло к островной державе, обладающей большими эскадрами, но не имеющей достаточных для подобных экспедиций сухопутных армий.

Как бы там ни было, но из соединения этих двух причин очевидно вытекает, что уже миновали те времена [1]), когда Ксеркс сухопутным путем шел завоевывать Грецию, заставляя следовать за собой четыре тысячи судов всех размеров, и когда Александр Великий отправлялся из Македонии через Малую Азию в Тир, а его флот шел за ним вдоль берега.

Во всяком случае, если даже подобные вторжения больше не производятся, тем не менее остается несомненным, что поддержка в виде военной эскадры и транспортного флота всегда будет являться огромной помощью для большой континентальной экспедиции, которая могла бы вестись в тесной связи с столь мощным союзником.

Однако, не следовало бы слишком исключительно полагаться на него: ветры капризны, и иногда может оказаться достаточно урагана, чтобы рассеять и даже истребить флот, на который возлагаются все надежды. Последовательный подвоз представляет меньше риска, и все же и он не всегда явится надежным средством.

Я не считаю нужным говорить здесь о вторжениях, производившихся в соседние державы, как-то вторжение Наполеона в Австрию, Испанию и т. д.; это обыкновенные войны, развитые на более или менее дальние расстояния, но не отличающиеся ничем особенным, и их комбинации в достаточной степени разобраны в различных главах этого труда.

---

[1]) Мы ка́к раз живем в эпоху, когда и войны, и стратегия ведутся в мировом масштабе; мы были и еще будем свидетелями самых удивительных морских и воздушных переносок войск. *(Прим. редакц.)*.

Более или менее враждебно настроенное население, большая или меньшая глубина операционных линий и большее удаление главного объекта являются единственными переменными, которые могут обусловить изменение обыденной системы операции.

Хотя вторжение в соседнюю державу менее опасно, чем дальние предприятия, тем не менее и у него есть шансы на погибель. Французская армия, которая двинулась бы для атаки Кадикса, несмотря на прекрасную базу, представляемую Пиренеями, и на промежуточные базы на Эбро и Тахо, все-таки найдет свою могилу на Гвадалквивире. Армия, которая в 1809 году в центре Венгрии осаждала Коморн, в то время как другая вела малую войну от Барселоны до Опорто, также могла бы погибнуть на равнине Ваграма; для этого ей не потребовалось бы и бежать на Березину. Разнообразные предпосылки, количество наличных войск, уже одержанные успехи, состояние страны—все влияет на размах, который можно дать своим начинаниям: великий талант полководца заключается в том, чтобы сообразовать их с имеющимися средствами и обстоятельствами [1]). Что касается той роли, которую при вторжениях в соседние страны могла бы сыграть политика, то, правда, в этих случаях она менее необходима, чем при дальних экспедициях; однако, не следует забывать указанное нами правило: не существует противника, как бы мал он ни был, из которого не стоило бы сделать себе союзника: как влияние, которое в 1706 году оказало изменение политики герцога Савойского на события того времени, так и выступления Морица Саксонского в 1551 году и Баварии в 1813 году в достаточной степени доказывают, насколько важно установить дружественные отношения с государствами, граничащими с театром военных действий, чтобы рассчитывать если не на их поддержку, то по крайней мере на их строжайший нейтралитет.

Глава восьмая.

Резюме стратегии.

Задача, которую я поставил себе, мне кажется сносно разрешенной тем отчетом, который мы отдали себе о всех стратегических комбинациях, обычно образующих план операций.

Мне будет позволено вкратце резюмировать их содержание.

---

[1]) Блуме приводит, как важнейшее правило стратегии, необходимость сообразовывать постановку целей с имеющимися средствами и замечает: как бесконечно просто стратегическое правило и как бесконечно трудно его исполнение. *(Прим. редакц.)*.

Из изложенных глав, по-моему, можно заключить, что метод применения общего принципа войны на всех возможных театрах операций состоит в следующем.

1. Уметь использовать преимущества, которые могли бы вытекать из относительного положения оперативных баз обеих сторон (исходящие углы и перпендикулярное направление к неприятельской базе).

2. Уметь выбрать между тремя зонами, образующими стратегическую шахматную доску, именно ту, на которой можно нанести наиболее гибельный для неприятеля удар, подвергая себя при этом наименьшему риску.

3. Удачно устанавливать и направлять свои операционные линии, используя для обороны примеры концентрических линий эрц-герцога Карла в 1796 году и Наполеона в 1814 г. и для отступления, параллельного границе—пример маршала Сульта в 1814 году.

При наступлении, наоборот, придется придерживаться системы, которая обеспечила успехи Наполеона в 1800, 1805 и 1806 годах, по которой силы направляются на одну из оконечностей стратегического фронта противника, или же системы направления сил против неприятельского центра, столь удавшейся Наполеону в 1796, 1809 и 1814 гг. Все это—в зависимости от относительной группировки армии и указанных правил.

4. Уметь хорошо выбирать временные маневренные стратегические линии, придавая им такое направление, чтобы всегда иметь возможность действовать большей частью своих дивизий и, наоборот, препятствовать частям неприятельской армии сосредоточиваться и взаимно поддерживать друг друга.

5. Уметь хорошо комбинировать в том же духе единения и централизации как все стратегические группировки, так и каждое выделение крупных отрядов, поскольку к ним придется прибегать, чтобы захватить необходимые части стратегической шахматной доски.

6. Наконец, уметь вселять в свои массы наибольшую активность и возможно большую подвижность, чтобы путем их последовательного и поочередного применения в тех пунктах, в которых важно нанести удар, достигалась основная цель—вводить в бой превосходные силы против отдельных частей неприятельской армии.

Стремительность переходов умножает полезное действие наших сил и, наоборот, нейтрализует большую часть сил противника; но если этой стремительности часто бывает достаточно, чтобы обеспечить успех, то результаты ее возрастают во стократ, если усилия получат удачное направление на решительные стратегические пункты операционной зоны, где они могут нанести противнику наиболее роковые удары.

Но т. к. не всегда явится возможным предпочесть один решительный пункт перед всеми прочими, то иногда придется довольствоваться достижением большей части цели всякой операции, умело скомбинировав быстрое и последовательное применение своих сил против изолированных неприятельских частей, разгром коих будет неизбежен; когда же удастся соединить оба условия — быстроту и стремительность применения масс с удачным направлением—тогда победа и большие результаты окажутся наиболее обеспеченными.

Лучше всего доказывают эту истину столь часто цитированные операции 1809 и 1814 гг., а также операции Карно в конце 1793 года. Приблизительно 40 батальонов, последовательно переброшенных из Дюнкирхена в Менин, Мобеж и Ландау, усиливая находившиеся там армии, дали четыре победы, спасшие Францию.

Эта разумная операция включала бы в себя всю стратегическую мудрость, если бы эти замыслы имели заслугу применения сил на решительном стратегическом пункте театра военных действий: но этого не было, так как основу коалиции образовывала тогда австрийская армия, путь отступления которой шел к Кельну; следовательно, наиболее сильный удар мог бы быть нанесен при общем сосредоточении усилий на р. Маасе. Комитет Общественного Спасения парировал нависшую опасность, и замечание, которое я позволяю себе делать, ни в чем не должно преуменьшать достоинства этого маневра: он заключает в себе одну половину стратегического принципа, а другая именно стремится дать подобным усилиям самое решительное направление, как это сделал Наполеон под Ульмом, Иеной и Регенсбургом. Все искусство стратегии войны заключается в этих трех различных приложениях принципа. Прошу извинить, что я столь часто повторяю те же примеры, но я уже это мотивировал.

Излишне добавлять, что одной из великих задач стратегии является возможность обеспечить армии преимущества, подготовив ей благоприятный район операции, если последние имеют место в собственной стране. Группировка крепостей, укрепление лагерей, предмостных укреплений и открытие сообщений в важных решительных направлениях образуют не наименее интересную часть этой науки: мы уже указали все признаки, по которым можно легко распознать эти постоянные и временные линии и решительные пункты.

МОЛЬТКЕ. „ВРОЗНЬ ИТТИ И ВМЕСТЕ ДРАТЬСЯ".

Мольтке (1800—1891 г.г.) действовал в эпоху, когда стратегические условия—возросшая артиллерия, удлиннившиеся обозы, улучшившаяся связь—повелительно требовали расширения фронта маневра армий, дабы иметь возможность использовать максимальное количество дорог для походного движения; тактически же фронт сражений еще оставался столь же узким, как и в эпоху Наполеона; может быть, предпосылки к расширению тактического фронта существовали и при Мольтке, но они оставались еще неосознанными. Из этого движения широким фронтом и развития боя на узком протяжении и вылилось стратегическое искусство Мольтке. Самую стратегию начали определять, как искусство „итти врознь, и драться вместе". Такое определение, конечно, не отвечает теперь больше духу времени, так как фронт современного сражения равен фронту марша.

Четыре приводимых статьи относятся к высшему моменту развития Мольтке—периоду его деятельности в роли начальника прусского генерального штаба. Статья о фланговых позициях не слишком типична для Мольтке. „Общие принципы, вытекающие из них правила и построенные на них системы не могут иметь практической ценности для стратегии", утверждает Мольтке в конце своей карьеры. Он всегда уклонялся от трудов чисто теоретического характера; однако же, в начале своей работы во главе генерального штаба, в целях правильного руководства полевой поездкой, Мольтке встретил необходимость дать себе самому отчет в некоторых теоретических вопросах—отсюда и явилась статья о фланговых позициях. Она представляет нам живое доказательство положения, что „гони теорию в дверь, она влетит в окно". В полном собрании сочинений Мольтке к этой статье приложены два черновых варианта, свидетельствующие о трудном и длительном процессе работы мысли Мольтке при разработке этой статьи. В дальнейшей своей деятельности Мольтке смог уже обходиться без такой теоретической работы, имеющей подготовительное значение для анализа обстановки в конкретном случае. Но если для самого Мольтке теория стала излишней, он возвысился над ее нравоучениями, и стал мастером в военном искусстве, то едва ли будет основательно распространять скептическое отношение Мольтке к теории на всю массу командного состава, не располагающего тем критерием, помощью которого Мольтке всегда давал верную оценку условий, представляемых данным конкретным случаем. Мы можем согласиться с Мольтке, что все наши знания получаются опытным путем и вытекают из критики конкретного случая, из критики военно-исторических фактов. Но без известных общих, а, следовательно, и теоретических представлений невозможна ни-

какая критика. Критика и теория мыслимы лишь в постоянном взаимодействии.

Записка Мольтке „О глубине походных колонн“ носит более практический характер; она намечает, за год до войны 1866 г., когда в первый раз широко развернулось стратегическое искусство Мольтке, его основы; по своему содержанию и приложенным справочным данным это как бы директива для полевых поездок. В полной гармонии с ней находится отповедь, которую дает Мольтке через год после поражения австрийцев австрийскому критику в статье „Замечания о сосредоточении в войну 1866 года“ [1]). И тут, и там, основную роль играет понятие „о гнусной крайности сосредоточения“— сосредоточения, к которому поклонники Наполеоновского военного искусства подходили, конечно, с известным священным трепетом, с совершенно иным масштабом благоговения.

Коротенькая статейка Мольтке „о стратегии“ сперва была напечатана отдельно, а затем большей частью включена в текст оффициальной немецкой истории франко-прусской войны. Долгое время эти две странички являлись как бы стратегическим катехизисом армий всего мира. Каждая фраза из нее цитировалась сотни раз в различных трудах, на всевозможных языках. Кто не читал, что „ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании?“ Разумеется, мы не могли в настоящем труде обойти этот перл литературного творчества Мольтке. Мы лично полагаем, что едва ли следовало так слепо принимать на веру этот Мольтковский катехизис. Здесь в этих, казалось бы, объективных строках гораздо более полемики, чем в предшествующем споре Мольтке с австрийским генералом. И здесь не только полемика, но и скрытая защитительная речь той позиции, которую занимал стратег Мольтке в управлении войной 1870 года. Эволюция современной стратегии может быть ярче всего отмечена при сравнении этих положений Мольтке с современной действительностью войны; мыслями Мольтке еще руководятся, но они уже не укладываются в новые образы, которые приняла война. Мы оставляем эту работу на будущее, а пока привлечем внимание читателя к тому, что с нашей современной точки зрения неверно уже заглавие: на самом деле Мольтке пишет не о стратегии вообще, а о стратегии сокрушения. При стратегии измора отношения между политикой и стратегией, конечно, уже вовсе не укладываются в очерчиваемые рамки. В общем, мы думаем, что эта знаменитая статья была источником больших заблуждений; талант Мольтке в роли адвоката оказался не меньшим его стратегического и критического таланта и многих направил на неверный путь.

Наши выдержки из трудов Мольтке мы заканчиваем его лебединой песней, последней речью, которую произнес 90-летний Мольтке, депутат рейхстага. В ней заключается его знаменитое пророчество о затяжном характере будущей мировой войны, шедшее совершенно в разрез с рассчетами всех генеральных штабов и экономистов. В ней же Мольтке высказывает свои воззрения на войну. Он говорит буржуазным, конечно, а не марксистским языком, но мысль его ясна: война представляет неизбежное явление при

---

[1]) Мы рекомендуем читателю воспользоваться несколькими чертежами и пробежать главу о стратегии Мольтке в III части „Истории военного искусства“ А. Свечина.

существующем капиталистическом строе, и никакие буржуазные правительства не в силах защитить от ее испытаний свои государства

Читатели, заинтересовавшиеся произведениями Мольтке, могут найти на русском языке перевод „Военного учения Мольтке" в двух томах: „оперативная подготовка к сражению" и „тактическая подготовка к сражению" [1]. Впрочем, это не подлинный труд Мольтке, а мозаика, составленная прусским генеральным штабом по строгой системе из мыслей Мольтке, высказанных по самым различным поводам—при разборе тактических задач и полевых поездок, при оценке какого-либо военно-исторического факта и т. д. Кроме того, на русском языке имеются работы Мольтке по истории войн 1848—1849 г.г. [2]) и 1859 г., а также „письма о событиях и приключениях в Турции с 1835 по 1839 г.г.; последний труд в переводе сокращен и, конечно, затрагивает стратегические вопросы лишь случайно.

Редакция.

---

[1]) Изд. Гл. Упр. Ген. Штаба, изд. 1913 г., перевод Потоцкого. Третий том „Сражение"—не переведен.

[2]) Перевод Николаева, изд. 1898 г.

МОЛЬТКЕ.

О глубине походных колонн [1]).

Если при выборе позиций надо учитывать протяжение по фронту, которое могут занять войсковые единицы, то при организации походных движений надо иметь в виду глубину походных колонн.

В первом случае обозы учету не подлежат; во втором же они представляют существенный элемент, который нельзя оставлять без внимания.

Имеющиеся при армии обозы тщательнейшим образом нормированы в соответствии с действительной потребностью в них и ограничены до крайних пределов. В виду этого, они полностью не могут быть выделены из ведущей бой части армии, или же могут отделяться лишь временно, на очень короткий срок.

Войсковая часть не легко расстанется с повозками, непосредственно ей приданными. Даже если бы они были оставлены под особым наблюдением, неожиданный оборот боя или операции все же мог бы надолго воспрепятствовать возвращению их к части. В течение самого боя батальоны нуждаются в патронных и санитарных повозках, а батареи в зарядных ящиках; прочие повозки и вьючные лошади с их грузом оказываются особенно необходимыми непосредственно после боя, когда обычно приходится располагаться биваком.

Другая часть обозов придается войсковым единицам, состоящим из всех родов оружия, наименьшей из которых у нас является дивизия. Помимо парков и понтонных обозов, таковыми являются повозки тыловых служб, без коих дивизия не была бы достаточно самостоятельно снабженной для участия в операции. Провиантские транспорты, пекарни, главный полевой лазарет, депо конского запаса можно себе представить временно отделившимися от дивизии; но при наступлении—в особенности в неприятельской стране—непосредственно вести за войсками хотя бы провиантские транспорты

---

[1]) Записка Мольтке от 16 сентября 1865 г.

становится все более необходимым по мере того, как войска приближаются к противнику, а следовательно, вынуждаются бивакировать. Административные органы, полевая почта и т. д., чтобы быть использованными, не должны отделяться от дивизии; лазареты же становятся крайне необходимыми именно в тот момент, когда является особенно желательным сократить глубину колонн—при подходе к полю сражения.

На маневрах мы видим войска, отягощенные лишь очень небольшой частью этого бремени, столь затрудняющего передвижения. Вследствие этого легко рождаются представления, которые не могут быть перенесены на операции в действительных условиях войны, при отдаче распоряжений для походных движений совершенно недопустимо не уделять внимания тылу, смотреть на него, как на неудобный придаток, объединяя его всего под совершенно неопределенным заголовком „обозы“.

Если приданные армии, в строго нормированных пределах, обозы необходимы войскам на театре военных действий, то их необходимо учитывать в их подлинных размерах.

Чтобы дать возможность легко обозреть, какая глубина получается для походных колонн отдельных войсковых единиц и отрядов в военном составе, с полным обозом, соответственные данные приводятся в приложении; прежде всего их надлежит использовать на полевых поездках генерального штаба [1]).

Само собой разумеется, что здесь приводится лишь нормальная глубина, т.-е. минимум, необходимый для уставного походного движения, которого можно достигнуть и удержать только при исключительно благоприятных обстоятельствах [2]). Но даже при такой предпосылке получается следующее:

1) Глубина походной колонны армейского корпуса, когда он вынужден двигаться со своими обозами по одной дороге, превосходит длину обычного перехода.

2) Как бы ни были сокращены обозы, тем не менее голова колонны будет уже на новом биваке, когда хвост начнет выступать со старого.

3) Вблизи от противника такой марш может происходить лишь под прикрытием другой группы войск, так как развертывание корпуса потребует шесть часов.

4) Если мы хотим определить, когда корпус в целом окажется сосредоточенным в конечном пункте перехода, к указанному на вытягивание корпуса времени необходимо еще

---

[1]) Приложение нами опущено, так как данные его представляют интерес лишь для историка войны 1866 г. *(Прим. редакц.)*.

[2]) Теория растяжки колонн тогда еще не существовала. Равно устав не предусматривал еще определенных дистанций между частями колонны. См. нашу статью о позитивизме Леваля в I томе. *(Прим. редакц.)*.

прибавить продолжительность самого движения и необходимых привалов.

Отсюда объясняется, почему на практике переход корпуса в 3 мили[1]), т.-е. на расстояние, которое пешеход легко может пройти в четыре-пять часов, продолжается целый день.

Трудности движения растут прямо пропорционально величине войсковых единиц. По одной дороге в один день нельзя продвинуть больше одного корпуса. Но трудности также растут и с приближением противника, когда уменьшается число дорог, которыми можно пользоваться.

Отсюда вытекает, что раздельное расположение корпусов представляет нормальное состояние армии, а сосредоточение их, не вызванное совершенно определенной целью, является ошибкой.

Уже по продовольственным соображениям продолжительное сосредоточение представляет *гнусную крайность*[2]); часто оно даже вовсе неосуществимо; сосредоточение ведет непосредственно к решению и поэтому не должно иметь места, если момент для решения еще не наступил.

Сосредоточенная армия не может вообще следовать далее походом; движения ее возможны лишь вне дорог, полями. Чтобы двинуться походным порядком, она должна предварительно вновь разделиться, что, имея в виду противника, представляет опасность.

Но так как все же надо настаивать на сосредоточении всех боевых сил для сражения, то сущность стратегии и заключается в организации походного движения врозь, имея в виду своевременное сосредоточение [3]).

Таким образом, организация походного движения представляет одну из важнейших отраслей службы генерального штаба, и именно ее возможно наиболее совершенным образом изучить на ежегодных полевых поездках.

Достоинства избранной позиции решают (на полевой поездке) судьбы боя, которые не могут быть установлены при наличии лишь обозначенных войск. Расстояния же, время, число и пригодность дорог, наоборот, являются четкими, реальными факторами, что позволяет точно оценить результат организации марша.

---

[1]) 22 километра. *(Прим. переводчика).*

[2]) Курсив наш. *(Прим. редакц.).*

[3]) Отсюда попытка некоторых писателей свести стратегическое учение Мольтке к положению „врозь итти, вместе драться". Это положение, повидимому, в первый раз было высказано еще Шарнгорстом и повторено в 1800 г. Вильгельмом, принцем прусским, будущим императором германским. *(Прим. редакц.).*

На полевых поездках, которыми руководят начальники штабов корпусов, обычно оперируют друг против друга лишь дивизии. Действующая в отделе дивизия обременена относительно более ограниченным обозом, чем армейский корпус. Тем не менее мы пришли бы к совершенно ошибочным результатам, если не взяли бы на учет имеющиеся за дивизиями обозы и тем самым не пришли бы к действительной растяжке войск на походе.

О фланговых позициях [1]).

Располагая наши боевые силы в стороне от операционной линии противника, мы тем самым стремимся заставить его свернуть с означенной линии, следовать за нами в направлении, отвлекающем противника от его главной цели, и атаковать нас при благоприятных для нас условиях.

Действительность фланговых позиций основывается на правильности утверждения:

что объектом наступления является не какой-нибудь участок страны, или город, а армия противника,

что ни одна армия не может рисковать пройти мимо неприятельской, так как при этом ей пришлось бы пожертвовать своим тылом и сообщениями,

что, следовательно, противник приковывается к тому же пункту, в котором буду находиться я.

Мы совершенно согласны в общих чертах как с правильностью, так и с огромной важностью этого принципа, но должны настаивать на известных ограничениях при его приложении.

Прежде всего необходимо провести различие между объектом войны и оперативным объектом наступления. Первый в действительности не является армией, а представляет совокупность территории или столицу противника, а в них источники сил и средств и политическая мощь его государства; он содержит то, что я хочу оставить за собой или, в конечном результате, обменить на оставляемое за собой. Оперативный объект, наоборот, является во всех случаях неприятельской армией, поскольку она прикрывает объект войны. Эта предпосылка может отпасть, во-первых, если обороняющаяся армия расстроена боем или вообще слишком слаба, и во-вторых, если она расположена вне пределов досягаемости или на такой местности, которая представляет препятствия для ее перехода к активным действиям. В этом случае известный район или город может приобрести большее значение, чем сама армия, так как при наступле-

[1]) Эта работа Мольтке относится к 1859 г.

нии объект войны и оперативный объект сольются в одно целое.

Таким образом, в марте 1814 года союзники не были прикованы к пункту, где оставались французы, и не последовали за Наполеоном на Нанси, а двинулись на Париж. Таким же образом после сражения при Регенсбурге император не оказался связанным 80.000 австрийцев, остановившихся в шести милях у Гама, а проследовал мимо фланговой позиции на 50 миль вперед, к Вене [1]).

Но если обороняющаяся армия находится в пределах досягаемости и, по состоянию своему, обладает способностью наступать, то забота о своих сообщениях каждый раз будет препятствовать наступающему проходить мимо нашей фланговой позиции. Какая при этом ему угрожает опасность?

Армии могут умирать с голоду, целиком владея своими сообщениями, как, например, французская армия в 1812 году, когда, благодаря вялому образу действий Кутузова, путь отступления французов в действительности никогда не был перехвачен. Но для достижения близкой и важной цели армии могут временно отказываться от всяких сообщений.

Фланговая позиция при Виттенберге, вероятно, не удержала бы австрийскую армию, если бы последняя продвинулась до Барута, от занятия оставленного без прикрытия Берлина; в последнем она нашла бы в изобилии то, чего была бы лишена вследствие временного перерыва сообщения с Дрезденом.

Простая угроза, чтобы произвести надлежащее действие, во многих случаях должна перелиться в дело, т.-е. в реальную атаку неприятельского тыла. В последнем случае нам придется покинуть нашу позицию, и необходимо обдумать, в каких условиях мы окажемся в бою. Мы отказываемся от преимуществ подготовленного поля сражения, и фланговая позиция сможет сыграть для нас лишь роль тыловой позиции. Обе стороны вступят в сражение с перевернутым фронтом, для обеих сторон растет опасность поражения; отсюда, однако, для обороняющегося не вытекает еще никакой гарантии в победе.

А если мы не захотим покинуть нашу фланговую позицию и на продолжительное время устроимся на каком-нибудь участке местности или среди группы крепостей, то мы позволим тем самым куску территории возвыситься до значения главного объекта, и наша армия потеряла бы свойство прикрывать объект войны.

Таким образом мы видим, что фланговые позиции, о которых Клаузевиц говорит, что они действуют, как нажим

---

[1]) См. тот же пример у Вилизена, „Классики", т I, стр. 137. *(Прим. редакц.).*

пальца на удила, сохраняют свою волшебную силу лишь до тех пор, пока противник готов ее признавать. Но он может отказаться от этой точки зрения, если его армия дает ему гарантию тактической победы.

Победа исправляет все стратегические недочеты—примером может служить сражение при Мадженте—и даже обращает их в плюсы, если стремление удержать за собой фланговую позицию приведет неприятеля к отступлению в неправильном направлении.

Поэтому, во фланговых позициях и в эксцентрической обороне нельзя усматривать универсального средства; не следует ожидать от них большего, чем они могут дать. Тем не менее, в пределах указанных ограничений, мы не должны недооценивать их исключительно большого значения.

Теперь нам предстоит точнее определить понятие фланговой позиции. Не всякая позиция, избранная в стороне от неприятельской операционной линии, уже по одному этому является фланговой позицией. Если бы путь отступления [1]) с подобной позиции направлялся на прикрываемый главный объект, то она представляла бы лишь неудачно выбранную фронтальную позицию, подставляющую противнику один из своих флангов.

Главной предпосылкой фланговой позиции является направление ее фронта параллельно, а пути отступления с нее—перпендикулярно к неприятельской операционной линии, то и другое хотя бы приблизительно.

Фронт должен быть сильным, так как здесь мы предполагаем встретить атаку превосходных сил противника; в то же время он должен оставаться открытым для перехода в наступление, потому что при известных обстоятельствах мы можем быть к нему вынуждены. Местность лишь в редких случаях удовлетворит обоим условиям; чтобы связать прочность обороны с легкостью перехода в наступление придется часто прибегать к фортификационному оборудованию района.

Но так как, в конечном результате, каждая позиция может быть преодолена, или обороняющийся может быть вынужден ее оставить, то мы должны сохранить возможность отступления. Кроме того, мы должны на нашей позиции существовать, а при приближении противника мы можем удовлетворять наши потребности лишь подвозом с тыла. Из обоих этих соображений вытекает, что позиция должна иметь достаточный тыловой район. Фланговая позиция, расположенная тылом к Балтийскому морю, была бы отчаянной [2]).

---

[1]) Вернее сообщения. *(Прим. редакц.).*

[2]) Мольтке ста ил „хинтерлянд“, как абсолютное требование для фланговой позиции Позиция германских войск у Кенигсберга при вторжении русских армий в Восточную Пруссию, по идее Мольтке, была бы отчаянной. Автор этого примечания доказывал эту мысль уже в труде „Крепости Вос-

Однако, недостаточно иметь лишь пространство для отступления; этот район должен быть так устроен и оборудован, чтобы мы могли извлекать выгоды при отходе, отрываясь от противника, задержанного известными естественными или искусственными преградами, по другую сторону коих мы могли бы вновь переходить в наступление, чтобы жертвовать возможно меньшей частью территории.

Нет необходимости, чтобы фланговая позиция обязательно была расположена в стороне от неприятельской операционной линии; она даже может оказаться на ней самой, если, например, обращенный к противнику фланг позиции прикрыт от атаки крепостью [1]). Тем не менее, эта позиция остается фланговой, если только путь отступления с нее не совпадает с неприятельской операционной линией. Непреодолимая фланговая позиция, расположенная на самой операционной линии неприятеля, абсолютно препятствовала бы всякому продвижению по последней противника, т. е. он должен был бы изменить свою операционную линию.

Можно сказать, что действительность фланговой позиции тем обеспеченнее, чем ближе она расположена к неприятельской операционной линии; наоборот, значение ее растет с удалением от нее, так как в последнем случае она дальше отвлечет противника от намеченного им направления, при предпосылке, что она вообще заставит его свернуть. Где же здесь находится граница? Чтобы ответить, надо учесть относительные и абсолютные протяжения.

Фланговая позиция у Торна, конечно, прикрывает Берлин от неприятеля, надвигающегося от Варшавы через Слупцы. Хотя от Торна до Слупцы и есть полных 12 миль, но от Слупцы до Берлина остается еще в три раза больше. Противник не может отказаться на несколько недель от сообщений, на которые мы можем выйти в несколько дней. Наоборот, никто вероятно не будет утверждать, что фланговая позиция у Штеттина могла бы прикрыть столицу, хотя там

точного фронта Германии". Все это не помешало нашему северо-западному фронту и генералу Ренненкампфу, после Гумбиненского сражения, искать отступивших немцев на своем правом фланге, у Кенигсберга, вместо того, чтобы взять направление на Алленштейн, на соединение с армией Самсонова. Приведенная мысль Мольтке составляет существенную часть учения Жомини, который доказывал опасность, грозящую армиям континентальных государств, если они отбросят свой тыл к морю. Торес-Ведрасс хорош лишь, как база для дессанта островной (английской) армии. Проект Пфуля — обратить Ригу в 1812 г. в основную базу русской армии, представляет абсолютное непонимание стратегической действительности. *(Прим. редакц.)*.

[1]) Например, р. Эльба, с находящимися на ней крепостями, представляла бы сильную фланговую позицию пруссаков при наступлении австрийцев из Богемии к Берлину левым или правым берегом р. Эльбы. Сообщения пруссаков при этом направлялись бы не к Берлину, а к восточным или западным провинциям Пруссии. *(Прим. редакц.)*.

удаление от операционной линии будет таковым же, как и у Торна[1]).

Следовательно, чтобы быть действительной, позиция должна быть расположена значительно ближе к операционной линии, чем к прикрываемому ей объекту.

Очевидно, что независимо от этого необходимо принимать в расчет и абсолютное удаление. Фланговая позиция притягивает противника; она, как магнит железо, заставляет его сворачивать с пути, но все это лишь в известной близости. Расстояние в несколько переходов не только парализует всякую действительность фланговой позиции, но лишает занимающие ее части всякой ориентировки о том, что происходит. Фланговая позиция у Торна никогда бы не могла прикрывать дорогу Бреславль—Берлин, хотя бы Берлин находился в три раза дальше от Бреславля, чем это имеет место в действительности.

Отсюда следует, что граница, длиной в 50 миль [2]), не может обороняться из одного пункта, особенно, если он лежит на оконечности границы, как бы последнее ни представлялось желательным; ведь наступление не приковано к какой-либо одной операционной линии. Если обороняющийся займет сильную фланговую позицию на одной из операционных линий, то наступающий избирает другую. Если бы мы и сумели подготовить несколько таких позиций, то все же смогли бы занять лишь одну из них, и как раз именно ту, на которой нас атаковать не будут.

Отсюда объясняется, почему так редко удается использовать укрепленные лагеря [3]).

---

[1]) В 1859 г. в этих предложениях Мольтке выдвинул общую идею, легшую в основу Лодзинской операции. Людендорф, потерпев поражение на Висле, передает оборону путей в Силезию слабым и расстроенным частям австрийцев, а сам сосредоточивает свои корпуса между Вартой и Вислой, на фланговой позиции по отношению к русскому наступлению, откуда преждевременно и с недостаточными силами и переходит в наступление против правого русского крыла. *(Прим. редакц.).*

[2]) Географическая карта Европы сохраняет свой прежний масштаб, а масштаб операций изменился за истекшие 65 лет весьма значительно. Фронт русских армий в 1914 году расширился уже настолько, что попытка русских протолкнуться в Силезию, на Бреславль, при расположении германцев у Торна являлась уже необоснованной. Одновременно и фронт фланговой позиции у Торна расширился; на полевых поездках Шлиффена она через озеро Гонло уже дотягивается до Слупцы, на те 12 миль, которыми ограничивал ее действительность Мольтке. *(Прим. редакц.).*

[3]) Понятие укрепленный лагерь в военном искусстве ведет свое происхождение от лагерей, в которых располагались римские армии и которые обязательно, на каждый ночлег, окапывались и укреплялись. В эпоху Мольтке «укрепленный лагерь» представлял или группу, например, четвероугольник крепостей (Мантуя—Пескьера—Верона—Леньяго в австрийской Ломбардии, или Рущук—Силистрия—Варна—Шумла в принадлежавшей тогда туркам северной Болгарии), или крепость большого обвода, с вынесенными вперед фортами (например, Париж). Мольтке здесь имеет в виду лишь долго-

Бесспорно, группа тесно скученных крепостей образовала бы идеальнейший укрепленный лагерь. Но почти всегда она оттолкнет неприятельское наступление на другое направление.

Применение столь крупных средств, повидимому, находит оправдание лишь тогда, когда противник, вместе с объектом операции, одновременно достигает и объекта войны, т.-е., нормально, столицы страны. При защите столицы не может быть фланговой обороны в стратегическом смысле, но противник, в свою очередь, не может избрать другой операционной линии. В таких условиях можно быть уверенным, что ему во всяком случае придется атаковать [1]) этот лагерь и что фортификационные постройки во всяком случае окажут благоприятное для нас влияние.

Если сопротивление вообще еще возможно, то для защиты укрепленного лагеря у столицы всегда найдутся и войска.

Таким образом, нигде нельзя рассчитывать с большей уверенностью на важность укрепленной позиции, как у столицы страны, и все-таки отсюда вовсе не следует, что столицу следует укреплять. Нет необходимости в связанных с этим мероприятием несоразмерных расходах и других крупных отрицательных сторонах, если мы можем обоснованно надеяться задержать противника на самой границе и добиться там решения.

А для последней цели я считаю, что линия крепостей выгоднее, чем группа крепостей, если линия крепостей в то же время господствует над переправами через большую реку [2]).

временные укрепления. Возведение „укрепленных лагерей" в течение самой войны выдвинулось лишь в войну за нераздельность Соединенных Штатов (1862—1865 г. г.) и особенно в 1877 г. (Плевна). *(Прим. редакц.).*

[1]) Мольтке имеет здесь в виду невозможность немцам уклониться от задачи атаки парижских укреплений; и все же, через 11 лет важнейшим пробелом подготовки к войне 1870 года явилась полная неготовность немцев к быстрому овладению крепостями и, в частности, Парижем. Зато Шлиффен уделил этому вопросу максимальное внимание, и в 1914 году немцы под всеми крепостями пожинали легкие лавры. *(Прим. редакц.).*

[2]) Т.-е. Пруссии выгоднее укреплять Рейн, чем Берлин. На русском фронте германцы укрепили Нижнюю Вислу. В России Обручев и Куропаткин также стремились к укреплению речных линий Немана, Нарева разброской на них мелких многочисленных укреплений. Неверно истолкованный опыт русско-японской войны заставил отказаться от этих оперативно осмысленных работ и сосредоточить внимание на немногих крупных крепостях. Если бы последние, потеряв связь с полевой армией, могли держаться самостоятельно 6—8 месяцев, только тогда они могли бы отчасти оправдать затраченные на них силы и средства, сыграть роль редюита, облегчить наш переход в наступление. Но срок сопротивления изолированных крепостей исчисляется теперь не месяцами, а немногими днями. Даже Мобеж не мог удержаться до конца сражения на Марне.

(Прим. редакц.).

Замечания о сосредоточении в войну 1866 г. [1]).

Февральский номер „Австрийского военного журнала“ содержит размышления об операциях войны 1866 года, представляющие тем больший интерес, что до сего времени по этому поводу в печати появилось очень мало сколько-нибудь капитальных и связных трудов. Мы с нетерпением ждем продолжения статьи, так как автор обнаружил как знакомство с фактической стороной, так и верное военное суждение, поскольку последнее не сбивается с истинного пути известной патриотической досадой.

О стратегических комбинациях прусского командования говорится, что они едва возвышались над средним уровнем. Возможно, что это действительно так; в среде противодействующих элементов войны редко удается достигнуть идеала; однако, результат свидетельствует, что и посредственность может достигнуть цели. Соединение прусских армий в надлежащий момент никогда не считалось, по крайней мере прусским генеральным штабом, особенно блестящей идеей или глубоко ученой комбинацией.

Это было разумно проектированный и энергично проведенный в жизнь выход [2]) из неблагоприятной, однако неизбежной, первоначальной обстановки.

Автор ставит в упрек прусской стратегии, что к началу кампании прусское войско было разделено на две группы вместо того, чтобы иметь все силы сосредоточенными и именно в Лаузице.

Мы можем опустить то, что при этом говорится о внимании, которое пруссакам следовало бы уделить возможности взаимодействия имперских войск с австрийской армией, так

---

[1]) Эта статья написана в 1867 г. в ответ на мысли австрийского генерала Наги, развитые сейчас же после войны в австрийском военном журнале Штрефлера: пруссаки победили австрийцев благодаря счастливым для них случайностям, стратегические комбинации пруссаков едва ли возвышались над уровнем посредственности, можно назвать только бреднями попытки сопоставления плана Мольтке с замыслами Наполеона, что глубокой ошибкой, понятной „каждому профану“, а не гениальной стратегической концепцией являлось разделение прусских сил при развертывании на две части.—В сущности, еще спустя 40—50 лет, продолжали звучать те же нападки на стратегию Мольтке. Стиль этой статьи может быть предложен. как образец полемики по вопросам военного искусства. *(Прим. редакц.).*

[2]) „Abhülfe“—подпорка, компромисс, выход.—Мольтке не принимает на себя вполне отчетливо теоретической ответственности за прусское развертывание 1866 г., не мотивирует его новыми условиями, в которых приходится работать стратегии, а сводит свои действия к компромиссу. В этом существенное отличие Мольтке от его ученика Шлихтинга, который уже готов принципиально отстаивать новые позиции стратегической мысли.

(Прим. редакц.).

как об этом в Берлине лучше осведомлены [1]). Точно также мы можем ограничиться лишь указанием на то, что в виду запоздалой отдачи приказа о мобилизации прусской армии нельзя было терять ни минуты времени и что к двум районам сосредоточения ведет большее число железнодорожных путей, чем к одному, и что из одной любви к теории о сосредоточении всех сил воедино на практике нельзя приносить беззащитной в жертву вторжения сосредоточившегося на границе противника столь богатую провинцию, как Силезия. Зато было бы, может быть, полезно почерпнуть некоторое поучение из опыта самой австрийской армии относительно последствий, связанных с сосредоточением сразу воедино боевых сил. В большинстве случаев история демонстрирует перед нашими глазами лишь обстоятельства войны, скрывая от нас внутренние предпосылки. Бои и блестящие подвиги образуют светлые пятна, о которых каждый охотно читает; затруднения с довольствием, трудности переходов, бивачные лишения, страдания в госпиталях и опустошение страны является теневой стороной; изучать последнюю трудно и мало привлекательно, но тем не менее крайне необходимо.

Прежде всего, каждая армия хочет жить; она должна иметь возможность есть, пить, отдыхать и передвигаться. Двести тысяч человек плюс многочисленная кавалерия не могут жить исключительно из магазинов, даже если позади них имеется два железнодорожных пути; они не могут постоянно бивакировать, они должны использовать вспомогательные средства страны, в которой они находятся, как в отношении пропитания, так и в отношении хотя бы скудного крова, т. е. должны расквартировываться.

Имея это в виду, главные силы австрийцев перед началом кампании были расквартированы вокруг Ольмюца и Брюна таким образом, чтобы войска преждевременно не выматывались. 1 корпус был выдвинут к Саксонской границе, две пехотные и две кавалерийские бригады—к Силезской; остальные войска располагались на большей половине Моравского маркграфства, на пространстве свыше 100 кв. миль. Квартирный район распространялся от Вейскирхена до Гросс-Мезерича и от Вильденшверта до Лунденбурга; это—расстояние, равное протяжению Торгау—Герлиц или Нейсэ—Гер-

---

[1]) Австрийский генерал находил, что пруссаки должны были во что бы то ни стало стремиться помешать соединению австрийских войск с контингентами средних немецких государств (Баварии и друг.), а также должны были стремиться, чтобы имперские войска не сосредоточились в одну, опасную для Пруссии массу. Однако, баварцы вовсе не хотели бросать свою страну и итти спасать в Богемию австрийцев, так что пруссакам не приходилось им и препятствовать в этом. Что же касается до недопущения сосредоточения имперских войск, то Мольтке таковую задачу осуществил в действительности. *(Прим. редакц.)*.

лиц [1]). Следовательно, хвосту армии, чтобы подтянуться к голове, требовалось девять дней, и тринадцать дней [2]), если пункт сосредоточения выносился вперед к Иозефштадту; если сосредоточение началось 18-го июня, оно не могло бы закончиться ранее 30-го июня.

Того же 18-го июня прусские войска достигли Дрездена и Нейсэ; даже от этих, самых крайних, крыльев расстояние до Гичина не больше, чем от Брюна и Ольмюца до Иозефштадта.

Таким образом, удаление, само по себе, не могло бы воспрепятствовать сосредоточению в намеченном сборном пункте; задержка могла бы быть вызвана лишь боями. Само собой разумеется, что расквартированные впереди австрийские корпуса ранее могли достигнуть означенного района, чем расположенные дальше. Но против этих корпусов надвигались две сомкнутые армии, каждая из которых насчитывала более 100.000 бойцов; кронпринц и принц Фридрих Карл могли столкнуться только с этими передовыми корпусами, а не со всеми сосредоточенными главными силами противника, при условии, что обе стороны, как это и имело место в действительности, выступали приблизительно одновременно.

Следовательно, речь шла не об необдуманной дерзости. Правда, в то время положение австрийских войск не рисовалось столь ясно, как теперь; имелись предположения, правда ошибочные, что уже в северной Богемии встретятся значительные силы австрийцев; местность могла представить большие затруднения; однако, кто хочет воевать исключительно наверняка, тот, вообще, едва ли когда-либо достигнет цели.

Когда выше мы говорили о жизни армии, мы отнесли к этому понятию и ее движения.

Чем теснее пространство, на котором скучена армия, тем меньше дорог будет вести от него к намеченной конечной цели. Тогда предстоит сделать выбор—или предварительно перейти к более широкому фронту, чтобы выгадать большее количество дорог, или же удовлетвориться немногими имеющимися и двигаться по ним растянувшимися на несколько переходов эшелонами. Как известно, глубина походной колонны армейского корпуса с его обозами занимает более трех миль; поэтому в один и тот же день два корпуса не могут использовать один и тот же участок дороги, разве что будет

---

[1]) В действительности, квартирный район австрийцев был несколько (незначительно) меньше. (*Прим. редакц.*).

[2]) Мольтке рассчитывает здесь, на круг, переходы австрийцев по 16 *км*; в действительности австрийцам понадобилось не 13, а всего 10 дней для сосредоточения почти всех сил у Иозефштадта; это могло вызвать кризис вследствие медленного наступления армии Фридриха-Карла; осторожнее со стороны Мольтке было бы рассчитывать на средний переход австрийцев в 20 *км*, как это и было в действительности достигнуто австрийцами, несмотря на большие трудности при движении огромной армии только по трем дорогам. (*Прим. редакц.*).

допущено движение полем, рядом с дорогой, что может происходить лишь за счет сил войск. Поэтому, переходя в наступление из узкого сосредоточения, теряют—или на протяжении фронта, или на глубине походных колонн—выгоды данного сосредоточения, а именно возможность в первый же день столкновения с противником сосредоточить все силы.

В виду значительной растянутости расквартирования австрийцев в Моравии, можно было предоставить армейскому артиллерийскому резерву и паркам две отдельные дороги в направлении на Пардубиц. Пехотные корпуса и кавалерийские дивизии были двинуты на Иозефштадт по трем, более восточным дорогам [1]).

Уже одно наименование этого продвижения „хорошо организованным фланговым маршем“ говорит о том, что в течение его выполнения ожидалась атака со стороны Силезии. Для обеспечения от таковой на границе графства Глатц и были оставлены II корпус и 2-я легкая кавалерийская дивизия; тем не менее, и дороги для марша были избраны настолько близко одна к другой, что поворотом направо можно было в любой момент создать боевой порядок в три линии. Эта предусмотрительность не облегчала марша, наоборот, она в весьма значительной степени затрудняла размещение войск; узкая полоса, по которой в течение двух, трех и даже четырех дней проходили друг за другом эшелоны войск, была совершенно опустошена.

Глубина всего походного порядка армии должна была оставаться неизменной, пока головы колонн продолжали продвигаться вперед; лишь по достижении головами цели марша могло начаться ее сокращение. Еще 24-го июня походный порядок растягивался от Требезова у Скалица до Розинки и Кунштадта, т.-е. на 15 миль [2]); с каждым следующим днем его глубина сокращалась на один переход.

27-го июня передовые корпуса, VI и X, завязали первые бои с дебуширующей атакой кронпринца; к вечеру того же дня прочие войска группировались так: III корпус у Милетина, IV корпус у Яромера, VIII корпус у Чаславека, II кор-

---

[1]) Мольтке, обрисовывая трудные условия австрийского марша, все же очерчивает более широкие рамки, чем бывшие в действительности; дороги на Пардубиц были использованы только для парков, армейская артиллерия двигалась со всей армией по трем дорогам на Иозефштадт.

(*Прим. редакц.*).

[2]) Даем несколько более точных данных: две восточные дороги, по которым двигалась почти вся масса австрийской армии, лежат друг от друга в расстоянии от 17 до 27 километров; для сокращения длины колонн, несмотря на летний зной, австрийцы вели пехоту в колонне по 8, а кавалерию в колонне по 4; войска подвергались сильным лишениям; 24 июня весь походный порядок был в действительности растянут на 100 километров (по Мольтке—15 миль—110 *км*), но вся пехота двигалась на глубине лишь около 50 километров. (*Прим. редакц.*).

пус и 2-я легкая кавалерийская дивизия у Зольница, 3-я резервная кавалерийская дивизия у Гогенбрука — на удалении одного перехода от поля сражения, 2-я резервная кавалерийская дивизия у Голитца—в двух переходах и армейский артиллерийский резерв у Гогенмаута — на расстоянии трех переходов [1]).

Автор размышлений говорит следующее: „В то время, как 28-го июня главные силы австрийской армии были в полной готовности к бою, обе прусские армии находились еще по крайней мере, на расстоянии десяти миль друг от друга".

Это утверждение надлежит исправить в следующем: в течение 28-го июня главные силы пехоты и кавалерии австрийской армии (резервная артиллерия достигла лишь Голитца) безусловно были бы готовы принять бой у Иозефштадта, если бы таковой им был предложен, но наступательное движение на Голитц, на Милетин или на Кенигингоф являлось для них возможным не ранее 29-го июня; в течение же последнего дня обе прусские армии уже достигли Гичина и Градлитца и, следовательно, находились на удалении лишь пяти миль друг от друга.

Фельдцейхмейстер (Бенедек. *Редакц.)* действовал именно так, как рекомендует автор. 29-го июня, несмотря на утомление войск, он начал наступление и именно „на избранную позицию" на Эльбе против второй прусской армии, которая вошла „в сферу действий австрийской армии", или, как мы считаем правильнее выразиться, в сферу действий которой попали австрийцы. Первой прусской армии в этот день ни в коем случае нельзя было достигнуть.

Что же должно было произойти 30-го июня?

Выгоды внутренних операционных линий бесспорно остаются в силе лишь до тех пор, пока имеется достаточно пространства, чтобы по меньшей мере на несколько переходов выдвинуться навстречу одному из противников, с целью выиграть время, чтобы его разбить и преследовать, а затем обратиться на другого противника, до сего времени лишь наблюдаемого.

Если же это пространство настолько стесняется, что больше уже нет возможности атаковать одного из противников, не подвергаясь опасности одновременно иметь дело и с другим, который может напасть на нас с фланга или тыла, то стратегическая выгода внутренних операционных линий обращается в тактическую невыгоду быть охваченным в бою.

Если бы 30-го июня австрийская армия продолжала свое наступление, то она оказалась бы в положении, довольно

---

[1]) В действительности, IV корпус был у Даубровиц, а армейский арт. резерв—у Замрск; заключения Мольтке остаются в силе.

(Прим. редакц.).

близком к тому, которое впоследствии оказалось столь гибельным для нее на высотах Кениггреца.

Мы не утверждаем, что это понятно „каждому профану", но думаем, что каждый благоразумный военный сможет решить, какая сторона находилась здесь в безусловно неблагоприятном положении.

Фельдцейхмейстер должен был убедиться, что обе прусские армии продвинулись вперед дальше, чем он ожидал, и что уже нет времени для выполнения плана, которого он держался с такой железной последовательностью. Ввиду этого он избрал, в соответствии с данной обстановкой, правильное решение, — оставить позицию на верхней Эльбе, которую удержать не представлялось возможности, и отдал приказ об отступлении. Причины, заставившие человека такого характера подчиниться этой горькой необходимости, должны были сильно бросаться в глаза. Повидимому, он сделал все возможное, чтобы наверстать драгоценный день, потерянный, повидимому, вследствие медлительности интендантства. Шесть пехотных корпусов и четыре кавалерийские дивизии с резервной артиллерией, парками и огромными обозами в течение двенадцати дней, почти непрерывно сохраняя боевую готовность, были продвинуты по узкой полосе от Лунденбурга и Вейскирхена приблизительно до Кенигингофа и Милетина. При этом некоторым частям пришлось в означенный срок пройти около тридцати миль, не считая уклонений в сторону от дороги для занятия ночлегов. Так, например, VIII армейский корпус, в десять переходов, без дневок, прошел расстояние от Павловица до Залней, т.-е. 25 миль. Все в целом надо признать замечательным достижением, которое к тому же было крайне затруднено применением принципа coude à coude [1]).

Поэтому мы предполагаем, что если бы к началу кампании австрийская армия была собрана не в одну, а в две главные группы у Ольмюца и Праги, то это значительно облегчило бы ее сосредоточение для решительной операции, довольствие, расквартирование и развертывание, независимо уже от стратегических преимуществ, которые с самого начала давало бы присутствие в северной Богемии значительной массы войск. Точно также мы не можем усмотреть выгод, которые создались бы для пруссаков, если бы, как рекомендует автор, более 200.000 человек было стиснуто в лесисто-болотистом районе Лаузица.

Вся кампания, безусловно, приобрела бы другой облик, и даже если бы пруссаки добились такой же победы, то поле сражений нам пришлось бы, вероятно, искать не на карте Богемии, а на карте Силезии. Присутствие прусской армии

---

[1]) Локоть к локтю. *(Прим. переводчика).*

в Силезии должно было, безусловно, связывать в Богемии значительную часть австрийской армии—в действительности оно приковало к Богемии всю армию. Прямой путь на Вену и единственное железнодорожное сообщение, столь близко проходящее мимо Силезской границы, являлись соображениями, более вескими, чем это, повидимому, полагает автор.

Если в основу германского сосредоточения в одной группе принять размеры австрийского расквартирования, то оно растянулось бы по фронту от Торгау до Герлитца, а в глубину до Берлина и Франкфурта на Одере.

Все доступные для войск дороги из этого обширного района в Богемию сходятся на перевалах через пограничный хребет в узком пространстве в пять миль между Румбургом и Фридландом. Отвесно падающие в Богемию склоны Шандаусских песчаниковых гор препятствуют всякому дальнейшему распространению. При наступлении через эту теснину, головные дивизии могут столкнуться с противником, а следующие за ними, на расстоянии двух-трех переходов, не были бы в состоянии поддержать их.

Всякое тесное нагромождение больших масс уже само по себе является гнусной крайностью. Оно находит себе оправдание и является необходимым, когда оно ведет непосредственно к сражению. В присутствии противника разделяться опасно, но в то же время невозможно длительно оставаться сосредоточенными.

Трудной задачей искусного руководства армиями является сохранение масс в раздельной группировке, при обеспечении возможности своевременного их сосредоточения.

Для этого нельзя дать общих правил; задача каждый раз будет являться иной.

О стратегии[1]).

Политика прибегает к войне для достижения своих целей; она оказывает решительное действие на ее начало и ее конец и оставляет за собой право—повышать свои требования во время самого хода войны, или же довольствоваться меньшим результатом.

При такой неопределенности, стратегия всегда может направлять свои стремления лишь на самую высокую цель, которую, вообще, только можно достигнуть при имеющихся средствах [2]). Таким путем стратегия лучше всего работает

---

[1]) Статья написана непосредственно после франко-прусской войны и напечатана в 1871 году.

[2]) Чрезвычайно скользкая мысль, явившаяся у Мольтке в результате постоянных столкновений с Бисмарком и толкнувшая мышление прусского генерального штаба на ошибочный путь. Основываясь на этом положении,

в руку политики, для целей последней; в ведении своих действий стратегия остается вполне независимой от политики.

Первой задачей стратегии является изготовка боевых средств, первое развертывание армий. При этом ей приходится учитывать многосторонние политические, географические и государственные соображения. Ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании. Однако, относящиеся к нему проекты могут быть обдуманы заранее и, при предпосылке своевременной мобилизации и организованности перевозок, должны безошибочно приводить к намеченным результатам.

Иначе обстоит дело с дальнейшими задачами стратегии: с использованием на войне подготовленных средств — с операциями.

Здесь наша воля очень скоро встречается с независимой от нас волей противника. Правда, мы можем последнюю поставить в известные рамки, если мы готовы и решились захватить инициативу, но сломить ее мы можем не иначе, как при помощи средств тактики.

Материальные и моральные последствия всякого более или менее значительного боя имеют столь широкий захват, что в большинстве случаев создают совершенно изменившуюся обстановку, являющуюся новой базой для новых мероприятий. Ни один оперативный план не может хотя бы с некоторой достоверностью простираться за пределы первого столкновения с главными силами противника. Только профан может полагать, что ход кампании представляет логическое осуществление заранее очерченной, детально проработанной и до конца удерживаемой первоначальной идеи.

Конечно, полководец никогда не упускает из вида своей главной цели, несмотря на всю изменчивость обстоятельств, но пути, по которым он надеется ее достигнуть, никогда не могут быть с уверенностью установлены далеко вперед. Он обречен в течение всей кампании принимать целый ряд решений, вытекающих из обстановок, которых нельзя было заранее предвидеть. Таким образом, все следующие друг за другом акты войны не являются выполнением заранее обдуманного, а актами выявления воли [1]), руководимой военным тактом. Дело заключается в том, чтобы в каждом частном случае провидеть скрытое в тумане неизвестности положение вещей, правильно оценить имеющиеся данные, разгадать не-

---

Мольтке младший и Людендорф смогли обратить мировую войну, которая для Германии должна была явиться оборонительной, в наступательную, что в конечном результате привело Германию к гибели. „Права“ политики гораздо больше, чем утверждает Мольтке. *(Прим. редакц.)*.

[1]) Spontant Ackte, т. е. произвольные действия. *(Прим. переводчика)*.

известные, быстро принять решение и затем энергично и безошибочно приводить его в исполнение.

В задаче с одной известной и одной неизвестной величиной-собственной волей и волей противника—выдвигаются еще факторы третьего порядка, которых совершенно невозможно заранее предусмотреть: погода, болезни и железнодорожные катастрофы, недоразумения и ошибки, одним словом, все явления, которые именуют случайностью, роком, или предопределением свыше, но которые человек не создает и на которые его власть не распространяется. И тем не менее, ведение войны не находится во власти слепого произвола. Теория вероятности могла бы подсчитать, что в конечном счете все эти случайности столь же часто идут во вред или на пользу как одной, так и другой стороне, и полководец, который в каждом частном случае отдает, если не наилучшие, то все же разумные распоряжения, всегда имеет шансы достигнуть цели.

Ясно, как на ладони, что для этого недостаточно теоретических знаний; здесь для свободного проявления на практике, для творчества в искусстве открывается простор свойствам духа и характера, вышколенным, правда, военной подготовкой и руководимым опытом, будь последний почерпан из военной истории или из самой жизни.

Репутацию полководца, прежде всего, конечно, устанавливает успех. Но какую роль в нем играют его действительные заслуги определить необычайно трудно. Перед непреодолимой силой обстоятельств сгибаются даже лучшие люди, и столь же часто обстоятельства возносят и посредственность. Но, преимущественно, продолжительное счастье выпадает дельным людям.

Если, таким образом, на войне с началом операций все становится неопределенным, за исключением той воли и той энергии, которые заключает в себе полководец, то общие принципы, вытекающие из них правила и построенные на них системы не могут иметь практической ценности для стратегии.

Правда, эрцгерцог Карл признает стратегию наукой, а тактику искусством. Он считает, что „наука верховного полководца“ „определяет ход военных предприятий“, искусство же должно лишь осуществить планы стратегии.

Генерал фон-Клаузевиц, напротив, говорит: „Стратегия есть применение боя в целях войны“; стратегия, действительно, дает тактике средства, чтобы драться, и создает вероятность победы посредством руководства армиями и их сосредоточения на полях сражений. С другой стороны, она присваивает себе и результат каждого боя и строит на нем далее. Перед тактической победой смолкают требования стратегии, и она приспособливается к вновь создавшемуся положению вещей.

Стратегия-это система подпорок. Стратегия-это больше, чем наука; это-перенос знания в практическую жизнь, дальнейшее развитие первоначальной руководящей мысли в соответствии с постоянно меняющимися обстоятельствами; стратегия—это искусство действия под гнетом труднейших условий.

Речь Мольтке

в заседании рейхстага 14 мая 1890 г. при обсуждении проекта усиления мирного состава германской армии.

Требование новых и значительных жертв для военных надобностей в тот момент, когда политический горизонт, повидимому, свободнее от грозовых туч, чем это было еще в недавнем прошлом, и когда все соседние державы дают нам определенные заверения в своих мирных намерениях, может вызвать удивление. Я все же прошу разрешить мне в немногих словах указать на степень безопасности, обеспечиваемой нам обстоятельствами.

Господа, еще недавно с крайней левой этого собрания повторно выдвигалось утверждение, что все наши военные мероприятия проводятся исключительно в интересах классов, владеющих собственностью, и что только монархи вызывают войны; если бы не было государей, соседние народы жили бы в мире и дружбе. Что касается до владеющих собственностью классов—а они очень многочисленны и в известном смысле охватывают почти всю нацию, так как кому же нечего терять?—то, правда, состоятельные классы безусловно заинтересованы во всем, что обеспечивает владельцу его собственность.

Но, господа, не монархи и вообще не правительства ныне являются первопричиной войн. Времена кабинетных войн остались в прошлом; мы живем в эпоху только народных войн, и вызвать таковую, со всеми ее непредвиденными последствиями, сколько нибудь разумное правительство может решиться лишь с большим трудом. Нет, господа, элементы, угрожающие миру, заключаются в самих народах. На внутреннем фронте таковыми является зависть классов, которым судьба менее благоприятствовала, и делаемые ими время от времени попытки быстро достигнуть посредством насилия улучшения своего положения, улучшения, которого можно добиться лишь путем реформ и лишь не покидая длительного и утомительного пути работы. На внешнем фронте угрозы родятся из известных национальных и расовых домогательств вообще из недовольства существующим положением. В каждую минуту это может зажечь войну, независимо от воли правительства и даже против его воли; господа, именно пра-

вительство, недостаточно сильное, чтобы бороться с народными страстями и партийными домогательствами—такое слабое правительство представляет постоянную военную опасность. Я считаю, что невозможно переоценить достоинства и блага сильного правительства. Только сильное правительство может проводить здоровые реформы, только сильное правительство может являться порукой мира.

Господа, если война, которая уже свыше десяти лет висит над нашими головами, как дамоклов меч, если эта война, наконец, вспыхнет, то никто не сможет предугадывать ее продолжительность и ее конец. В борьбу друг с другом вступят величайшие европейские державы, вооруженные, как никогда. Ни одна из них не может быть сокрушена в один или два похода так, чтобы она признала себя побежденной, чтобы она была вынуждена заключить мир на суровых условиях, чтобы она не могла воспрянуть и возобновить борьбу. Господа, это, может быть, будет семилетняя, а может быть и тридцатилетняя война и горе тому, кто воспламенит Европу, кто первый бросит фитиль в пороховую бочку.

Господа, когда речь идет о таких огромных вопросах, когда на карте стоит то, чего мы достигли столь тяжелыми жертвами—существование империи, может быть даже существование общественного строя и цивилизации, и во всяком случае, сотни тысяч человеческих жизней, тогда денежный вопрос, безусловно, должен отходить на второй план, и всякие материальные жертвы заранее оправдываются.

Здесь многократно подчеркивали, что само ведение войны требует денег и денег, и что мы не должны раньше времени подрывать свои фанансы. Это верно, господа; если бы мы не производили очень крупных расходов на военные цели, средства на которые изыскивал патриотизм этого собрания и нации, то состояние наших финансов, безусловно, было бы много благоприятнее, чем то, которое имеет место в данный момент. Но, господа, блестящее финансовое положение, при недостаточных средствах сопротивления, не воспрепятствовало бы тому, что сегодня враг находился бы в пределах нашей страны, так как, как раньше, так и теперь, только меч может заставить другой меч оставаться в ножнах. Враг в пределах страны—мы, претерпевали это в течение шести лет в начале столетия, и император Наполеон мог бы похвалиться, что он сумел выжать миллиард из маленькой и бедной тогда страны. Враг в пределах страны не очень бы стал интересоваться государственный ли это, или частный банк. Мы ведь видели даже в 1813 году, когда враг находился уже в полном отступлении, как французский мар-

шал[1]) в Гамбурге—тогда французском городе—положил себе в карман на прощание Гамбургский банк. Враг в пределах страны быстро покончил бы с нашими финансами. Только сильно вооруженная Германия, со своими союзниками, оказалась в силах столько лет удерживать мир.

Господа, чем лучше будут устроены наши морские и сухопутные силы, чем более совершенны будут их вооружение и подготовка к войне, тем скорее мы можем надеяться, может быть и в дальнейшем сохранить мир, или же, если борьба станет неизбежной, выдержать ее с честью и успехом.

Господа, перед всеми правительствами, в каждой стране стоят задачи высочайшего социального значения, жизненные вопросы, которые война может отсрочить, но не в силах разрешить. Я думаю, что все правительства честно стремятся сохранить мир; вопрос только в том, окажутся ли они достаточно сильными, чтобы справиться с этой задачей. Я полагаю, что во всех странах громадное большинство населения хочет мира; но решение остается не за ним, а за возглавляющими массы партиями.

Господа, мирные заверения обоих наших соседей, на востоке и на западе,—впрочем, неустанно продолжающих развивать свою военную подготовку—и все прочие мирные данные, конечно, представляют большую ценность; но обеспечение своей безопасности мы можем искать только в своих собственных силах.

---

[1]) Даву. *(Редакц.)*.

АВТОМАТИЗМ ШЕРФА.

Генерал Шерф был авторитетнейшим профессором Берлинской военной академии в семидесятых и восьмидесятых годах. Широко известным писателем он становится позже, с выходом в отставку, когда он написал свой набросок „учение о войне“ (1897 г.) и ряд исследований о наступлении в бою (1906 г.).

Мысль Шерфа сложилась на углубленном анализе событий войны 1870 года. Представление об эволюции было чуждо Шерфу; отсюда вытекала его строгая, почти враждебная критика германских побед в франко-прусскую войну. Наполеон для Шерфа много выше Мольтке, тактически беспомощного старика, неумевшего справиться с анархией встречного боя в его „диком состоянии“, стихийно бушевавшей на полях сражений 1870 года. Тактические и стратегические взгляды Шерфа, по своей консервативности, гораздо ближе к французской школе военной мысли, чем к германской. В своем отечестве Шерф получил прозвище прусского Драгомирова; действительно, если Шерф не воевал ни с техникой, ни с огнепоклонничеством, то он занимал чисто драгомировскую, по непримиримости, позицию в вопросах воспитания и управления. Если Драгомиров не хотел, чтобы цепи при наступлении залегали, не доверяя моральным импульсам бойца в передовых цепях, не доверяя возможности поднять под сильным огнем залегших людей, то Шерф также не верил ни в способность младших начальников и бойцов примениться к обстановке и изобрести подходящий для данного случая способ наступления, ни в полезность проявления частными начальниками широкой инициативы, которая грозит поглотить волю полководца и создать в управлении стихию анархии. В момент, когда все распинались за отречение высшего командования от своей власти в пользу капитанов, которые будто бы теперь дают и выигрывают бои, за самоопределение бойца в сражении, за новую форму встречного боя, Шерф занял резко враждебную всем предлагаемым нововведениям позицию. Надо наверху сохранить твердое управление, нельзя допускать никакой полководческой расхлябанности, допускающей события стихийно плыть по течению. Что же касается младших начальников, то для них имеется устав; не надо с их стороны никаких изобретений на поле сражения, а надо в точности изучить тот шаблон наступления, который дает устав, надо достигнуть искусства автоматического применения его к любой местности; рассуждающий исполнитель едва ли даст необходимую при атаке энергию; надо каждый род войск спускать из походных колонн в боевой порядок, как собак со своры, и каждый будет знать, что ему делать, и нигде не будет никаких гибельных для успеха сомнений и колебаний. Все эти мысли высказываются Шерфом, конечно, с оговорками; но они глубоко-

и последовательно обоснованы, приведены в строгую и ясную систему; Шерф является типичным доктринером; его доктрина, в нескольких словах, это ежовые рукавицы, как важнейший атрибут командования. Во многом здесь чувствуется протест против философского Мольтковского отношения к бою...

Шерф—коментатор Клаузевица в известном немецком издании военных классиков; замечания Шерфа очень глубоки, но по сути—враждебны учению Клаузевица; он ближе к Жомини. Многие французские авторы, несомненно, вдохновлялись трудами Шерфа в своей критике Мольтке и новейшей германской тактики; французская „доктрина" многим обязана Шерфу—вместе с последним она отрицает встречный бой.

Военное искусство делится для Шерфа на три ступени; низшая—умение владеть оружием в широком смысле этого слова, или элементарная тактика; это царство твердых правил и полного автоматизма; вторую ступень образует „учение о бое", как он называет прикладную тактику; здесь Шерф дает уже не „твердые правила", а „определенные основы"; чтобы тактически выиграть бой, необходим известный простор, самостоятельность руководителя. Над „учением о бое", как третья ступень, высится „учение о сражении"; сражение, по Шерфу, это тот же бой, но уже не только с тактическими последетвиями. а с последствиями стратегического порядка. Любопытно, что оперативное искусство, стратегия понимается Шерфом, как учение о сражении; в этом уже явно обнаруживается развитие доктрины Жомини. Для стратегии Шерф уже отказывается, по крайней мере, принципиально, и от определенных основ, и склонен признать лишь „общие точки зрения".

Впрочем, в самой стратегии Шерф различает три этажа: наверху—стратегия, как применение войны для достижения политической цели—мира. Это область деятельности ответственного политика и верховного главнокомандующего. Средний этаж стратегии—это применение на войне вооруженных сил и имеющихся в стране средств для достижения военно-политической цели обезоружения противника. И низший этаж стратегии, наиболее ограниченный—это применение действующих вооруженных сил для чисто военной цели победы и завоевания. Последним, главным образом, и занят Шерф, а приведенная хитрая классификация, кажется, предназначена прежде всего как оружие отпора политикам в роде Бисмарка, или гражданским историкам, в роде Дельбрюка, которые пожелали бы установить непосредственный контакт с конкретным решением стратегических проблем.

Мы приводим очень яркую главу Шерфа „о вождении войск" из его труда „учение о войне" [1]). Почти все писатели по стратегии избегают всего, что имело бы отдаленное сходство со схемой; дальше критики и анализа почти никто не идет. Шерф, хотя и признает в оперативном искусстве только „общие точки зрения", однако, вносит много порядка и определенности в понимание их. Если мы значительно ушли сейчас от толкования многих вопросов Шерфом, например, в определении местопребывания старшего на-

[1]) W. v. Scherff, general der Infanterie. D. Die Lehre vom Kriege auf der Grundlage seiner neuzeitlichen Erscheinungsformen Berlin. 1897. стр. 309. Если Клаузевиц говорил, что теория войны не может вылиться в строгие рамки „учения" о войне, а должна оставаться лишь размышлением о войне, то в самом заглавии труда нам слышится вызов Клаузевицу.

чальника в бою [1]), то в методологическом отношении его система вопросов представляет крупный интерес. Читатели сами могут проверить добротность схемы Шерфа, поставив себя мысленно в положение вождя любой операции и попробовав проанализировать обстановку в предлагаемом Шерфом логическом порядке. И если некоторые, может быть, назовут схему Шерфа оперативной „хрией [2])“, то другие, более внимательные читатели, найдут в ней и полезные, поучительные мысли.

Много жестокой правды высказывал Шерф увлекающимся представителям передовых течений в тактике и стратегии. Германские уставы держались, в общем, среднего фарватера между мыслями Шерфа и резко противоположными воззрениями Шлихтинга. Система, метод, ясность были на стороне Шерфа; понимание эволюции—на стороне Шлихтинга. Но в борьбе этих двух направлений консервативную критику Шерфа ни в коем случае нельзя упрекнуть в том, что она только задерживала развитие германской военной мысли; она отсеивала многие заблуждения, заставляла смутные новшества принимать чеканные формы, заставляла читателей и всю германскую армию отдавать себе ясный отчет, чем она жертвует из своего старого багажа, делая шаг вперед.

Изучение трудов Шерфа представляет и сейчас значительный интерес для каждого, желающего углубиться в понимание вопросов военного искусства. Мы лично обязаны изучением его трудов весьма многим, хотя в корне не разделяем его анти-эволюционную точку зрения.

Редакция.

---

[1]) Впрочем, в то время (1897 г.) это были общие представления. Образ полководца, сидящего в момент боя за кабинетным столом, а не скачущего по полям сражений, возник только в процессе русско-японской войны.

[2]) Хрия—известный семинарский шаблон для сочинений по русскому языку на любую тему, в число пунктов коей входило и истолкование темы, и логическое ее доказательство, и обращение за примерами к истории, и подтверждение ее народной мудростью в образе пословиц, наблюдениями из жизни природы, и т. д.

В. фон-ШЕРФ.

О вождении войск.

1. Политика стремится средствами войны навязать свою волю противнику, или же позволить нам уклониться от подобного насилия; сама же война преследует цель обезоружить противника.

Эти стремления пожирают у обеих сторон силы и размер приносимых жертв, естественно, находится в зависимости от стойкости политической воли; война в истории вовсе не всегда принимает крайние формы, в которых она, говоря отвлеченно, могла бы закончиться лишь с уничтожением военных средств одной из сторон.

Уже вследствие этого дипломатия оказывает влияние на войну, как на средство политики, не только при ее начале и конце, но также в течение всего ее хода, и, наоборот, государственный политик, в свою очередь, в периоды мира должен направлять все свое внимание на то, чтобы его переговоры не оказались в неблагоприятный для войны момент прерванными началом насильственных действий, которых уже затем нельзя удержать; и, тем не менее, из всех видов ведения войны—дипломатизирующий вид, безусловно, является наименее удачным [1]).

Верховное руководство войной, при составлении плана войны, должно еще считаться с политической целью войны, но верховное руководство вооруженными силами для достижения военной цели знает и признает в ведении войны в своем плане кампании или „оперативном руководстве“ только военные средства насилия, ограничиваемые до известной степени лишь нормами международного права.

---

[1]) Шерф усматривает связь стратегии лишь с внешней политикой. Тесные отношения между стратегией и внешней политикой ускользают от него вовсе. Насколько он стоял позади государствоведа начала XIX века, Адама Мюллера, который писал: „Для упорядочения ведения дел надо разделить департаменты иностранных и внутренних дел, но в душе монарха, всех чиновников и граждан каждое дело надо направлять сразу и на внутреннее счастие, и на внешнюю славу целого“. Adam Müller. Elemente der Staatskunst, 1809, I, 212. (*Редакц.*).

Поэтому полководец, в лице которого воплощаются воедино руководство и войной и вооруженными силами, должен учитывать эти два отдельных логических момента; он может иметь политические основания не задаваться далекими целями, но он никогда не должен с недостаточными в военном отношении средствами преследовать поставленную цель.

2. Несмотря на то, что конечной целью является сокрушение, отдельные военные операции, тем не менее, очень часто могут представлять различные ступени стремления к уничтожению; определить их может лишь соответственное командование, сообразуясь с данными задачами войны, данной военной целью и с разумной оценкой данной обстановки.

Поэтому каждый самостоятельный вождь на своем посту всегда будет стремиться выяснить, для ориентировки своей деятельности, эти основания; в результате он должен отдать себе отчет в том, что он в данный момент хочет, и что по положению вещей может, имеет право или должен осуществить.

3. Но так как результат каждого такого решения может найти свое выражение лишь в пространстве, то всякое применение живой силы может преследовать только одну цель: приобрести или удерживать за собой участок территории! Таковое стремление господствует в бою даже тогда, когда к столкновению, повидимому, привели совершенно иные соображения (например, боевой пыл, военная честь, намерение обстрелять свои войска и тому подобное).

Эта конечная цель на войне остается решающей, как при крупном, так и при мелком масштабе обстановки, независимо от того, идет ли речь о захвате целых провинций или о том, чтобы небольшой части отстоять свое расположенне; безразлично, будет ли это решительное сражение или стычка между раз'ездами.

4. Но эта цель может быть достигнута лишь в том случае, если наши вооруженные силы в определенное время расположатся где-либо или куда-нибудь направятся, а соответственное решение вождя в этом отношении, как при крупном, так и при мелком масштабе обстановки, всегда будет определяться совершенно однородными размышлениями.

Относительное значение различных пунктов, кои входят в рассмотрение, их положение по отношению друг к другу и к пунктам, занятыми или досягаемыми для противника, и последствия, которые могут сложиться из принятого решения при столкновении с противником, создают эти постоянно вновь выдвигаемые вопросы.

Поскольку, вообще, в частном случае может идти речь о самостоятельном решении, постолько оно в первую

очередь покоится на стратегической подкладке, из коей вытекает необходимое тактическое употребление сил, или же данные силы превращаются в исходный пункт этих стратегических размышлений; во втором случае часто и даже преимущественно (несмотря на высокие достоинства частных начальников) последние будут сводиться к вопросу об обеспеченном сообщении— т. е. об обеспечении отступления.

5. Если при разрешении вопросов крупного и величайшего масштаба выдающуюся роль играет лишь талант вождя и гений полководца, то в малых и мелких обстоятельствах дело сводится, может быть лишь, к здравому человеческому смыслу и природной остроте ума; но ответ на предстоящие вопросы всюду и всегда может исходить лишь из личной духовной работы вождя, который на данном случае и должен показать, что он знает и понимает в военном деле.

6. Духовный процесс—притти к какому-нибудь решению (взвесить) и затем осуществить его (дерзнуть), поскольку здесь не играют роли политические мотивы и речь идет исключительно о целесообразном применении военных средств в данном случае—как показал опыт, может быть с пользой сведен, для старших и младших начальников, к систематическому ряду вопросов, по которому шаг за шагом развивается ход мысли.

Для опытного, обладающего высшими дарованиями вождя, любого чина, может быть уже с первого взгляда на обстановку, в которой он находится (задачу!), до известной степени инстинктивно выдвигается целесообразное решение; такой метод представляет то преимущество, что он предохраняет от лишних создающихся колебаний и сомнений, которые, как известно, так легко приводят к уклонению от правильного пути.

Для менее опытного, медленно приходящего к решению вождя, урегулированный в известной системе ход мысли представляет полезную опору, которая его обеспечит, по меньшей мере, от того, чтобы не притти к вовсе неудачному образу действий.

И, наконец, в таком систематическом исследовании обстановки каждый вождь найдет лучшее обеспечение от того, чтобы не упустить в данном вопросе ни одного важного фактора и быть уверенным в верном подходе к выполнению принятого решения.

Опыт нас учит, насколько именно в последнем отношении важно установить грань между распоряжениями, которые должны быть отданы немедленно, и теми, которые могут быть отданы в течение дальнейшего развития операции; при том потоке впечатлений, который обрушивается

на ответственного вождя, такое резкое различие и по отношению к ходу мышления и к подлежащим отдаче распоряжениям легко может быть упущено.

7. В частном случае данной военной обстановки общий вопрос—что должно произойти в представлении каждого вождя, ответственного за принятие самостоятельного решения, в соответствии с обстановкой, сводится в военном отношении к

ПЕРВОМУ ВОПРОСУ:

данная обстановка требует, а следовательно, и обусловливает наступательный или оборонительный образ действий?

Этот вопрос всегда должен быть исследован (если только он уже не предрешен распоряжением свыше и вследствие этого часть последующих соображений не стала излишней), сначала со стратегической (оперативной) и только затем с тактической стороны, так как, в зависимости от обстоятельств, стратегическое наступление может обусловить тактическую оборону, а стратегическая оборона—и тактическое наступление.

Далее возможно, что этот первый вопрос также должен вызвать обсуждение, не делают ли обстоятельства необходимым вначале прибегнуть к демонстративному образу действий.

8. Оперативное решение.

Наступать единственно отвечает естественной войне, цели которой другим способом не могут быть достигнуты.

Поэтому, даже если политическая цель войны характеризуется, как оборонительная, то, тем не менее, стратегическое наступление все же остается тем путем, к которому по меньшей мере надлежит стремиться всеми средствами и временное уклонение от которого могло бы быть оправдано лишь критическим моментом, вытекающим из несоразмерного неравенства сил (см. оборону).

Обороняться, повидимому, находит себе оправдание лишь в таких положениях, в которых путем выжидания противника, т.-е. оттяжки решения, могут быть достигнуты преимущества, которых иначе получить нельзя, или могут быть предотвращены невыгоды, которые в противном случае являлись бы неизбежными.

Такие случаи обычно имеют место при наличии несоразмерной разницы в силах (например, на одном из театров военных действий при ведении войны на два фронта), когда со временем надо ожидать

Демонстрировать по своему существу может иметь значение лишь во второстепенных военных операциях, поскольку подобными диверсиями и демонстрациями должна с относительно незначительными силами преследоваться кажущимся стратегическим наступлением цель, которая сама по себе оправдывала бы и оборону, но одной обороной, повидимому, не могла бы быть достигнута. Таким образом, на ряду со стратегической демонстрацией на одном участке, на другом всегда неизбежно является задача стра-

Если это положение безусловно относится к решению верховного командования, то оно остается справедливым и во всех тех случаях, когда в частном случае на войне речь идет о том, чтобы путем стратегического наступления обеспечить за собой инициативу действия; это преимущество не следует упускать, поскольку еще сохраняется какая-либо надежда на успех, и поскольку такой образ действия не обрекает в жертву другие, более важные интересы (см. оборону и демонстрации).

В частном случае идея оперативного наступления венчается следующим началом: „всегда итти вперед в направлении на пушечные выстрелы", т. е. всегда искать живую силу неприятеля.

Война может быть доведена до достижения последних целей только в том случае, если вся деятельность будет проникнута порывом к наступлению; но, с другой стороны, если такой натиск развивается не в надлежащее время и не в надлежащем месте, то все успехи могут оказаться под вопросом.

изменений в благоприятную сторону.

Или же они находят себе оправдание в преимуществах, даваемых местностью (например, неприступности), когда противник, повидимому, также не слишком решителен, и военная цель которого, вероятно, не находится в соответствии с риском стратегического наступления, которое ему пришлось бы развивать в неблагоприятных условиях.

Так понимаемая стратегическая оборона может представлять только эпизод подлинного ведения войны, и она лишь постольку является обоснованной, поскольку основательна надежда этим путем своевременно смочь получить силы для наступления, при помощи ли имеющихся в виду подкреплений или позднее выступающих союзников.

При известных обстоятельствах эта цель может быть достигнута лишь постепенным отступлением при постоянном использовании препятствий, имеющихся на пути неприятельского наступления.

Когда же подобная надежда, повидимому, вообще исключается, то акт отчаяния руководства, поставленного в столь неблагоприятную обстановку, часто опять-таки явится достаточным обоснованием стратегического наступления.

тегического наступления или стратегической обороны.

Далее стратегическая демонстрация, как самостоятельный волевой акт, является лишь там и до тех пор на месте, пока принятие окончательного заключения относительно решительных действий (наступательных или оборонительных) еще невозможно вследствие временного отсутствия положительных данных для определения своего положения по отношению к общей обстановке.

Наконец, стратегическая демонстрация является долгом частного начальника во всех случаях, когда последний находится в определенном отношении к высшей командной единице, своевременное появление которой ожидается в решительном месте; тогда частный начальник, в интересах высших целей, не должен, по крайней мере под собственную ответственность, односторонне ввязываться в операцию (наприм., пограничные операции до окончания сосредоточения[1]) и т. д.).

---

[1]) Пример—вступление ген. Франсуа, ком. I прусск. корпуса, в решительный бой у Сталюпенена 17 августа 1914 г., вопреки воле командарма. (*Прим. редакц.*).

9. Каждое такое частное решение прежде всего выдвигает стратегически

ВТОРОЙ ВОПРОС

относительно:

Объема наступления или того географического участка местности (в частности отдельного пункта), без овладения которым наступательная задача не может считаться разрешенной, а цель достигнутой.

Оперативно очень часто таким местным главным объектом должен рассматриваться тот пункт, где находятся главные неприятельские силы и, следовательно, где имеется надежда встретить их; при этом данный пункт приобретает тем более решающее значение, чем больше масштаб, в котором принимается решение.

Но, по обстоятельствам, намерение добиться столкновения может быть достигнуто простой угрозой важному субъекту неприятельской обороны или путям, связывающим с ним противника; тем самым неприятельские силы будут притянуты к направлению нашего наступления.

Наконец, в определенный момент, известный географический пункт может даже сам по себе явиться объектом наступления, так как овладение им для дальнейших движений (например, теснина) или по

Субъекта обороны или того географического пункта, обладание которым гарантирует, повидимому, достижение намерений обороны, а следовательно утрата которого должна рассматриваться,как решительная потеря, поскольку вместе с ним должна была бы быть оставлена надежда достигнуть тех целей, ради которых вообще стали на путь стратегической обороны (первый вопрос). В тех случаях, когда с первого же взгляда не усматриваются другие признаки главного субъекта обороны (например, своя столица), лучшее заключение часто можно получить, перенесясь мыслью на неприятельскую сторону; последнее будет особенно уместно в тех случаях, когда намерения обороны распространяются на целый ряд подлежащих защите пунктов; относительное стратегическое значение которых для неприятельского наступления надлежит взвесить.

В частном случае явится необходимость поставить вопрос: овладение противником одним из таких субъектов (и именно каким?) может ли получить такое значение, которое

Выигрыша времени, который, в интересах высших целей, может или должен быть достигнут путем демонстративного образа действий; соответственно с этим, последний должен будет проявиться, как активный (наступательный), прикрывающий (выжидательный, оборонительный) или уклоняющийся (увлекающий за собой).

Во всех этих случаях никогда нельзя позволить увлечь себя, против собственной воли, в решительные тактические действия, так как решение, по условиям обстановки, не может быть в дальнейшем нами использовано, и поэтому итти на кризис означало бы подвергать себя бесцельному риску.

Но так как при активной демонстрации отдаваемые распоряжения в существенных чертах имеют наступательный характер, а в обоих других случаях—оборонительный, и отличаются от них лишь осторожным использованием сил, то в дальнейшем командование должно задаваться теми же вопросами, как и в обеих решительных формах ведения операций.

другим причинам [1]) является необходимым, а преодоление противника при достижении данного пункта представляется побочным делом, избежать которого желательно.

В частном случае, при определении объекта наступления (а также при определении цели усилий лишь ближайшего дня), вопрос будет заключаться в том, находится ли овладение им, по своему значению, в правильном соотношении к затрачиваемым на него силам и времени; ни при каких обстоятельствах эта цель не может избираться долее, чем предстоит столкновение с противником [2]).

оправдывало бы риск вступления в бой за него, а следовательно и обусловило необходимость боя несмотря на отсутствие наиболее действительной предпосылки победы — численного превосходства? (смотр. первый вопрос).

10. Существенное влияние на выбор объекта наступления и субъекта обороны, и, соответственно, на демонстративный образ действия, оказывает

ТРЕТИЙ ВОПРОС

относительно ведущей к нему из нашего расположения

относительно ведущей к нему с неприятельской стороны

сети дорог,

а следовательно и относительно лежащих на пути географических препятствий и топографических рубежей с их узлами дорог и пунктами переправ.

Для необходимого при наступлении продвижения краткость и проходимость этих путей имеет столь же крупное значение, как и возможность развертывания сил по сторонам, в зависимости от характера пересекаемой ими местности.

В виду стремления обороны удержаться, условия дорожной сети имеют значение как в отношении опасностей, угрожающих обороне, так и в отношении возможности почерпнуть в них прирост сил.

---

[1]) Захват Льежа в августе 1914 года был важен для немцев, так как выступ голландской границы образовал на Маасе дефиле, затруднявшее вторжение крупных сил в Бельгию; поражение же части бельгийских войск при этом, до окончания мобилизации германских армий, являлось побочным делом, которое желательно было бы избежать. Требования стратегии измора часто будут выдвигать географические пункты, как объекты наступления, вследствие решающего значения в этом случае экономических мотивов (*Прим редакц.*).

[2]) Едва ли можно согласиться с такой резкой формулировкой. (*Редакция*).

Имеющаяся сеть дорог как при наступлении, так и при обороне (в последнем случае—с продолжением дорожной сети в тыл) получает решающее значение в отношении обеспеченности отступления, если таковое будет иметь место.

11. Соответственное изучение этих условий посредством циркуля по карте является решающим для ответа на

ЧЕТВЕРТЫЙ ВОПРОС

необходимо ли вести наступление фронтально, с обходом одного или обоих флангов?

необходимо ли вести оборону непосредственно или косвенно?

Решение обусловливается по меньшей мере общими представлениями (хотя бы по агентурным источникам) о местонахождении противника, с которым соответственное решение всегда находится во взаимодействии.

Кратчайший путь — прямо на объект—при всех обстоятельствах остается наиболее естественным; его никогда не следует совершенно упускать из вида, даже в случаях намеченного обхода или охвата (см. пятый вопрос).

Прибегать к обходу одного фланга, который к тому же может быть успешным только, когда вы твердо уверены, что противник находится на прямой дороге перед объектом наступления, и можете рассчитывать, что он там достаточно долго (волей или неволей—см. пятый вопрос) задержится, допустимо лишь в тех случаях, когда местность представляет существенные трудности, замедляющие прямое продвижение.

При этом, вопрос об обеспечении собственного отступления будет решающим при выборе подлежащего обходу фланга; возможность угрозы неприятельскому отступлению во всяком случае будет учитываться лишь постольку, поскольку уже удовлетворено первое условие, т. е. обеспечение собственного отступления (что может быть разрешено и наличием у нас тактического превосходства).

Двойной стратегический обход в целях охвата (окружения. *Редакц).* базируется на тех же

Когда неприятельское наступление ограничено одним путем, то непосредственное фронтальное противоставление обороны, повидимому, является наиболее естественным средством прикрытия.

В зависимости от данных местности, оборона может иметь место:

1. Впереди субъекта обороны (между ним и противником).

2. У самого субъекта (крепостного типа).

3. На досягаемом для оружия расстоянии позади объекта (см. шестой вопрос).

В тех же случаях, когда имеется несколько путей, ведущих к одному субъекту, или надлежит прикрывать несколько субъектов, создается опасность, что стремление непосредственно преградить все пути приведет к раздроблению сил, избежать которое более слабая сторона вдвойне обязана.

Напротив, непосредственное прикрытие, т. е. занятие фланговой позиции, которая бы контр-угрожала неприятельскому обходу или охвату, имеет лучшие шансы на успех лишь при условии, что или нам удастся привлечь на себя обходящего противника или соз-

предпосылках относительно противника, как и простой; единственно обоснованным он, повидимому, является лишь при значительном численном (тактическом) превосходстве, потому что как простой, так и двойной стратегический обходы имеют ценность лишь постольку, поскольку они могут быть выдержаны дальше тактически.

дастся возможность самим перейти в наступление из фланговой позиции против обходящего неприятеля.

12. Таким образом, размышления относительно образа действия

при наступательных движениях приводят к

при обороне отчасти приводят опять к второму вопросу, а отчасти к

ПЯТОМУ ВОПРОСУ

относительно целесообразной группировке в пространстве имеющихся сил.

Все размышления по четырем первым вопросам в частном случае исходят из фактически имеющейся в определенный момент группировки находящихся в распоряжении войск.

В общем, возможно тесное сосредоточение этих сил всегда будет являться весьма желательным, и поэтому разделение на группы является допустимым лишь постольку, поскольку это в известных пределах неукоснительно обусловливается соображениями о подвижности и довольствии.

Для каждого разделения сил, выходящего за данный предел (и лишь тем самым превращающегося в „оперативное“), например, вызываемого географическими условиями, надо держаться принципа, что оно допустимо лишь постольку, поскольку с ним не связано никакого ослабления на решительном тактическом пункте.

Это условие будет выполнено лишь тогда, если отдельные группы своевременно смогут вновь соединиться— или до, или к самому тактическому решению, или же если слабейшая (выделенная) группа может рассчитывать достаточно долго удерживать в отдалении от решительного пункта неприятельские части, более сильные, чем она сама.

Отсюда вытекает:

Что при наступлении этим оправдывающим разделение условиям отвечает и тот случай, если выделение слабейшей группы обещает нашим главным силам следующее:

или фронтально удерживать значительные неприятельские силы, пока наши главные силы не

Что при обороне для того, чтобы отвечать этим оправдывающим разделение условиям, достаточно того, чтобы имеющиеся главные силы имели основание ожидать от слабейшей выделенной группы, что ей удастся удержаться на позиции против атакующего до тех пор, пока главные силы:

атакуют во фланг (а, может быть, и с двух сторон) расположение противника,

или что эта наша группа обходом со своей стороны неприятельских главных сил вызовет такое ослабление их фронта, что наши главные силы приобретут на фронте превосходство по отношению к оставшимся на позиции частям обороняющегося.

или смогут обратиться против фланга сосредоточившегося атакующего или, посредством контр-удара, решительно покончить с отдельными неприятельскими отрядами.

Если же задачу, поставленную выделенной группе или главным силам, не удастся разрешить, то, как при наступлении, так и при обороне, подобное разделение сил не только ничего не даст, но в большинстве случаев даже приведет к потере того, что без разделения, может быть, было бы еще достижимо [1]); другими словами: более значительные, а также дающиеся более легко результаты, к которым стремятся путем разделения сил и которые при удаче могут быть достигнуты, находятся в прямо пропорциональном отношении со связанным с ним большим риском в случае неудачи.

Это явление приобретает тем большее значение, чем решительнее подобное разделение сил ставит верховного вождя в зависимость от частных начальников (ставших самостоятельными), и тем самым единство воли ставится в зависимость от согласованности нескольких.

Отсюда следует, что оперативное (стратегическое) разделение сил является применимым лишь при наличии совершенно особых, ясно усмотренных и не подверженных быстрым изменениям условий, а поэтому к нему лучше не надлежит стремиться; оно должно применяться лишь тогда, когда обстановка делает его неизбежным; надо стремиться лишь использовать наилучшим образом данное положение [2]).

С другой стороны нельзя упускать из виду, что поскольку

обход всеми сосредоточенными силами

сосредоточение всех сил обороны на фланговой позиции

---

[1]) Любопытно проанализировать по канве пятого вопроса плюсы и минусы разделения наших сил в августе 1914 года, при вторжении в Восточную Пруссию, на группы Ренненкампфа и Самсонова (*Прим. редакц.*).

[2]) Эти филиппики Шерфа, направленные против только что намечавшейся теорией в его время системы оперирования отделенными друг от друга массами, направлены в первую очередь не против самой идеи раздельного оперирования, а против права на существование в стратегии какой-либо системы; исключительно обстоятельства частного случая должны иметь решающее значение. (*Прим. редакц.*).

выгадает в отношении безопасности, постольку же, можно предвидеть, он утратит шансы на успех, так как предпосылка—иметь возможность тактическим ударом побороть противника в невыгодном для него стратегическом положении — едва ли может быть осуществлена там, где одновременно не выступает на сцену и фронтальное воздействие.

Таким образом, этот пятый вопрос поистине образует центральное звено всех размышлений и дерзновений на войне и часто оказывает решительное возвратное воздействие на ответ относительно самой постановки цели операции по второму вопросу.

На пятый вопрос ответ также может быть дан лишь при помощи циркуля и карты, так как время, необходимое для того, чтобы силы проявили свое воздействие в определенном месте, поддается исчислению лишь в зависимости от данной сети дорог и данной группировки сил.

13. Предположив, что решение относительно первых пяти вопросов уже принято; при проведении их в жизнь командование сталкивается с

ШЕСТЫМ ВОПРОСОМ

относительно особой цели марша, которую надлежит иметь в виду на ближайшее время и которая отнюдь не обязательно совпадает с объектом наступления.

Само собою разумеется, что цель марша никогда не может быть избрана далее, чем до противника; поэтому часто придется ограничиваться указанием войскам общего направления марша (т. е. на N), с тем, что дальнейшие распоряжения последуют не ранее столкновения с противником, или маршу будет дано другое направление по достижении определенного пункта.

Для повышения боевой готовности может оказаться полезным разделить одну колонну на две параллельные колонны, направленные на ту же цель, чтобы этим путем, может быть, ускорить общее развертывание.

Когда, при большом или величайшем масштабе решения, целью марша является соединение отдельных колонн на самом поле сражения, то основы определения цели марша должны покоиться на точнейшем вычислении времени; необходимо также тща- относительно предстоящего теперь занять расположения, которое, в зависимости от обстоятельства, может потребовать дополнительных передвижений вперед или назад.

Решающее значение при этом выборе прежде всего имеют географические условия, поскольку они или исключают возможность минования противником избранного фронта, или в такой степени усиливают отрицательные стороны подобного образа действия, что для противника они будут перевешивать риск, связанный с непосредственной атакой.

Тактическая точка зрения при этом сводится к такому выбору позиции, чтобы ее топографические и местные преимущества (местная сила) были в состоянии по возможности уравновесить численную слабость, являющуюся основным оправданием решения обороняться (см. четвертый вопрос).

Эта точка зрения естественно ведет к выбору подходящего рубежа для позиции, испытанный в отношении местности глазомер особенно будет ценен, чтобы надлежащим образом учесть противо-

тельнейшим образом следить за поддержанием между отдельными колоннами беспрерывной связи.

речивые требования местных достоинств позиции и того удаления, (не слишком близкого и не слишком далекого), на которое она может быть выдвинута без опасности для защищаемого главного субъекта.

14. Принятое решение является решающим для

седьмого вопроса

относительно

распорядка марша.

От тактической обстановки, в общих чертах известной из стратегической разведки, будет зависеть, следует ли организовать марш отдельной колонны, как обыкновенное походное движение с мерами охранения, или же является возможным и даже необходимым выделить особый авангард с самостоятельным боевым заданием.

При группировке войск для марша (порядок марша) необходимо озаботиться о том, чтобы имелась соответственная поддержка из глубины войсками той же части и было возможно их быстрое использование.

Вопросы относительно времени выступления, подразделения колонны на эшелоны, обозов и т. д. разрешаются в соответствии с теорией походных движений, не упуская из виду намеченную цель.

относительно предоставления войскам необходимого

расквартирования.

Изготовляясь в расположении, занятом позади намеченного боевого фронта, лучше всего держать войска обороны сосредоточенно; при действиях крупного масштаба—лишь постольку подразделять их на группы, поскольку это необходимо для их быстрого перехода на позиции.

Вопрос о способе расквартирования разрешается в зависимости от обстановки, также разрешается и вопрос относительно необходимых мер охранения, которые, при наличии изготовительного расположения, часто могут вылиться в форму предварительного слабого занятия самой позиции.

Походные движения на избранный фронт регулируются общими нормами, совершаются в необходимых случаях под прикрытием ариергарда, который должен обеспечить войскам необходимое время для достижения позиции. Занятие позиции лучше всего достигается направлением непосредственно на ее фронт отдельных групп.

15. Прийдя к определенным заключениям по этим первым семи вопросам, командование подходит к

восьмому вопросу

относительно

первого исполнительного приказа.

Ни при действиях в большом, ни при действиях в малом масштабе приказ не может и не должен, в существенных чертах, противоречить заключениям, принятым по вышерас-

смотренным пунктам, хотя бы иногда в круг прежних соображений приходилось вносить другие обстоятельства, более случайного и второстепенного характера, или если бы решение по отдельным приведенным выше вопросам было принято без надлежащего их исследования.

Если результат этих заключений должен быть дан войскам, как приказ, в прямом смысле этого слова, то его предпочтительнее облечь в более или менее твердую форму.

При любом (большом и малом) масштабе, в котором отдаются распоряжения, такой приказ, начинаясь с указания места, дня и часа его отдачи и заканчиваясь подписью фамилии отдающего его начальника, должен сопровождаться введением с краткой, но связной ориентировкой относительно нашего положения (а если надо, то и соседей) и относительно того, что определенно известно о противнике. В приказе столь же кратко и определенно должно быть сказано о наших ближайших намерениях, при этом вовсе не представляется необходимым распространяться относительно намерений высших инстанций больше, чем это строго необходимо для указания ближайших целей [1]).

Точно также не должны допускаться никакая мотивировка и никакие соображения о возможных случайностях; на усмотрение частных начальников не должны передаваться распоряжения по тем вопросам, за которые, по обстановке, ответственность должен нести сам издающий приказ, и наоборот, в приказе не должно быть ничего того, что само собой разумеется, или того, что может стеснить самостоятельность подчиненного начальника.

За этим введением к приказу следует, лучше всего последовательно занумерованное по пунктам: распределение задач между относительно самостоятельными группами—в зависимости от деления на эшелоны, колонны и командные единицы, а, может быть, и по родам войск, в нужных случаях — с подчеркиванием их особой роли в общей работе.

В дополнение к общему „Ordre de Bataille“ [2]), в основу каждого приказа ложится принятая для частного случая

---

[1]) Последнее указание особенно полезно для русских штабов. Германцы находили на убитых русских обер-офицерах боевые приказы, в которых очерчивался весь маневр фронта (напр., перед подходом немцев к Висле в октябре 1914 г.). Мы слишком распространительно, в ущерб военной тайне, толкуем Суворовское: „каждый солдат должен знать свой маневр“. Приказ по корпусу, а тем более по дивизиям, не должен разбалтывать намерения армии и фронта. Воин должен знать свою непосредственную задачу. Раскрытие перед ним широких планов свидетельствует, прежде всего, о падении авторитета высшего командования, о переходе управления в стадию уговоров и дискуссий. *(Прим. редакц.).*

[2]) Боевое расписание. *(Прим. переводч.).*

группировка войск или, по обстоятельствам, „порядок марша“.

Далее, отдельными пунктами, под особыми нумерами, или непосредственно за задачей каждой группы в отдельности, следуют дальнейшие распоряжения относительно обозов, полицейских мероприятий, если надо — то продовольствия, связи и т. д.

В каждом приказе обязательно должно иметься указание, где будет находиться высший начальник.

Способ сообщения этих распоряжений (устный, письменный, кому и как?) различным должностным лицам, коих они касаются, подлежит тщательному рассмотрению (об этом полезны письменные указания на оригинале проекта приказа).

Чем крупнее масштаб командования, тем все эти распоряжения должны получать более общий характер; поэтому обычно их подразделяют на директивы (по армиям), диспозиции (по корпусам, а если нужно, и по дивизиям), ежедневные приказы (по дивизиям, бригадам, отрядам и т. д.); по крайней мере два первых вида распоряжений, а также самостоятельные приказы по дивизиям и отрядам, надо стремиться последовательно (в порядке времени отдачи) нумеровать.

16. „Оперативный приказ“ (и соответственно приказ для походного движения и занятия позиции) сперва доводит войска, на которых он распространяется (большей частью даже при управлении в малом масштабе), лишь до столкновения с противником, отыскать или выждать которого является „стратегической задачей“ данной единицы.

С момента фактического (будь то лишь передовые части) установления соприкосновения обоих противников в определенный момент и в определенном пункте, перед самостоятельными начальниками этой единицы (походной колонны или занимающих позицию войск) встает преимущественно тактический

ДЕВЯТЫЙ ВОПРОС

относительно того, надлежит ли бой

принять или отклонить.

В тех случаях, когда оперативным приказом высшей инстанции указывалось на разделение подчиненной ей единицы (как бы мала она ни была) на группы, имеющие отдельные местные цели, то во всех тех пунктах (на путях или позициях), где не присутствует высший начальник, ответ на этот вопрос падает на соответственного частного начальника (походной колонны или занимающих позиции

войск), который в своем решении прежде всего должен учитывать обстановку в соседних частях.

Если, как это бывает в большинстве случаев (или по крайней мере должно быть), на основании предварительного достаточного выяснения всех важных для данного случая условий, в оперативном приказе отдано распоряжение о продвижении вперед или занятии позиции, с учетом планомерного вступления в наступательный или оборонительный бой с противником, расположенным в определенном месте (или в определенном направлении), или ожидаемым по определенному направлению:

то уклонение от боя со стороны данного самостоятельного частного начальника может иметь оправдание лишь при условии, что предпосылки, лежавшие в основе отданного высшей инстанцией оперативного приказа, оказались очевидно ошибочными или настолько изменились, что при повторном исследовании семи первых вопросов, при правильно осознанной обстановке эти изменения побудили бы теперь и высшее командование иначе скомпановать свое решение.

Тогда, безусловно, правом и долгом этих самостоятельных „частных начальников", уже на собственную их ответственность, является замена прежнего „оперативного приказа" для своей части новым, который, в зависимости от обстановки, в большинстве случаев будет сводиться к распоряжениям для добровольного отступления; в основе заключений частного начальника на первом плане опять-таки должен находиться „учет обстановки у соседей".

Однако, если подобное решение созреет хотя бы после вступления в

начальную стадию

боя, то все же надлежит не упускать из вида, что оно является выполнимым лишь до момента, пока главные силы обеих сторон не сблизились на вызывающую решение дистанцию; поэтому, если решение не могло быть своевременно принято, то является более выгодным все же возможно скорей привести бой к известному концу, чем путем запоздавшего отступления подвергать себя серьезным опасностям.

17 [1]). Если (как для высшего, так и для самостоятельного частного начальника) нет веских оснований избегать

[1]) Шерф уклоняется в сторону полемики с Шлихтингом, не признавая теории встречного боя, творцом коей был последний. Нужно иметь в виду, что в своей полемике со Шлихтингом Шерф успеха в Германии не имел, но его точка зрения удерживалась очень долго в России и до самого последнего времени—во Франции. Наполеоновские тенденции к централизации управления боем являются его основной тенденцией. Позиционный период войны создал ныне много последователей Шерфа повсюду. *(Прим. редакц.).*

боя, то фактический переход от операции к действию выдвигает новый

десятый вопрос,

следует ли бой тактически теперь вести чисто наступательно, активно-оборонительно или чисто оборонительно.

Если столкновение с противником создалось из оперативного наступления соответственной войсковой единицы, и в особенности, если оно последовало более или менее неожиданно, то ответ на этот вопрос требует более серьезного взвешивания; он получается сам собой при заранее намеченной оперативной обороне.

Что касается решения о характере, который надлежит придать намечаемому проведению боя, то очень часто оно может быть окончательно принято лишь сообразно с результатами ближайшего ознакомления с условиями уже начавшегося вступительного боя; последний же, по своим задачам, вообще должен вестись в демонстративной форме.

Боевые действия, в таком задерживающемся темпе, как известно, должны всегда иметь место для части сил и при „бое с планомерным нанесением флангового удара“ [1]); подобный демонстративный характер должен неизбежно являться основным тоном каждого вступления в бой передовых частей или авангарда.

Поэтому „демонстративное“ проведение боя для „частных начальников“ этих частей является всегда определенным заданием высшей инстанции, а не свободным самостоятельным решением.

Так называемый „встречный бой“ также не представляет в этом отношении никакого исключения, хотя многие, возможно, будут склонны сделать заключение, что в наше время подобного рода „встреча“ — ни в какие времена не представлявшая необыкновенного явления—во многих отношениях должна рассматриваться, как особая категория „боя“, ведение которого подчиняется особым законам.

Напротив, мы здесь подчеркиваем ту точку зрения, что и „неожиданное столкновение“ с противником ни в коем случае не освобождает высшего начальника развертываемых для боя войск от его постоянного долга — давать ясные и определенные организацию и руководство боем;

---

[1]) Бой с планомерным нанесением флангового удара—излюбленный шаблон немецкой тактики девяностых годов XIX столетия: авангард и сильная артиллерия развертываются перед фронтом неприятеля и действуют преимущественно огнем, а главные силы сворачивают с пути своего следования, чтобы выйти на фланг противника и нанести там решительный удар.

(Прим. редакц.).

во встречном бою высший начальник не может передавать частным начальникам полномочия, которыми последние не располагают в „планомерном бою".

Общие положения для начальников авангарда и передовых частей распространяются и на неожиданные столкновения; если выполнение их задач в последнем случае, может быть, и является более трудным, чем при заранее предусмотренных („планомерных") условиях, то это лишь служит основанием к особому подбору этих начальников; но отсюда никогда и ни при каких условиях не следует, чтобы можно было передавать на свободное усмотрение начальнику авангарда (передовых частей) право и обязанность высшего начальника определять основы проведения боя; ведь, вместе с тем на усмотрение частному начальнику одновременно перешло бы и решение вопроса — „принять бой или уклониться от него".

18. Как решение о вступлении в бой, так и решение, касающееся того вида, который надлежит придать бою, в который мы захотим вступить, должны быть уже потому изъяты из инициативы частных начальников и оставаться исключительно в руках самостоятельного высшего начальника, что принятие решения здесь прежде всего находится в зависимости от стратегической обстановки, которую не охватывают частные начальники, и часто требует учета обстоятельств в соседних частях, о которых частный начальник (например, начальник авангарда) одной из частей никак не может быть осведомлен в такой же мере, как высший начальник.

Исходя из этой точки зрения, начальник, призванный самостоятельно ответить на

ДЕСЯТЫЙ ВОПРОС,

предпочтительно прибегнет к чистому наступлению, если только не имеется веских оснований, которые можно было бы противопоставить этому решению, каковые (независимо от стратегической обстановки) сводятся по существу лишь: к несоразмерному численному превосходству противника или непреодолимым местным препятствиям занятой им позиции, или, наконец, по крайней мере, обратится к активно-оборонительному образу действий, когда временно условия не позволяют прибегнуть к чистому наступлению, так как еще не хватает сил для проведения чисто наступательного боя, или если исключительные местные преимущества обещают способствовать подобному образу действия, и, наконец, если захваченная неприятелем ипи- лишь тогда пойдет на пассивную оборону, если по обстановке вообще все дело сводится лишь к определенно ограниченному выигрышу времени в определенном пункте, необходимому для осуществления других решительных (например, оперативного отступления или нанесения активного контр-удара) задач, или если мы вообще не имеем в наличии или уже

если противник уже упредил нас своей атакой. | циатива открывает нам возможность действовать активно лишь в форме контр-удара. | утратили силы, необходимые для преследования положительных боевых целей, и не усматривается возможности оперативным путем создать более выгодные предпосылки.

19. Решившись на тот или иной образ проведения боя, высший начальник становится перед

одиннадцатым вопросом

относительно того, как он, путем определенной

организации боя,

может свое решение изъявить в жизни.

Если такая формулировка намерений своей воли упущена или встретила препятствия (вызванные порой ошибочным образом действий одного из частных начальников, например, начальника авангарда), то, как показывает опыт, „войска вступят в бой по собственной инициативе“, которая, в большинстве случаев, безнадежно предает „планомерное“ проведение боя в руки случая.

Таким образом, как позднейший момент для распорядка организации боя надо рассматривать вступительную его стадию, которую сам высший начальник, возможно, использует для личной ориентировки (которую никогда не следует упускать) в играющих в данном случае роль условиях (особенно, местности).

Под прикрытием этого вступительного боя и в соответствии с его данными, самое позднее в этот промежуток времени также последует

расхождение боевых групп,

т.-е. переход (из расположения походного или на отдыхе) к изготовительному расположению в резервных порядках, по возможности на тех самых участках, где в дальнейшем они непосредственно могут перейти к „развертыванию“.

Во всяком случае, упущение или замедление такого своевременного расхождения приведет лишь к раздробленному вступлению частей в бой.

Неизбежной предпосылкой четкой организации боя является возможность и способность представить себе определенную картину того хода событий, который, в соответствии с принятым планом, должны и могут получить боевые действия.

Именно эта организация и делает бой „планомерным“, т.-е. является помехой „произвольному“ его развитию; очевидно, что подобный план заранее уже должен быть составлен в мозгу высшего начальника, так как без такой общей картины он мог бы действовать лишь „непланомерно“, по импульсу мгновения“.

Чем отчетливее и определеннее с самого начала обрисуется эта „картина“ (в первом наброске), тем более легким явится потребное дальнейшее руководство боем, так как моменты выступления руководства в пространстве и времени всегда, хотя бы в пределах определенных границ, могут быть предусмотрены.

В противоположность „не поддающемуся рассчету“ течению чисто фронтального (линейного) боя, как известно, лишь бой с планомерным нанесением флангового удара представляет возможность такого „предварительного учета“ своего развития; в конце концов, отсюда вытекает, что постоянным стремлением всякой целесообразной „организации боя“ всегда должна быть придача „намеченному развитию боя“ формы нанесения „флангового удара“; следовательно, в мере возможности, и „ведение“ боя должно стремиться немедленно переходить в эту форму.

20. Такое стремление может найти отчетливое выражение лишь в ясном, определенном приказе, посредством которого планированная организация боя указуется в виде

определенных боевых заданий определенным группам

боевой части, независимо от того, какова в частном случае абсолютная сила этих групп.

Опыт показывает, что даже в тех случаях, когда высший начальник, при столкновении с противником, лично составил себе более или менее определенную картину намеченного хода боя, тем не менее, часто упускается из виду сообщение этого представления войскам в виде отчетливого боевого приказа, являющегося дополнением отданного ранее оперативного приказа.

Да! Такие примеры повторяются столь часто, даже при управлении в большом масштабе, что, базируясь на них, в последнее время полагали даже возможным создать определенную теорию, которая не только полагает, что оперативный приказ при столкновении с противником „делает излишним“ „боевой приказ“ („диспозицию для боя“), но просто требует от „оперативных распоряжений“, чтобы из них „непосредственно само собой вытекал и целесообразный тактический образ действий“.

После всего сказанного выше, едва ли является нужным теперь еще раз ближе входить в рассмотрение опасных последствий подобного понимания; тем не менее, необходимо четко указать, что для боя недостаточно лишь „иметь план“, а надо еще и „привести его в исполнение“, для чего должно использовать соответственные средства.

Но во всех случаях единственным средством на войне для изъявления воли является — приказ.

Что касается внешнего облика такого совершенно необходимого „боевого приказа“, то в этом отношении нам достаточно сослаться на сказанное выше относительно составления „оперативного приказа“ (см. восьмой вопрос).

Основные положения, которыми надлежит руководствоваться во внутреннем содержании приказа, детально рассматриваются в учении о бое.

Руководствуясь фактическими „условиями сил, пространства и времени“, применение основ тактики в частном случае — кроме предшествовавших ранее особых указаний для вступления в начальную стадию боя, прежде всего всегда будет сводиться к

выделению резерва

из общей совокупности наличных войск.

Поскольку и в дальнейшем постоянным стремлением управления боем должна быть придача ведению его вида флангового удара, боевой приказ должен дать четкое выражение группировке главных сил, в зависимости от выбранной основной формы:

Демонстративного крыла и решающего крыла.

При чисто наступательном образе действий, до момента вступления в решительный бой решающего крыла, на демонстративное крыло выпадает трудная роль — воспрепятствовать противнику принять соответственные контрмеры против угрожающей опасности.

Поэтому, задачей высшего начальника является, до этого момента, — самому наблюдать за боем демонстративного крыла, чтобы последнее не протянулось преждевременно далее намеченных пределов, но, с другой стороны, чтобы оно, в случае необходимости, усиленное резервом, в свою очередь своевременно ре-

Оборонительного крыла и наступательного крыла.

При активно-оборонительном образе действий главное затруднение командования заключается в том, что момент для решительного удара наступательного крыла выясняется лишь из развития боя на оборонительном крыле; только из последнего можно разрешить вопрос о наиболее целесообразном направлении, которое надлежит дать этому контр-удару.

Эти обстоятельства при всех условиях требуют личного присутствия высшего начальника на оборонительном крыле; за последним, по крайней мере, в начале боя, обычно надлежит располагать и главный резерв.

шительно атаковало, если противник настолько ослабит перед ним свой фронт, что теперь успех наступления потребует переменить роли между крыльями.

Сообразно с этой задачей преднамеренного боя с нанесением флангового удара, место старшего начальника будет на демонстративном крыле, и за этим же крылом, нормально, надлежит держать и резерв.

Но с вступлением в дело решающего крыла, центр тяжести руководства боем все больше перекладывается к этому крылу, что, обычно, требует там личного присутствия высшего начальника; последний, по мере продвижения вперед решающего крыла, также должен будет постепенно придвигать резервы к стыку обоих крыльев.

Демонстративное крыло, продвигаясь в связи с успехами решающего крыла, будет придавать своей деятельности все более ясно выраженный решающий характер, и наконец, в свою очередь, также перейдет к введению в дело, без оглядки, своих последних сил.

Задачей последнего резерва может явиться дать демонстративному крылу необходимые силы для такого перехода в решительное наступление или же, следуя за внешним флангом решающего крыла, обеспечивать последнее от опасности неприятельского контр-удара (могущего получить вид контр-охвата).

Только если руководящее боем лицо само будет следить, как назревают события, оно окажется в состоянии своевременно принять подготовительные меры, чтобы энергично использовать благоприятный момент для контр-удара, который, как учит нас опыт, всегда очень короток.

В зависимости от обстоятельств, руководитель боя или направит контр-удар наступательного крыла в самый момент неприятельской атаки во фланг штурмующих войск, или же путем усиления оборонительного крыла из резерва сумеет использовать момент неприятельской атаки или непосредственно следующие за ее удачей минуты для фронтальной контр-атаки.

Когда удастся планомерно провести переход в наступление путем вступления в бой наступательного крыла, на высшего начальника выпадает забота о том, чтобы оборонительное крыло, по мере успехов на другом крыле, примкнуло к этому обороту и резерв был своевременно продвинут туда, где он может наиболее действительно содействовать достижению желанного решения.

Однако, надо считать твердо установленным, что многосторонние требования, неизбежно предъявляемые высшему боевому руководству при активно-оборонительном образе действия, делают его менее предпочтительным видом боя.

21. Как в „первоначально планируемой организации боя“, так и в „последовательном руководстве боем“ всегда содержится постановка заданий для определенных групп:

с приступом отдельной группы к выполнению поставленной ей задачи, для нее происходит переход от тактической деятельности к непосредственно тактическо-боевой работе.

Даже при бое в малом масштабе (например, в сторожевом охранении, когда всего один взвод, разбившись на отдельные группы, направляется против неприятельского фронта и фланга), все дальнейшие соображения и распоряжения теперь попадают в сферу самостоятельной деятельности начальника отдельной группы (в широком смысле этого слова), который вследствие этого оказывается перед

двенадцатым вопросом

относительно уставного развертывания подчиненной ему единицы для осуществления поставленной ей особой задачи.

Здесь весь центр тяжести внимания должен быть обращен на то, чтобы такое „развертывание“ не было упущено до вступления в полосу действительного огня.

Опыт свидетельствует, что как при наступлении, так и при обороне, часто не удается построить целесообразного боевого порядка из-за реального или мнимого недостатка времени; отсюда вытекает чрезвычайная важность решения по двенадцатому вопросу, выпадающего на ответственность самостоятельного частного начальника: правильное определение момента для перехода от „неготового к бою состояния“ к необходимому „боевому порядку;“ внешняя форма последнего может служить предметом особых размышлений лишь в исключительных случаях.

И при обороне, но в особенности при развертывании для контр-удара при активной обороне или при введении в бой резерва при наступлении и обороне, скорость перехода из „резервного“ или может быть даже „походного порядка“ к соответственному боевому порядку часто будет иметь решающее значение для успеха—особенно, если принять во внимание силу современного огня.

Это в особенности относится к тем случаям развертывания, которые протекают не на основном фронте, под прикрытием, а в обстановке (например, для нанесения флангового удара или прикрытия фланга) движения вперед, а иногда и совпадают по времени с переменой фронта; промедление хотя бы на несколько минут может поставить их успех под вопрос.

Когда „отдельная группа“ образуется, как это обычно бывает, при крупном масштабе боя, из различных родов войск, или когда отдельные части, входящие в группу, могут собраться для объединенной совместной работы против данного боевого объекта лишь из различных исходных пунктов, тогда, сверх большого искусства войск в маневрировании, развертывание еще требует быстрого и верного глазомера старшего начальника; последний в таких случаях ответственен за выбор основной формы „общего развертывания“.

Но в развернутой боевой группе само проведение боя падает уже исключительно на вышколенных на учебном плацу и на местности младших начальников, самодеятельность которых, целесообразно ограниченная уставными нормами, на низшей инстанции командования—при

вождении взвода — должна проявиться в целесообразном использовании и руководстве огнем.

22. Исход первого акта боя, состоящего из чередования ударов и оборонительных действий, ставит руководителя боя перед обусловливающим его дальнейшее управление боем

ТРИНАДЦАТЫМ ВОПРОСОМ

относительно того,

продолжать или прервать бой.

Минуты, следующие непосредственно за разрешением боевого столкновения на каком-либо участке (имевшим место планомерно или случайно), являются, как показывает опыт, таким моментом, когда в частном случае очень часто утрачивается различие между „управлением боем“ и „проведением боевых действий“.

При этом „руководство боевыми действиями“ часто оказывается перед необходимостью принимать самостоятельные боевые решения; „управление боем“ чаще всего находит здесь повод для решений, вторгающихся в непосредственную сферу боевых действий.

Поэтому, в такие моменты высший руководитель боя должен энергично стремиться к тому, чтобы возможно раньше ответить на тринадцатый вопрос, т.-е. прежде чем его в этом опередит младшее командование.

Свободный выбор решения теперь естественно принадлежит лишь „командованию“ (будь то высшему или низшему) той стороны, в пользу которой завершилось столкновение.

В такой обстановке могут появиться основания, чтобы:

при успешном наступлении удовлетвориться достигнутым и начать устраиваться на захваченном рубеже или же отойти.

при успешной обороне—или подготовиться к отражению нового нападения, или же после разрешения задачи (например, после успешного контр-удара) использовать приобретенную свободу действия для отхода.

Только такой перерыв боя, как известно, по своей природе всегда стремящегося к крайнему развитию, требует вмешательства воли свыше; однако, проявления таковой, по обстоятельствам, можно ожидать и от „подготовленного в отношении тактики боя“ руководителя боевых действий (занимающего штаб-офицерскую должность).

Но вопрос о продолжении боя — будь то в виде „распределения новых задач“, с целью присоединить к первому удачному этапу боя такой же второй, или в виде „введения в дело новых сил“, особенно, чтобы посредством их оспорить понесенную неудачу, всегда должен безусловно ре-

шать только высший в бою начальник, повторяя при этом исследование по девятому, десятому и одиннадцатому вопросам.

23. Но когда, в результате, вследствие физического разгрома последних сил или коренного изменения оценки обстановки одной из сторон, бой дошел до своего окончательного завершения, то перед командованием как победившей, так и побежденной стороны, вырастает

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ВОПРОС

относительно распоряжений, которые надлежит отдать для

преследования. Вопрос об энергии, с которой, в соответствии с масштабом достигнутого успеха, возможно использовать победу, решается прежде всего в зависимости от остатка физических и моральных сил у вождей, частных начальников и войск (иногда еще и не вступавших в бой).

Как показывает опыт, в большинстве случаев необходимо энергичное давление со стороны высших инстанций, чтобы пришпорить войска, после испытаний тяжелого боя, к тем усилиям по совершению маршей, которые единственно в состоянии собрать полную жатву победы.

отступления. Мероприятия, подлежащие выполнению последними еще годными для сопротивления войсками, необходимые, чтобы в мере возможности превратить вынужденное отступление в форму упорядоченного отхода на тыловой рубеж, где постепенно мог бы быть сформирован ариергардный порядок, целиком зависят от состояния разбитых войск.

В такой обстановке моральный элемент у вождей, частных начальников и солдат получает решительный перевес—на благо или погибель целого — над интеллектуальным моментом.

24. Лишь после того, как победоносный противник принял свое решение, может и побежденное командование со своей стороны выдвинуть перед отходящими назад частями

ПЯТНАДЦАТЫЙ ВОПРОС,

инициатива в котором принадлежит победителю:

о завершении дневной работы.

Лишь после того, когда победитель, прекратив преследование, потянется к отдыху, может и побежденное командование принимать решение в том же направлении.

Наконец, перед обеими сторонами выдвигается еще

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВОПРОС

о необходимых мерах охранения.

О них мы скажем только, что они создают исходное положение, и размышления по принятию новых решений вновь должны начаться с первого вопроса.

25. Высокая ответственность, которую каждый начальник—как бы велик или мал ни был круг его деятельности вообще, или в данном частном случае,—должен нести как за успех его распоряжений, так и за понесенные жертвы в людях, вменяет ему в священную обязанность тщательное обдумывание своих действий.

Лишь на основе анализа операции[1]), проделанной в мозгу начальника в каждом частном случае, для которой данная комбинация вопросов предназначена образовывать лишь общий каркас, может и должно слагаться на войне волевое решение вождя—действовать так или иначе.

Это решение может найти настоящую силу для проведения в жизнь без оглядки лишь в логичном и зрелом размышлении; если его не увенчает успех, оно найдет себе и в верхах и низах моральное оправдание лишь при этой предпосылке.

Такая высокая ответственность вождя не снимает с начальников на низших должностях обязанности, самодеятельно и самостоятельно вступить в дело, когда приказы и распоряжения высших инстанций отсутствуют или не дошли до них; точно так же и старший начальник, какую бы должность он ни занимал, не может считать, что с него снята личная ответственность, если он решение выпавшей на него в бою или сражении задачи передаст своим подчиненным, раздробив ее на самостоятельные и лишенные внутренней связи частичные задания, когда от него ожидается единство действия.

И, наконец, как низшее командование не должно увлекаться и своим личным почином не выходить за пределы, указанные в ясных приказах соответственного командования, и, подавно, не действовать вопреки им, точно также и старшие начальники не должны вмешиваться в круг самостоятельной деятельности своих подчиненных, кроме случаев, когда они хотят и в состоянии взвалить исключительно на свои плечи полную ответственность и за неудачу.

---

[1]) С идеалистической точки зрения Шерфа, бой представляет не только материальную борьбу, но и духовный поединок между двумя вождями.— Однако, начальник должен быть хорошо забронирован от сомнений, о которых Шерф говорит выше в параграфе шестом, особенно, при этой предварительной „мозговой“ операции, в которой, впрочем, крупное участие принимает характер и воля начальника. (*Прим. редакц.*).

ПОЗИЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

Развивая идеи той школы военного мышления, которая в основу выдвигает смену методов ведения войны в зависимости от общего хода исторического развития, которая видит в военном искусстве только надстройку над экономическим, политическим и социальным фундаментом, отнюдь нельзя рисовать себе, что эти идеи имеют убедительность для всех и что проповедь их не встречает горячего сопротивления. Враги—умные, ученые, настойчивые, красноречивые—имеются. Приводимый нами отрывок „размышлений о стратегии" Богуславского [1]) вводит нас в цитадель враждебной нам мысли.

Богуславский (1834—1905) — прусский генерал, профессор Берлинской академии в семидесятых годах, вдохновитель консервативной мысли прусского генерального штаба, очень тонкий военный историк; его политические воззрения характеризуются несколькими брошюрами, в которых он поднимал травлю против социалистов и требовал исключительных законов, направленных против них [2]). Дедушка германского фашизма был в то же время и идейным основоположником той консервативно-исторической школы, на которой закрепился прусский генеральный штаб в вопросах истории военного искусства и стратегии и возражать против которой можно было лишь, сняв военный мундир, и то с опаской. Если автор внимательно прочтет прилагаемое произведение Богуславского, он найдет в нем полное низвержение всех основных точек зрения, на которых построен наш труд по истории военного искусства и когда-либо высказанные нами взгляды по стратегии. И все оппоненты, которых мы когда-либо встречали, большей частью бессознательно, приводили аргументы, которые уже давно собрал в систему Богуславский [3]). Бывший начальник военно-исторического отделения большого генерального штаба, генерал и доктор Берлинского университета Фрейтаг-Лорингофен в своих многочисленных трудах лишь отстаивает положения Богуславского. Их можно характеризовать, как борьбу против диалектики, антимарксизм в самом чистом виде. И такие корифеи германской истории, как Дройзен, Зибель и Трейчке, протянули руку помощи Богуславскому в его обосновании консервативной точки зрения в военном искусстве и военной истории.

Богуславский имел учеников не только в лице германских генералов XX века, в молодости слушавших его лекции. Его борьба против эволюции,

---

[1]) Из труда: A. von Boguslawski. Betrachtungen über Heerwesen und Kriegführung. Berlin. 1897, стр. 292.

[2]) Например: A. von. Boguslawski. Vollkampf—nicht Scheinkampf. Berlin. 1895, стр. 88.

[3]) В русском переводе имеются следующие издания трудов Альберта Богуславского: „Выводы по тактике из войны 1870—71 г.г." изд. 1872 г.; „Войсковые маневры, их подготовка, ведение и исполнение"; перевод под редакц. А. К. Пузыревского, изд. 1884.

борьба за сохранение актуального значения за Наполеоновскими приемами ведения войны, тончайшие, но злые выпады против Мольтке и особенно против поклонников последнего, жестокая полемика, которую он направлял против творца германской доктрины, Шлихтинга—все это очень улыбалось французским профессорам, желавшим учить французскую армию, исходя из Наполеона, а не из Мольтке или его Шлихтингского толкования; и Богуславский получил небольшой, но ученый круг читателей и во Франции. У целого ряда французских профессоров, включая и Фоша, при критике событий войны 1870 года, часто прорываются взгляды Богуславского, которому они обязаны существенной частью военно-философского обоснования своих курсов.

Вот причины, позволяющие нам рассматривать Богуславского, как классика. Он имел школу; с его взглядами нам приходится вести борьбу.

В Берлинской военной академии теория стратегии не преподавалась; с ее основами знакомились слушатели при разборе истории различных кампаний; остальное предоставлялось усвоить путем самообразования, путем чтения классиков [1]). Как нам рисуется, такое самоограничение академии объясняется не только рассчетом на известную культурность прусского генерального штаба и на его способность самому проработать эту дисциплину, как говорит это фон-дер Гольц [2]), но и тем, что сколько-нибудь основательно осветить теорию стратегии возможно лишь, становясь на точку зрения эволюции. Если мы откажемся от эволюции, то придется ограничиться лишь декларацией нескольких общих принципов и пояснением их примерами. Стратегия теперь становится столь же неблагонадежной для врагов диалектики дисциплиной, как и история военного искусства. Отсюда у Богуславского первоначальное сомнение в том, может ли вообще существовать теория стратегии [3]): если сваливать в одну кучу различные эпохи, то, ответим мы, конечно, ничего не может быть, кроме нескольких ничего не говорящих и ни к чему не обязывающих общих мест, над которыми гордо красуется вывеска: принципы.

Уточнение их для определенной эпохи, для определенного культурного театра создает то, что фон-дер Гольц называет искусством вождения армии. Богуславский ведет энергичнейшую борьбу против попыток оформить и развить далее учение Мольтке. Фрейтаг-Лорингофен, в своем капитальном труде „Вождение армий Наполеоном в его значении для настоящего времени“ продолжает развивать эту точку зрения Богуславского, что на Наполеоне развитие стратегии остановилось, и что ничего не изменилось в обстановке ведения войны, что могло бы нас заставить пытаться по-новому формулировать положения военного искусства. Всякое уточнение, попытка характеристики стратегии любой эпохи встречается воплем „рецепт“, поход против признания особенностей эпохи облачается в псевдо-научную тогу похода

---

1) Богуславскому принадлежит редактирование немецкого перевода Жомини, которого он снабдил большим количеством примечаний (изд. 1880 г.).

2) См. т. I настоящего труда, стр. 253. Французы, повидимому, признали, как вывод из мировой войны, что система войны Наполеона не является более образцом и устарела; на основе этого вывода зародилось вновь и преподавание ее в академии, и выпускается ряд новых трудов.

3) Мы не оспариваем этим сильной стороны Богуславского и его школы: яркое стремление к конкретности и уклонение от метафизического теоретизирования.

против рецептуры, борьбы за самостоятельность и полную свободу решения частного начальника.

Сколько остроумия и детальных исторических исследований затрачено Богуславским для доказательства положения, что стратегический фронт наступления армий не изменился, не расширился со времен Наполеона. И французы верили, что здесь нет эволюции, и развертывались в 1914 году для решительной битвы на фронте немногих десятков верст... А Шлиффен уже за пятнадцать лет до войны ощущал тесноту старых рамок и проектировал расширение фронта охватом через Бельгию.

Шаг за шагом оспаривает Богуславский все плоды эволюции военного искусства в XIX веке—идеи встречного боя, базирующегося на непосредственное развертывание походных колонн на поле сражения, директивы, как метод управления Мольтке; он смеется над полководцем, сменившим коня на кресло в кабинете, над новой ролью генерального штаба: телеграф или ординарец, походное движение или железная дорога, возросшие в десять раз массы—все это отвергается им, как основание для того, чтобы от Наполеоновской стратегии шагнуть дальше.

Но чем же с такого философского удаления характеризуется Наполеоновская стратегия? Идеей сокрушения? Диалектическим противоставлением сокрушения измору?

Последнее грозит опрокинуть в корне всю карточную постройку консервативно-военного мировоззрения. И если первая часть размышлений Богуславского представляла удар, направленный против Шлихтинга, то вторая представляет филиппику, направленную против Дельбрюка, который первый обосновал деление стратегических методов на измор и сокрушение. Без последних ход военных явлений мировой войны останется непонятным. Читатель сможет сам установить свою точку зрения на эти нападки, ознакомившись в следующем отрывке с взглядами Дельбрюка.

Мы настолько уверены в сознательности наших читателей, настолько убеждены, что размышление над переменами в военном искусстве за последние тридцать лет раскрывает неправоту точки зрения Богуславского, что считаем даже лишним опровергать нить его рассуждений шаг за шагом. Мы только подчеркнем еще раз ложность утверждения Богуславского, что установление особых характерных черт для каждой эпохи военного искусства, в том числе и для современности, равносильно установлению „рецептов", рекомендации „панацей", что оно стесняет свободу исполнителя в частном случае. Какой великий политик мог бы пожаловаться, что понимание требований времени ограничивает имеющийся у него выбор средств для достижения цели, ставит в известные шоры его свободу действия? Является ли рецептом указание на нецелесообразность ведения в настоящее время огня из сомкнутого строя? Мы очень горячо будем отстаивать положение о полной свободе решения для каждого частного случая, сообразующегося только с данными условиями; но именно эту полную свободу маневрирования мысли при выборе решения и дает нам понимание исторической перспективы, уяснение того, какое оружие и какие приемы военного искусства имеют теперь только музейное значение, и куда перенесла современность центр тяжести вопросов борьбы. Наполеон, в освещении исторической диалектики может помочь нам разобраться в толковании современности; но Наполеон,

которому Богуславский отказывает в исторических похоронах, это мертвец, который хватает живых людей; попытка ограничить рамки стратегии тем, что верно не только для нашей эпохи, но и для Наполеоновской, обусловливает кладбищенскую пустоту стратегической теории.

Мы назвали консерватизм Богуславского позицией исторической школы. Эти позиции защищают и сейчас очень крупные ученые. Величайший современный авторитет в области истории, Эдуард Мейер, принадлежит также к этой школе. Последняя отрицает какие-либо аналогии, считает не научным какие-либо обобщения, устанавливающие эволюцию. Историческая школа желает знать только частный случай, занимается лишь его анатомией и противится тому, чтобы перейти от ее работы к широким обобщающим историческую перспективу выводам. Она строит крепкие подвалы мышления. Но человеческая мысль нуждается не в них, а в законченных постройках.

Не в приведенном отрывке, а в других трудах Богуславского, Фрейтаг-Лорингофена, Бернгарди-отца и всего легиона научных работников этой исторической школы мы также можем найти эту черновую, военно-историческую работу. Консервативная мысль вносит также свою лепту в общий фонд научных достижений. Мы должны уметь использовать эти добротно сложенные фундаменты, но весь фасад придется нам наращивать своею собственной рукой.

Редакция.

А. ФОН-БОГУСЛАВСКИЙ.

Размышления о стратегии.

Нет никаких сомнений, что в стратегии, безразлично, существует ли ее теория или нет, можно установить отдельные крупные принципы, играющие роль путеводной звезды для действующих лиц.

Кто, например, станет отрицать, что сохранение своих сил неразбросанными и возможное уклонение от выделения всяких отрядов является одним из таковых принципов?

С другой стороны, кто будет оспаривать, что иногда выделение отряда является безусловно необходимым, а в том или ином случае, по различным причинам, может оказаться обязательным и разделение сил на отдельные группы?

Из этой дилеммы может быть только один выход: нельзя упускать из вида, что природа войны очень многогранна, отсюда постоянно должны являться уклонения от правила, но принцип из-за этого не теряет своей силы. Поэтому надо рекомендовать никогда не забывать о принципе, и в тех случаях, когда уклонения от него на войне оказываются неизбежными, следует стремиться вернуться в его лоно возможно скорей.

Явно выраженное воплощение подобного образа действий мы видим в руководстве прусскими армиями в 1866 году в Богемии. Политическая обстановка и конечные пункты железнодорожной сети вынудили первоначально разделить силы, но с самого же начала было намечено соединение их, с движением вперед, на неприятельской территории, в целях постановки всех сил в общую связь: это не представляет ничего иного, как воплощение указанного начала. Часто приходится учитывать неизвестные или сомнительные величины. Нужно уметь чутьем найти верный выход, и это дар, которому нельзя обучиться, как бы соответственно ни было поставлено изучение, и которым иногда не обладает прекраснейший офицер генерального штаба. Ведь никогда не следует смешивать понятия искусства и ремесла. В объем ремесла входит, например, правильное представление в своем мозгу глубины походных колонн, точный рассчет скорости движения различных родов войск, умение правильно и быстро

спроектировать приказ для походного движения, который учтет расположение различных войсковых частей и при практическом осуществлении не вызовет трений, но о чем распорядится в своем приказе полководец и куда он направит движение войск — это искусство.

Кто захотел бы, однако, руководить операциями, не зная этой ремесленной стороны и не имея практического опыта— как, например, Гамбетта в 1870—71 гг.—будет строит здание на зыбучем песке. И все-таки даже еще недавно Гамбетту прославляли, как великого полководца. Только дилетанты могут пренебрежительно говорить о ремесленной стороне и полагать, что армиями можно руководить, сидя в кабинете за зеленым сукном. Но в такой же степени тот, кто остался только ремесленником, будет неспособен приводить в движение и надлежаще использовать огромную машину армии. В наиболее выгодном положении оказываются лица, владеющие деталями службы и методов боя и в то же время, по натуре своей, способные не терять из вида руководства в целом. Таковыми мужами были Фридрих и Наполеон I [1]).

Дело представляется очень несложным, что дало повод лицам, не искушенным в военном искусстве, своеобразно подойти к этому вопросу. Но уже Клаузевиц оговаривает, что простота-то на войне именно и является наиболее трудной в выполнении. Трудность заключается в том, при каких условиях, как и когда эта простота должна осуществиться. Путь, ведущий к ней, во всяком случае не прост. Путь к простоте решения приходится разыскивать среди впечатлений войны, под гнетом ужасной ответственности и среди множества, часто противоречащих друг другу, правдивых и ложных сведений. При этом играют роль: разум в соединении с большой ясностью духа, дар отгадывания, даже воображение и прежде всего, конечно, характер.

Здесь нельзя установить никаких правил, и кто попытался бы это сделать, тот все больше запутывался бы в лабиринте. Какой принцип должен определять полководцу момент, когда ему следует уклониться от цели, которую он себе первоначально поставил? Какой принцип мог 28-го июня 1866 года подсказать Бенедику, когда он находился у Скалица, что наступил момент отказаться от продолжения марша в направлении к р. Изеру, т.-е. против Фридриха Карла, и бросить все имеющиеся под рукой силы на выходящую из гор армию кронпринца?

На этот вопрос мог дать удовлетворительный ответ только его „верный взгляд военный“ и полководческий такт, а они

---

[1]) Читатель обратит внимание на отсутствие Мольтке в этом перечне, даваемом прусским генералом. Мольтке, повидимому, недостаточно владел „деталями службы и методами боя“, чтобы угодить Богуславскому. (*Прим. редакц.*).

как раз в этом тупике и покинули его. То, что мы называем общественным тактом, представляет смешение разума и чувств; таковым же является и такт полководца. Разница лишь в том, что выработать в себе полководческий такт гораздо труднее, чем обыкновенный такт.

Таким образом, если рассматривать принципы с той точки зрения, что существенным является не механическое следование их указаниям, а метод их приложения, то можно и даже должно признать их ценность. Во всяком случае полный нигилизм, принципиальное отрицание их существования являлись бы гибельным заблуждением.

Мольтке обронил мысль, что искусство состоит в том, чтобы целесообразно действовать в надлежащий момент. В этом никто не усумнится, но для нас вопрос заключается в том, не могут ли здесь помочь верные принципы. И на него мы решительно отвечаем утвердительно.

Конечно, принципами и теориями ужасно злоупотребляли. Метод ведения войны XVIII столетия и тогдашняя вялая стратегия, стремившаяся действовать преимущественно путем маневров, имели своих поклонников, равно как и тактика Фридриха механически воспринималась и вызывала подражание формам боя. Нечто подобное случилось и с уроками, которые дал миру своей блестящей карьерой Наполеон I.

Такие крупные люди, как Блюхер, Гнейзенау, Шарнгорст, Радецкий, Клаузевиц и, наконец, Мольтке поняли и использовали существенное в военной системе Наполеона, и этого существенного была целая громада. Жомини уже несколько склоняется, хотя еще не слишком значительно, к механическому толкованию наполеоновского метода войны, но он не делал ошибки недооценки побуждений духовного порядка, моральных сил и значения личности.

Его анализ и свидетельство дали все же военному миру ясную картину принципов, на которые опиралась наполеоновская стратегия. Но он, в свою очередь, нашел своих поклонников, толкователей и последователей, которые путем особого подчеркивания некоторых его мыслей воздвигли крайне одностороннюю систему, каковой вовсе не была в действительности система Наполеона I. Главные лозунги этих эпигонов таковы: внутренние операционные линии и сосредоточение сил до тактического решения. Жомини, правда, многократно указывал на пользу, которую по обстоятельствам могут принести внутренние операционные линии, но отнюдь не заблуждался относительно связанных с ними опасностей. Так, например, он говорил о кампании 1813 г.: „Здесь противная сторона применила систему (Наполеоновскую), а не сторона (Наполеон), располагавшая внутренними линиями“.

Отсюда вытекает, что Жомини очень хорошо понимал и хотел сказать, что механическое правило искать внутренние

линии и пользоваться ими само по себе еще не обусловливает успеха; последний зависит от того, как и когда оно будет пущено в оборот.

Исходя из изложенной выше точки зрения, военные критики в особенности набросились на план Богемского похода 1866 года. Они утверждали, что находившийся на внутренних линиях Бенедек уготовил бы полное поражение прусской армии, если бы он действовал по примеру Наполеона I в 1796 и 1814 годах. Конечно, нельзя сомневаться, что если бы Бенедек действительно был Наполеоном, то таковая возможность имелась бы. Но с такой же уверенностью можно утверждать, что эти критики не уясняют себе все политические и местные моменты, приведшие к дугообразному развертыванию пруссаков вдоль границ Богемии и Саксонии; далее они не учитывают благоприятного для пруссаков соотношения тактики пехоты обеих сторон и не умеют оценить смелости, с которой признанное неудачным первое развертывание пруссаков было исправлено путем сосредоточения с движением вперед в Богемию. Эти условия уже достаточно часто освещались и то обстоятельство, что Бенедек располагал внутренними линиями и был разбит, а Мольтке наступал концентрически по внешним линиям и победил, как раз и доказывает, что центр тяжести лежит не в тех или других линиях, а в полководце и его войсках. Кроме того, следует еще отметить, что прусское командование, отдавая 22 июля 1866 года приказ для вторжения в Богемию в направлении на Гичин, отнюдь еще не могло с уверенностью предполагать, что главные силы Бенедека из Ольмюца передвинулись уже в Богемию.

Но что сам Мольтке умел прекрасно ценить выгоды, которые могут дать внутренние линии, это, между прочим, следует из его записки 1868 года, в которой он говорит, что если бы французы сосредоточились у Меца и Страсбурга, а германская армия стояла бы на внутренних линиях в Пфальце, то последняя могла бы с выгодой направить свои усилия против одной из двух частей французского сосредоточения.

Впрочем, еще отметить надо, что Наполеон I ни в коем случае не всегда оперировал по внутренним линиям и что действия на последних под Лейпцигом и Ватерлоо ему довольно плохо удались. Но, конечно, это не является доказательством непригодности внутренних линий, а лишь свидетельствует, что сила обстоятельств и делаемые ошибки могут свести на нет и преимущества самых великолепных внутренних линий.

Внутренние линии представляют очень широкое понятие. Как известно, расстояние между отдельно оперирующими армиями, при любых обстоятельствах, должно быть настолько велико, чтобы оперирующий по внутренним линиям имел воз-

можность основательно разбить или уничтожить одну из неприятельских армий, прежде чем другая будет в состоянии появиться в районе тактической досягаемости армии, действующей по внутренним линиям. В этом отношении особенно поучительной является великая драма 1815 года. Тогда как Наполеону удался его первый удар, на втором он совершенно срывается, так как пока он вел борьбу с Велингтоном, Блюхер уже вцепляется ему во фланг. В этом случае размер промежуточного пространства не превышал 15—20 километров, тогда как Фридрих в 1757 году, после отступления из Богемии для операций по внутренним линиям, располагал промежуточным пространством в 225—300 километров [1]).

В последнем случае промежуток был слишком велик, так как, если бы австрийцы оперировали в его же духе, он мог бы очень невыгодно отразиться на его операциях; своей быстротой Фридрих сумел и здесь использовать выгоды и восторжествовать над затруднениями.

Подобно тому, как после великих Наполеоновских войн, так и после войн Вильгельма I стремились—и с полным основанием—уяснить и анализировать стратегию Мольтке. Конечный вывод, к которому пришли одни исследователи, в том числе и мы, заключался в том, что ведение войны Мольтке в общем опиралось на наполеоновские принципы, т.-е. на энергичное, деятельное и стремительное применение стратегии, бьющей на уничтожение противника, но только Мольтке применял при этом многократно иные средства, чем это обыкновенно делал Наполеон. Надо признать также, что Мольтке усовершенствовал наполеоновское ведение войны в отношении руководства больших войсковых масс тем, что он ввел расчленение на частные армии. Другие же исследователи хотели видеть в стратегии Мольтке нечто еще большее и приписывали ему создание совершенно новой системы. Они стремились характеризовать ее следующими фразами: врозь итти, вместе драться; сосредоточение сил на самом поле сражения, чтобы обусловить тактическое решение концентрическим подходом — и выдвинули эти знаменательные лозунги, как непосредственное противоречие наполеоновскому образу действий. К этому присовокуплялось, что в наше время успех может быть достигнут лишь путем охвата, являющегося результатом взаимодействия сходящихся на поле сражения войсковых колонн; на этом пути увлечение заходит настолько далеко, что провозглашают превосходство такого положения распространяющимся и на слабую армию, имеющую против себя более многочисленного противника.

Развертывание прямо из походных колонн и непосредственное вступление в бой, при действиях крупного масштаба, также

---

[1]) Удары Фридриха под Росбахом и Лейтеном. (*Прим. редакц.*).

провозглашается, как особая достопримечательность последних войн.

Эти утверждения сводятся к тому, что с той эпохи, когда писали Жомини и Клаузевиц, ведение войны совершенно преобразилось, так как народились новые и очень важные средства, которыми ведется война. Опасно оставлять ныне на выбор все принципы стратегии.

Для обоснования пригодной в современных условиях системы стратегии было выдвинуто требование — базироваться исключительно на опыте 1866 и 1870/71 г.г. и положить операции под Кениггрецом и Седаном в основу будущего стратегического **закона**.

Рассмотрим сначала предложение „врозь итти, вместе драться". Совершенно верно, что Мольтке то тут, то там применял более широкий фронт наступления, чем это мы во многих случаях встречаем у Наполеона; Мольтке и теоретически подчеркивал выгоды такового. Собственно наступление, т.-е. движение на виду у противника, начинается с фронта развертывания армии.

Что первая группировка 1866 года была обусловлена различными особыми обстоятельствами, мы уже говорили. Развертывание 1870 года от Ландау до Саарлуи отмечается фронтом в 90 километров, а так как французская армия высаживалась двумя группами на удалении в 125 километров одна от другой, то германское развертывание можно назвать относительно узким. Теперь интересно отметить, что фронт развертывания французской армии в 1806 г. от Вюрцбурга до Лихтенфельса также протягивался на 90 километров. Но если принять во внимание, что численность Наполеона в 1806 году была приблизительно на 150.000 человек меньше, чем у Мольтке, то фронт развертывания в 1806 году относительно был более растянутым, чем в 1870 г. Правда, наполеоновское развертывание было отделено от противника расстоянием около 150 километров, тогда как в 1870 году немцы и французы находились почти вплотную друг к другу.

Остановимся теперь на вопросе, маневрировал ли Наполеон в среднем на существенно более узком фронте? Продолжим наши замечания о знаменитой кампании 1806 года.

Расположение французской армии 7-го октября вечером: IV корпус от Норденгальбена до Кюпса, в том же районе три кавалерийские дивизии; III корпус в Лихтенфельсе; VI корпус в Пегнитце; V корпус в Геммендорфе; VII корпус у Бургебраха. Глубина расположения армии занимает 95, ширина фронта 60 километров.

Расположение французской армии 8-го октября: I корпус между Саарбургом и Норденгальбеном; III корпус позади I у Кронаха; VII корпус севернее Бамберга; V корпус в Кобурге;

IV корпус в Мюнхберге; VI у Байрейта. Глубина равнялась 88 километрам. Наибольшая ширина 67 километров.

Расположение французской армии 9-го октября вечером, следовательно, накануне сражения при Заальфельде: III корпус у Шлейц, V корпус у Графенталя, III корпус у Лобенштейна, IV корпус у Гросцеберна, VI корпус у Гефресса, VII корпус у Кобурга. Все корпуса в среднем были расположены друг от друга на удаление в 22 километра в глубину и ширину. По два корпуса двигалось по каждой дороге. Ширина фронта главных масс равнялась 45 километрам.

Расположение французской армии 10-го октября вечером, следовательно, после значительного столкновения с противником: V корпус—Заальфельд, III корпус—Шлейц, I корпус—Аума, IV корпус—Плауен, VI корпус—Гафель, VII корпус—Нейштадт и Кобург. Расстояния между корпусами колебались от 18 до 30 километров. Ширина фронта в целом занимала 60 километров.

11-е октября: I корпус — Гера, III корпус — Пельнитц, VII корпус – Заальфельд, VI корпус—Шлейц, IV корпус—Вейда, V корпус—Нейштадт. Промежутки между ними равнялись 15—22 километрам. Ширина фронта достигала 52 километров, наибольшая глубина на круг—30 километрам. При этом мы не учитываем баварцев у Кронаха.

12-е октября: I корпус—Мейнве, IV корпус—Гера, V корпус—Мауа, VII корпус—Кала, VI корпус—Аума, III корпус—Наумбург, Малау. Дистанция от V до VII корпуса равнялась 7 километрам; интервал между V и IV корпусами превышал 30 километров; дистанция от IV до VI корпуса—свыше 15 километров. Вся глубина от I до VI корпуса превышала 45 километров.

Расположение французской армии 13-го октября вечером: V и VII корпуса у Иены; VI корпус в 15 километрах к юго-востоку от Иены; IV корпус у Кестрица в 30 километрах от Иены; гвардия на марше к Иене; III корпус у Наумбурга в 15 километрах к северо-востоку от Иены; I корпус между Наумбургом и Кезеном. Ширина фронта главной массы от Наумбурга до Иены занимала 30 километров; наибольшая глубина между V и VI корпусами также равнялась 30 километрам.[1])

Если теперь мы пожелаем сравнить наполеоновское наступление с мольтковским, то прежде всего надо принять во внимание, что наше войско было значительно больше наполеоновского и делилось на несколько рядом оперирующих армий. В виду этого, по справедливости, следовало бы сопоставить с наполеоновской эпохой лишь движения отдельных армий, или двух армий, объединенных под непосредственным

[1]) Знаменитое „батальонное карре“, идеал наполеоновского вождения армии. *(Прим. редакц.).*

руководством ставки для совместной операции, как например: 1-я и 2-я армии в дни 6—18 августа, или 3-я и Маасская армии от 19-го августа до конца войны. Но мы сопоставили пространственные отношения, охватывающие все немецкие войска в тот момент, когда все три армии, 1-я, 2-я и 3-я, сблизились на небольшое удаление, с вышеприведенными движениями армии Наполеона I. Это был период, непосредственно предшествовавший сражению при Вионвиле.

12-го августа вечером мы находим всю III армию сосредоточенной на узком фронте в 15 километров, на линии Саарбург—Фенестранж. Пять корпусов из 1-й и 2-й армий стоят на линии Буле—Моранж, занимая фронт в 30 километров, во второй линии четыре корпуса протягивались на такое же расстояние от Бушепорна до Мюнстера. Глубина равнялась 15 километрам. Интервал между главными силами 3-й и 2-й армий равнялся приблизительно 22 километрам. Протяжение фронта всей совокупности войск — 67 километров.

13-го августа вечером главные силы 3-й армии находились на линии Диэз—Бламон, 30 километров, 1-я армия на французской Нидс, два корпуса в первой и один во второй линии. 2-я армия достигла линии Буши—Шато—Сален. Протяжение фронта обеих армий несколько превышало 30 километров, а глубина—18 километрам. В этот момент 3-я и 2-я армии стояли вплотную друг к другу. Таким образом, в этот день все немецкие армии занимали фронт в 60 километров.

14-го августа 3-я армия заняла линию Муаенвис—Люневиль. 12-я дивизия и I баварский корпус остались у Диэза и Мезиера. Фронт 22 километра. 1-я и 2-я армии, из которых последняя в этот день совершила свое крупное захождение вправо, 14-го августа занимали пространство от французской Ниды до Диелуара на Мозеле; фронт растягивался примерно на 45 километров, наибольшая глубина равнялась 30 километрам. Следовательно, протяжение всех трех армий в этот день достигало 67 километров.

Если припомнить, что все три немецкие армии вместе взятые, по силе почти вдвое превосходили армию Наполеона под Иеной, то приведенные расстояния не представляют какихлибо существенных уклонений от пространственных соотношений при наполеоновских наступлениях.

Если сравнить движения 1-й и 2-й армии, приняв их за одно целое, и отдельно движения 3-й армии, то это также не приведет к иным результатам.

Если бы, затем, таким же образом сравнить другие периоды кампаний 1866 и 1870/1871 г. г. с походами Наполеона, то я полагаю, что мы пришли бы к убеждению, что ни в наступлении армейских масс, ни в расстояниях нет характерного различия между эпохами Наполеона и Мольтке. Поэтому

с нашей точки зрения, определение „идти врозь“ надо вычеркнуть из числа особых примет мольтковской стратегии.

Что же касается мысли „вместе драться“, то к ней естественно стремились все великие полководцы; Мольтке также удалось собрать все наличные силы, за исключением единичных корпусов, находившихся в отделе, на поля трех главных сражений короля Вильгельма. Наполеон в большинстве случаев точно также действовал этим методом в своих сражениях, гораздо более многочисленных; даже можно отнести к числу отличительных примет его метода действий, что обычно он стремился соединить свои боевые силы перед сражением, хотя в некоторых случаях, например, как раз под Иеной и Ауерштедтом, под Прейсиш-Эйлау, под Бауценом, это ему не вполне удавалось.

С другой стороны, Мольтке также сосредоточил большую часть 1-й и 2-й армии перед сражением при Гравелотте. Ведь концентрическое наступление было здесь невозможно, а отсюда опять-таки можно усмотреть, что в стратегии надо действовать не по какому-либо методу, а только в соответствии с принципами и требованиями обстановки. Точно также перед Вейсенбургом сосредоточилась большая часть 3-й армии, V, XI и II баварский корпуса, а 7-го августа она должна была полностью сосредоточиться для сражения с Мак-Магоном. Хоть этот план и отпал, так как уже 6-го августа разгорелся бой, тем не менее все же в течение сражения удалось сосредоточить большую часть сил.

Но, конечно, можно привести, как образец стратегического наступления, обусловливаемого тактикой охвата, сражения под Кениггрецом и Седаном, и, конечно, шестидневный бой, носящий название сражения при Ле-Мане[1]), хотя в последнем случае качество войск обеих сторон было настолько неравно, что немцы могли многое себе позволить. Следовательно, Ле-Ман отпадает. Глубокое характерное различие между тремя сражениями Вильгельма I и некоторыми крупными сражениями Наполеона, как Аустерлиц, Ваграм, Линьи и Ватерлоо, можно подметить лишь в развертывании сил к самому сражению. Под Кениггрецем и Седаном стратегия теснейшим образом сплелась с тактикой, при чем из движения вперед армии само собой вылилось ее вступление в сражение.

Приказ для сражения под Гравелоттом представляет лишь директиву для атаки на два возможные случая: отхода Базена через Этен и Бриэ, или же занятия им позиции перед Мецом. Соответственно и вступление в бой армий происходило не по единому, заранее установленному, плану; многое должно

---

[1]) Сражение у Ле-Мана, закончившееся 12 января 1871 г.,—последний бой армии Шанзи, импровизированной во вторую половину войны, с немецкой армией принца Фридриха Карла. *(Прим. редакц.).*

было быть предоставлено усмотрению командующих армиями и командиров корпусов. Если правому крылу у Гравелотта был послан приказ—до тех пор, пока не начнется атака 2-й армией, бой вести только артиллерийским огнем, то это ничего не меняет в основной линии поведения управления в целом. Мы к этому еще вернемся в дальнейшем.

Наш вывод таков: мы оцениваем стратегическо-тактические приемы Наполеона и Мольтке, как совершенно равноценные, и в этом вопросе, таким образом, примыкаем к стратегическому учению Гольца [1]). Как заманчивым ни является создание теории, выливающейся из единого образа, все же требование положить в основу теории для настоящего и будущего единственно метод, примененный Мольтке под Седаном и Гравелоттом,—нам кажется, безусловно, ошибочным. Этим самым мы повторили бы под другим обликом ту же самую ошибку, которую сделали в свое время поклонники фридриховских форм и защитники внутренних линий.

Теория стратегии может состоять единственно из принципов, а не из методов применения средств.

А далее—выучка владеть приемами своего ремесла должна доходить до виртуозности, и в этом отношении Мольтке еще усовершенствовал и развил систему Наполеона. Бертье, как известно, сам был одним из первых мастеров своего ремесла, но он отличался от Гнейзенау и тем более от Мольтке тем, что он не владел стратегическим искусством, и хотя он твердо держал в руках французский генеральный штаб, тем не менее, он не оказался в состоянии создать школу. Как вождь, Сульт, конечно, превосходил Бертье. Когда же в 1815 году он принял дела генерального штаба, то служебный аппарат многократно оказывался не на высоте, что гибельно повлияло на операции [2]).

Единство подготовки генерального штаба в области отдачи приказов и службы связи должно быть столь же твердо установлено, как и общие основы стратегии. Этого мы, конечно, можем достигнуть. Но требование всегда работать теми способами, которые имели успех под Кениггрецем и Седаном, при известных обстоятельствах могло бы привести к тому же

---

[1]) Если читатель обратит внимание на выдержки из труда фон-дер Гольца (т. I настоящего издания, стр. 252—273), то он усмотрит, что Гольц считал стратегию Наполеона не вообще равноценной ныне со стратегией Мольтке, в ее развитии Шлихтингом, а полагал ее более подходящей ныне для турецких условий. А Богуславский не делает различия между турецкой и германской армиями, и вообще не желает уточнять теории стратегии далее нескольких совершенно общих „принципов". *(Прим. редакц.)*

[2]) Эту старую Тьеровскую оценку, стремящуюся обелить Наполеона и свалить его ошибки в конце его военной карьеры на ближайших помощников, мы встречаем бесконечное число раз в трудах военных писателей, повторяющих чужие мысли без проверки.—Жалкий канцелярист Бертье, интриган, ценивший не работу офицеров своего штаба, а их связи и аристократиче-

печальному исходу, к которому привело Австрию строгое соблюдение Бенедеком в 1866 году принципа сосредоточения и сохранения всех сил в одной массе. И мы расцениваем успех Мольтке, сосредоточивавшего армию на поле сражения непосредственно с фронта стратегического марша, как высшее достижение стратегии, и даже ставим этот образец ловкости и искусства выше наполеоновского. Из двух образов действий это, очевидно, наиболее смелый. Мольтке, безусловно, не переоценивает его в известном письме к Трейчке. Но всегда ли у нас найдутся люди, отличающиеся такой гениальностью? Неужели невыгоды раздельного наступления вблизи от противника сразу исчезли с белого света? Совершенно ли забыт прежний опыт, или связанные с ними опасности совершенно аннулированы современными средствами военной техники? По нашему убеждению это отнюдь не так, несмотря на скорострельность оружия и на массы, Мольтке также пришлось испытать опасность, связанную с большим протяжением фронта при наступлении; это было 16-го августа под Мецем. Уже 13-го августа левому крылу 2-й армии был указан для переправы через Мозель участок от Дислуара до Марбаха. Тем не менее, III и IX корпуса были предусмотрительно задержаны у Панжа и Буши для поддержки 1-й армии, расположенной на французской Ниде, на случай возможного перехода в наступление французской армии из Меца. После сражения при Коломбэи предполагалось, и с достаточным основанием, что противник отходит из Меца на Верден. 2-я армия получила приказ энергично наступать на дорогу Мец—Верден; однако, способ выполнения был предоставлен на ее усмотрение. Штаб же армии направил против этой дороги лишь два армейских корпуса, III и X; 17-го августа IX корпус должен был следовать за ними до Горза. Гвардейский и IV корпус сохранили западное направление на р. Маас; XII корпус должен был следовать до Понт-а-Муссон, II корпус—до Буши. Когда же наступление III корпуса на дорогу Мец—Верден установило, что отступление французов подвинулось в действительности не так значительно, как это предполагали, то 16-го августа из армии в 8 корпусов, только около $2^1/_2$ корпусов оказалось налицо, чтобы вступить в бой; если нам и удалось удержать поле сражения, то исключительно благо-

---

ские манеры, мог основать только бюрократическую школу, и действительно, крапивное семя он сумел глубоко внедрить в французский генеральный штаб, что сказалось еще в 1870 году. Бертье сильно способствовал провалу войны 1812 г., масштаб которой совершенно выходил из пределов его понимания. Привязанность Наполеона к Бертье—это награды, которыми деспот, нетерпящий рядом с собой свободной мысли, осыпает лакея. Сульт несравненно выше Бертье, и взваливать на него ответственность за Ватерлоо, при современном состоянии исторических знаний, уже нельзя. По 1815 г. отсылаем читателей к труду Grouard. La critique de la campagne de 1815.

(Прим. редакц.).

даря блестящей храбрости войск и нерешительности Базена [1]). В виду нахождения вблизи неприятельской армии в 150.000 человек, осторожность должна была заставить наступавшие на р. Маас корпуса также направить на дорогу Мец—Верден.

Мероприятия 2-й армии основывались на ошибочной оценке обстановки. Директива Мольтке—операция против дорог из Меца на запад—безусловно не давала оснований для последовавших мероприятий. Однако, надо согласиться, что, имея в виду обстановку, было бы не лишним дать более точную формулировку. Наполеон I также имел ошибочное представление об обстановке перед Иеной и не представлял себе, что другая часть пруссаков находится против его левого фланга.

Эти примеры опять-таки указывают на то, что многогранность войны не допускает рассматривать лишь одно средство, как решающее.

Принимая во внимание, что методы Мольтке и в будущем потребуют от командующих армиями и корпусных командиров такую же самостоятельность и такое же понимание, какие они почти всегда проявляли в войнах 1866 и 1870—1871 г.г., теперь подчеркивают, что эти свойства у наших генералов должны быть воспитаны и развиты в крайней степени.

Хорошо! Но разве не явится непосредственным ударом по истинному духу самостоятельности, если мы пожелаем установить для высших начальников закон, который в сущности будет захватывать лишь внешнюю оболочку дела, т.-е. применение средств? Мы усматриваем в этом большую опасность и прямое противоречие духу мольтковской стратегии.

Что при известных обстоятельствах Мольтке отнюдь не отказывался от очень тесного сосредоточения, немедленно следующего за окончанием стратегического развертывания армии, видно из набросков 1868 года, в которых высказывается намерение продвинуться на линию Понт-а-Муссон—Нанси семью переходами, при чем восемь корпусов следовали бы

---

[1]) Богуславский, по существу, в этих мягких фразах подвергает стратегическое искусство Мольтке жестокой критике. Строители французской военной доктрины, реставрировавшие наполеоновское военное искусство, в том числе и Фош, широко использовали этот пример в том числе и для доказательства необходимости утопического армейского авангарда. В русской литературе можно указать на генерала Пузыревского, жестокого критика Мольтке, высказывавшего очень близкие к Богуславскому упреки немецкому командованию (статья „Претенциозное краснобайство", Русский Вестник, 1894 г.). Мы, со своей стороны, не останавливаемся на опровержении соображений Богуславского, а отсылаем читателя к труду Шлиффена „Канны", где критика направлена на стремление прусских командармов действовать слишком скученно, и рисуется идеал обхода Меца с двух сторон. См. стр. 137 и следующие русские переводы. *(Прим. редакц.)*.

в две или три линии на фронте, протяжением в среднем 30 километров, при глубине на круг 30 — 37 километров. Более тесное сосредоточение при наступлении не является вообще сколько-нибудь сносно осуществимым.

Итак, мы полагаем, что построение стратегическо-тактического учения, опирающегося исключительно на явления последних войн, обозначало бы шаг назад; чудовищная многогранность войны, случайности, трения вынуждают нас предоставить полководцу ту свободу в выборе средств, которую Мольтке не ограничивал ни тогда, когда он сам избирал образ действия, ни когда дело касалось его учеников. В виду этого, стремясь к возможно большему единству действий на войне, нельзя переступать этого требования, остающегося на первом плане.

Мольтке исходил из бесспорно правильного принципа, что вследствие значительных расстояний, которые часто разделяют армии перед решительным кризисом, ими надлежит руководить исключительно директивами; но он отнюдь не держался слепо этого принципа и многократно вмешивал верховное командование в развитие событий путем приказов, непосредственно отданных штабам армий и даже отдельным корпусам. Это имело место, например, в период 11—13 августа, во время наступления 1-й и 2-й армии — на Мец и Понт-а-Муссон. Такими же примерами являются: приказ от 22 июня 1-й и 2-й армии о вторжении в Богемию и соединении в направлении на Гичин [1]); приказ принцу Фридриху-Карлу от 2-го декабря 1870 года о наступлении против Луарской армии на Орлеан, наконец, приказ от 12-го января 1871 года генералу фон-Вердеру — вступить в бой для прикрытия осады Бельфора и т. д.

В общем, за исключением немногих периодов, как, например, капитуляция у Лангензальцы, ставка ограничивалась простейшими и кратчайшими, частью письменными, частью телеграфными приказами, так как она почти неизменно находила в штабах армий полное понимание; армейское командование часто даже точно предвосхищало ожидаемые директивы. Военная корреспонденция Мольтке дает наглядную картину этого созвучия [2]). Однако, несколько раз имели место трения и проволочки, как это свидетельствует хотя бы переписка ставки с генералом фон-Штейнметцом незадолго до сражения под Шпихерном.

Когда война охватывает такое обширное пространство, как в 1866 и 1870—71 годах, является безусловно необходимым,

---

[1]) Отданный в дополнение к знаменитой краткой телеграмме. *(Прим. редакц.).*

[2]) Но труд Шлиффена „Канны“ жестоко смеется над допущением его возможности. *(Прим. редакц.).*

чтобы ставка по возможности находилась в центре событий, т.-е. там, где можно наиболее широко использовать новейшие средства связи для общего руководства. С другой стороны, необходимо, чтобы ставка появилась в нужный момент при главной массе оперирующих армий, чтобы оттуда руководить и наблюдать за операциями.—Промедление ставки в Берлине до 2-го июля 1866 года часто подвергалось нападкам. Однако, приняв во внимание крайне важные события, разыгравшиеся в эти дни в Ганновере, по отношению к которым требовалось вмешательство различного рода со стороны Берлина, мы должны признать местопребывание выбранным безусловно правильно. Телеграф с театра военных действий может и отказать, что неоднократно случалось в прошлом, и в будущем может быть будет иметь место еще чаще.

Люди невоенные составили себе в высшей степени примечательное представление о будущем полководце, как последний, сидя у себя в кабинете за столом, будет по телеграфу и телефону руководить передвижениями войск по твердо установленным правилам; как, будучи удален от сутолоки войны, он сохранит спокойствие и ясность мышления и естественно прекрасно выполнит свои функции [1]. Но при этом забывают, что личность главнокомандующего должна оказывать столь же благоприятное воздействие на войска, как и личность самого младшего командира, и что в решительные дни нельзя будет ни за что отказаться от его личного присутствия и личного осведомления на месте. В 1866 году верный момент для отъезда Вильгельма был выбран с тактом, достойным удивления. Так же было в 1870 году; и во всех больших сражениях, в которых участвовало свыше одной армии, Вильгельм принимал на себя высшее командование.

Я не хочу здесь входить в подробности и разбирать, например, вопрос, не следовало ли в дни от 16-го до 18-го августа выдвинуть ставку более к северу, или не должна была она 17-го августа бивакировать на поле сражения под Вионвилем. Во всяком случае, повидимому, выгоднее выдвигать важность предстоящего тактического решения преимущественно перед всеми прочими соображениями; выбор места пребывания верховного вождя должен по возможности облегчать ему личное осведомление, быстрейшее поступление донесений и непосредственную передачу приказов. Следова-

---

[1]) Как жалко звучит теперь эта насмешка военного консерватора над людьми, склонными в своем мышлении исходить не из преданности традициям прошлого, а из понимания пути, по которому направляет эволюция военного искусства! *(Прим. редакц.).*

тельно, в подобные моменты ставка не должна помещаться слишком глубоко в тылу [1]).

В этом отношении Версаль имел все данные для расположения в нем ставки. Из этого центрального пункта направлялось руководство войной в целом и велось наблюдение за стратегией командования армиями, действовавшими на различных театрах военных действий.

Пока здесь велась наступательная операция — осада Парижа,—ее прикрытие обусловливало переход к стратегической обороне; однако, последняя велась не тактически оборонительными действиями, а путем крупных наступательных ударов (Орлеан, Ле-Ман, Амьен, Галлю, Сен-Кантен). Мы не учитываем при этом Юго-Восточного театра военных действий, так как там преследовались особые цели.

Вышеизложенное должно показать, что новые средства ведения войны не могут пошатнуть общих основных принципов стратегии. Существует ли то или иное количество железных дорог и телеграфных линий, перебрасываются ли войска походным порядком или по железной дороге, посылают ли телеграммы вместо ординарцев,—тем не менее с началом войны армия всегда должна быть так развернута на границе, чтобы имелась возможность целесообразно сосредоточить ее к началу операций. Искусство надлежащим образом учесть время и пространство остается тем же—и в вопросах сосредоточения, и в вопросах тактической деятельности.

Принцип — сосредоточивать возможно большие силы для решительных тактических действий—остается неизменным, независимо от того, идет ли речь о 40.000 или 300.000 человек. Опасность стратегического окружения столь же велика теперь, как и раньше; опасность же частичного поражения корпусов, отдельно продвигающихся для охватывающего стратегического наступления, при современной действительности огня, затягивающей бой, может быть несколько сократилась, но ни в коем случае не исчезла, если мы имеем против себя предусмотрительного и решительного полководца.

Различные средства, которые дает эпоха, влияют на вид и образ применения стратегии, но не создают новой.

---

[1]) Много верного в этом и при современных условиях. Расположение ставки Вильгельма II и Мольтке младшего в Люксембурге, вдали от решающего правого фланга германского наступления, тяжело отразилось на ходе Марнской операции. Вернее, однако, было бы не придвигать к решительному пункту ставку, а создать фронтовые управления. Людендорф очень заботился быть не далее хорошей прогулки на автомобиле от поля решительных боев и переезжал с этой целью вперед с оперативным отделом ставки. *(Прим. редакц.).*

Двоякой стратегии также ни в коем случае не существует. Как известно, теория стратегии получила формулировку лишь в новейшее время у Жомини, Вилизена и в особенности у Клаузевица. Тем не менее понятие стратегии уже существовало тысячелетиями. Мы уже разъяснили, что стратегия является лишь частью ведения войны; это впрочем уже высказал Клаузевиц.

Мы считаем лишь кстати вкратце коснуться учения, которое кое-где в невоенных кругах приобрело последователей. Оно гласит, что существует две системы стратегии. Одна из них именуется стратегией измора, другая—стратегией сокрушения. Стратегия измора имеет два полюса—стратегический маневр и сражение; стратегия сокрушения лишь один полюс—сражение. Смотря по эпохе, одна из двух систем будто бы выдвигается на первый план. В XVIII веке господствовала стратегия измора. Фридрих порой довольно часто эмансипировался от этой системы, но в общем все же будто бы следовал ей. Стратегия сокрушения господствует в наш век, и ее главными представителями являются Наполеон и Мольтке.

Что Фридрих должен был вести войну иначе, чем Наполеон, это факт общеизвестный; этому учат в каждом военном училище. Маленькие, относительно с трудом комплектовавшиеся армии, не имевшие ни запасных, ни этапных частей, и магазинная система довольствия тормозили движения и обыкновенно лишали полководца возможности ставить конечной целью ведения войны полное сокрушение враждебного государства. Дипломатические переговоры и кабинетная политика имели большое влияние на ведение войны и часто налагали на нее отпечаток медлительности, нерешительности и колебания. Отсюда, естественно, страдала и полководческая деятельность—стратегия. С многочисленным и хорошо организованным национальным войском можно с самого начала задаться целью уничтожения неприятельского государства и его вооруженных сил, и это находит свое выражение в стремлении разыскать и разбить главные силы врага. В XVIII веке уничтожение неприятельской армии являлось также возможным, но, по приведенным выше основаниям, обычно не хватало сил для полнейшего использования победы. Таковыми-то обстоятельствами и объясняется, что дело доходило до того, что по временам упускалась из вида главная цель ведения войны, вцеплялись в побочные цели и переоценивали стратегический маневр и позиционное искусство сравнительно со сражением.

Крайности в этом направлении заходили так далеко, что, как образцовые, выдвигались приемы войны за баварское наследство [1]). Эти приемы, а равно и способ действий принца

---

[1]) „Картофельная война“, как называли солдаты войну без сражений и пролития крови, которую вел престарелый Фридрих Великий.

(*Прим. редакц.*).

Евгения в войну 1733 года объясняются просто возрастом обоих полководцев и убеждением, что нет необходимости в большем напряжении сил перед неприятелем.

Нет, поэтому, никаких оснований говорить о другой системе стратегии. Бывали времена, когда принципы стратегии применялись слабо и нерешительно [1]) — но такие великие люди, как принц Евгений, Мальборо и Фридрих умели в расцвете своих сил стряхнуть эту слабость и нерешительность. В столь же малой степени будет обоснована попытка построения системы на том, что тот или иной полководец ставил себе целью в течение известного промежутка времени утомлять, связывать и ослаблять противника маршами, контр-маршами, занятием укрепленных позиций—примером может служить Фридрих в Бунцельвицком лагере,—фланговыми позициями и малой войной, избегая сражения.

Все эти средства относятся к стратегии всех времен. Что касается Фридриха, то ведение им войны в 1741 году безусловно имело в виду сокрушение противника путем марша на Вену [2]), а о кампании 1757 года в Богемии можно сказать, что, по меньшей мере, она задавалась возможно скорейшим уничтожением и поражением австрийской армии. Все новейшие исследования не только не опровергают это положение, но, наоборот, его подтверждают. Если бы Фридрих выиграл сражение при Колине, то представляется весьма вероятным движение его на Вену, чтобы попытаться принудить Австрию к заключению мира, если бы французы и русские предоставили ему на то время. С этим можно соглашаться или нет, но, во всяком случае, сражение оставалось для него наиболее предпочтительным военным средством в этот период войны и в последующий, характеризующийся стратегической обороной в широком масштабе с постоянными вылазками. Он обращался к сражению, как к средству уничтожения противника, но ограниченность его сил иногда обуславливала отклонения. При этом превосходство сил противника также играло роль. Ведение им войны, после сражения при Колине, уже не могло задаваться наполеоновскими целями, но значение сражения, как средства, оставалось для

---

[1]) Богуславский хочет сказать, что это было ошибкой. Но иначе действовать было нельзя. В конечном счете, мысль сторонников единой стратегии приходит к осуждению фактической обстановки войн XVIII века, в которых не было простора здоровым принципам стратегии. А это значит осуждать факт, вступать в спор с действительностью; путь мышления, противоположный логике Клаузевица, великого реалиста. *(Прим. редакц.)*.

[2]) Только из этого вытекла бы полная гибель армии, как погибла шведская армия Карла XII под Полтавой. Богуславский также приводит, как пример, что наполеоновские приемы были известны и XVIII веку. Но центр тяжести лежит в том, что в условиях XVIII века стратегия сокрушения против сколько-нибудь стойкого противника являлась делом безнадежным. *(Прим. реакц.)*.

него тем же самым. Надо думать, что об этом свидетельствует в достаточной степени дальнейший ход его походов. Стратегия полководца, который летит из Силезии в Тюрингию, чтобы там разбить французов под Росбахом, затем с быстротой молнии вновь возвращается в Силезию и в сражении при Лейтене наголову бьет большую австрийскую армию, полководца, который в 1758 и 1759 году двигается против русской армии с твердой решимостью спасти путем сражения свои наследственные земли, такая стратегия, безусловно, никоим образом не уступает стратегии Наполеона в отношении применения сражения. Твердая решимость короля, выдвигающего цель—разбить противника наголову, как это явствует из сражения при Гогенфридберге, Праге, Росбахе, Лейтене, Цорндорфе, Кунерсдорфе и Торгау, является более убедительной, чем сотни цитат, извлекаемых из его трудов.

Мнение, что стратегия измора господствовала в течение всего XVIII века, также неправильно. Походы Карла XII в Данию, Саксонию и Россию планировались на сокрушение противника.

Ведение войн XIX века признает сражение важнейшим средством стратегии, но и Клаузевиц ничего не говорит об отказе от прочих средств. Таким образом, большая ошибка, которую легко опровергнуть военной историей, полагать, что современная стратегия абсолютно лишена других средств.

Линии Торрес—Ведрас явились поворотным пунктом военного счастья французов на Пиринейском полуострове [1]). Плевненская позиция долгое время колебала судьбы войны 1877 года; в 1870 году большие крепости играли весьма значительную роль [2]); а в 1814 году Наполеон I пытался проникнуть стратегическим маневром в тыл союзников [3]).

Итак, существует только одна стратегия. В различные времена она будет работать различными средствами, но свои немногие принципы она будет применять безотносительно к какой-либо системе, как это будет по обстоятельствам более целесообразно.

---

[1]) Но мы как раз полагаем, что обратившийся к ним Велингтон являлся мастером стратегии измора. (*Прим. редакц.*).

[2]) Сопротивления французских крепостей и Плевны дали только основание наиболее яркому представителю начал сокрушения в начале XX века, Шлиффену, снабдить германскую армию достаточной тяжелой артиллерией, чтобы с этой стороны быстрое сокрушение не встретило помехи. (*Прим. редакц.*).

[3]) Однако, этот маневр — угроза сообщениям — столь действительный в обстановке войны на измор, в войне на сокрушение представлял оружие, которое Наполеон с отчаяния заимствовал не из своего арсенала, и он решительно не удался, так как союзники, не обращая на этот маневр внимания, заняли Париж и низложили Наполеона. (*Прим. редакц.*).

ДЕЛЬБРЮК.—ИСТОРИК ИЗМОРА И СОКРУШЕНИЯ.

Если мы будем разуметь под „военными классиками" только писателей в военной форме, то мы не сможем отнести к их числу гражданского историка Дельбрюка. Однако, такой подход к классификации мыслителей, очевидно, не выдерживает никакой критики. Мы не считаемся с тем, что Бюлов лишь короткое время своей молодости находился на военной службе, или с тем, что Ллойд, уже выйдя в отставку, нашел возможность сосредоточиться на стратегических вопросах. Если мы отбросим неуместный вопрос о роде службы и сосредоточим свое внимание исключительно на умственной деятельности Дельбрюка, то мы должны будем признать за ним полное право на занятие почтенного места в нашем труде. В 1878 году он уже выступил в печати с рецензией на труд Тайзена „о военном завещании Фридриха Великого", развившей стратегические идеи, к которым когда-то подходил Клаузевиц, но которые с тех пор были хорошо забыты. На эти идеи—деление стратегии на измор и сокрушение—он натолкнулся при обдумывании своего первого труда—классической биографии Гнейзенау [1]). Упомянутая рецензия вызвала борьбу, отзвуки которой продолжали раздаваться и через сорок слишком лет. Прусский генеральный штаб выдвинул против Дельбрюка своих лучших бойцов: Кольмара, фон-дер-Гольца, Малаховского, Фридриха Бернгарди, весь аппарат военно-исторического отделения большого генерального штаба. Теодор Бернгарди отвечал на замечания Дельбрюка капитальным ученым исследованием о Фридрихе Великом в двух томах; скрытая полемика замечается во многих десятках томов официальной истории походов Фридриха Великого. Несмотря на то, что Дельбрюк являлся редактором влиятельнейшего консервативного ежемесячника и был депутатом правой в прусской палате господ, министру народного просвещения был сделан запрос, как он считает возможным держать в берлинском университете профессора, якобы оскорбляющего память Великого Фридриха. Долгие годы Дельбрюк, несмотря на свои ученые заслуги и громадные связи в ученом и придворном мире, не утверждался в звании ординарного профессора. Лишь Шлиффен несколько умерил ярость, с которой прусский генеральный штаб атаковал автора „опасной и глубоко вредной стратегической ереси". В страшном обострении стратегии сокрушения автором „Канн" заключается и признание права существования теории измора.

Здравствующий и сейчас Дельбрюк сорок два года посвятил отстаиванию своих стратегических воззрений. Полемика с генеральным штабом постепенно

---

[1]) Дельбрюк сначала закончил многотомную биографию, начатую Перц, а затем издал и свою, в двух томах.

втянула его в изучение прошлого военного искусства, и свои семинарии он посвящал почти исключительно исследованию войн, сражений, важных военных проблем прошлого. А работать на семинариях Дельбрюка приезжали историки со многих концов мира. Вместо традиционной филологической критики источников, Дельбрюк развил метод критики достоверности источника по существу, исходя из знания той области, о событиях в которой трактует источник. Дельбрюк требовал достаточных стратегических и тактических познаний от историка, который берется описывать и критиковать военные события прошлого. Как ни странно, но сотни лет ученые филологи считали возможным писать целые трактаты о войнах и военном искусстве (например, труд Момзена о военных установлениях Рима), не имея никакого представления о военном искусстве [1]).

Из работ Дельбрюка имеет чрезвычайно важное методологическое значение для каждого, кто хотел бы заняться военной историей, труд: „греко-персидские и бургундские войны“ и, особенно, его четырехтомное сочинение, законченное лишь в 1920 году: „история военного искусства в рамках политической истории“. К сожалению, последний труд доведен только до Наполеона, при чем, уже на Фридрихе Великом автор заканчивает подробное изложение и излагает французскую революцию и Наполеона лишь несколькими, правда, очень уверенными, мазками.

Через семинарии Дельбрюка прошло три поколения германских историков; сотни диссертаций их были посвящены разработке различных вопросов истории военного искусства. Получился колоссальный сдвиг, и мы теперь не мыслим ни одного серьезного военного историка, который не находился бы в известной зависимости от произведенного Дельбрюком переворота.

Несмотря на свой консерватизм, Дельбрюк мог успешно бороться с генеральным штабом в области стратегии, лишь заняв определенно диалектически-эволюционную точку зрения. В этом отношении он резко разошелся с господствующей исторической школой, и по приемам своего исследования, по разработке особого масштаба для оценки явлений каждой эпохи, по выдвижению на первый план вопросов эволюции, по пониманию процесса исторического развития, как одного целого, Дельбрюк занял чисто диалектическую гегелианскую позицию. Это дало основание известному марксисту Францу Мерингу признать Дельбрюка, несмотря на его частые вылазки против материализма, величайшим историком за последние сто лет.

В чем же суть „стратегической ереси“ Дельбрюка, против которой ополчилось столько правоверных авторитетов, начиная с Мольтке?

Еще Клаузевиц усматривал существование в истории двоякой стратегии. Его не удовлетворяло обычное рассуждение, что великие полководцы встречаются редко, а потому не всегда мы встречаем осуществление настоящей сокрушительной стратегии. Нельзя подвергать суммарному осуждению всю предшествующую Наполеону военную историю из-за того, что она резко расходится с наполеоновскими образцами. Из пятидесяти войн в истории может быть сорок девять войн задаются только ограниченными целями на вооруженном фронте борьбы. Можно ли игнорировать их опыт, ссылаясь на то, что отказ от сокрушения объясняется каждый раз ошибочными взглядами,

---

[1]) См. упреки Леваля по адресу гражданских историков, том I наст. труда, стр. 150—155.

отсутствием энергии? Как великий реалист, Клаузевиц должен был отказаться от осуждения действительности, уклониться от вступления в спор с фактами и признать, что причина лежит в сущности дела. В 1827 году, за три года до смерти, он писал, что собирается переделать свой трактат „о войне" так, чтобы каждый вопрос рассматривался как с точки зрения стратегии сокрушения, так и с точки зрения стратегии ограниченных целей.

Дельбрюк развил эти мысли в приложении к Фридриху Великому. Он указывал, что с точки зрения наполеоновской стратегии Фридрих является не предтечей Наполеона, а жалким тупицей, боязливым игроком, и что величие Фридриха можно понять, только рассматривая его в рамках не наполеоновской стратегии, а стратегии его времени.

Дельбрюк эту другую стратегию, выдвигающую вместо сокрушения ограниченные цели, называет то стратегией измора, то двухполюсной стратегией. Оба термина его не удовлетворяли, так как противники Дельбрюка вкладывали в них совсем не то содержание, которое он разумел.

Под стратегией измора многие понимают столько раз охаянный методизм XVIII века, Бюловское стремление к решению участи войны без сражения, стратегию, единственным средством которой является маневр, грозящий сообщениям неприятеля. Во избежание недоразумений, Дельбрюк обратился к термину „двухполюсная стратегия". Стратегия сокрушения имеет только один полюс—сражение. Решительное сражение представляется единственным средством, к которому она стремится, и пред которым бледнеет все остальное. Стратегия же измора имеет два полюса, одним из которых является сражение, а другим—маневр и прочие бескровные средства. Мысль Дельбрюка, таким образом, сводится к тому, что стратегия сокрушения едина и допускает только одно определенное решение, крайне простое, так как вся деятельность на войне должна быть подчинена требованиям быть сильнее на решительном пункте. Стратегий же измора не одна, а бесконечное количество. Полководец стратегии измора может держаться близко к полюсу сражения, и тогда его деятельность, по внешности, лишь немногим будет отличаться от деятельности стратегии сокрушения; и целый ряд различных ступеней, с все уменьшающимся стремлением к сражению, отделяют полюс сражений от полюса маневренного; в чистом своем виде исключительно маневренная, бескровная стратегия на практике немыслима. Позиционная война являлась непременной спутницей двухполюсной стратегии, так как укрепленная позиция всегда высоко расценивалась всеми полководцами, стремившимися уклониться от решительного сражения.

„Двухполюсная стратегия"—это термин, вызванный только условиями полемики. Вместо него мы пользуемся термином „стратегия измора", но просим очень помнить, что последняя далеко не представляет такого единсгва теории, мысли и решения, как стратегия сокрушения, и представляет целую радугу различных стратегических оттенков.

Те лица, которые нападали на еретика Дельбрюка и указывали на опасность и зловредность его теории, имели серьезное основание для беспокойства. Не только страшные усложнения стратегического мышления являются результатом признания двоякого характера стратегии, но возникают серьезные основания для опасения, не пострадает ли энергия стратегических решений от признания условности каждого метода стратегического мышления.

Все, что раньше было в стратегии бесспорного, теперь выносится на дискуссию: каждая стратегическая истина должна иметь, в частном случае, еще особые, нелегко устанавливаемые предпосылки, чтобы сохранить свое значение на практике. Диалектика, с ее противоречиями и ее трудностями, широкой волной врывается в военное мышление сквозь сделанную Дельбрюком брешь.

Стратеги довоенного периода имели все основания смотреть на теорию Дельбрюка, как на катастрофическое землетрясение, грозящее совершенно разрушить все хрупкие достижения стратегической теории. Ведь дело сводилось к тому, что представляет наполеоновская стратегия: самый ли ствол стратегии, или только одну, хотя и очень крупную, его ветвь? Принять в стратегии деление на сокрушение и измор—это даже более, чем принять для соответственных дисциплин принцип относительности Эйнштейна. И где же допускать эту относительность—в военном деле, где решимость, отсутствие колебаний, целеустремленность имеют такое первостепенное значение!

Однако, всеми этими соображениями еще можно было бы пытаться оспаривать истину, открытую Клаузевицем и Дельбрюком, до мировой войны. После той колоссальной демонстрации стратегии измора, которую представляет мировая война, мы не можем умышленно надеть на себя шоры и не замечать двойственности стратегии. Вся подготовка к мировой войне, ошибочные действия всех генеральных штабов, все это представляет тяжелую расплату за общее стремление мыслить только в плоскости наполеоновской стратегии, не отдав себе предварительно отчета в том, найдет ли она свое применение при данном соотношении сил и средств. Оставаясь в плоскости сокрушения, мы не можем понять причинной связи событий мировой войны, не можем установить точки зрения для суждения о ней, не можем сделать никаких выводов. Из крупных действующих лиц, Фалькенгайн в германском лагере, и Фош в французском, раньше других на практике почувствовали невозможность спорить со стратегией измора, как реальным фактом войны. Они отбросили, правда частично, свои старые воззрения, свои наполеоновские шоры уже к началу 1915 года. Поход в Россию 1915 года, атака Вердена и наступление на Сомме в 1916 году были, может быть, не во всех подробностях, удачными, но сознательными приложениями теории измора.

Будущие труды по стратегии, конечно, должны будут подробно остановиться на разработке вопросов, связанных со стратегией измора. Уже план кампании, если война намечается на измор, будет, конечно, представлять совершенно иную сложность, чем план кампании на сокрушение. Каковы трудности, которые предстоит одолеть стратегической мысли, можно судить хотя бы потому, как неохотно военные историки берутся за разработку войн, складывавшихся на измор. Ведь Г. А. Леер почти никогда не приводил примеров из войны за нераздельность Соединенных Штатов 1862—65 г.г., современником которой он был, а предпочитал черпать из эпохи Наполеона: и действительно, ясная логическая линия войны, которую Наполеон или Мольтке вели на сокрушение, дробится в войне на измор на ряд логических обрубков, ряд произвольный и неопределенный, в котором, однако, очень легко заблудиться и наделать неисправимых ошибок.

Создание стратегического труда, который нам попытался бы дать ясный и цельный взгляд на стратегию в двух ее видах — сокрушения и измора — представляет еще очередную задачу. Пока же нам кажется, что прилагаемые выдержки из четвертого тома истории военного искусства Дельбрюка, гласящие о стратегии Фридриха и Наполеона, могут отчасти сыграть роль руководящей нити [1]), позволяющей ориентироваться в современном стратегическом хаосе.

Редакция.

---

[1]) В этом отношении имеют известную ценность три тома статей, написанных Дельбрюком в течение мировой войны, и особенно „автопортрет Людендорфа"—жестокая критика той стратегии сокрушения, которую пытался проводить Людендорф в течение мировой войны при отсутствии необходимых для ее успеха предпосылок, стратегии, которая так ярко отразилась в труде Людендорфа: „Мои воспоминания".

ГАНС ДЕЛЬБРЮК.

Фридрих, как стратег.

Тактика, за период с эпохи Возрождения до Фридриха Великого, изменилась глубочайшим образом в самом своем корне, но основы стратегии остались теми же. Обширные и глубокие массы пехоты вытянулись в тонкие, как нить, линии; копейщики и аллебардщики превратились в мушкатеров; из одиночных всадников составились сомкнутые эскадроны; немногие тяжеловесные орудия обратились в бесчисленные батареи; но полководческое искусство сохранило за все эти века тот же облик. Все время повторяются одинаковым образом создавшиеся положения и одинаковым образом мотивированные решения. Редко приходится обеим сторонам двигаться прямо навстречу друг другу, чтобы добиться решения. Иногда обе стороны, или же лишь та сторона, которая чувствует себя более слабой, занимают неприступные позиции. Мотивом, заставляющим дать сражение, является предположение одной из сторон, что создался удобный для того случай, например, чтобы иметь возможность атаковать, прежде чем противник успеет укрепиться (под Белой горой в 1620 году; Хохштедт — 1704 год), или же в условиях осады крепости. Сражения под Равенной в 1512 году, под Нордлингеном в 1634 году, под Мальплакэ в 1709 году складываются на совершенно одинаковых основаниях: более сильная сторона хочет осадить какую-либо крепость, а другая стремится помешать этому посредством занятия вблизи выгодной позиции, при чем подвергается атаке. Колин отличается от названных выше сражений только тем, что осаждающий несколько выдвигается навстречу подошедшей на выручку армии. Или же, наоборот, армия, идущая на выручку осажденных, атакует более сильную армию, связанную осадой: Павия 1525 год, Турин 1706 год. Добрая часть Семилетней войны вертится вокруг осад и прикрытия крепостей—Прага, Ольмюц, Дрезден, Швейдниц, Бреславль, Кюстрин, Нейсэ, Глатц, Козель, Кольберг, Глогау. Таковы же условия и борьбы между Карлом V и Франциском I, а также и Тридцатилетней войны и войн Людовика XIV. Решения Густава Адольфа дать сражения под Брейтенфельдом и Лютценом назревают совер-

шенно так же, как и решения Фридриха дать сражение при Лейтене и Торгау. Каждый период, каждая кампания и каждый полководец проявляют при этом свои индивидуальные черты, весьма заслуживающие внимания. Густав Адольф атакует Валленштейна под Лютценом, так как он не хочет позволить ему зимовать в Саксонии; Фридрих Великий атакует австрийцев под Лейтеном и Торгау, потому что он не хочет позволить им зимовать—однажды в Силезии, а другой раз в Саксонии. В этом отношении положение оказывается совершенно схожим, но имеется и значительное различие, поскольку Фридрих и под Лейтеном, и под Торгау шел на несравненно больший риск, чем шведский король. Далекие предприятия и подвижность Торстенсона [1]), конечно, придавали его стратегии совершенно своеобразную окраску, однако, ее основы ничем не отличались от таковых стратегии Густава Адольфа. Даже в истории отдельных полководцев мы встречаем разительные параллели: как Евгений, так и Фридрих понесли в последнем данном ими крупном сражении большие потери убитыми и ранеными и добились лишь скромного стратегического успеха, один под Мальплакэ, другой под Торгау, и после этого вели лишь кампании, которые ими уже больше не доводились до решительного сражения. Мальплакэ являлось тем, что издревле именуется „Пирровой победой", а Торгау было лишь немногим больше. Поэтому, с точки зрения мировой военной истории, надо ставить не вопрос, почему Фридрих после 1760 года так сильно уклонился в сторону маневренного полюса, а каким образом, несмотря на опыт предшествовавших ему великих полководцев, он все же мог еще с таким страстным увлечением приближаться к полюсу сражений. Ответ заключается в том, что возросшие достоинства прусских войск и тактическая их умелость, которые, в конце концов, привели к идее косого боевого порядка и сделали ее осуществимой, дали и в стратегическом отношении гениальному смельчаку новые надежды на апеляцию к решению спорных вопросов сражением.

Если круг воздействия даже крупнейших тактических решений оказывается всегда ограниченным известными рамками, и нельзя ожидать, что они сами по себе приведут к миру, то в этих условиях ценности второстепенного порядка приобретают такое значение, которым полководец не может пренебрегать; является даже необходимость отрывать в их пользу силы от главного тактического решения. В Тридцатилетнюю войну несравненно большая часть наличных вооруженных сил используется на занятие бесчисленного множества укре-

---

[1]) Знаменитый шведский полководец конца тридцатилетней войны; он носился по опустошенной уже Германии из конца в конец.

(*Прим. редакц.*).

пленных городов, а сражения даются лишь маленькими армиями. У Евгения и Мальборо, так же, как и у Фридриха, мы всегда наталкиваемся на случаи, когда в момент решительного сражения отсутствует часть войска, которая, с точки зрения идеала, могла бы быть притянута на поле сражения. В своих „Генеральных принципах“ 1748 года, Фридрих выдвигает начало: если на нас одновременно нападает несколько противников, „то надо пожертвовать неприятелю одной из провинций, пока мы всеми силами не схватимся с другим противником, принудим его к сражению и напряжем крайнюю энергию для нанесения ему поражения, после чего можно будет выдвинуть часть сил против остальных врагов“. Однако, когда в 1756 году предусмотренный выше случай действительно наступил, то Фридрих не смог решиться пожертвовать провинцией и потому не сосредоточил всех своих сил. По этому поводу он к своим „Генеральным принципам“ сделал следующее добавление: „при этом способе войны утомление и марши, которые выпадают на долю армии, действуют на нее, разрушительно; и если такая война затягивается, то в результате она принимает неудачный оборот“. В виду этого, он лишь условно применял принцип, который позднейшими теориями был назван „оперированием по внутренним линиям“. Как высоко ни ценил он решительное сражение, тем не менее, он знал, что не может достигнуть действительного сокрушения противника, и что поэтому, чтобы выдержать войну, не меньшее значение имеет прикрытие провинций, а в частных случаях — и магазинов. Поэтому, когда он в своих теоретических размышлениях вторично возвращается к сосредоточению всех своих сил в одном пункте, то это является для него лишь последним средством отчаяния, чтобы умереть с честью. Когда в зиму 1761/62 г.г. его бедственное положение достигло крайней степени и, повидимому, ничто уже не могло помочь, он за несколько дней (9 января 1762 года) до получения известия о смерти царицы [1]), указал на этот выход своему брату принцу Генриху. Генрих ответил ему, что при сосредоточении всех вооруженных сил в одном пункте пришлось бы повсеместно принести в жертву противнику магазины и провинции. Не иначе думал и сам король, который, несмотря на свой принцип—быть возможно сильнее в сражении—всегда вступал в сражения лишь с частью сил, так как войска расходовались на прикрытие. Он мог бы располагать большими силами на полях сражений при Кессельдорфе, Праге, Цорндорфе и Кунерсдорфе, если бы его не связывали соображения о прикрытии. Уже в момент осады им Ольмюца, когда русские дошли до Одера и угрожали Берлину, принц Генрих предлагал присоединить свою армию

[1]) Елизаветы Петровны. *(Прим. редакц.)*.

из Саксонии к войскам графа Дона и дать сражение русским, чтобы освободить прусские области. Но прикрытие Саксонии представлялось королю слишком важной задачей, и этот план не был приведен в исполнение.

Если мы постоянно встречаемся с теми же явлениями, то это свидетельствует о том, что дело здесь сводится не к случайным ошибкам, а к принципиальным вопросам. От систематического соединения всех сил тем легче было отказаться, чем труднее являлось руководство крупными массами. Развернуть друг возле друга 20 или 30 батальонов и повести их вперед, сохраняя равнение, было чрезвычайно трудно. Вместо того, чтобы стремиться к возможно большим силам, возвращались постоянно к дебатированию мысли—не следует ли для увеличения численности армии установить предельную границу, чтобы большая численность не превратилась в бремя и сама не выросла в препятствие, от которого лучше избавиться. На дискуссию выносилась тема, какова должна быть численность армии, представляющая наибольшие выгоды; таким образом, мысль работала над конструированием нормальной армии. Уже Маккиавели считал, что армия численностью от 25.000 до 30.000 человек является наилучшей. Такая армия позволяет занять позицию, на которой нас нельзя будет вынудить к сражению, и, следовательно, может успешно состязаться с большей армией, не имеющей возможности продолжительное время оставаться сосредоточенной. Тюрен стремился командовать не очень многочисленной армией, не свыше 20.000—30.000 человек, причем, половину должна была составлять кавалерия. Монтекуколи также не хотел иметь более 30.000 человек. „Бой ведется скорее духом, чем телами", пишет он, „поэтому большая численность не всегда приносит пользу". Слишком большие армии не могут быть использованы. В дальнейшем численность несколько выросла. Маршал Саксонский устанавливал, как максимум, 40.000. Флеминг в своем труде: „Совершенный немецкий солдат" (1726 г.) пишет, стр. 200: „Армия в 40.000—50.000 человек, состоящая из решительных и хорошо дисциплинированных людей, в состоянии все предпринять; с такой армией, не хвастаясь, можно обещать завоевать весь мир. Следовательно, все, что превосходит данное число, является излишним и только вызывает ряд неудобств и замешательств". Полвека спустя Гибер дошел до 70.000. Даже в эпоху Наполеона Моро говорил еще о 40.000 человек, как о нормальной численности армии, а маршал Сен-Сир заявил, что вождение армии, превышающей 100.000 человек, повидимому, представляет задачу, превосходящую человеческие способности.

Идея нормальной армии является прямой противоположностью принципа возможно большего сосредоточения всех сил для сражения.

Чем же обуславливается выигрыш сражения, если не превосходством в силах, при предпосылке, что достоинства и храбрость обеих сторон стоят приблизительно на одинаковой высоте?

Впоследствии Клаузевиц сказал: лучшая стратегия заключается в том, чтобы быть возможно сильнее, во-первых, вообще, а во-вторых, в решительном пункте. Мыслителю старой школы эта истина являлась столь мало понятна сама по себе, что Дитрих фон-Бюлов счел необходимым особенно остановиться на обосновании преимуществ, даваемых численным превосходством; они вытекали из необходимости не позволить себя охватить. „Если у вас больше людей, чем у противника, и вы сумеете надлежащим образом использовать это превосходство, то большее искусство и храбрость его солдат окажутся бессильными помочь ему".

Как каждый членик Прусского военного государства, благодаря лучшему обучению и более энергичному напряжению, превосходил в отдельности соответствующую ему в Австрии часть, так же и в той же степени стратегия Фридриха Великого в окончательном результате превосходила стратегию Дауна. Прусские войска более умело маневрировали, пехота скорее стреляла, кавалерия производила более резкий шок, артиллерия являлась более подвижной, интендантство заслуживало большего доверия и позволяло растягивать пятипереходную систему в семи и девяти переходную систему: король—полководец, не несший ответственности ни перед каким высшим авторитетом, не имевший над собой никакого гофкригсрата—все это сводил в стратегию, бесконечно превосходную по своей смелости и эластичности.

Мы знаем, какие чудеса может творить командование. Но нам всегда вновь приходится подчеркивать, что неожиданность, совершенно слепая случайность, играют весьма значительную роль; в течение новых веков значение случайности постепенно наростало, и в эпоху Фридриха достигло своего кульминационного пункта. Теодор фон-Бернгарди [1]) в своем труде „Фридрих Великий, как полководец" насмехается над современниками Фридриха, которые хотели видеть в результате сражения лишь игру случая. Он же усматривает в этом толковании характерное различие не только между королем и его противниками, но также между королем и его помощниками, принцем Генрихом и принцем Фердинандом Браун-

---

[1]) Отец известного современного писателя, Фридриха фон-Бернгарди. Разбор Дельбрюком труда Бернгарди, отца, вызвал нападение на дельбрюковскую идею стратегии измора со стороны сына, чисто династическая вражда в литературе, пережиток эпохи феодализма. В Пруссии можно указать ряд таких явлений: например, очень интересный писатель конца XIX в., Іорк фон-Вартенбург, разделил ненависть к Клаузевицу своего деда, известного врага реформ. *(Прим. редакц.)*.

швейгским. Однако, он упустил при этом из вида, что сам Фридрих во многих местах своих трудов, совершенно как и все остальные генералы его времени, считал обращение к сражению вызовом случаю; но в особенности он упустил из вида, что в условиях XVIII века результат боя зависел от случая фактически значительно более, чем в какую-либо другую предшествующую или последующую эпоху развития военного искусства.

Чтобы использовать действительность огня, линии, в которые строилась пехота, стали делать очень тонкими и соответственно очень длинными. Но эти длинные тонкие линии являлись очень хрупкими: какие-нибудь неровности местности, обрывы, болота, овраги, пруды, рощи, легко могли их разорвать и привести в беспорядок. Кроме того, они были крайне уязвимы с флангов. Чем глубже является построение, тем легче передвигаются войска и тем легче оборонять им свои фланги. Чем мельче является глубина построения, тем сильнее действие огня, но тем труднее всякое движение, как вперед, так и в стороны.

Следовательно, результат сражения, главным образом зависел от того, удавалось ли атакующему выиграть у обороняющегося фланг и подтянуть к нему свои линии в сравнительно терпимом порядке; кроме того, атака должна была обрушиваться по возможности внезапно, так как в противном случае противник получал возможность построить новый фронт.

Степень удачи всего этого находилась в тесной зависимости от местности, которая полководцу заранее не была в точности известна и которую он, в большинстве случаев, не имел возможности полностью лично обрекогносцировать; а если еще прибегали к покрову ночи, чтобы обеспечить внезапность, то для войск отсюда вытекали новые трудности— правильно ориентироваться в темноте.

Качественное превосходство пруссаков над их противниками покоилось в значительной степени на том, что благодаря более интенсивному строевому обучению и лучшей дисциплине, они могли легче торжествовать над этими затруднениями. Это дало право Фридриху высказать смелую мысль, что при удаче флангового маневра можно с 30.000 человек бить стотысячную армию; и, действительно, это ему удалось под Соором и Лейтеном, когда он одержал полные победы, имея против себя весьма значительное численное превосходство.

Но какую роль сыграют в бою благоприятные и неблагоприятные предпосылки, учесть представлялось невозможным.

Под Хорузицем австрийцы проиграли сражение лишь потому, что они слишком долго затянули свой ночной марш.

Пруссакам же удался ночной марш, давший им победу под Гогенфридбергом.

Под Кессельдорфом надо считать чисто счастливой для пруссаков случайностью, что им удалось атаковать саксонцев до подхода австрийцев.

Под Ловозицем австрийцы в сущности выиграли сражение, и победа осталась за пруссаками лишь потому, что Броун не уяснил себе одержанного успеха, не преследовал и ночью отступил.

Под Прагой Даун со своей армией находился на пути к соединению с главными силами. Передовые части корпуса Пуебла во время сражения приблизились к полю сражения и находились в тылу у пруссаков на удалении всего в 10 километров. Корпус насчитывал 9.000 человек и, так как ход сражения колебался, мог бы дать австрийцам решительный перевес.

Под Лейтеном небольшая цепь холмов дала возможность пруссакам скрыть их фланговый марш для охвата левого крыла австрийцев; последнее оказалось невозможным под Колином.

Под Цорндорфом русский отряд, силой в 13.000 чел.[1]), находился на расстоянии двух переходов к северу от поля сражения и мог бы очень легко соединиться с главными силами русской армии.

Сражение у с. Кай[2]) вероятно могло бы быть выиграно пруссаками, если бы колонне генерала Канитца, которую русские должны были обходить обширной дугой с юга, удалось переправиться через Эйхенмюлен—Флис.

Под Кунерсдорфом королю удалось сосредоточить свои войска прямо против русского фланга, но это преимущество было сведено на нет тем, что местность здесь представляла существенные затруднения для атаки, которые королю заранее не были известны, а отчасти и не могли быть заблаговременно выяснены.

Под Торгау все зависело от того, что обе половины армии, из которых одной командовал король, а другой Цитен, и которые наступали совершенно раздельно, действовали бы в бою во взаимной связи, дружно; этого удалось достигнуть лишь в самую последнюю минуту боя.

Здесь нам нужно остановить свое внимание, чтобы уяснить субъективные черты величия прусского короля. Когда в 1852 г. генерал Леопольд фон-Герлах прочел историю Пруссии Ранке, он записал в своем дневнике (т. I, стр. 91) следующее: „Фри-

---

[1]) Отряд Румянцева. *(Прим. редакц.)*.

[2]) В русской военной истории более известно под именем сражения под Цюлихау (или Пальциге), 23 июля (нов. стиль) 1759 г., в котором русская армия Салтыкова (до 40 тыс.) разбила прусскую армию ген. Веделя (27 тыс.) *(Прим. редакц.)*.

дриховская стратегия часто представляет неописуемую слабость, но в ней имеются и выдающиеся по блеску моменты". То, что Герлаху казалось неописуемой слабостью, представляет сущность стратегии измора, представление о которой было утрачено в военных кругах XIX века. Кто не может представить себе короля на этом фоне, тот непременно должен вынести ему обвинительный приговор. Совершенно сбиваются с истинного пути те, которые стремятся рассматривать Фридриха, как представителя стратегии сокрушения; с этой точки зрения Фридрих, на всем протяжении своей военной карьеры, за исключением очень немногих моментов, должен казаться слабеньким человеком, который не решается до конца ни продумать, ни осуществить на деле свои принципы. Величие Фридриха становится вполне понятным лишь тому, кто видит в нем стратега измора. В отношении оценки решительного сражения, между ним и его предшественниками и современниками, как мы видели, нет различия. Он, безусловно, жил в атмосфере взглядов стратегии измора, но на кульминационном пункте своей военной карьеры он так приблизился к полюсу решительного сражения, что могло получиться представление, будто он был сторонником стратегии сокрушения и, как таковой, являлся предтечей Наполеона. Многие думают, что тем самым они окружают его память особым ореолом, а между тем, в действительности, они выставляют его в очень неблагоприятном свете. Чтобы действовать по принципам стратегии сокрушения, необходимы предпосылки, которых недоставало фридриховскому пониманию государства и армии. Фридрих шаг за шагом неизбежно отставал от требований стратегии сокрушения. Для оценки его хотят применить неподходящий к нему масштаб, отчего в самые великие для него дни он начинает казаться мелкой и ограниченной фигурой. Позднейшие годы его деятельности пришлось бы излагать как даже, отречение от самого себя. Если же Фридриха правильно поставить в рамки и на почву стратегии измора, то получается живой и чудовищно великий образ. В сущность стратегии измора входит неотъемлемый момент субъективности; я считаю себя в праве сказать, что фридриховская стратегия субъективнее стратегии любого другого полководца во всей мировой истории. Он всегда воспрещал своим генералам созывать военный совет, в некоторых случаях, даже под угрозой смертной казни, как например, при возложении на графа Дона командования против русских (письмо от 2-го августа 1758 года). Он полагал, что на военном совете всегда одерживает верх партия, отстаивающая более робкое решение. Он же требовал, чтобы рисковали даже в темную. Такое решение всегда должно носить личную окраску, должно быть субъективным. Военный совет слишком робок, потому что он слишком объективен. Если допустить

паралель с изобразительными искусствами, то мы вспомним, что XVII и XVIII века являлись эпохой стилей Барокко и Рококо, которые давали возможность фантазии работать с необузданной субъективностью, в то время, как классическое искусство держится объективных форм. Если мы не называем Фридриха героем Рококо, то потому, что с этим словом в нашем представлении связывается известное изящество и мелочно-салонный характер, которые оказываются здесь совершенно неуместными.

Такую характеристику скорее можно бы отнести к французским полководцам в Семилетнюю войну. К Фридриху сравнение с стилем Рококо может прилагаться только, чтобы подчеркнуть субъективную особенность его полководческой деятельности—полную противоположность всякой схематичности. Можно сказать, что его решениями никогда не руководила вытекающая из природы необходимость, а лишь свободная личная воля. Вместо того, чтобы в 1757 г. начать обширное вторжение с нескольких сторон в Богемию, он мог бы держаться обороны и предоставить инициативу противнику. Он часто мог бы атаковать, когда он этого не делал; точно так же он мог бы воздержаться от атак при Ловозице, Цорндорфе, Кае и Кунерсдорфе. Формально, то же, конечно, можно повторить и о наполеоновских решениях, но по существу последние определялись внутренним законом: логическая необходимость ведет Наполеона к цели.

Чем сильнее в каком-нибудь замысле субъективный момент, тем тяжелее ложится бремя ответственности и тем труднее принятие решения. Сам герой видит в своем решении не результат рациональной комбинации, а, как мы уже видели, вызов судьбе и случаю. И достаточно часто приговор судьбы гласил против него самого.

Но если в дерзости решений Фридриха проявлялось величие его характера, то оно должно было еще больше проявиться в стойкости, с которой он встречал обрушившиеся несчастья. Если сравнить Фридриха с последним его предшественником, принцем Евгением, то полководческая карьера прусского короля окажется изобилующей гораздо большим количеством превратностей: у принца Евгения видна известная жесткая последовательность развития, и часто протекают целые годы между моментами, когда оно заостряется до действительного величия; у Фридриха же на протяжении одного года мы находим четыре больших сражения—Прага, Колин, Росбах, Лейтен; перетерпеть эту смену побед и поражений—это достойно еще большей славы, чем сама победа. Нет никакого сомнения, что попытка взять в плен в Праге всю австрийскую армию вела к перенапряжению сил, а атака под Колином вдвое сильнейшей австрийской армии, занимавшей чрезвычайно выгодную позицию, являлась су-

масшедше смелой. Но такого рода победы и поражения имели моральное значение, далеко выходящее за пределы военного успеха, и почти что от него независимое. Отсюда вытекало то огромное почтение, которое король внушал неприятельским полководцам. Почему они столь редко использовали те благоприятные случаи, которые он им достаточно часто предоставлял? Они не осмеливались дерзать. Они считали его на все способным. Если величайшая осторожность в подходе к крупным решениям вообще лежит в существе двух-полюсной стратегии, то эта осторожность, особенно у главного противника Фридриха, Дауна, разросталась в боязливость, как только он встречал перед собой самого Фридриха.

Война—это шахматная игра; война—это борьба физических, интеллектуальных и моральных сил. Следя за походами Фердинанда Брауншвейгского против французских войск, можно заметить, что этот ученик фридриховской школы превосходил всех остальных исключительно потому, что обладал большим стратегическим мужеством; он противостоял опасности, перед которой пассовал его противник. Фердинанд располагал в 1759 году 67.000 человек против 100.000, а в 1760 году 82.000 человек против 140.000 и удержался. Решения имели меньший масштаб и сопровождались меньшими потерями, но в общем противоречия здесь оставались теми же, что и на главном театре войны, в борьбе Фридриха против австрийцев и русских.

Современники Фридриха, и во главе их его брат, принц Генрих, часто в самой резкой форме порицали короля за то, что он проливает излишнюю кровь; они уверяли, что его военное искусство состоит в том, чтобы вечно драться. Французский полковник Гибер хотел доказать (1772 г.), что он побеждал своими маршами, а не даваемыми сражениями. Новейшие писатели, наоборот, хотят видеть гений Фридриха в том, что он, и только он, из всех его современников, правильно оценивал природу сражения и надлежащим образом его применял. В сущности, король сам признал правоту современных ему критиков: он объявил своего брата Генриха единственным полководцем, не сделавшим ни одной ошибки; в последних кампаниях он отказался от принципа сражения; в своей истории Семилетней войны он признал метод Дауна хорошим. Мы также видели, что конечный результат Семилетней войны был обусловлен не исходом сражений. Если Фридрих не дал бы сражений при Праге, затем при Колине, а также при Цорндорфе и Кунерсдорфе, то он выдержал бы войну легче и лучше. Но это соображение весьма поверхностного порядка. Совершенно верно, что этих сражений можно было бы избежать, и что их первоисточником являлась не деловая внутренняя необходимость, а личные настроения и субъективность полководца. Но Росбах и Лейтен

были во всяком случае необходимы; для полководца, принявшего оба эти решения, субъективную, но все же внутреннюю необходимость представляли и данные им сражения под Прагой, Колином, Цорндорфом и Кунерсдорфом. „Экипаж опрокинулся“, острил принц Генрих после поражения при Колине. Сравнение было бы правильным, если бы Пруссия после этого разгрома действительно пала, и король не нашел в себе силы воспрянуть вновь. Но так как он имел в себе эту силу, то он не только не мог, а должен был описать предопределенный ему путь. Он не был бы самим собой, если бы не попытался подчинить себе судьбу. Может быть, с деловой точки зрения, было бы ему и выгоднее уже вступить в Семилетнюю войну с той ограниченной программой стратегической обороны, которой он начал следовать, начиная с 1759 года, но это было для него внутренне невозможно. Первоначально, в 1757 году, он, ведь, имел это в виду, но когда Винтерфельд развернул перед ним блестящие возможности наступательных успехов, он не мог устоять перед силой неземного очарования открывшихся перспектив и не должен был отступать перед ними. Это дает нам разгадку понимания не только самого Фридриха, но и противоречивых о нем суждений. В наивном представлении современников, видевших только геройство, Фридрих обожествлялся; критика его современников—специалистов—прокляла позднейшие военно-исторические труды; сознавали, правда, что проклятие являлось абсурдным, но отнесли свое признание Фридриховского искусства к неправильной категории, отчего создались внутренние противоречия.

Фридрих пишет в введении к своей истории Семилетней войны, что необходимость иногда заставляла его искать решения в сражении. Теодор фон-Бернгарди, наоборот, поучает нас, что необходимость заставила короля отказываться от сражений. Может ли быть что-нибудь более удивительным, чем то, что через сто лет после Фридриха, прусский генеральный штаб перестал понимать его стратегию, и, начав издавать, при обширном использовании первоисточников, громадный труд по фридриховским войнам, обнаружил после того, как работа уже сильно подвинулась, и много томов было выпущено, что он исходил из ошибочного основного взгляда? Но, как это ни удивительно, это все же остается фактом и к тому же имеющим естественные объяснения. Между историческим суждением и практическим применением искусства легко может возникнуть подобное разногласие.

Как ни ценным является для практики углубление в историю, оно представляет и известную опасность, так как при подобном углублении приходится рассматривать только как относительное многое из того, что практик полагает и должен полагать абсолютным законом, чтобы достичь пол-

ной уверенности и твердости представлений, необходимых для действий. Только очень сильное мышление имеет возможность охватить в себе и то и другое, и на этом основании я могу заключить главу следующим рассказом: фельдмаршал Блюменталь, несомненно принадлежавший к решительным представителям стратегии сокрушения (в 1870 году он с самого начала требовал, чтобы одновременно с обложением Парижа было начато большое наступление в глубь Франции), однажды высказал мне свое одобрение по поводу моего толкования фридриховской стратегии и заявил, что к этой стратегии еще когда-нибудь вернутся [1]).

Наполеоновская стратегия.

Я еще раз хочу повторить, что естественным принципом стратегии является сосредоточение всех сил воедино, розыск главных сил противника, нанесение им поражения и развитие победы преследованием, хотя бы до занятия всей неприятельской страны, пока побежденный не подчинится воле победителя и не примет его условий. „Среди всех целей, которыми можно задаваться на войне, уничтожение неприятельских боевых сил является целью, всегда господствующей над остальными“. (Клаузевиц). Следовательно, объектом наступления являются главные силы неприятеля, а не какой-нибудь географический пункт, область, город, позиция или магазин. Если удастся, добившись крупного тактического решения, до такой степени физически и морально потрясти неприятельские вооруженные силы, что они потеряют возможность борьбы, то победитель развивает свою победу

---

[1]) Фельдмаршал Блюменталь, лучший генерал прусского генерального штаба, был в войнах 1866 г. и 1870 г. начальником штаба армии кронпринца прусского и оказал выдающиеся заслуги; так, Седанское сражение вылилось в окончательной форме из его головы. Его пророчество о возвращении в будущем к стратегии Фридриха блестяще оправдалось в мировую войну.

Нам хочется указать, что здесь Дельбрюк не прав; он сам стоит на точке зрения диалектики и смотрит, как на нечто относительное, на стратегию сокрушения; и в то же время он признает, что такой диалектический подход может принести вред практикам-офицерам генерального штаба, влившн в них яд сомнения в непогрешимость исповедуемого в настоящее время учения. Все генеральные штабы всех государств организовали всю подготовку к мировой войне, исходя из непоколебимой веры в стратегию сокрушения, испытали жесточайшее разочарование; в течение самой войны они не могли ориентировать свое мышление, искусственно односторонне воспитанное, в действительных условиях войны на измор. Мы смело ввели более гибкую подготовку мышления практиков и выносим широкой волной диалектику в наши суждения по стратегии и истории военного искусства.

(Прим. редакц.).

постольку, поскольку он сочтет это необходимым для достижения своей политической цели.

Армии старых монархий были слишком малы, тактически слишком беспомощны и по своему составу слишком неблагонадежны, чтобы иметь возможность проводить эти принципы в своей стратегии. Они закреплялись перед позициями, являвшимися непреодолимыми для их тактики, и не могли их обходить, так как должны были волочить за собой свое продовольствие. Они могли дерзать вторгаться лишь на скромное удаление в неприятельскую страну, так как они не были в состоянии прикрывать обширных областей и должны были при всяких обстоятельствах сохранять обеспеченное сообщение со своими базисами.

Наполеон увидел себя освобожденным от этих оков. Он с самого начала возложил все свои упования на тактическое решение, которое должно вывести из игры действующие неприятельские войска, а затем развивал победу, пока противник не подчинялся его условиям. Из этого высшего принципа вытекают следствия, распространяющиеся и на планы кампаний и на все частные военные предприятия. Так как весь расчет заранее основывается на сокрушительном тактическом решении, то все прочие цели и соображения подчиняются этой высшей цели, и план кампании получает известную естественность и простоту.

Стратегия же измора строится на отдельных предприятиях, которые могут получить тот или иной облик. В начале Семилетней войны Фридрих колебался между самыми разнообразными, даже прямо противоположными планами. Чем предприимчивее и чем деятельнее полководец, тем больше возможностей представляется его фантазии и тем субъективнее его решения. Наполеоновские же планы кампаний отличаются объективной внутренней необходимостью. Когда их впервые изучаешь и уясняешь, то испытываешь чувство, будто они иначе не могли и быть, и творческая деятельность стратегического гения состояла лишь в том, чтобы найти решение, диктовавшееся самой природой вещей. Стиль Ампир, о котором говорит история искусств, со своим классицизмом и прямолинейной простотой, имеет известное сходство и с военным искусством этой эпохи.

Попытаемся составить себе представление о тех положительных следствиях, которые вытекают непосредственно из противоречия основных принципов. Я не буду развивать его диалектически, так как мы можем его непосредственно прочесть в деяниях великих мастеров—Наполеона и Фридриха.

Наполеоновская идея похода сводилась к тому, чтобы устремить свое внимание на неприятельскую армию и заблаговременно приложить все силы к тому, чтобы не только ее атаковать, но по возможности и уничтожить. Фридрих

выдвигал принцип: „кто хочет сохранить все, не удержит ничего. Следовательно, существенный пункт, которого надо держаться, это неприятельская армия“. Однако, мы видим, что этот принцип имел для Фридриха лишь относительное значение, и что он постоянно и очень сильно от него уклонялся. У Наполеона он царствовал безусловно. Когда Наполеон имел дело с несколькими противниками, он имел возможность разделаться порознь с каждым. В 1805 году он победил австрийцев (при Ульме), прежде чем подошли русские, затем он разбил русских с остатками австрийцев (при Аустерлице), прежде чем вмешались пруссаки. В 1806 году он опять-таки победил пруссаков, прежде чем пришли русские (при Иене), и в 1807 году русских, прежде чем вновь выступили австрийцы.

В начале Семилетней войны Фридрих действовал совсем иначе. Первые месяцы 1756 года обстановка уже вполне назрела; австрийцы еще не закончили вооружений, а русские и французы были еще далеко. Однако, вместо того, чтобы как можно скорее нанести удар, Фридрих искусственно оттянул начало войны на конец августа. Если бы он был стратегом школы сокрушения, т.-е. если бы ему это позволяли его средства, то мы должны были бы признать, что такой образ действий являлся самой тяжелой стратегической ошибкой во всей его военной карьере. Но так как, даже при самых благоприятных обстоятельствах, план полного сокрушения Австрии оставался для него недоступным, то он поступил правильно, ограничившись на этот год оккупацией Саксонии и начав ее настолько поздно, что французы признали уже невозможным помешать ему в этом.

Отсюда видно, насколько нецелесообразно действуют те, которые, во имя вящтего прославления Фридриха, пытаются доказать, что в следующем году, 1757, сокрушение Австрии действительно входило в его план (сражение при Праге, осада Праги). Если бы этот план действительно был выполним в 1757 году, то насколько легче было бы его осуществить в 1756 году! Образ действий Фридриха ясен и последователен лишь на фоне стратегии измора. Если же это так, то мы должны оценить эту завязку Семилетней войны в ее коренном противоречии к образу действий Наполеона в 1805 и 1806 году, как прекраснейшее и плодотворнейшее свидетельство естественных противоречий между сущностью и принципами обоих, существовавших в истории, видов стратегии.

Продолжим тем же путем наше исследование.

В стратегии измора на первом плане событий стоят осады крепостей, воспрепятствование таковым и деблокирование их; у Фридриха это выражается менее сильно, чем у его предшественников, но все-таки достаточно сильно. Наполеон

же за все свои кампании (помимо второстепенных операций) обложил только две крепости, Мантую в 1796 году и Данциг в 1807 году.

И на обе эти осады он решился лишь потому, что с наличными силами в данный момент не мог ни развивать, ни продвигать дальше маневренную войну против неприятельских войск. В стратегии сокрушения осаждают лишь в том случае, если осады никак нельзя избежать, будь то даже неприятельская столица, как Париж в 1870 году, или крепость, в которой заперта целая неприятельская армия, как Мец в 1870 году, или же осада представляет только второстепенную операцию. А для Фридриха взятие крепости, как Нейссе (1741 г.), Прага, Ольмюц, Швейдниц (1762 г.), часто является истинной целью всей кампании.

Поучение Фридриха ясно: „если вы попадаете в страну, в которой имеется много укрепленных пунктов, то захватывайте их все и ни одного не оставляйте позади себя; лишь тогда вы будете методично продвигаться вперед и можете не опасаться за свой тыл“.

Если бы союзники придерживались этого фридриховского принципа при вторжении во Францию в 1814 году, им никогда бы не удалось низложить Наполеона.

Фридрих строил каналы и пользовался водными путями не только для торгового движения, но и для довольствия войск. Наполеон строил шоссе; движение в его ведѐнии войны было на первом плане.

По выражению, к которому часто прибегал сам Фридрих, сражение есть „рвотное средство“, которое дается больному. „Мне не оставалось ничего другого,“ часто писал он, когда хотел оправдать свое решение дать сражение. Последнее является для него вопросом, обращенным к судьбе, вызовом случайности, не поддающейся учету и определяющей исход. Наполеон же говорит нам, что у него был принцип—никогда не вступать в сражение, не имея 70 шансов из 100 на победу. Если бы Фридрих держался этого принципа, то он едва ли мог бы разыграть хотя бы одно сражение. Происхождение этого различия отнюдь нельзя видеть в сравнительной смелости обоих полководцев: оно коренится в различиях самих систем: если бы стратег школы сокрушения рассматривал сражение, как приводящее к случайному исходу, то вся война для него была бы комбинацией случайностей, так как в его представлении все решения даются сражениями. В стратегии же измора сражение является лишь одним моментом, из числа многих других, и исход его может быть вновь сбалансирован. Фридрих писал однажды, проектируя сражение, что даже в случае его проигрыша положение, повидимому, не станет хуже, чем было до того. В устах Наполеона подобная мысль была бы непонятна и невозможна. В его глазах проигранное

или выигранное сражение, при любых обстоятельствах, меняло всю обстановку самым коренным образом. Пруссия могла перетерпеть Кунерсдорф, но не Иену. Мы видели, насколько Фридрих ограничивал приложение на практике правила, столь часто провозглашаемого, о том, что к сражению надо притягивать все наличные силы. Наполеон же действительно осуществлял это правило, хотя, конечно, и для него оно являлось не абсолютным. 15 ноября 1805 года он писал Мармону: „Мне приписывают несколько больше таланта, чем другим, и, все-таки, мне всегда кажется, что у меня недостаточно войск, чтобы дать сражение противнику, которого я привык бить; я подтягиваю к себе все, что только могу собрать".

Фридрих придерживался принципа — проектировать возможно более обширный план, о котором он сам себе заранее говорил, что при исполнении он сморщится. Он постоянно возвращался к этому принципу. „Обширные планы кампаний", значится в политическом завещании 1768 года, „бесспорно являются наилучшими, так как, при их проведении в жизнь, сразу выясняется, что невыполнимо, и, ограничиваясь выполнимым, все же достигается большее, чем при наличии скромного плана, который никогда не может дать ничего великого". „Такие большие планы не всегда бывают успешны; но если они удаются, то они решают войну". „Составьте четыре такого рода проекта, и если один из них удастся, то вы уже будете вознаграждены за все труды". Если сравнить первоначальные проекты Фридриха с его последующим образом действий, то создается впечатление, будто его энергия не была на высоте его стратегических идей. Но это грубейшее заблуждение. Он совершенно сознательно сначала составлял планы, далеко выходящие за пределы возможного, чтобы ни в коем случае не задержаться, не достигнув пределов доступного. Жестокая действительность устанавливает эту границу; он знал, что она не упустит этого сделать и хотел дойти до нее. Следовательно, его стратегические идеи могут рассматриваться и расцениваться лишь с соответственной оговоркой. О Наполеоне же можно сказать как раз обратное. Его планы при выполнении не только не съеживались, но скорее разрастались. Он говорит о самом себе: „В мире не существует более малодушного человека, чем я, когда мне приходится составлять план кампании, я представляю себе все опасности в преувеличенном виде и рисую себе все в возможно черном свете; я нахожусь всегда при этом в мучительном возбуждении. Правда, это не мешает мне казаться окружающим совершенно бодрым. Но если я уже принял решение, то я забываю все и думаю лишь о том, что могло бы способствовать его удаче".

В сражении Фридриха все строится на единстве и связности усилий; от первого удара зависит решение. Наполеон

же вступает в сражение без определенного плана, не имея даже точного представления о расположении противника. „Надо завязать бой,—говорит он, а затем уже будет видно, что надлежит делать дальше. При таких условиях, весьма значительная часть армии должна оставаться в резерве, чтобы вступить в борьбу за решение в том пункте, который будет указан полководцем. Это различие между сражениями Фридриха и Наполеона прежде всего сказывается в различных тактиках—линейного боевого порядка и стрелкового боя [1]). Однако, здесь имеется также известная связь со стратегией. Наполеоновское сражение органически вырастает из предшествующих операций, хотя это часто вовсе не предвидится. Фридриховское сражение берет начало в более или менее заранее подготовленном субъективном решении, следовательно, оно не нуждается в длительном введении к нему, и чем скорее оно достигнет развязки, тем это лучше.

Фридрих всю жизнь проводил в размышлениях над стратегическими принципами, вспомогательными средствами и планами. Наполеон же говорил: „Je ne connais que trois choses à la guerre; c'est faire dix lieues par jour, combattre et rester en repos“ [2]).

Если можно утверждать, что Наполеон давал развиваться сражению, не имея предвзятой идеи, то аналогичное утверждение можно распространить и на его стратегию. Он сам высказал, что никогда не имел плана кампании. И это нисколько не противоречит приведенному нами выше сообщению Наполеона о том, что он был очень боязлив при разработке своих планов. Столь часто приводимые слова Мольтке гласят: „Ни один оперативный план не может, хотя бы с некоторой достоверностью, простираться за пределы первого столкновения с главными силами противника. Только профан может полагать, что ход кампании представляет логическое осуществление заранее очерченной, детально проработанной и удерживаемой до конца первоначальной идеи“ [3]).

В таком же смысле говорил Наполеон, утверждая, что никогда не имел плана кампании. Несомненно, что, приступая к развертыванию своих войск, он, естественно, всегда имел весьма определенную идею и тщательно взвешивал все могущие создаться возможности, но он заранее не склонялся в пользу которой-либо из них. В стратегии же измора мы всегда встречаем весьма заблаговременно разработанные планы

---

[1]) Вернее было бы сказать—перпендикулярной, глубокой тактики. *(Прим. редакц.)*.

[2]) „Я признаю на войне только три вещи: проходить сорок верст в день, драться и отдыхать“. *(Прим. переводчика)*.

См. т. I наст. труда, стр. 169, оценка Левалем этой сомнительной мысли Наполеона. *(Прим. редакц.)*.

[3]) См. выше, этюд Мольтке „о стратегии“. *(Прим. редакц.)*.

целых кампаний; правда, у Фридриха эта разработка не заходила так далеко, как у его современников, однако, согласуясь с природой стратегии измора, эта разработка имелась и у него.

Наполеон также был недостаточно силен, чтобы доводить сокрушение противника до такого предела, как, например, довел его Александр Македонский, завладевший всей Персией. Даже пруссаки в 1807 году могли бы еще продолжать борьбу, если бы только русские были на это согласны. Наполеон доводил свои войны до конца не только победами, но и путем политики. Таким образом, как будто можно сказать, что между Наполеоном и его предшественниками различие было лишь относительным. Однако, мы видели, что на практике разница между ними была капитальной, и Наполеон, как и Александр Македонский, действовал на основании принципов, логически вытекающих из сущности стратегии сокрушения. Он мог так поступать потому, что был уверен или полагал, что мог быть уверенным в том, что если ему в конечном результате чего-то и не достало бы для полного сокрушения противника, не хватило бы дыхания, если можно так выразиться, то он всегда имел бы возможность пополнить политикой недостающее.

Да, следует сказать, что в этом-то и заключается его историческое величие. В самых сокровенных глубинах своего существа Наполеон представлял гораздо более государственного человека, чем воина. Ни в молодости, ни позднее, он не посвящал свое внимание занятиям ни военной историей, ни военной теорией. Все мыслящие военные углублялись в вопрос, не следует ли от тонких линий вернуться к глубоким колоннам; у поручика Бонапарта мы не встречаем и следов интереса к этому вопросу. Фридрих читал все, что только имелось в античной и новой литературе о войне и военной истории.

Правда, и Наполеон часто указывал на то, что воин должен изучать деяния великих полководцев, чтобы у них поучаться, и называл Александра, Ганнибала, Цезаря, Густава Адольфа, Тюренна, Евгения и Фридриха, но сам он, помимо Цезаря, в сущности был знаком лишь с весьма маловоенными биографиями Плутарха и охотнее читал политические и нравственно-философские труды. Нет ничего более характерного для Наполеона, как его поведение в начале революционных войн. Он был в то время французским поручиком; если бы в нем перевешивала склонность к военному делу, то это должно было бы побудить его принять участие в рядах своего полка в борьбе на фронте, тем более, что он усердно примыкал к новым политическим идеям. Но молодой офицер в течение всего первого года уклонялся от войны и провозился с несколько авантюристическими планами корсиканской политики. Лишь потерпев в последней неудачу, отправился он в армию. Первый же план крупного похода, составленный им в 1796 г.,

когда ему было поручено командование армией в Италии, представлял политическое сооружение, бившее на отделение Сардинии от Австрии; в 1797 году он закончил войну с Австрией, в конечном счете, также средствами политики: достигнув уже ближайших окрестностей Вены, он выступил не только с требованием аннексий за счет побежденных (Бельгии и Милана), но и предложил им крупную компенсацию (Венецию). Совершенно также обстояло дело и в его позднейших войнах; при всем своем пылком воображении он верно расценивал пределы своих сил. Утратил ли он, начиная с 1812 года, это свойство, перестало ли оно умерять его действия в границах достижимого, или какая-то неизбежная внутренняя необходимость вывела его из равновесия, — этот вопрос мы оставляем пока открытым. Но мы утверждаем, что условия, в которых он действовал, сделали для него возможным то, что являлось невозможностью для Густава Адольфа, полководцев Людовика XIV, принца Евгения Савойского и Фридриха Великого, а именно, строить планы своих кампаний не на простом изморе, а на сокрушении противника, и затем политикой завершать свое дело.

Если кто-нибудь стал бы полагать, что новая стратегия выросла сама собой на почве новых обстоятельств и представляет, таким образом, естественный продукт, то это было бы заблуждением. Лишь творческий гений великой личности фактически создал из имеющегося материала новый облик явления. Как раз в таких моментах мы можем с особенной отчетливостью познать, что мировая история ни в коем случае не является, как это думают материалисты, естественным процессом [1]). Можно уяснить себе это, сравнивая первые кампании, являющиеся проявлением новой стратегии, а именно кампании генерала Бонапарта с таковыми значительнейшего из его коллег, генерала Моро.

После того, как истек 1795 год, не приведя к каким-либо крупным тактическим столкновениям, и Пруссия по Базельскому миру вышла из войны, французы выставили весной 1796 года три армии, из которых одной командовал Бонапарт в Италии, другой Моро на верхнем Рейне и третьей Журдан на среднем Рейне, до Дюссельдорфа. При помощи английских субсидий, австрийцам вместе со своими мелкими союзниками удалось выставить против французов войска, численно не только не уступавшие, но даже несколько их превышавшие.

---

[1]) Дельбрюк, открывший такой широкий доступ диалектике в историческую критику, порой вспоминает свое положение литературного лидера прусского консерватизма и разражается несколькими выпадами против материалистического понимания истории, которому он оказал столько услуг. По существу, конечно, материализм отнюдь не отрицает значения личностей, разгадывающих новые требования жизни и переводящих практику в их русло. *(Прим. редакц.).*

Обе стороны, руководясь принципом прикрытия занимаемой территории, растянули свои войска по длинному фронту. Бонапарт, войска которого частью находились в Альпах, а частью на Ривьере и дотягивались до окрестностей Генуи, сосредоточил свои главные силы к крайнему правому флангу на Ривьере, оставив свои сообщения с Францией лишь слабо прикрытыми. Обе стороны двинулись навстречу друг другу через перевалы Аппенин, и хотя французы были в общем на несколько тысяч человек слабее, тем не менее, благодаря своей группировке, в каждом отдельном бою они численно превосходили своего противника; они разбили центральную колонну, затем ворвались между австрийской и сардинской армиями и окончательно одержали верх, при чем генерал Бонапарт заключил весьма выгодное для сардинского короля перемирие. Австрийцев же Бонапарт оттеснил до Мантуи, запер там и осадил остатки их армии. Австрийцы четыре раза спускались с Альп для деблокады Мантуи, но каждый раз были разбиты французами, при чем однажды Бонапарт даже снял осаду с крепости и пожертвовал своей тяжелой артиллерией, чтобы добиться превосходства для победы в открытом поле.

Когда Наполеон, после своих побед, вел в Леобене переговоры о перемирии, он сказал австрийским генералам: „в Европе имеется много хороших генералов, но они сразу зарятся на слишком многие вещи. Я же вижу только одно, а именно массы. Я стремлюсь их уничтожить, потому что уверен, что с этой целью я достигну сразу и все остальные“.

Несколько позднее он говорил в Милане: „сущность стратегии состоит в том, чтобы, обладая более слабой армией, всегда иметь в пункте, где мы атакуем или где нас атакуют, больше сил, чем противник“. Наконец, на острове св. Елены он писал: „в революционных войсках придерживались ошибочной системы и раздробляли силы, выделяя отряды направо и налево, что является совершенным извращением. Моими столь многочисленными победами я в действительности обязан как раз обратной системе. Накануне сражения я собирал все мои дивизии к тому пункту, где собирался нанести удар, и не рассеивал их. Здесь моя армия массировалась и с легкостью опрокидывала все то, что ей противостояло, и что, конечно, всегда было более слабым“.

Моро и Журдану было бы, конечно, весьма выгодно оперировать в Германии таким же образом, как Бонапарт оперировал в Италии. Австрийцы, которыми командовал эрцгерцог Карл, растягивались на фронте от Базеля до р. Зиг. После того, как успехи Наполеона вынудили отозвать корпус Вурмзера в Италию, силы обеих сторон приблизительно сравнялись. Сконцентрировав свои войска, французы могли бы атаковать и разбить порознь австрийские корпуса. Энергич-

ные удары и были намечены в действительности; но цель их заключалась не в уничтожении неприятельской вооруженной силы, а в захвате территории. Дав лишь несколько малозначительных боев, французские генералы добились маневром отхода эрцгерцога Карла в Баварию. Моро достиг реки Изара. Но тем временем эрцгерцог Карл направил свои главные силы на Журдана, нанес ему под Вюрцбургом чувствительный удар и потеснил его до Рейна. На Изаре Моро располагал более, чем двойным численным превосходством над противником. Тем не менее, и он присоединился к отступлению и в дальнейшем также не сумел использовать своего превосходства, и через четыре месяца обе стороны располагались приблизительно на тех же позициях, которые занимали к началу военных действий. Однако, общественное мнение оценивало счастливое отступление Моро, не сопровождавшееся никакими потерями, как крупное стратегическое достижение.

Автором французского плана кампании, устанавливавшего развертывание трех армий: Бонапарта, Моро, Журдана, являлся военный министр Карно; в нем пожелали усмотреть стратегическую концепцию крупного масштаба, предполагая, что Карно хотел дать всем трем армиям концентрическое направление на Вену. Карно, действительно, имел в виду взаимодействие на итальянском и германском театрах военных действий, однако, не в том смысле, чтобы все три армии, наступавшие каждая со своей особой базы, в результате должны были сойтись на одном поле сражения, чтобы уничтожить неприятельскую вооруженную силу. Целью Карно было оказание армиям и взаимной поддержки, чтобы путем угрозы флангу неприятеля все дальше и дальше его оттеснять и захватывать территорию. В известном отношении этот план можно сравнить с вторжением Фридриха в 1757 году в Богемию. Фридрих усматривал сущность своего плана в том, что он „почти изгонит противника из Богемии“, наградив его по возможности несколькими ударами. Точно также и Карно в письмах командующим армиями рисует им, как они будут охватывать противника и захватывать его магазины, при чем одновременно они всегда должны энергично атаковать и не прекращать преследования, пока неприятель не будет окончательно разбит и рассеян. Эта инструкция может служить школьным примером двухполюсной стратегии. Но разница между 1757 и 1796 годами и заключается в том, что когда Фридриху представлялся случай, он развивал тенденцию к бою до огромного сражения под Прагой и поднимался до идеи пленения в Праге всей неприятельской армии. Моро же, ведя весьма умеренные бои, не выходил из пределов идеи маневрирования и не возвысился над ней даже тогда, когда отпадение германских государств от Австрии

еще существенно ослабило последнюю и дало французам бесспорное значительное превосходство.

Совершенно ту же картину дает сравнение двойной кампании 1800 г. В 1799 г., в то время как Бонапарт находился в Египте, австрийцы с помощью русских изгнали французов из Италии. Сделавшись первым консулом, Бонапарт первоначально имел намерение развить кампанию в Германии. Он хотел соединить формировавшуюся им в Дижоне резервную армию с войсками Моро, атаковать австрийцев с охватом из Швейцарии, по возможности уничтожить их армию и затем двинуться на Вену. Но этот план оказался невыполнимым, потому что Моро не пожелал подчиниться первому консулу, а последний вынужден был считаться с ним, как с пользовавшимся наибольшим после него авторитетом, старейшим генералом; если бы Моро, обидевшись, потребовал отставки, то это явилось бы нежелательным политическим осложнением.

Поэтому Бонапарт решил двинуть резервную армию не в Германию, а через Швейцарию в Италию. Он спустился с Альп к востоку от Женевского озера, притянул через Сен-Готард еще один вспомогательный корпус из состава армии Моро и появился, к величайшему удивлению австрийцев, в их тылу. Он с величайшей дерзостью распределил свои дивизии так, что мог двинуть их навстречу австрийцам по каждому пути, по которому последние попытались бы отступить, и в то же время они были предусмотрительно расположены настолько близко одна от другой, что могли оказать друг другу взаимную поддержку. Когда произошло неожиданное столкновение у деревни М а р е н г о (14 июня 1800 г.), то австрийцы, сосредоточившие около 30.000 человек, имели успех над французами, располагавшими всего 20.000 человек. Дело было очень близко к тому, чтобы сражение закончилось полным поражением французов. Но подошедшая, в соответствии с приказом Бонапарта, дивизия Дезэ (еще 6000 чел.) и кавалерийская атака, произведенная по инициативе генерала Келлермана, перенесли решительный перевес на другую сторону. Контр-удар последовал, когда престарелый командующий австрийской армией Мелас уже покинул поле сражения, и войска продвигались в довольно беспорядочном состоянии. Таким образом, несмотря на то, что французы уступали противнику в численности, они победили, главным образом, благодаря высокому достоинству войск и юношеской энергии генералов. Так как сражение давалось, имея фронт перевернутым, то австрийцы решили, что у них больше нет пути отступления, и Бонапарт получил Верхнюю Италию до р. Минчио, за предоставление Меласу свободного отступления, при условии очищения данной области.

Моро одержал подобный же успех в Германии, оттеснив, правда, очень медленно австрийцев за р. Инн. Разница заклю-

чалась в том, что Германия являлась главным театром военных действий, а Италия второстепенным, и что Бонапарт, благодаря неслыханной смелости командования, сумел с незначительными силами одержать такой же успех, которого Моро добился без особого риска со свойственной ему методикой [1]). Эта параллель нисколько не изменяется от того, что Моро под конец (по истечении срока перемирия) одержал еще победу при Гогенлиндене (3 декабря 1800 года); последняя победа не являлась плодом заранее продуманной стратегии, а была, как Наполеон совершенно верно назвал ее, „счастливой встречей", правда, очень крупного масштаба. Опять-таки успех оказался на стороне французов благодаря качественному превосходству их войск и решительности юного генерала Ришпанса.

Еще в 1813 году, когда союзники пригласили к себе Моро на роль стратегического советчика, и он обсуждал с Бернадоттом положение северной армии, Моро настойчиво советовал последнему не переходить в наступление, как это требовалось Трахтенбергским планом, в виду недостаточной обеспеченности его операционной линии.

Но если мы будем сравнивать Моро с Фридрихом или Дауном, то увидим, какое большое расхождение возможно при тех же основных принципах. Моро никогда не мог подойти к таким крупным решениям, каких достигал Фридрих своими большими сражениями. Однако, он никогда и не удалялся так от полюса сражения, как это имело место у Фридриха в последние годы его жизни. На том же основании нельзя сопоставлять Моро с Дауном, так как по своей энергии и подвижности французский полководец значительно превосходил последнего. Уже сама молодость его армии давала ему такие огонь и импульс, которых были лишены традиции Австрии.

Ничего не было бы более превратного, чем некоторая недооценка Моро из-за того, что он был стратегом школы из-

---

[1]) Моро, командовавший на главном театре, был обессилен на 20 тысяч Монсея, которые Бонапарт взял от него на второстепенный итальянский театр. Конечно, это должно было сильно отразиться на быстроте и смелости его действий.

Несомненно, война была бы решена скорее и блестящее, если бы резервная армия была двинута не в Италию, а на помощь Моро. Мы, однако, не будем называть Бонапарта честолюбцем, затягивающим и затрудняющим решение войны из своих мелких интересов, так как война является продолжением политики, в том числе и внутренней; эта политика, лишившая возможности Бонапарта выступить на главном театре войны, и требовавшая от него успехов, которые бы затмили его печальный отъезд из Египта, привела к единственному решению — добиться театрального эффекта на второстепенном театре.

Все условия кампании 1800 года, однако, получили такой уклон, что мы считаем этот пример Дельбрюка для сравнения стратегии сокрушения и измора не слишком убедительным. *(Прим. редакц.)*.

мора. Чтобы не быть таковым, ему надо было бы быть Наполеоном. Он должен был бы обладать не только безошибочной верностью ума, но и тем несравненным сочетанием решимости и осторожности, пылкой фантазии и холодного рассчета, героизма и политического искусства, которыми знаменуется наполеоновская стратегия. Если мы признаем, что Моро не был Наполеоном, то этим еще не сделаем ему никакого упрека. Мы привели эту параллель не для сравнения и сопоставления обоих, а чтобы уяснить, что мировая история создается не одними соотношениями, и что личности в истории являются по меньшей мере одним из многих элементов. Не сама французская революция создала современную стратегию сокрушения и заменила ею стратегию измора, творцом ее был генерал Бонапарт, располагавший средствами французской революции. И он это сознавал; он говорил, что лишь вульгарное честолюбие могло бы применять те же средства, которыми пользовались Людовик XIV и Фридрих II. Так повествует в своих мемуарах маршал Сен-Сир, стремясь осудить Наполеона за то, что он презирал пользовавшиеся всеобщим одобрением правила и считал, что они пригодны лишь для посредственных умов.

Современники не улавливали разницы в существе достижений Моро и Бонапарта. Правда, велись разговоры об итальянской и германской школе стратегии, возглавлявшихся Бонапартом и Моро, но тогда еще не уясняли себе ни подлинной природы существовавшего между ними противоречия, ни абсолютного превосходства одной из „школ", т.-е. одной личности над другой.

Наполеон организовал государственный переворот, который сделал его властителем Франции, но был ли он действительно призванником, и к тому же единственным призванником судьбы, это являлось отнюдь неясным для современников, и это сомнение привело к эпилогу—Маренгскому походу,—который и нам дает, с военно-исторической точки зрения, обоснование к некоторому дополнению сказанного выше.

Когда в 1804 году Наполеон позволил себя избрать в императоры и короновался, он находился еще лишь в преддверии своего величия, своих подвигов и своей славы. Его фантастический поход в Египет кончился неудачей, и можно было задаваться вопросом, хорошо ли он сделал, бросив там в трудном положении свои войска. Его успехи 1796 года и 1800 года были блестящи, но с ними конкурировали успехи Моро, а злые языки говорили, что победой при Маренго французы обязаны не Наполеону, а убитому на поле сражения Дезэ. Чтобы опровергнуть этот слух, император приказал разработать официальный отчет о кампании, в который он сам внес исправления; затем отчет был переработан в соответствии с его исправлениями, при чем истина была самым грубым

образом искажена, чтобы показать, что будто бы полководец все заранее предвидел и рассчитал, временное же отступление французов и критические моменты сражения были затушеваны. В глазах историка, критически подходящего к своей задаче, подобные, скажем прямо, подлоги не повышают, а умаляют славу полководца. Ведь, вообще не может быть ни одной крупной стратегической операции, которая не представляла бы в то же время и великого дерзания и, таким образом, не включала бы в себя и критического момента, и заслуги всеобъемлющего и безусловно точного рассчета являются или фиктивными или случайными, так как такой предваряющий события рассчет всегда возможен лишь в известных, весьма ограниченных пределах. Неужели же Наполеон так плохо отдавал отчет в своих достижениях, или настолько поглупел от своего тщеславия, что позволил превратить себя в чучело? Нет, он это прекрасно понимал, но он также знал, что истинное величие для народа не постижимо. Как народ охотнее всего представляет себе храбрость в виде победы меньшего числа над большим, так наиболее ясное воплощение полководческого искусства он видит, если ему докажут, что великий человек все заранее совершенно точно рассчитал и предвидел [1]). Что стратегия представляет движение в непроницаемых для зрения потемках, и что существеннейшее качество полководца заключается в решимости, это открытие сделал и ввел в военную науку лишь Клаузевиц. Если бы Наполеон признался, насколько близок он был к тому, чтобы проиграть сражение, и что когда поздно вечером подошел Дезэ, главные силы фактически были уже разбиты, то французский народ не восхищался бы его смелостью, а осудил бы легкомыслие, с которым он разбросал войска и от последствий которого спас его лишь счастливый случай. Все афиняне также не знали другого средства возвеличить в глазах своих детей Фемистокла, как рассказать о хитром тайном послании, посредством которого он заманил персидского царя к атаке у Саламина.

Одновременно с генералом Бонапартом на мировую арену выступил и другой полководец, а именно эрцгерцог Карл, бывший на два года моложе его (род. в 1771 году). Эрцгерцог обладал склонным теорезировать умом, очень рано вооружился, кроме шпаги, и пером и написал очень много

---

[1]) Такая переоценка предвидения чрезвычайно распространена, с легкой руки Жомини, в стратегическом мышлении русских специалистов. Вспомним хотя бы рассуждения о Самсоновской катастрофе, как об осуществлении германским командованием одного из разработанных на полевых поездках варианта Шлиффеновского решения. Позитивные стратеги, как, например, Н. П. Михневич, исходя из Огюста Конта, возможность этого предвидения представляли себе, как идеал военной науки.

(Прим. редакц.).

сочинений. В стратегическом отношении он безусловно стоит на основе стратегии измора [1]). Правда, он, как и Фридрих Великий, проповедует, что надо всемерно стремиться к возможному сокращению продолжительности войны, и что цель может быть достигнута лишь решительными ударами; но одновременно он ограничивает это положение следующим наставлением: „в каждой стране существуют стратегические пункты, имеющие решающие для ее судьбы значение, так как владение ими дает ключи к стране и к распоряжению имеющимися в ней средствами“. Затем: „решающее значение стратегических линий обусловливает закон, непозволяющий соглашаться ни на какое движение, хотя бы оно и давало нам крупнейшие выгоды, если это движение настолько удаляет или настолько уклоняет нас от стратегических линий, что последние приносятся в жертву противнику“. Или же: „важнейшие тактические мероприятия редко оказываются полезными на продолжительное время, если только они принимаются в таком пункте или таком направлении, которые не являются стратегическими“.

В стратегии измора эти правила имеют свое оправдание и сохраняют свою силу. Здесь дело очень часто сводится не только к выигрышу сражения, но и к тому, где эта победа будет одержана, так как победа, после которой нельзя развить преследования, представляет лишь преходящую ценность, а преследование при стратегии измора часто оказывается ограниченным тесными пределами. Мы знаем, что Фридриху, после одной из его наиболее блестящих побед, под Сооромь, пришлось даже отступить. В стратегии сокрушения победа не находится в зависимости от того „пункта“, в котором она одерживается, или от тех „стратегических

---

[1]) Мы имели перед своими глазами эту характеристику Дельбрюка, когда писали свою вступительную статью об эрцгерцоге Карле. Несмотря на высокий авторитет, который мы признаем за оценками Дельбрюка, мы, как видят читатели, очень резко разошлись. Дельбрюк требует стратегию сокрушения в самом чистом виде, а все прочее относит к стратегии измора. Несомненно, эрцгерцог Карл, первый сделавший теоретические шаги в направлении стратегии сокрушения, кое-что сохранил еще от стратегии XVIII века. Но новые теории рождаются не всегда сразу в таком всеоружии, как родилась Минерва из головы Юпитера. Если Дельбрюк бракует эрцгерцога Карла, как стратега сокрушения, за его нарочитое уважение к безопасности операционной линии, то это же замечание можно перенести и на Жомини, Леера и так далее. Мы вообще можем указать лишь два труда по стратегии, которым Дельбрюк не мог бы сделать этого упрека—монографию прусского генерального штаба „успех в бою“, написанный под сильным влиянием графа Шлиффена, и „Канны“, также принадлежащие перу последнего. Но если идеал сокрушения мы находим лишь у Шлиффена, если даже Наполеон придает „методизму“ большое значение в своих теоретических трудах, то нам казалось справедливее подойти к оценке эрцгерцога Карла с другим масштабом. Мы сохранили здесь в тексте оценку Дельбрюка не из любви к коллекционированию противоречий, а вследствие очень глубокого интереса, представляемого ею, для обрисовки идеала сокрушения. (*Прим. редакц.*).

линий“, по которым направляется движение; полководец исходит из предположения, что вместе с победой ему достанутся и стратегические пункты и от него будет зависеть определение стратегических линий. Как мы сейчас увидим, Наполеон, именно только пожертвовав своими стратегическими линиями, и смог атаковать пруссаков с тыла, при Иене и Ауерштедте, и не просто победил их, но начисто уничтожил.

Наполеоновская стратегия свободна от какой либо схемы. Однако, у Наполеона настолько часто выступает одна и та же основная форма, что она заслуживает, чтобы мы обратили на нее внимание [1]). При развертывании он сдвигает все свои силы против неприятельского крыла или на его фланг, стремится охватить, отрезать от его базиса и этим путем, насколько возможно, полностью его уничтожить. Таков был его план уже весной 1800 года, когда он совместно с Моро, хотел со стороны Швейцарии атаковать австрийцев в южной Германии. Так поступил Наполеон в 1805 году, когда он атаковал австрийцев на Дунае в охват с севера и двинул с этой же целью Бернадота из Ганновера через графство Анспахское. Таким же образом он действовал и в следующем году, когда атаковал пруссаков в Тюрингии не со стороны Рейна, а от верхнего Майна; он так глубоко обошел их, что сражения при Иене и Ауерштедте были разыграны с перевернутым фронтом: пруссаки стояли лицом, а французы спиной к Берлину. Если бы французы были в этом положении разбиты, то отступать им пришлось бы в еще худших условиях, чем пруссакам; они могли бы быть оттеснены к Рудным горам и австрийской границе и уничтожены [2]). Но будучи уверен в победе, Наполеон пошел на подобный риск и благодаря этому окончательно стер с лица земли прусскую армию, отрезанную во время отступления от ее базиса.

Прусский генерал фон-Граверт, повидимому, верно предсказал операцию Наполеона 1806 года и разъяснил ее следующим образом: „противник обойдет наше левое крыло и изолирует нас от Эльбы и от всех источников наших сил и средств, т. е. от Одера, Силезии и т. д.“. Ничто не может лучше характеризовать различие между старой и новой стратегией, как сравнение этого разъяснения с истинным намерением Наполеона. Граверт все правильно предвидел в духе фридриховской стратегии. Наполеон же намечал вовсе не „изолирование“ от „источников сил и средств“, что сводилось к маневру, вынуждающему прусскую армию отойти и предо-

---

[1]) Эта форма легла в основу теории стратегии Виллизена. *(Прим. редакц.)*.

[2]) Читателю необходимо сравнить эту оценку, поддержанную и авторитетом Шлиффена (Канны), и к которой мы примыкаем целиком, с противоположной оценкой Жомини в пункте 4 его „принципов операционной линии“, к которой полностью присоединялся и Г. А. Леер. *(Прим. редакц.)*.

ставить французам кусок территории; Наполеон выходил на линию отступления пруссаков, чтобы переловить и забрать последних в плен.

Такой же характер имеет наполеоновский план осенней кампании 1813 года. Он хотел главными силами держаться вначале по отношению к Богемской и Силезской армии оборонительно, пока не будет разбита Северная армия Бернадотта, и вся территория вплоть до Данцига не окажется в его руках. Затем должно было развиться большое наступление в направлении с севера на юг, которое отрезало бы русских от их страны. План не удался, потому что северная армия, под осторожным, но весьма обдуманным руководством Бернадотта, отбросила французские войска при Гросс-Беерене и Денневице.

Только в 1805 году, когда вновь разгорелась всеобщая война, слава и величие Наполеона, а также его стратегии, достигли кульминационной точки. Неустройство времен революции было преодолено; огромные массы, патриотический дух, и новая тактика, были обузданы дисциплиной; император Наполеон оказывался в силах осуществлять то, что он признавал правильным, не считаясь с другими державами.

Подлинная тайна великих полководцев заключается в соединении смелости с осторожностью. Мы находили его у Александра, когда он, прежде чем приступить к походу в глубь Персии, обеспечивал сперва свой тыл завоеванием Тира и Египта и значительно усиливал свою армию. Мы встречаем его у Ганнибала, когда он вместо того, чтобы осаждать Рим, задался целью отделить от него итальянских союзников. Мы обнаруживали его у Сциииона, когда он, хотя и согласился вступить в решительное сражение, не имея пути отступления, предварительно усилил свою армию соединением с Массинисой. Мы обнаруживали его у Цезаря, которой сначала разбил армию без полководца, а затем уже обратился против полководца без армии. Мы встречаем его у Густава Адольфа и у Фридриха. Мы обнаружили его и у Наполеона. Как сильно он ни бросает свои вызовы судьбе, тем не менее никогда он не ударяется в беспредельность и знает, где надо остановиться и перейти от наступления к обороне, рискует дать себя атаковать противнику и в то же время стремится довершить победу средствами политики.

Лучшим примером этого метода является Аустерлицкая операция. Наполеон уничтожил одну австрийскую армию под Ульмом, взял Вену и вторгся в Моравию до окрестностей Ольмюца, где против него оказались главные силы русских.

Дать наступательное сражение на такой „pointe“ [1]) Наполеону казалось слишком рискованным, к тому же противник

---

[1]) Буквально „кончик острия“ надо понимать „на пределе“ (удаления от Франции). *(Прим. переводч.)*.

имел некоторое численное превосходство. Наполеон завязал переговоры, а когда противник подошел, занял позицию для оборонительного сражения. Он его выиграл (2 декабря 1805 г.), при чем в надлежащий момент из состояния обороны нанес наступательный удар. Чтобы охватить Наполеона, противники очень растянулись, вследствие чего образовался очень тонкий центр без надлежащих резервов. Сюда то и надо было наносить удар. „Сколько времени Вам понадобится, чтобы занять вон ту высоту (у Пратцена)?“ спросил император находившегося при нем маршала Сульта. „Двадцать минут“, гласил ответ. „Тогда мы можем обождать еще четверть часа“. В этом то и заключается дело, чтобы правильно рассчитать эти четверть часа.

Из всех форм сражения, оборонительно-наступательное сражение представляет наиболее действительную. И оборона, и наступление имеют свои выгоды и невыгоды. Главным преимуществом обороны является выбор поля сражения и полное использование местности и огнестрельного оружия. Главным преимуществом наступления является моральный импульс атаки, выбор пункта удара и положительный характер успеха. Оборона же прежде всего дает только негативный успех. В виду этого, чисто оборонительные сражения выигрываются крайне редко (Кресси 1346 г., Обдурман 1898 г.) [1]. Наибольшее же может быть достигнуто, когда полководец в надлежащий момент и в надлежащем пункте от хорошей обороны переходит к контр-удару. Как мы видели, классический пример оборонительно-наступательного сражения представляет Марафон; Аустерлиц может служить современным его повторением. Это сражение имеет для нас существенное значение как по своей компановке, так и по своему развитию; оно показывает нам полководца во всем его самообладании; мы видим здесь человека, несмотря на всю свою дерзость, не утрачивающего ни на минуту хладнокровия. Его осторожность простиралась настолько, что когда ему доложили о начавшемся наступлении противника, он приказал Талейрану, который вел переговоры в Вене, заключить мир на легких условиях. Хотя он уверенно рассчитывал на победу, тем не менее, он хотел дипломатическим путем обеспечить себе тыл на случай поражения [2].

К наибольшим дерзаниям его карьеры относится переправа через Дунай, которая привела к сражению при А с п е р н е (21 и 22 мая 1809 г.). На северном берегу, совсем близко к пункту переправы, находился эрцгерцог Карл со своей австрийской армией свыше 100.000 человек. Французы должны были переправляться через огромную реку по единственному импровизированному мосту. В первый раз мост

[1]) Победа Китченера над дервишами в Судане. *(Прим. редакц.)*.

[2]) Можно также думать, что миражем переговоров Наполеон хотел у союзников вызвать предположение об ослаблении французской армии и провоцировать их на скорую и решительную атаку. *(Прим. редакц.)*.

разорвался, когда переправилось всего 22.500 человек, и во второй раз, в 8 часов утра следующего дня, когда на противоположном берегу было около 60.000 человек. Несмотря на то, что в первый день австрийцы обладали четверным превосходством в силах, а во второй — более чем полуторным, им, тем не менее, не удалось сбросить французов в реку. Эрцгерцог Карл имел еще резервы, но не двинул их в бой.

В этот момент особенно ярко сказалась разница между эрцгерцогом Карлом и Наполеоном. Для Фридриха Великого вопрос употребления резервов в сущности еще не существовал, так как он стремился достигнуть всего первым же ударом и поэтому вкладывал в него возможно большие силы и не оставлял значительных резервов. Вместе с новой тактикой австрийцы должны были воспринять и принцип сохранения резервов, но если у эрцгерцога не хватало духовных сил, чтобы воспрянуть до стратегии сокрушения, то он также не имел и правильного представления о сущности применения резервов. Он выдвигал следующий принцип: „Резервы должны быть введены в дело лишь в том случае, если содействие их безусловно даст победу“. „Правда, в некоторых случаях они могут вводиться в бой, если требуется лишь последний нажим для завершения победы, но вообще их главным назначением является обеспечение и прикрытие отступления“. Как ни мало энергичен этот принцип, но и руководствуясь им для достижения возможно полной победы под Асперном надлежало бросить в бой все силы. Более удачного случая нельзя себе даже представить; но эрцгерцогу недоставало для этого импульса. Он, ведь, не вышел еще из круга представлений стратегии измора, не придававших победе, как таковой, особого значения. Только такой герой, как Фридрих Великий, мог даже в рамках подобных представлений подняться до тех крупных вызовов судьбе, о которых свидетельствуют нам его сражения. Эрцгерцог Карл не дорос до того, чтобы ухватиться за подарок, который под Асперном протягивала ему, улыбаясь, богиня судьбы. Французы защищали своей пехотой обе деревни, Асперн и Эслинген, а промежуточное пространство удерживали слабой кавалерией, которая производила одну смелую атаку за другой. Сам Наполеон подвергал свою жизнь большой опасности, объезжая под огнем верхом ряды своих солдат, чтобы поддержать их дух. Наконец, австрийцы принудили противника отойти на остров на Дунае, расположенный близ его северного берега, но эрцгерцог не рискнул их там атаковать или каким-нибудь иным путем использовать свой успех [1]).

---

[1]) Веками складывалось австро-прусское соперничество; в вопросе о том, какой из этих держав суждено будет объединить немецкие княжества в одно государство, козырем Пруссии был великий Гогенцолерн—Фридрих, козырем

Шесть недель спустя Наполеон настолько усилился, что получил возможность возобновить свою попытку, и на этот раз она ему удалась—в сражении при Ваграме 6-го июля 1809 года. Наполеон выиграл это сражение благодаря большому численному превосходству, при чем он охватил левое крыло австрийцев, что и привело к решению, а вовсе не те огромные массы артиллерии и пехоты, которые он сосредоточил в центре, как это часто полагают. Эрцгерцога Карла напрасно прославляют за то, что он направил самостоятельную часть армии для атаки во фланг левого крыла французской армии, что представляет как бы предвидение мольтковского метода ведения сражений. Сходство является лишь внешним: атака была слишком слаба, чтобы оказать воздействие, и эрцгерцог вообще не имел продуманного плана сражения, хотя у него и было достаточно времени, чтобы подготовиться к новой переправе французов через Дунай; он лишь беспрерывно витал между оборонительными и наступательными замыслами.

Настоящей проблемой наполеоновской стратегии является кампания 1812 года. Наполеон разбил русских при Бородине, взял Москву, должен был повернуть назад и потерял при этом почти что всю свою армию. Такова же была бы судьба Фридриха, если бы он захотел попробовать взять Вену. Стратегия сокрушения имела свои пределы даже при тех силах, которыми располагал Наполеон; не лучше ли бы

Австрии—Габсбургский эрцгерцог Карл. Последний своими широкими либеральными жестами, призывом к массе германского народа, своей незаслуженной опалой, своей далекой от узкого эгоизма политикой был очень популярен и представлял облик не старого юнкерского строя, а нового. Поэтому эрцгерцог Карл не может рассчитывать на судей праведных в лице прусских историков. Нам кажется, что Дельбрюк находится в этом вопросе в плену у прусской традиции.

Мы находим его критику несколько жесткой; у эрцгерцога Карла несомненно был целый ряд смягчающих обстоятельств. Нельзя забывать, что перед этим в течение 5 дней Регенсбургской операции эрцгерцог понес 5 поражений и лишь случайно спас свою армию на северный берег Дуная. Как раз перед Асперном он должен был капитулировать перед всеми реакционными течениями, существовавшими в его армии. Лично он в гораздо большей степени, чем Наполеон, носился и рисковал в стрелковых цепях; он штурмовал упорнейшим образом деревни Асперн и Эслинген, в больших каменных зданиях, в которых крепко засели французы, и выжидал взятия этих деревень для нанесения решительного удара. Пока что он искусно использовал свое артиллерийское превосходство и подверг французов такому ужасному огню, что разредил их кадры и навсегда понизил боеспособность лучших наполеоновских корпусов. Мы его не оправдываем, что он ограничился полупобедой вместо полной победы, но всякий, кто испытал, как трудно после ряда катастроф переходить к дерзанию, захочет рассмотреть Асперн не отдельно, а в рамках всей войны, и найдет для оценки более мягкую форму. Во всяком случае на поле сражения по своей выдержке и духу, эрц-герцог Карл много превосходил Клаузевица. Почему к последнему Дельбрюк не прикладывает той же мерки? Ведь суд Дельбрюка охватывает всю личность целиком—мыслителя, писателя и полководца. *(Прим. редакц.).*

поступил Наполеон, если бы он в 1812 году обратился к стратегии измора и повел бы войну по системе Фридриха? Клаузевиц дал весьма обоснованный отрицательный ответ на этот вопрос: французский император все же имел наибольшее количество шансов на выигрыш войны, ведя ее по тому методу, который до этого момента всегда обеспечивал за ним победу. Однако, при создавшихся условиях сил он не мог победить ни при помощи стратегии измора, ни при помощи стратегии сокрушения. По новейшим исследованиям, Наполеон двинул против России всего 685.000 вооруженных людей, включая сюда и гарнизонные части. Через границу перешло 612.000, из которых большая часть, по крайней мере 350.000 человек, приходилась на главную армию в центре. Когда же он дошел до Москвы, то непосредственно располагал только 100.000 человек. Уже через четырнадцать дней после переправы через Неман он потерял 135.000 человек, не выдержав почти ни одного боя, исключительно вследствие дезертирства, плохого довольствия и болезней. Большая часть французской армии состояла из совершенно молодых людей, призванных лишь в 1811 году, при чем среди них было очень много уклонившихся от воинской повинности, получивших военную подготовку на голландских островах, откуда они не могли дезертировать. Но это воспитание оказалось недостаточным при наступлении по пустынной русской территории. Довольствие из магазинов функционировало неудовлетворительно; Наполеон, по своей привычке, уделил ему относительно недостаточно внимания и упустил из виду, что русские области не дадут ему тех средств, какие ему давали Италия и Германия. Таким образом, Наполеон, в сущности, проиграл войну вследствие дезертирства и плохого продовольствия, а не вследствие русской зимы, которая добила лишь остатки его армии; к тому же зима в 1812 году началась позднее и была мягче, чем обыкновенно. Если бы он пришел в Москву не со 100.000, а с 200.000 человек, то ему, вероятно, удалось бы утвердиться в захваченной им области, и царь в результате принял бы его условия.

Наполеонскую кампанию 1812 года можно сравнить с фридриховским вторжением 1744 года в Богемию, когда он, не проиграв ни одного сражения, был изгнан из нее исключительно давлением на его сообщения, при чем он потерял весьма значительную часть своей армии. Он сам счел ошибочным подобную „pointe“ [1]) в неприятельскую страну, но в первую же зиму оказался в состоянии снова устроить армию и затем восстановил равновесие сражением под Гогенфридбергом. И так как Фридрих ограничивал свою

[1]) В данном случае надо разуметь — вклинение, или набег. *(Прим. редакц.).*

„pointe“ целями одного из походов стратегии измора, то и поражение его не было непоправимым; Наполеон же стремился к гораздо большему—к полной победе, и так как достичь ее ему не удалось, то и поражение его было много тяжелее. Ведь оно заключалось не только в потере армии, но в особенности в том, что оба его вынужденных союзника, Пруссия и Австрия, нашли теперь в себе мужество отречься от него.

Таким образом, ошибка, приведшая Наполеона к гибели, состояла не в том, что он неверно оперировал стратегически, а в том, что он переоценил внутренние духовные силы своей империи, связывавшие французский народ в одно целое. Конечно, значительная часть французского народа относилась к нему с уважением и благодарностью, или же была ослеплена и увлечена его славой, но у очень многих эти чувства были слабы или даже складывались противоположным образом. За него не желали сражаться, а насильно призванные—дезертировали. Хотя в 1813 году ему вновь удалось сорганизовать огромную армию, но при трудностях осенней кампании она также развалилась в значительной степени не вследствие усилий неприятеля, а путем дезертирства. К нашему удивлению, мы не располагаем сведениями о том, куда делись дезертиры 1812 года. Надо полагать, что большая их часть возвратилась в Германию и Францию и вновь была призвана в 1813 году [1]). Но так как по этому вопросу нет каких-либо данных, то нельзя учесть, каково было фактическое количество рекрутов, которое в эти годы Франция дала императору.

К а м п а н и я 1 8 1 4 г о д а, как показало более глубокое исследование [2]), всецело обусловлена политическими мотивами и лишь в том отношении представляет интерес для „истории военного искусства“, что эти политические мотивы сумели укрыться под обликом правил старой стратегии. Одна партия, возглавляемая Меттернихом, стремилась притти к соглашению с Наполеоном, а в случае неудачи этих переговоров желала восстановления Бурбонов; другая партия хотела свержения Наполеона, и император Александр I хотел посадить на его место Бернадотта. Чтобы не сражаться за цели чуждой партии, австрийцы отказывались наступать и дали этой задержке, намеренно или ненамеренно, облик решения, стратегически мотивированного. Они ссылались на то, что Евгений и Мальборо, которые также были великими полко-

---

[1]) Мы видим косвенное подтверждение этой загадки Дельбрюка в том, что в сражении под Бауценом 20% раненых французов имели ранения в палец и являлись явными самострелами. *(Прим. редакц.).*

[2]) Мы думаем, что Дельбрюк имеет в виду прекрасное исследование: Gustav Roloff. Politik und Kriegführung während des Feldzuges von 1814. Berlin. 1891, стр. 92. *(Прим. редакц.).*

водцами, никогда не развивали своих операций на Париж; прусский король не хотел продолжать преследование за Рейн, потому что Рейн представлял рубеж, а на рубеже надо сначала сосредоточиться; его генерал-адъютант, Кнезебек, хотел задержаться на Лангрском плоскогории, потому что оно представляет водораздел Франции, а, следовательно, отсюда можно господствовать над Францией [1]).

Кампания 1815 года также еще является ареной противоречий обоих методов стратегии. Веллингтон, который, конечно, был очень крупным генералом, жил все еще представлениями стратегии измора. В Бельгии обе союзных армии, соединившись, располагали бы почти двойным превосходством над Наполеоном (220.000, частью, правда, весьма посредственных войск против 128.000 превосходных войск); тем не менее, император был очень близок к победе, потому что Веллингтон, вечно-озабоченный обеспечением различных пунктов, не сосредоточил своевременно войска для сражения, опоздал поэтому к сражению при Линьи и даже 18 июня, в течение сражения при Ватерлоо, оставил целый корпус, 18.000 человек, в удалении 15 километров в сторону от поля сражения. Это выделение части сил справедливо сравнивают с образом действия Фридриха, который в момент сражения под Прагой оставил корпус Кейта стоять по другую сторону города. Но то, что в эпоху фридриховской стратегии, если не рекомендовалось, то хотя бы казалось естественным, то в наполеоновские времена являлось тяжелой ошибкой. Эту ошибку исправил Гнейзенау, который, руководясь, напротив, исключительно мыслью о решительном сражении, пожертвовал прямыми сообщениями, разбитой при Линьи, армии с родиной и направил отступление на Вавр, ближе к англичанам, так что через день пруссаки смогли к ним подойти. Конечная победа настолько затмила ошибки Веллингтона, что они остались мало замеченными. Однако, в военной истории их надлежит резко подчеркнуть не за то, что они являлись ошибками, а как доказательство мощи и пагубности фальшивых теорий. Четырехдневную кампанию 1815 года можно рассматривать, как взаимодействие двух противоположных методов стратегии, выраженных наиболее совершенным образом. Если эрцгерцог Карл спасовал перед Наполеоном, то это было лишь торжеством гения над пустой головой и слабым характером [2]). Но если Веллингтон так грубо ошибался в намерениях Наполеона и предполагал, что последний хочет вынудить его маневром к отступлению, чтобы занять

---

[1]) Многие военные историки принимали в серьез эти фиговые листики, мискировавшие политические устремления, и посвятили им блестящие филиппики. *(Прим. редакц.).*

[2]) *!!! (Редакц.).*

Брюссель, и поэтому не сосредоточил своевременно своих войск—то такая ошибка столь значительного человека и выдающегося военного, как Веллингтон, может быть объяснена только, если представить себе, что он находился в оковах взглядов устаревшей стратегии.

Если бы Веллингтон воевал только в Испании и закончил свою карьеру в 1814 году, то его нельзя было бы ни в чем ином упрекнуть, кроме того, что он не проходил через наиболее трудные испытания, и тогда можно было бы строить, основываясь на его характере, заключения о том, как он вероятно проявил бы себя. Но в 1815 году он был подвергнут такому испытанию и, как тактик, выдержал его блестяще, но как стратег—срезался. Он решил лишь оборонительную часть задачи и применил методы, заимствованные из войн в Испании, там, где они уже не являлись соответственными. Конечный полный успех был достигнут лишь благодаря тому, что блюхеровски-гнейзенауская стратегия столь блестяще дополнила Веллингтоновскую в самом слабом ее месте.

ИДЕАЛИЗМ ЛЕЕРА.

Генрих Антонович Леер (1829—1904 г.г.), профессор стратегии с середины пятидесятых до середины девяностых годов, в течение тридцати лет являлся главным выразителем русской теоретической мысли во всех областях военного искусства—стратегии, тактике, военной истории.

„Идея управляет миром“; „всегда и везде—мысль впереди дела“; „само дело родится из мысли, служа живым воплощением последней“—этих положений Леера, которые можно было бы нарастить в огромном числе, достаточно, чтобы убедить читателя, что Леер являлся принципиальным противником утверждения, что бытие определяет сознание. От упрека в материализме Леер безусловно свободен.

Со своей идеалистической точки зрения Леер видит причины неудач русских войск на полях сражений Восточной войны в том курсе тактики, который профессор Карцев читал в начале пятидесятых годов в Академии генерального штаба. Идеи в курсе Карцева подчинялись уставу; критика тактических несовершенств русской армии выливалась или в риторическую фигуру умолчания, отсутствия одобрения, или в чрезвычайно искусно замаскированный намек. Каков курс тактики, рассуждает Леер, таково и воплощение идеи в жизнь—действия на полях сражений.

Если бы мы последовали за Леером на пути этого рассуждения, мы бы свалили на его учение всю ответственность за наши неудачи в русско-японской войне, в течение которой русское командование на ответственных постах было представлено учениками Леера. Но мы думаем, что это было бы несправедливо. Отнюдь не отрицая тяжелой ответственности, ложащейся на идейного руководителя военной академии, мы должны смотреть несколько шире на причины наших поражений как в Крыму, так и в Маньчжурии. Сознание Карцева, с одной стороны, а с другой—Альма, Инкерман, Черная речка—все это являлось отражением одного и того же бытия, которое объявило бы крамолой всякую попытку Карцева осудить практику красносельских маневров, раскритиковать наш устав, и которое прятало под Севастополем в задние ряды и подрезывало крылья творчеству находившихся там талантливых офицеров. Само мышление Леера, его идеализм, глубокие изменения, внесенные им в академические курсы, широкий простор, завоеванный им для общих идей, независимость преподавания в русской военной академии от уставов, которой и посейчас не могут добиться профессора Парижской академии—все это, в свою очередь, явилось отражением нового бытия, в которое вступило русское общество вместе с так называемыми „великими реформами“ Александра II. И если годами нового упадка академии является как раз период 1889—1898 г. г., когда начальником ее был назначен Леер, то опять-

таки причиной этого является не только старческое ослабление энергии последнего, а общие условия материального и идейного застоя, который в этот реакционный период переживала Россия.

Много страниц в своих трудах Леер посвятил борьбе с диалектикой. Мы себя относим к диалектикам, и нас, однако, громы, которые метал Леер, нисколько не смущают. Под диалектикой, которую он громил, Леер разумел ораторское пустозвонство, софистику, беспринципность, продажность слова, отсутствие честности в писателе, подлаживающемся под влиятельные вкусы или модные увлечения, критиков, берущих на себя роль наемных убийц. Разумеется, такую диалектику отстаивать никто не будет.

С действительной же диалектикой, несмотря на философские увлечения своих последних десятилетий, Леер вовсе знаком не был. Ему было вовсе поэтому чуждо представление об эволюции, что сказалось самым отрицательным образом на его теоретических трактатах и военно-исторических трудах. Леер не понимал, что каждая эпоха создает свои предпосылки для стратегии, и искал исключительно вечных принципов. Естественно, что последние получили поэтому характер очень общих мест. Действительно, нужно было иметь очень хорошо меблированную военной историей голову, чтобы принципы Леера получили хоть какую-нибудь жизнь. С другой стороны, военно-историческая часть работы Леера, под влиянием непонимания эволюции, естественно, сводилась к тому, что субективные особенности каждой эпохи отбрасывались им, факты военной истории лишались их конкретного содержания и как бы изолировались в безвоздушном пространстве, и только над такими исторически денатурированными фактами Леер начинал свои стратегические вивисекции. В этих условиях и сама его военно-историческая работа принимала небрежный характер. Несмотря на утверждение Леера, что за свои 40 лет ученой работы он не только занимался дедукциями с кафедры и пользовался фактами не только как примерами, наглядно поясняющими его мысли но и для индуктивной работы над ними, чтобы построить на основе их свои теоретические положения, мы полагаем противное: факта Леер не уважал; он интересовался военно-историческим фактом лишь постольку, поскольку факт поддакивал его теории. Ученые также любят окружать себя льстецами. Ученому нужно не меньшее мужество, чем великим мира сего, чтобы не убаюкивать себя почтительным согласием своих придворных, а, прорвавшись через их круг, рассмотреть реальную действительность, учесть инакомыслящих.

У Леера был свой придворный штат фактов, заимствованных преимущественно из войн Наполеона и строго приодетых в форму его, лееровских, принципов. Из новейших войн он уделил достаточное внимание только войне 1870—71 года. Кампания 1866 года, так резко расходящаяся с наполеоновскими приемами ведения войны, конечно, обреталась у него в немилости и, несмотря на крайнюю свою поучительность, ни разу не удостоилась чести быть включенной в учебный академический план военной истории. От этой войны, впрочем, сразу же отвернулись все поклонники Наполеона. Факты также бывают паиньки и бунтари: последние представляют бытие в таких новых формах, которые требуют ломки нашего сознания; доктринерская мысль от них отворачивается и игнорирует их.

От школы Богуславского, также признающей за принципами вечное значение, но настаивающей на условности их, учение Леера отличается тем, что

принципы возводятся в ранг вечного, непреложного, не допускающего никогда и никаких исключений закона природы. Отказ от условности, от исключений, от примечаний к принципам покупается Леером ценой опустошения их содержания. У немцев принципов неизмеримо больше, чем у Леера; но с точки зрения нашего стратега это не принципы, а условные правила и нормы, которым почти не уделяется внимания.

Шесть различных изданий стратегии Леера представляют шесть различных этапов, которые проходило его мышление с 1867 г. (I изд.) по 1898 г. (VI изд.). Опираясь на верность и непреложность принципов, Леер уже во втором издании (1869 г.) напряг свои усилия к тому, чтобы вывести стратегию из положения теории искусства и возвести в ранг положительной науки. Над этой задачей Леер работал всю свою жизнь; затратив массу труда, энергии и таланта, он доказал лишь то, что задача является неразрешимой.

От тактических и оперативных проблем мышление Леера постепенно уклонялось в сторону философии войны; это сказывалось на все более обобщающем характере изложения последующих изданий стратегии, а в девяностых годах вылилось в труды явно философского характера: „Метод военных наук“ (1893 г.) и „Коренные вопросы“ (1897 г.). Старая русская армия философии оценить не могла. Справедливо жаловался Леер, что в понимании его противников понятие „теоретик“ равносильно выражению „негодяй“. Усилия Леера подчеркнуть значение широких общих точек зрения, пробудить мышление армии, расценивались не с точки зрения ошибочности или правильности их, а с точки зрения Суворовского сожаления о „бедных академиках“. Более плодотворной была первая половина жизненного труда Леера; во второй половине он совсем оторвался от нашей русской прозы.

В нашем сборнике мы решили представить Леера отрывком из его лебединой песни „Коренных вопросов“. Вопрос идет об операционной линии—о том стержне, на котором зиждилось все стратегическое учение Леера, который объединял все его принципы, давал цельность всей его работе и позволял претендовать на ранг положительной науки. Здесь Леер дает самое широкое толкование операционной линии. Мы как бы видим непрерывный ряд промежуточных целей—точек, сливающихся в одну логическую линию, ведущую к окончательной цели. Леер ни за что не хотел отказаться от включения и коммуникационной линии (сообщений) в понятие операционной линии, так как это позволяло ему действительно развивать около операционной линии все отделы стратегии.

Наиболее поучительным в данном отрывке является изложение отношения между основным замыслом и осуществлением, находящим свое выражение в колебании направления, т. е. в вариациях в постановке промежуточных целей в зависимости от поведения неприятеля и поступающей ориентировки. Эти мысли сохранили и для нас всю свою свежесть.

Мы думаем, что если приходится пожертвовать учением об операционной линии, то не для того, чтобы остаться вовсе без смычки между отдельными преследуемыми нами целями, между отдельными достигаемыми этапами. Наше поведение не может представлять ряд отдельных, не связанных между собою актов, а должно представлять сплошную, цельную линию поведения, ориентирующуюся на конечную цель. Термин „линия поведения“ давно уже установлен в политике, и стратегии без него также не обойтись.

Труд „Коренные вопросы“, включающий и прилагаемый отрывок, появился в результате полемики, главным образом, с А. К. Пузыревским. Эта полемика разгорелась с атаки, произведенной последним в статье „Претенциозное краснобайство“ [1]), на наиболее талантливую из работ учеников Леера—труд Е. И. Мартынова „Стратегия в эпоху Наполеона и в наше время“. Протесты Леера направлены преимущественно в сторону Пузыревского; теоретик и философ Леер на обвинения в предвзятости, нежизненности, теоризировании ради самого теоризирования, в умственной эквилибристике и. т. д., отвечает обвинением в беспринципности.

Очень серьезная критика учения Леера заключалась уже в брошюре *А. Ф. Н.* Положительная наука. Критические очерки. (Петербург. 1870 г., стр. 59).

Нападать на Леера, занимающего крайне идеалистическую позицию вообще очень легко. Но надо опасаться, чтобы эти нападки в результате не привели—лишь к вселению легкомысленного отношения ко всякой отвлеченной мысли вообще, к полному игнорированию теории. Особенно вышедшие из революционной войны вожди всегда должны помнить мысль Клебера: „не так трудно заслужить военную репутацию, как сохранить ее; теория, стремящаяся всегда итти рука об руку с опытом, рано или поздно отомстит за себя, если ее слишком игнорировать“ [2]).

Редакция.

---

[1]) Русский вестник, 1894 г. Статья Пузыревским не подписана.
[2]) Revue d'Histoire, 1/VIII 1911 г., стр. 197.

БЕЗЪИДЕЙНОСТЬ.

> Без руководящей, направляющей идеи все наши действия будут представлять собой ряд неосмысленных, бесцельных и бессвязных шагов, короче—не стройно организованное целое, а какую-то неорганизованную кучу отдельных актов.

Глава I.

Мною уже рассмотрен вопрос о значении общих идей вообще, о значении „идейности“ в нашем деле. Для лучшего уяснения сущности дела, полагаю нелишним подойти к исследованию того же вопроса с другого конца, с другого полюса, с точки безъидейности (беспринципности).

Для этого разберу в частности значение одной из общих идей, господствующей над таким сложным делом, как стратегическая операция в полной ее совокупности, короче—над всею стратегией.

Таковою является основная идея операции (выражаясь технически—операционная линия, понимаемая в самом широком смысле), обнимающая цель и ее направление (план операции).

Обнимая общую идею операции, она обнимает и все вытекающие из нее частные идеи. Она обнимает и направление, в котором должна развиваться операция. Обнимая цель и направление, она уже включает в себе и объем средств и меру энергии, необходимые на ее осуществление. Обнимая таким образом голову операции, операционная линия обнимает и хвост ее, так как по мере перелива в жизнь основной идеи, заключающейся в операционной линии, по мере удаления армии от базы, операционная линия обращается в тылу в питательную артерию, в коммуникационную линию для армии и в путь спасения ее (путь отступления) на случай неудачи.

Обнимая голову и хвост явления (операции), операционная линия становится общим центром его развития; она проникает все частности (марши и бои), на которые расчленяется столь сложное явление, как стратегическая операция, дает

им смысл, содержание и направление и связывает их окончательно в одно внутренно-объединенное, упорядоченное (планосообразное) целое; короче, вопрос об операционной линии есть главный центральный вопрос стратегии. Он все объединяет, всюду проникает, все и вся определяет. Это — корневой стержень, который растит и питает все остальное.

Мало того, раз установленная идея переходит в окончательное решение, она с этой минуты перестает быть уже идеей и обращается в начало действий, в двигательную силу, направляющую развитие всей операции в целом и в частности.

Общая идея операции представляет собою не только план ее, но и самую операцию (само собой разумеется, при соответствующем исполнении ее, логически-последовательном переливе ее в жизнь), являющуюся только ее внешним выражением. Короче--общая идея операции—ее естественный синтез.

Основная идея операции слагается непременно из двух основных данных элементов: 1) цели ее и 2) направления в ее развитии.

Из них во всех операциях 1-я (неприятельская армия) является данной неизменною, 2-я же в высшей степени переменною. Относительное значение этих двух данных, отношение между ними,—то же, что и в математике, в которой судьба уравнений определяется не постоянными величинами, а зависит от переменных.

Точно также и в стратегии внутреннее значение операции, творчество в ней, выражается не только в постановке цели: „отыскать неприятельскую армию и разбить ее“ (это—общая цель, которая ставится всегда, всеми, во всех операциях), сколько в выборе направления, способе ее достижения, в выборе пути к ней. Здесь—„гвоздь“ в решении вопроса, его центр тяжести.

Одна установка цели операции не выражает еще ее плана, ее общей идеи, а скорее ведет к беспланности, к безъидейности. Только включение сюда и решения вопроса относительно выбора направления в развитии операции дает ее полную, основную идею, т.-е. ее план.

Что именно в этом решении (относительно выбора направления) заключается центр тяжести разбираемого вопроса, в этом не трудно убедиться, если припомнить, что величие Клузиумской операции Аннибала состояло именно в направлении, избранном им через Клузиумское болото (217 г. до Р. Х.). Точно также и в Сен-Гондской операции Наполеона (1814 г.), в которой именно выбор операционного направления привел к столь блестящему результату (что ни день, то победа: Шампобер, Монмираль, Вошан, Этож).

Каков был бы результат Дрезденской победы (1813 г.) Наполеона, если бы им из Штольпена взято было направление не к Дрездену, на фронт союзников, а на Кенигштейн, им в тыл. Результат выразился бы не только в отбитии предполагавшегося удара союзников на Дрезден, а в захвате их главной армии, и по всей вероятности,—и в окончании кампании. То же было бы и под Бауценом (1813 г.), если бы Ней только продолжал наступление в направлении, указанном Наполеоном на Гохкирхен (между Бельгерном и Вуршеном), от которого он самовольно уклонился, увлекаясь преследованием второстепенной цели в ущерб главной.

В чем, как не в ошибочном выборе направления на безопасные сообщения Наполеона в 1812 г., состояла главная ошибка в плане Пфуля.

В чем, как не в ошибочном выборе направления в действиях Карла XII против короля Августа, заключалась главная причина бесплодности успехов первого, и в чем, как не в выборе только правильного направления (на Саксонию) была главная причина окончательного успеха Карла XII, т.-е. заключения Альтранштадтского мира, хотя в обоих случаях цель—бить неприятеля—одна и та же. Судьба операции, мало того, всей войны, определилась даже без решительного акта, боя, так сказать—не прибегая к ее решению, а путем только одной правильно веденной подготовки (правильного выбора операционного направления).

Фактов в том же роде можно перечислить массу: ими переполнена военная история; но и приведенных, смею надеяться, пока достаточно в подтверждение вышесказанного, что сущность плана, главным образом, заключается в правильном решении вопроса о выборе направления, что вместе с правильной постановкой цели и приводит к плану. Одна же постановка цели без решения вопроса о выборе направления, повторяю снова, ведет только к бесплановости, к безъидейности в операции.

На это могут заметить, и нередко замечают, что такого рода общая идея операции является в виде идеи предвзятой, но, во-первых, без установки этой идеи à priori, прежде всего, и обойтись нельзя, так как вся подготовка операции, все частные подготовительные операции (сосредоточение запасов, войск...), исполняемые до начала главных операций, должны же быть ведены в каком-либо направлении, в соответствии с предполагаемым главным, и, во-вторых, как мною уже выяснено, „бывают разного рода предвзятые идеи: и почтенные и жалкие“. Они будут жалкими, если смотреть на них, как на окончательное решение вопроса, и будут весьма почтенными, если смотреть на них, как на условное его решение (гипотезу), кото-

рое подлежит беспрерывному сопоставлению с возможно тщательно изучаемой обстановкой и беспрерывному же видоизменению, согласно ее требованиям, т.-е. если смотреть на них, не как на твердое решение вопроса, а только как на отправную точку к его решению. Такая, хотя и предвзятая, идея, в смысле идеи à priori, в постепенном ее развитии строго приноравливаемая к малейшим изменениям в обстановке, если и может быть названа предвзятою, то только в лучшем значении этого слова. Другое дело предвзятая идея, не проверяемая обстановкой, но приноравливаемая к ней, совершенно пренебрегающая ею, т.-е. вполне предвзятая идея, проводимая в жизнь от начала до конца, как она установлена была сперва, наперекор обстановке; да, это—предвзятая идея в худшем смысле, вполне ересь.

По этому поводу позволю себе еще раз повторить замечательные слова Клод Бернара, „...образ действий человеческого ума никогда, в сущности, не меняется. Метафизик, схоластик и экспериментатор действуют по идее à priori (это—их общая черта, но между ними и громадная разница). Различие состоит в том, что схоластик (и метафизик) считают свою идею абсолютной истиною...; экспериментатор ставит свою идею, как вопрос, из которого логически выводит следствия, сличая их в каждую минуту с действительностью посредством опытов“.

В этом смысле предвзятая идея, т.-е. идея à priori, гипотеза, это — как бы разъезд авангарда, вступающий в неведомую страну и прокладывающий путь следующим позади него главным силам, т.-е. закону, в который, по тщательной очистке беспрерывною поверкой, наконец, и обращается всякая гипотеза (кроме совершенно мечтательных).

Точно также и исполнение идеи операции, в которой выражается высшее творчество полководца, в начале операции и до ее начала, всегда является в виде идеи à priori, в виде гипотезы, беспрерывно контролируемой и исправляемой по мере все большего и большего выяснения обстановки. Она в известном смысле всегда будет предвзятою идеей, но, повторяю, только в смысле отправной точки в развитии операции, а никак не заблаговременно твердого ее решения, наперекор требованиям обстановки; только такая идея и может быть названа предвзятою в худшем значении слова.

К предвзятым идеям в лучшем значении слова, т.-е. к гипотезам, самым тщательным образом проверяемым беспрерывным анализом (в данном случае—изучением обстановки), и следует отнести устанавливаемую еще до начала операции ее общую идею, заключающую в себе решение двух основных вопросов: 1) относи-

тельно цели и непременно 2) относительно направления.

В этом смысле основная идея операции намечается иногда еще задолго до начала последней, но только не как окончательное решение, а лишь как предмет желания и изучения, и окончательно закрепляется лишь в виду неприятеля, и то только в виде постановки лишь ближайшей цели, не выходящей за пределы первого столкновения с противником.

Таким представляется генезис основной идеи операции, ее зарождение в виде предмета изучения и желания, ее дальнейшего видоизменения по мере все более и более выясняющейся обстановки и окончательного закрепления уже в виду неприятеля, в непосредственном с ним соприкосновении [1].

Перенесем теперь наше исследование существеннейшего вопроса стратегии (проникающего ее во всех направлениях) из области всегда, по крайней мере, для многих (если не для большинства), более или менее отвлеченной (туманной) теории в область светлой жизни, в область военной истории, в сферу деятельности величайшего из мастеров в стратегии, Наполеона I, и проследим различные фазисы в выработке им основной идеи Ульмской операции от начала, когда она является только в виде желательного решения вопроса, до окончательного ее закрепления, в виде возможного решения ее.

Еще в Булонском лагере Наполеоном устанавливается общая идея операции, пока только в смысле сосредоточения 200 т. на Рейне и Майне и поражения армии союзников по частям. Соответственно этому выбрана база, решен вопрос о стратегическом развертывании армии по Рейну и Майну, и ближайшей целью поставлены пока только действия против армии Макка и поражение ее отдельно до прибытия Кутузова; каким же путем эта цель должна быть достигнута, т.-е. вопрос о направлении, в котором следует вести операцию, пока до выяснения обстановки остается открытым, но далеко не вполне. Уже предположенное Наполеоном стратегическое развертывание армии по Рейну (140 т.) и Майну

---

[1]) Наполеону в Ульмской операции понадобилось на это более месяца (с 26 августа по 28 сентября), в Аустерлицкой 3—4 дня (с 16 ноября до полудня 19-го).

Основная идея плана для предположенной Фридрихом Великим оборонительной кампании установлена была еще в 1746 и 47 г.г., как гипотеза; первая ее форма выражения относится к 16—20 марта 1756 г., а видоизменения ее, соответственно выяснившейся обстановке, — к зиме 1756 и 57 г.г., окончательное же закрепление — к 14 апреля 1757 г. (процесс ее выработки обнимает более 10 лет).

(60 т.) намекало на *желаемый*, по крайней мере, Наполеоном, обход правого фланга армии Макка. Еще большим подтверждением этого предположения служит целый ряд инструкций, данных Наполеоном Мюрату (25 августа, еще за неделю до выступления из Булонского лагеря), Бертрану (тоже от 25 августа) и Савари (в особенности) (от 28 августа), посланным Наполеоном в З. Германию для производства рекогносцировок. В этих инструкциях рекомендуется обратить особенное внимание на линию р. Майна, крепость Вюрцбург, на связь ее с Майнцем и Дунаем и *в особенности* на доступы от нее к Ульму, Ингольштадту и Регенсбургу, т.-е. на пути, которые должны были получить особенное значение для обхода правого фланга Макка. В инструкции Бертрану особенно рекомендуется произвести самую тщательную рекогносцировку Ульма. Из всего этого, а равно из переписки Наполеона и из его первых распоряжений уже видно, что, взвешивая разные альтернативы из различных способов действий против армии Макка, Наполеон уже в Булони, в период с 25 по 28 августа, всего более останавливается *на действиях, на сообщения Макка, на обходе его правого фланга, на захвате его операционной линии*, выжидая, для окончательного закрепления этого *направления*, благоприятной к тому обстановки, чтоб его *нетерпеливый* [1]) противник сыграл ему в руку (что и было исполнено им его преждевременным наступлением к р.р. Леху и Иллеру, в 20-х числах сентября, т.-е. почти месяц спустя).

К концу сентября, ко времени окончания стратегического развертывания армии (25—30 сентября), обстановка настолько уже выяснилась, что Наполеон мог окончательно закрепить вопрос о выборе *направления*, т.-е. не только идею *маневра—обхода*, но даже и размер его.

Макк, начав 4—8 сентября наступление из Вельса, на р. Трауне, 11 достиг линии р. Изара у Ландсгута и Мюнхена, к 22 занял линию р. Иллер, подставив под удары Наполеона свою почти неприкрытую операционную линию.

В течение этого времени французы, по окончании стратегического развертывания и переправы через Рейн (25 и 26 сен-

---

[1]) С Макком Наполеон познакомился в Париже, где он проживал в качестве пленного (он был взят в плен генералом Шампионе в 1799 г.). Насколько Наполеон правильно судил о Макке, видно из следующего его отзыва о нем:

„Макк—это самый посредственный человек из числа встреченных мною. Преисполненный самомнения и самолюбия, он считает себя на все способным. Теперь он без всякого значения; но желательно было бы, чтобы его послали против одного из наших хороших генералов; тогда пришлось бы насмотреться на интересные вещи. Макк высокомерен, вот и все; это один из самых неспособных людей, да вдобавок он еще несчастлив“. (*Bourienne*—„Mémoires“. III. 275).

тября), продолжали наступление от Рейна и Майна на линию Вейссенбург, Нердлинген, Аален и Ульм, согласно приказу Наполеона еще от 17 сентября, имевшего в виду перемещение развернутой на Рейне и Майне армии вперед, с обходом пока только с севера южной, мало доступной части Шварцвальдских гор.

18 сентября Наполеон получил известие о переходе австрийцев через Лех и 20 о приближении их к Ульму. Все это, не изменив в корне основной идеи (обход), вызвало только слегка некоторое перенесение сферы движения корпусов Рейнской группы на восток и некоторое стеснение самой сферы движения войск путем большего их сосредоточения, вследствие большей близости неприятеля, чем то первоначально предполагалось.

Но и это изменение не было окончательным. Как видно из собственноручно составленного 22 сентября Наполеоном маршрута-таблицы, сохраняя в основе марша ту же общую идею давления на правый фланг Макка, Наполеон придал ей уже окончательную форму обхода правого фланга неприятельской армии и перенес сферу его еще более на восток, вплоть до Регенсбурга, рассчитывая перейти Дунай в участке Донауверт—Ингольштадт—Регенсбург. Это распространение обходного движения влево вызывалось предположением Наполеона, что Макк, узнав о нем, поспешит отступлением, чтобы сблизится с Кутузовым, как то он и должен был сделать.

Когда же оказалось, что Макк не трогался с места, когда стало ясно, что не требуется столь широкого обходного движения (к Регенсбургу), глубоко захватывающего операционную линию Макка (что вызвало бы только напрасную трату времени и затруднило бы скрытие обхода, т.-е. повредило бы его внезапности), то Наполеон сократил намеченное им 22 сентября обходное движение до линии Вюрцбург—Ингольштадт и, соответственно этому, 28 сентября, окончательно установил пути следования различных корпусов к Дунаю. До этого времени гипотеза, предвзятая идея, беспрерывно контролируемая с точки зрения обстановки, представляется в постоянном брожении, колебании, а с 28 сентября она окончательно закрепляется. С этой минуты идея уже обращается в силу, управляющую событием, тяготеющую над его развитием до конца.

Вот когда последовало окончательное решение относительно формы выражения, намеченной в смысле отправной точки еще 25 августа в Булони, общей идеи Ульмской операции. Интересно отметить главные фазисы в ее развитии, начиная с минуты зарождения с 25 августа до минуты закрепления 28 сентября:

Первоначально (1-й фазис ее развития) она выражается в форме сосредоточения армии к Рейну и Майну; затем

(2-й фазис), с 17 сентября—в форме перенесения стратегического развертывания армии с Рейна и Майна к Дунаю, с обходом южной, менее доступной части Шварцвальдских гор; далее, 20-го сентября (3-й фазис),—в форме большего стеснения сферы наступления войск, большего их сосредоточения; еще далее, 22-го сентября (4-й фазис), —в форме широкого обхода, распространенного на восток до Регенсбурга, и наконец, 28 сентября (5-й фазис, момент окончательного закрепления формы развития основной идеи),—в форме сокращения обхода до Ингольштадта.

Таким представляется в жизни (в военной истории) в руках величайшего стратега генезис постепенной выработки окончательной формы выполнения основной идеи Ульмской операции.

Все эти изменения в форме развития основной идеи операции, само собой разумеется, делались в зависимости от обстановки, от сведений о положении неприятельской армии.

Таким образом, первоначально неизбежная, в известном смысле предвзятая идея—гипотеза, постепенно приурочиваясь к обстановке, исправлялась и очищалась, пока по окончании изучения обстановки не закрепилась вблизи неприятеля в форму окончательного целесообразного решения.

Одного приведенного факта из жизни, факта, управляемого великим мастером дела, достаточно, чтобы вполне уяснить сущность (теорию) плана операции и рассеять всякие недоразумения по этому предмету в роде того, что план может быть заблаговременно до мельчайших подробностей составлен на целую кампанию, как то иногда предполагают некоторые наивные люди, или как полагают иные критики, что включение в него решения вопроса о выборе направления, сверх установки цели, представляют собою якобы предвзятую идею (в худшем значении), которой не место в плане, или даже, как утверждают еще другие далее, что никакой заранее составленный план невозможен, ссылаясь при этом на превратно понимаемый смысл слов Наполеона: „je n'ai jamais eu de plan de campagne", либо на Суворова: „я, как Цезарь, никогда не делал заранее планов частных; гляжу на предмет в целом, вихрь случая всегда переменяет наши заранее обдуманные планы". Приведенные слова обоих великих полководцев именно и относятся к планам, в смысле предвзятых идей, заранее готовых решений, а никак не к планам, построенным на той или другой гипотезе, в смысле только отправной точки.

Из вышеизложенного видно, что у Наполеона (всегда) был план, как отправная точка, но никогда не было его, как заранее готового решения.

Итак, на основании разбора только одного факта, но факта настолько идеально безупречного, что в нем сквозит самая чистая теория вопроса о составлении плана операции, мы вправе придти к следующим заключительным выводам:

1) основу операции составляет общая ее идея;

2) общая идея слагается из двух данных: а) цели—данной неизменной (в смысле неприятельской армии), и б) направления—данной в высшей степени переменной (по форме); в правильном решении этого вопроса и заключается высшее творчество в стратегии;

3) только цель и направление дают общую идею операции; опущение же решения, в то же время и вопроса о направлении, самой важной данной в плане, приводит к беспланности (безъидейности) и

4) решение вопроса о выборе направления представляется в начале, пожалуй, в виде предвзятой идеи (гипотезы), т.-е. идеи à priori, беспрерывно приспособляемой к обстановке, по мере выяснения последней, и окончательно закрепляемой, т.-е. вполне утрачивающей характер всякой предвзятости, раз—как в виду неприятеля обстановка окончательно выясняется.

Глава II.

Проверим только что полученные теоретические выводы из одной операции наполеоновской эпохи на разборе того же вопроса, как он был решен Мольтке в войну 1870 г. в его мемуаре 1868 г.

„Представленный королю начальником генерального штаба план кампании принимал в соображение прежде всего овладение неприятельской столицей, имеющею несравненно более важное значение во Франции, чем в других странах. На пути к ней имелось в виду отрезать неприятельские силы от богатого средствами юга и оттеснить их на север, при чем главным руководящим условием ставилось отыскать неприятельскую армию и атаковать ее, где бы она ни встретилась, и держать силы настолько сосредоточенными, чтобы это могло быть исполнено с превосходными сравнительно с противником силами“.

Достаточно и этой выписки для ознакомления с сущностью плана Мольтке в 1870 г.

Сравнивая его с вышеприведенным планом Наполеона (Ульмская операция), нетрудно убедиться в тождественности их по внутреннему содержанию. Как в том, так и в другом ставится только цель (неприятельская армия у Наполеона, неприятельская армия и столица у Мольтке) и направление. Последнее, как то и должно быть, у обоих вначале лишь намечается, как предмет желания и изучения, но отнюдь не закрепляется, что обоими отнесено уже, как то и должно быть, к периоду развития самой операции.

Обход этот завершен у Меца и Седана; здесь окончательно была закреплена форма, в которую вылилась только намеченная вначале идея; но ни обход у Меца, ни обход у Седана не предвиделись заранее, а вытекли впоследствии из развития самой операции.

Если между обоими планами и есть разница, то она касается исключительно внешней стороны, так сказать—редакционной. Мольтке дает свой план в целом, в законченной редакции, чего Наполеон не делает, так что восстанавливать основную идею Ульмской операции приходится, как то выше и сделано мною, по отрывочным инструкциям в его „Correspondence“.

Несмотря на то, что план Мольтке ни на волос не уступает по внутреннему содержанию плану Наполеона в Ульмской операции, он иногда сильно порицается и, главным образом, за то, что в нем, кроме цели (неприятельской армии), упоминается и о направлении, в котором предполагалось вести операцию, что („отбросить противника в северном направлении“ считается за неуместную прибавку) из вышеизложенного разбора и приведенных фактов видно, какое значение вопрос о направлении, имеет эта soit disant

прибавка(?), являющаяся „предвзятой идеей". Да, она была бы предвзятой идеей [1]) в худшем значении этого слова, если бы в самом начале операции была не только намечена Мольтке (как то действительно было), но и закреплена (чего отнюдь не было); короче, она может считаться настолько же предвзятой идеей, как и основная идея Ульмской операции Наполеона.

Далее, ей как бы в укор ставится, что она с поразительной силой тяготела над немецким полководцем. Да как же иначе? На то она и общая идея, чтоб и в целом и в частном господствовать над всем делом, над всею операцией. Она должна быть главной, руководящей нитью, направляющей всю операцию, проникающей все ее частности и связывающей последние в одно внутренно-объединенное целое. Она, как главный регулятор столь важной, в особенности ныне, инициативы частных начальников, ни на минуту не должна упускаться ими из виду. Она, как буссоль, служит для ориентирования частных начальников среди неизбежной массы случайностей, возникающих в период развития операции; короче, она заменяет для частных начальников, в решительные минуты, неизбежно, в большинстве случаев, ныне отсутствующего главнокомадующего. Какая же это после того тяготеющая над всею операцией приставка.

Таковою всенаправляющею силой была общая идея Ульмской операции, в которой, при всей сложности в ее развитии, все частные бои: Мюнстерский, Вертингенский, Гинцбурский, Альбекский, Эльхингенский и атаки Михельсбергских высот, находятся между собой в самой тесной внутренней связи, выражая логически-последовательно развитие общей идеи операции. Ею они связываются в одно стройное гармоническое целое: из нее все они исходят, и к ней все они возвращаются.

То же мы видим и по отношению к общей идее, к плану Мольтке в 1870 г. Главные усилия в целом и в частном направляются против правого фланга неприятеля: очистка Эльзаса от французских войск, буде таковые там находятся, возложенная с начала кампании на III армию; главная атака правого фланга в Вёртском сражении, хотя и случайном; обширное захождение направо всех армий после Вёрта и Шпихерна; направление II армии в обход правого фланга Базена до Гравелоттского сражения; обширное захождение направо III армии, приведшее к Седанскому разгрому.

Таково и должно быть назначение общей идеи, плана. В его направлении следует вести всю операцию, и ею должна быть проникнута каждая частность в ее развитии.

---

[1]) Это—мнение Пузыревского, который резко критиковал Мольтке за кабинетную предвзятость „отбрасывать к северу". (*Прим. редакц.*).

Итак, по требованию критика, план исключает решение вопроса о направлении, являющемся лишь тяжеловесною „прибавкой“, затрудняющею только исполнение операции, и тяготеющею тяжелым бременем над исполнителями, а должен заключать в себе лишь только одну постановку цели.

По нашему мнению, это не план, а бесплановость; это— не общая идея операции, а идея без содержания, по крайней мере, без полного содержания (опущено главное), безъидейность, которую может проповедывать только одна беспринципность в военном деле. „Отыскать неприятеля и разбить его“ — разве это план. Это — банальное общее место (трюизм), пригодное для всякой операции, а отнюдь не план. Раз—как оно пригодно для всякой операции, то в частности не пригодно ни для одной, так как не включает сущности операции, ее направления, по которому должна быть достигнута поставленная цель. Как же можно сущность плана называть прибавкою, да еще в добавок, вредною приставкой к нему. Каждый медик ставит себе цель: вылечить больного; но этой цели достигает только тот, кто выбирает правильное направление, правильный путь к ней. Талант—великая сила, но сам по себе еще не все значит. Важно, в каком направлении он идет. Талант, идущий в ложном направлении, представляет большую опасность для общественного дела, и в этом случае чем человек талантливее, тем он опаснее.

Таково значение вопроса о направлении везде и повсюду. Таково значение его и в стратегии. Вся гениальная творческая работа генерала Бонапарте в его походе 1800 г. выразилась именно в решении вопроса о выборе направления сперва для перехода через Альпы (С. Бернар). Далее, после перехода через Альпы, по достижении Иврей, что заботит, главным образом, генерала Бонапарте? Выбор операционного направления. Ему предстоял выбор из трех: 1) на Турин и Геную, 2) на Кивассо и Геную, 3) на Малан. Бонапарте выбирает последнее, как наиболее богатое по последствиям и наиболее безопасное, хотя и наиболее длинное. И этим настолько гениально решается вопрос с стратегической стороны, т.-е. с точки подготовки решения судьбы операции, что им ставится исход последней вне зависимости от решающего судьбу операции, всегда более или менее капризного, боя (сражения). Даже проигрыш не одного, а нескольких сражений не повлиял бы на судьбу операции, и вся С. Италия была бы завоевана только одними маршами (по его собственному выражению), одною стратегическою подготовкой. И это, благодаря необыкновенно искусному решению им вопроса именно о выборе операционного направления.

или вернее—операционной линии, понимая под последнею цель и направление.

Таково значение вопроса о выборе направления, этой равнодействующей, направляющей все развитие операции, а ее считают лишь за прибавку, только затрудняющую ведение операции.

Перед такою стратегией невольно становишься в тупик, в особенности если принять в соображение, что вопрос о выборе операционной линии есть кардинальный вопрос, всепроникающий и всеобнимающий, короче—обнимающий всю стратегию.

После всего сказанного ясно, что видеть план операции только в одной рекомендации „отыскать неприятеля и разбить его" и считать решение вопроса о выборе направления лишь за вредную прибавку равносильно рекомендации ведения войны без плана, ощупью (á l'aventure) и внесению полной халатности в такое серьезное дело, как стратегия.

Опасно проведение в жизнь подобного рода ложных взглядов, в особенности опасно, когда они облечены в блестящую, талантливую форму изложения и обосновываются при помощи разного рода хитросплетений в языке, благодаря которым в глазах мало рассуждающей массы нередко самые поверхностные суждения, под покровом изящной внешности, приобретают значение истины. Хитросплетения в языке—это не более, как внешнее выражение неурядицы в мыслях.

Да, „со словом надо обращаться честно"

(Гоголь).

Цена 2 р. 25 к.

